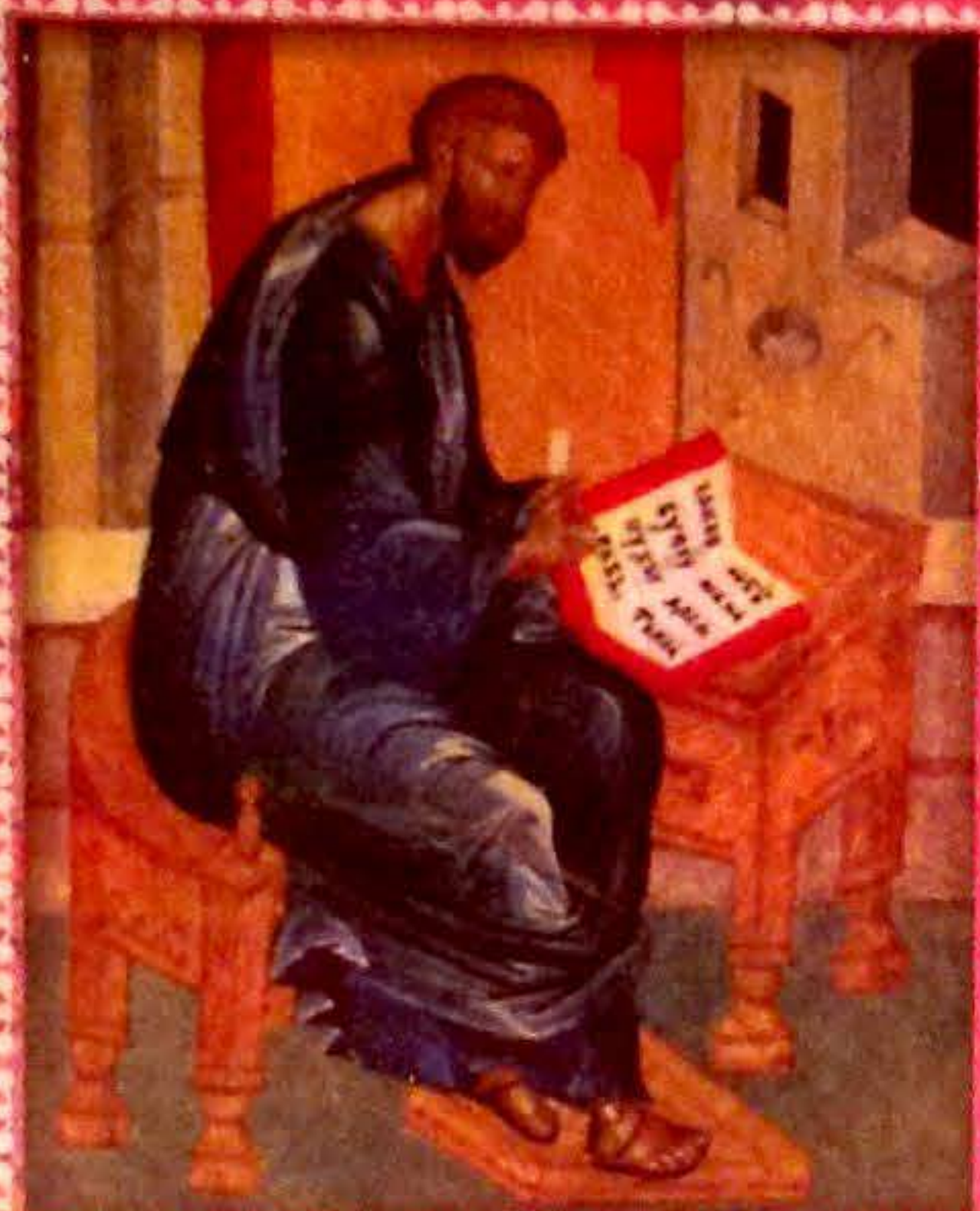

А. И. Горшков

Русская словесность

Сборник задач
и упражнений

10-11

ПРОСВЕЩЕНИЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

А. И. Горшков

Русская словесность

10–11

классы

Сборник задач и упражнений к учебнику
«Русская словесность»

Учебное пособие
для общеобразовательных учреждений

*Рекомендовано Министерством образования и науки
Российской Федерации*

4-е издание, доработанное

Москва
«Просвещение»
2006

За создание научно-методического
и учебного комплекта «Русская словесность»
для общеобразовательных учреждений
А. И. Горшкову в 1999 году присуждена премия
Правительства Российской Федерации
в области образования за 1998 год

Рецензенты:

учитель русского языка и литературы школы № 645 Москвы
Ю. Е. Климина;

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка и стилистики, проректор по научной работе Литературного института им. А. М. Горького, член Союза писателей России
Л. И. Скворцов

Горшков А. И.

Г70 Русская словесность : 10—11 кл. : сб. задач и упражнений к учеб. «Русская словесность» : учеб. пособие для общеобразоват. учреждений / А. И. Горшков. — 4-е изд., дораб. — М. : Просвещение, 2006. — 365 с. : ил. — ISBN 5-09-014191-6.

Сборник задач и упражнений по русской словесности, адресованный учащимся 10—11 классов общеобразовательных учреждений, является неотъемлемой частью учебно-методического комплекта, разработанного А. И. Горшковым.

Сборник включает разнообразные оригинальные задания, которые помогут усвоить на практике теоретический материал учебника. Последняя часть сборника содержит специально отобранные тексты для проведения лингвостилистического анализа. Методический аппарат сборника, оригинальные упражнения и иллюстрации помогут учащимся овладеть навыками литературной письменной и устной речи.

Пособие как часть УМК имеет гриф Министерства образования и науки Российской Федерации.

УДК 373.167.1:811.161.1
ББК 81.2Рус-922

ISBN 5-09-014191-6

© Издательство «Просвещение», 2006
© Художественное оформление.
Издательство «Просвещение», 2006
Все права защищены

Сборник задач и упражнений является составной частью единого учебного комплекса по теории русской словесности для 10—11 классов, в который также входит учебник «Русская словесность. От слова к словесности».

Для удобства пользования сборником в нем выделены части и разделы, соответствующие частям и главам учебника (опущен только раздел «Роды и виды произведений словесности», который, естественно, должен рассматриваться на материале всех произведений, изучаемых в школе). Поскольку 4-е издание учебника дополнено главой «Структура текста и его лингвостилистический анализ», настоящее издание сборника также дополнено разделом «Тексты для лингвостилистического анализа».

В сборнике использованы примеры из произведений около 150 авторов. В большинстве своем это писатели, поэты, деятели науки, изучаемые в школе. Так как теория словесности — не история словесности, выбор авторов и произведений в сборнике (как и в учебнике) ориентирован не на охват всего процесса исторического развития русской словесности, а на ясное, недвусмысленное и эстетически выразительное применение в отобранных текстах и отрывках из них рассматриваемых явлений. Это относится и к выбору произведений в разделе «Тексты для лингвостилистического анализа». Естественно, что здесь помещены только целые, законченные произведения. А это обусловило обращение к малым формам прозы и поэзии. Но и в пределах этих форм главной целью было представить разнообразие тематики, композиции, жанров, стилей, употребляемых приемов и т. п.

При этом использован преимущественно современный материал — произведения русской словесности второй половины и главным образом последних десятилетий XX века.

Задачи и упражнения, помещенные в пособие, должны помочь овладеть навыками литературной письменной и устной речи, лингвистического анализа текста, умением осмысленно читать произведения искусства слова, глубоко вникая в их смысл. Среди заданий есть такие, которые потребуют серьезной самостоятельной работы и даже исследования материала. Некоторые задания помогут попробовать собственные силы в творчестве.

В учебном пособии приведены иллюстрации. Рассматривая их, сравнивая произведения словесного искусства с произведениями изобразительного искусства, увидите их сходство (и то и другое — искусство) и различие. И это поможет глубже понять законы искусства слова.

Некоторые задания и упражнения имеют дополнительные условные значки. Обратите на них особое внимание.

— Сочиняем!

— Исследуем!

— Обратимся к произведению изобразительного искусства!

— Для тех, кто пишет стихи!

1. Сопоставьте описания Пугачева в «Капитанской дочке» и в «Истории Пугачева» А. Пушкина. В чем сходство и различие этих описаний? Как вы думаете, чем вызваны различия в описаниях?

Капитанская дочка

Наружность его показалась мне замечательна: он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волоса были обстрижены в кружок; на нем был оборванный армяк и татарские шаровары.

История Пугачева

Незнакомец был росту среднего, широкоплеч и худощав. Черная борода его начинала седеть. Он был в верблюжьем армяке и вооружен винтовкою.

2. Сопоставьте черновые варианты и окончательный текст описания лунной ночи из повести И. Тургенева «Ася». Какого типа слова И. Тургенев исключает из описания и какие вводит? Как изменяется характер описания в результате работы над текстом?

Черновые варианты

а. Наконец луна встала и воцарилось ясное великолепие ночи, не уступающее светлому великолепию дня. Ветер упал совсем, и теплом обняло нас. Царственная торжественная ночь не уступает светлому великолепию дня.

6. Наконец луна поднялась и заиграла по Рейну; и вместе с нею воцарилась на земле и на небе — везде — ясная торжественная ночь. Ветер упал, повеяло ночным душистым теплом, тихо задвигалось все небо звездами.

в. Наконец луна поднялась и заиграла по Рейну и повсюду началось великолепие, не уступающее светлому празднику. Ветер упал, от земли повеяло теплом, небо тихо зашевелилось звездами.

Окончательный текст

Наконец луна встала и заиграла по Рейну; все осветилось, потемнело, изменилось, даже вино в наших граненых стаканах заблестело таинственным блеском. Ветер упал, точно крылья сложил, и замер; ночным, душистым теплом повеяло от земли.

3. Внимательно прочитайте три стихотворения Ф. Тютчева о грозе. Какие явления природы, связанные с грозой, называет Ф. Тютчев? Все ли они присутствуют в каждом из стихотворений? Одинаково ли их словесное обозначение? В чем сходство и в чем различие стихотворений?

Весенняя гроза

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом.

Гремят раскаты молодые,
Вот дождик брызнул, пыль летит,
Повисли перлы дождевые,
И солнце нити золотит.

С горы бежит поток проворный,
В лесу не молкнет птичий гам,
И гам лесной и шум нагорный —
Все вторит весело громам.

Ты скажешь: ветреная Геба,
Кормя Зевесова орла,
Громокипящий кубок с неба,
Смеясь, на землю пролила.

* * *

Неохотно и несмело
Солнце смотрит на поля.
Чу, за тучей прогремело,
Принахмурилась земля.

Ветра теплого порывы,
Дальний гром и дождь порой...
Зеленеющие нивы
Зеленее под грозой.

Вот пробилась из-за тучи
Синей молнии струя —
Пламень белый и летучий
Окаймил ее края.

Чаще капли дождевые,
Вихрем пыль летит с полей,
И раскаты громовые
Все сердитей и смелей.

Солнце раз еще взглянуло
Исподлобья на поля,
И в сиянье потонула
Вся смятенная земля.

* * *

Как весел грохот летних бурь,
Когда, взметая прах летучий,
Гроза, нахлынувшая тучей,
Смутит небесную лазурь
И опрометчиво-безумно
Вдруг на дубраву набежит,
И вся дубрава задрожит
Широколиственно и шумно!..

Как под незримою пятой,
Лесные гнутся исполины;
Тревожно ропщут их вершины,
Как совещаюсь меж собой, —
И сквозь внезапную тревогу
Немолчно слышен птичий свист,
И кой-где первый желтый лист,
Крутясь, слетает на дорогу...

4. Сопоставьте описания летнего дня и наступающего вечера в рассказе И. Тургенева «Бежин луг», в повести В. Белова «Целуются зори...» и в романе В. Шукшина «Любавины». Одинаковое ли состояние природы описывается в приводимых отрывках? Какие явления привлекают внимание писателей? Одинакова ли широта охвата этих явлений? Обратите внимание на типы предложений, на использование образных средств, на способы словесного обозначения явлений (*солнце — могучее светило — солнечный слиток* и т. п.). Укажите случаи сходства и различия описываемых явлений и используемых для их обозначения словесных средств.

Бежин луг

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце — не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное — мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка за сверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, — и весело, и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются, теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего

солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно возшло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда.

Целуются зори...

Днями в полях млеют на солнце многоцветные травы. Повсюду нестихающий звон кующих кузнечиков, волнистое марево струится на горизонте, и белые, будто сдобные облака выплывают из-за края земли. Они плывут широко и ровно, никуда не торопятся, в бездонном небе весь день плавится солнечный слиток — космато и яро. Вечерами облака встают у зари на приколе или исчезают совсем. Громадное солнце, румяное и покруглевшее, едва успевает скатиться за лесное кольцо, а в небе, над речкой, уже мерцают две-три зеленые звезды.

Любавины

Покос — самая трудная и веселая пора летом. Жара. Солнце как станет в полдень, так не слезает оттуда, — до того шпарит, что кажется, земля должна сморщиться от такого огня. Ни ветерка, ни облачка... В раскаленном воздухе звенит гнус. День-деньской не умолкает сухая трескотня кузнечиков. Пахнет травами, смолой и земляникой. Разморенные жарой, люди двигаются медленно, вяло. Лошади беспрерывно мотают головами.

Зато, когда жара схлынет и на западе заиграет чистыми красками заря, на земле благодать. <...>

С лугов густо бьет медом покосных трав. Взгрустнули стога. В низинах сгущаются туманные сумерки, и по всей земле разливается задумчивая, хорошая тишина.

5. Внимательно прочитайте стихотворение А. Пушкина «Зимняя дорога» и рассмотрите зимнюю дорогу, изображенную В. Серовым. Какие детали (подробности) совпадают? Все ли, о чем идет речь в стихотворении, можно изобразить в картине? Передает ли Серов в изображении зимней дороги настроение, свойственное пушкинскому стихотворению?

Зимняя дорога

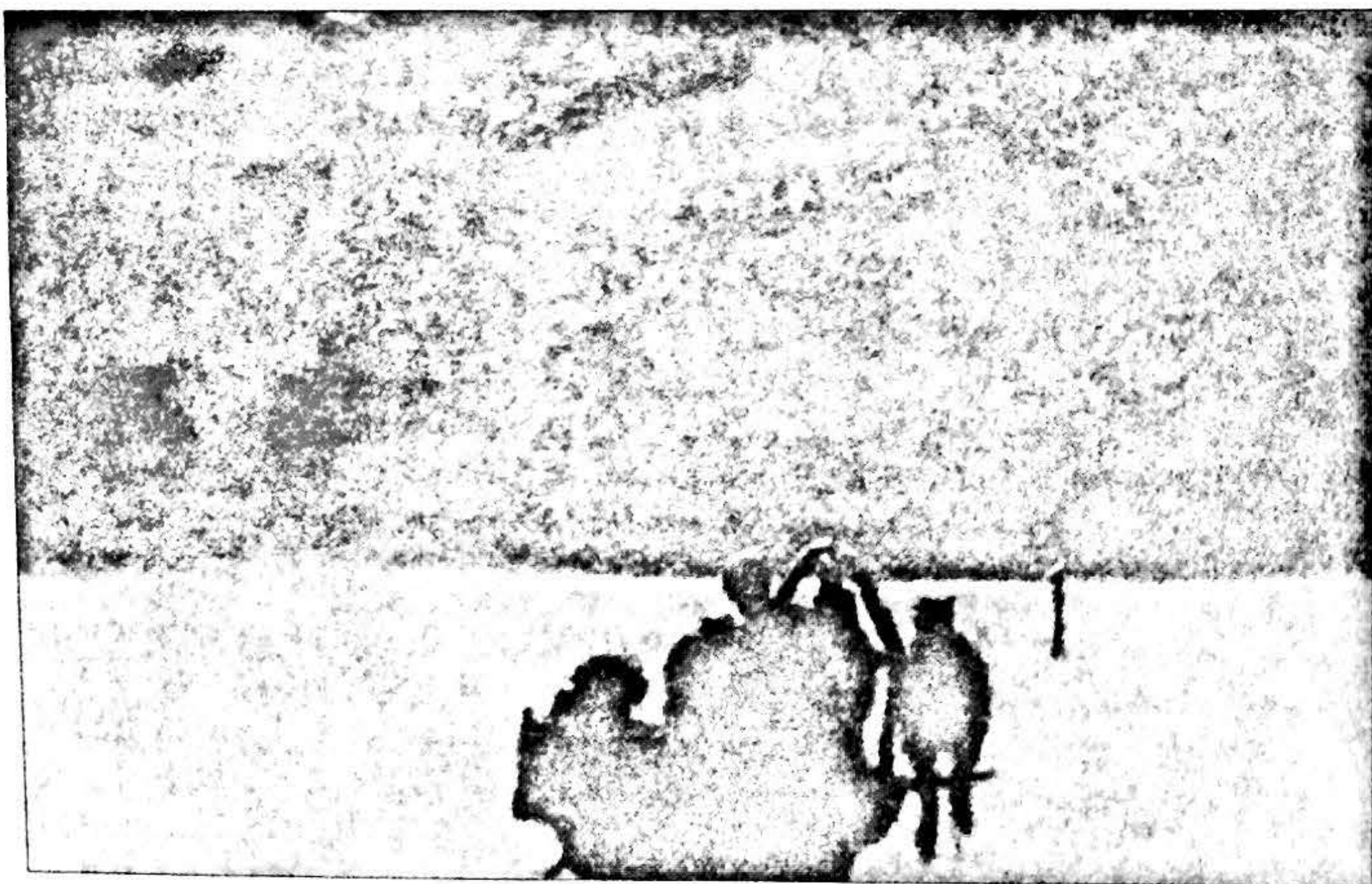
Сквозь волнистые туманы
Пробирается луна,
На печальные поляны
Льет печально свет она.

По дороге зимней, скучной
Тройка борзая бежит,
Колокольчик однозвучный
Утомительно гремит.

Что-то слышится родное
В долгих песнях ямщика:
То разгулье удалое,
То сердечная тоска...

Ни огня, ни черной хаты,
Глушь и снег... Навстречу мне
Только версты полосаты
Попадают одне...

Скучно, грустно... завтра, Нина,
Завтра, к милой воротясь,

Зимняя дорога. Художник В. А. Серов. 1898 г.

Я забудусь у камина,
Загляжусь не наглядясь.

Звучно стрелка часовая
Мерный круг свой совершит,
И, докучных удаляя,
Полночь нас не разлучит.

Грустно, Нина: путь мой скучен,
Дремля смолкнул мой ямщик,
Колокольчик однозвучен,
Отуманен лунный лик.

6. В Академическом четырехтомном словаре (Словарь русского языка: В 4 т.— 2-е изд., испр. и доп.— М., 1984.— Т. IV) указаны такие значения и оттенки значений слова **слово**:

1. Единица речи, представляющая собой звуковое выражение понятия о предмете или явлении объективного мира. *Значение слова. Порядок слов в предложении.*

2. только ед. ч. Речь, язык. *Культура слова.*

3. (ед. ч. в том же знач., что и мн. ч.) Высказывание, словесное выражение мысли, чувства и т. п. *Слово — серебро, молчание — золото.* || только ед. ч. Высказанное распоряжение, мнение, решение.— *Что ж, говори последнее слово: продашь лошадь-то али нет?* Григорович. || Неодобр. Какое-либо заявление, утверждение, обещание и т. д., не подкрепленное делом, действительностью.— *Я никого так не любила, как тебя.— Слова!* Вс. Иванов.

4. только ед. ч. Обязательство сделать, выполнить что-либо; обещание. *Сдержатъ свое слово. Связать себя словом.*

5. только ед. ч. Публичное выступление, речь, устное официальное заявление и т. п. *Заключительное слово. Лишить слова.*

6. только ед. ч. Устар. Литературное произведение в форме ораторской речи, проповеди или послания, а также повествование, рассказ вообще. *«Слово о полку Игореве».* *«Слово о пользе стекла»* М. В. Ломоносова.

7. мн. ч. (слова, слов). Литературный текст, на который написана музыка. *Романс Глинки на слова Жуковского.*

Придумайте примеры употребления слова *слово* в значениях и оттенках значений, указанных в словаре. Обратите внимание на то, что во втором оттенке третьего значения слова *слово* употребляется только во множественном числе (в словаре это не отмечено).

7. Внимательно изучите примеры употребления слова *слово* в сочинениях А. Пушкина. Определите значения и оттенки значений. Сопоставьте их с теми значениями и оттенками значений, которые указаны в Академическом четырехтомном словаре.

Мысль! великое слово! («Путешествие из Москвы в Петербург»)

Конечно: если бы *слово* не было общей принадлежностью всего человеческого рода, а только миллионной части оно́го,— то правительства необходимо должны были бы ограничить законами права мощного сословия людей говорящих. («Путешествие из Москвы в Петербург»)

Карамзин освободил язык от чуждого ига и возвратил ему свободу, обратив его к живым источникам народного слова. («Путешествие из Москвы в Петербург»)

В конце книги своей Радищев поместил *слово о Ломоносове*. («Путешествие из Москвы в Петербург»)

Молвь (речь) слово коренное русское. («Опровержение на критики»)

Запомни же ныне ты слово мое: Воителю слова — отрада. («Песнь о вещем Олеге»)

Не ты ль с отрадой и любовью Слова надежды мне шепнул? («Евгений Онегин»)

Ужель загадку разрешила? Ужели слово найдено? («Евгений Онегин»)

— Где же крепость? — спросил я с удивлением. — Да вот она, — отвечал ямщик, указывая на деревушку, и с этим словом мы в нее въехали. («Капитанская дочка»)

«Прикажи слово молвить», — сказал Хлопуша хриплым голосом. («Капитанская дочка»)

Василиса Егоровна сдержала свое обещание и никому не сказала ни одного слова. («Капитанская дочка»)

Чтобы утешить бедного Савельича, я дал ему слово впредь без его согласия не располагать ни одною копейкою. («Капитанская дочка»)

Биби́ков отвечал, что он посвятил себя на службу отечеству, и тут же привел слова простонародной песни, применив их к своему положению: Сарафан ли мой, дорогой сарафан! («История Пугачева»)

1 января 1774 года, после молебствия и слова, говоренного казанским архиереем Вениамином, Биби́ков собрал у себя дворянство. («История Пугачева»)

Степан в коротких словах описал все происшествие. («Дубровский»)

Поэма, говорят, готова, Плод новый умственных затей. Итак, решите; жду я слова: Назначьте сами цену ей. («Разговор книгопродавца с поэтом»)

Какие звуки! Сколько в них души! А чьи слова, Лаура? («Каменный гость»)

8. Внимательно изучите примеры употребления слова *слово* в приведенных текстах. Определите значения и оттенки значений. Какое значение слова *слово* чаще других встречается в этих примерах? Каковы оттенки этого значения? Все ли значения и оттенки значений, имеющиеся в примерах, указаны в Академическом четырехтомном словаре?

Все мысль да мысль! Художник бедный слова! О жрец ее! тебе забвенья нет. (Е. Баратынский)

Есть слова — объяснить не могу я, Отчего у них власть надо мной. (М. Лермонтов)

Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется. (Ф. Тютчев)

Вы подарили мне ваши «Ямбы». Подарите мне ваше живое слово. Приходите сегодня, в шесть часов, обедать с нами. (Ф. Тютчев. Из письма к Н. Ф. Щербине)

У любви есть слова, — те слова не умрут. (А. Фет)

Правилу следуй упорно: Чтобы словам было тесно, Мыслям — просторно. (Н. Некрасов)

Проснись же, смолкнувшее слово! Раздайся с уст моих опять. (К. Павлова)

Доброго дела и слова не пропадут семена. (И. Никитин)

Хотел бы в единое слово Я слить мою грусть и печаль. (Л. Мей)

Но это время названо страдо́ю. — Другого слова нет его назвать. (К. Случевский)

Я помню, что когда впервые появилось слово «хищение» и в газетах раздались по его поводу стенания, то меня озадачило стремление публицистов щегольнуть перед читателем новою новинкою. (М. Салтыков-Щедрин)

Мы нуждаемся в толковом словаре, нам нужны не столько областные слова, сколько слова *бытовые*, потому что мы не знаем самых вещей, называемых этими словами. (А. Островский)

Единственное средство умственного общения людей есть слово, и для того, чтобы общение это было возможно, нужно употреблять слова так, чтобы при каждом слове несомненно вызывались у всех соответствующие и точные понятия. (Л. Толстой)

Люди долго пользовались богатствами родного слова, прежде чем обратили внимание на сложность и глубину его организма и оценили его значение в своей духовной жизни. (К. Ушинский)

...Очень хороший рассказ. Одна есть в нем фраза, портящая общий тон, это — слова городского: «в соблазн вводишь казенного человека». (А. Чехов)

Слово не есть мертвое и внешнее зеркало; оно есть в то же время орудие живого, движущегося, совершенствующегося духа. (В. Короленко)

Детство мое прошло в семье матери. Здесь именно любили и понимали *слово*; в семье господствовали, в общем, старинные понятия о литературных ценностях и идеалах. (А. Блок)

Основным материалом литературы является слово, оформляющее все наши впечатления, чувства, мысли. Литература — это искусство пластического изображения посредством слова. (М. Горький)

Так или иначе, но ко всем нам <...>, да и вообще к миру, тем, кого любим и не любим, знаем и не знаем, в этот ненастный вечер по особым волнам и в особом сиянии близится некий Младенец-Свет, сам первое Слово, даже тогда Слово, когда не говорит, ибо само появление Его и жизнь есть уже Слово. (Б. Зайцев)

Народ идет путем истинного искусства: экономия материала; обращение со словом, как с вещью, а не как с понятием о вещи, — то есть образность, точность, динамика синтаксиса и т. д. (А. Н. Толстой)

Художественная литература — это искусство слова. <...> А для писателя никакие достижения немыслимы

без постоянной, я сказал бы, без пожизненной работы над словом. (К. Федин)

В слове *правда* мне виделась правда сама. (Арс. Тарковский)

Ах, милая! Когда б забыть другие,
Я б только эти повторял слова!
Привычные, по-детски дорогие...
Грибы. Деревья. Ягоды. Трава.
(В. Субботин)

Слово о словах

Когда серьезные причины
Для речи вызрели в груди,
Обычной жалобы зачина —
Мол, нету слов — не заводи.

Все есть слова — для каждой сути,
Все, что ведут на бой и труд,
Но, повторяемые все,
Теряют вес, как мухи мрут. <...>

И я, чей хлеб насущный — слово,
Основа всех моих основ,
Я за такой устав суровый,
Чтоб ограничить трату слов. <...>
(А. Твардовский)

9. Ниже приводятся некоторые устойчивые сочетания со словом *слово*. Придумайте примеры употребления этих словосочетаний.

Другими словами. Слово за слово. Без дальних (лишних) слов. В полном смысле слова. На два слова. Замолвить слово. Сказать пару теплых слов. Висеть (держаться) на честном слове. Ловить на слове. Не лезть за словом в карман. Не мочь (не уметь) связать двух слов. Не находить слов.

10. Какие устойчивые сочетания со словом *слово*, помимо приведенных в упр. 9, вы знаете? Придумайте примеры употребления этих словосочетаний.

11. Рассмотрите приведенные ниже примеры употребления слов *словесный*, *словесность*, *словесник*. Определите значения этих слов.

Если тебе вздумается помочь какому-нибудь несчастному, помогай из Онегинских денег. Но прошу, без всякого шума, ни словесного, ни письменного. (А. Пушкин)

В столицах шум, гремят витии, Кипит словесная война. (Н. Некрасов)

Подлинное словесное искусство всегда очень просто, картинно и почти физически ощутимо. (М. Горький)

Для того чтоб литературное произведение заслужило титул художественного — необходимо придать ему совершенную словесную форму. (М. Горький)

Словесная ткань, слова, сочетания слов должны быть расшифрованы читателем, должны снова превратиться в духовную энергию, иначе они навсегда останутся черными значками на белой бумаге, как некоторые навсегда закрытые письма давно умерших народов. (А. Н. Толстой)

Новизна в поэтическом произведении обязательна. Материал слов, словесных сочетаний, попадающихся поэту, должен быть переработан. (В. Маяковский)

...Я тогда не научился еще пренебрегать внешней словесной красотой. (А. Фадеев)

Сама по себе борьба за чистоту речи не означает борьбы против словесных новообразований, против новых слов. (К. Федин)

А только б некий луч словесный Узреть, не зримый никому. (А. Твардовский)

Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. (А. Пушкин)

Он дремал до тех пор, пока не начался экзамен в русской словесности. (А. Пушкин)

Возвратясь в отечество, Тимковский определился профессором древней словесности в университете. <...> О самом Мерзлякове Погодин заключает: «Какую бы славу имел этот человек, как бы заслужил ее, какую бы пользу принес нашей словесности, если бы умел жить в свете». (Н. Барсуков)

Всем величайшим писателям XIX в. и культурным обществам, помимо науки, особенно в юности, эта же по преимуществу художественная словесность, древняя и новая, открывала широкие горизонты мирозерцания, заставляя биться сердце чувствами благородными, возвышая личность человека и открывая в будущем широкие идеалы человеческого счастья. <...> И если таково действительно воспитательное значение словесности, как же велика и миссия того наставника, который должен передать грядущим поколениям своей родины лучшие образы, лучшие заветы художников мира и своего отечества! (В. Острогорский)

Первый урок у Никитина был по русскому языку во втором классе. <...> Второй урок по словесности был в пятом классе. (А. Чехов)

Пушкин первый производит революцию словесности. Он ломает четыре столетия и врывается своим гением в стихию народного языка. (А. Н. Толстой)

...Позвольте также сказать два слова о вашем языке. — Мне, как старому словеснику, он является слишком небрежным. (И. Тургенев. Из письма С. А. Венгерову)

Затруднения словесников можно объяснить: в речи, даже самой поэтической, искали прежде всего мысли, идеи, а затем уже звука. (Г. Быкова)

«К уроку словесности», «На книжную полку словесника». (Рубрики в журнале «Русская словесность»)

12. С какими еще словами, кроме находящихся в приведенных выше примерах, может сочетаться определение *словесный*? Запишите эти словосочетания. Придумайте предложения с этими словосочетаниями.

13. Какие еще высказывания писателей, ученых, общественных деятелей о *слове*, *словесности* и *словесниках* вы знаете? Если такие высказывания встретятся вам при чтении, выпишите их.

МАТЕРИАЛ СЛОВЕСНОСТИ

Русский язык и разновидности его употребления

 14. Прочитайте и законспектируйте статью А. Пушкина «О предисловии г-на Лемонте к переводу басен И. А. Крылова». Сопоставьте высказывания А. Пушкина с современными научными представлениями о развитии русского разговорного и литературного языка, кратко изложенными в § 7—11 учебника для 10—11 классов «Русская словесность».

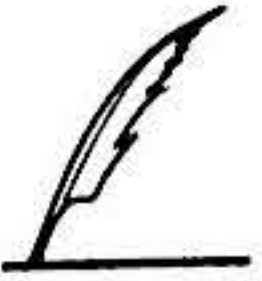
15. Внимательно прочитайте приводимые ниже отрывки из рассказа И. Тургенева «Бежин луг». Обратите внимание, как разнообразно выражается понятие 'идти; двигаться, переступая ногами'. Выпишите из отрывков все слова и словосочетания, выражающие это понятие.

Быстрыми шагами прошел я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне неизвестные места. <...> «Эге! — подумал я, — да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», — и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. <...> Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошел, забирая влево, вдоль осинника. <...> «Вот как только я выйду на тот угол, — думал я про себя, — тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

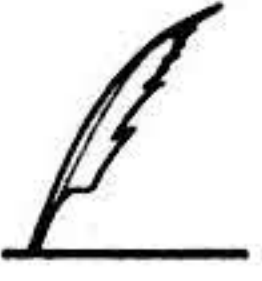
Я добрался, наконец, до угла леса, но там не было никакой дороги. <...> Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «<...> Да как же это я сю-

да зашел? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошел вправо, через кусты. <...> Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. <...> Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. <...> Я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. <...> Я поспешил выбраться назад на бугор.

 16. Вспомните (можно, конечно, это сделать и с помощью любого словаря синонимов) слова и устойчивые словосочетания, выражающие понятия 'говорить' или 'смотреть' (по вашему выбору). Придумайте предложения с этими словами и словосочетаниями. Выполните более сложный вариант этого задания: напишите сочинение, в котором были бы использованы возможно в большем количестве слова и словосочетания, выражающие понятие 'говорить' или 'смотреть'.

 17. Прodelайте такую же, как в упр. 16, работу со словами и устойчивыми словосочетаниями, выражающими понятие 'далеко' или 'быстро' (по вашему выбору).

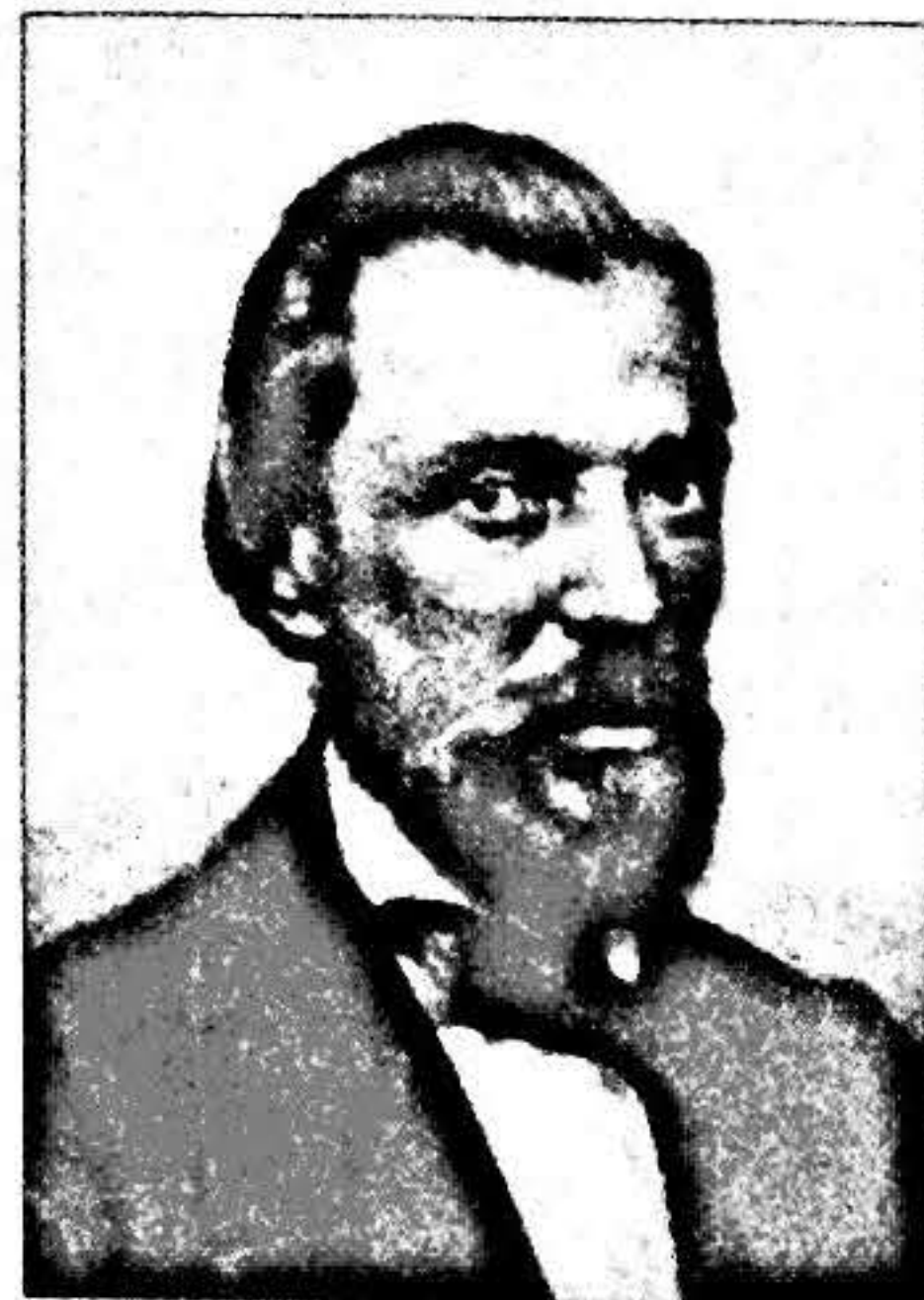
 18. В рассказе В. Белова «Жалоба» есть такие фразы: *А она с нецензурным криком бросилась к участковому т. Гурьеву; Я думал, что на этом инцидент кончился, но она, не заходя в квартиру, в одном халате ударилась к участковому т. Гурьеву.* Какие еще глаголы и устойчивые словосочетания со значением 'быстро направиться, побежать' вы знаете? Напишите сочинение на любую тему, в котором используйте эти глаголы и словосочетания.

19. В упр. 4 мы встретились с такими наименованиями солнца: *могучее светило, солнечный слиток.* В «Станционном смотрителе» А. Пушкина рассказчик представляет комнату смотрителя как «смирненную, но опрятную обитель». Какие еще описательные выражения (перифразы) для обозначения солнца и дома, жилища вы знаете?

Федор Николаевич
Глинка
(1786—1880)

Иван Саввич
Никитин
(1824—1861)

20. Вспомните или придумайте сами перифразы для обозначения понятий 'луна', 'утро', 'дружба', 'ревность', 'слава'. Можно взять и другие понятия, которые вас интересуют.

21. Придумайте небольшое предложение типа *Стало жарко, и мы пошли домой* и найдите соотносительные способы языкового выражения той же темы: а) подбирая синонимы (*пошли — отправились*); б) меняя тип предложения (*Мы пошли домой, потому что стало жарко*); в) меняя порядок слов (*стало жарко — жарко стало*); г) используя разного рода описательные выражения (*стало жарко — температура поднялась до 30 градусов*) и т. п. Отмечайте, как в каждом варианте меняются смысловые оттенки, стилистическая и эмоциональная окраска.

22. Найдите соотносительные средства и способы языкового выражения в отрывках из стихотворения Ф. Глинки «Первый снег» и стихотворения И. Никитина «Встреча зимы».

Первый снег

Постлалась белая, холодная постель,
И, под стеклом, чуть живы воды!
Сугроб высокий лег у ветхой изгороды...
В лесах одна без перемены — ель!

Встреча зимы

Ночь прошла. Рассвело.
Нет нигде облачка.
Воздух легкий и чист,
И замерзла река.

На дворах и домах
Снег лежит плотным
И от солнца блестит
Разноцветным огнем.

Сделаем подсказку. Обратить внимание надо на соотношения: *Постлалась белая, холодная постель — Снег лежит плотным; И, под стеклом, чуть живы воды — И замерзла река*. Определите смысловые и стилистические различия между этими выражениями.

23. Сравните отрывки из стихотворений Н. Карамзина «Осень», Н. Гнедича «Осень» и И. Бунина «Листопад». Определите, какие приметы осени привлекают внимание авторов и какое словесное выражение эти приметы находят. Определите случаи переносного, метафорического употребления слов, с одной стороны, и прямого, непереносного — с другой.

Осень

Веют осенние ветры
В мрачной дубраве;
С шумом на землю валятся
Желтые листья.

Поле и сад опустели;
Сетуют холмы;
Пение в рощах умолкло —
Скрылись птички.

Поздние гуси станицей
К югу стремятся,
Плавным полетом несясь
В горних пределах.

Вьются седые туманы
В тихой долине;
С дымом в деревне мешаясь,
К небу восходят.
(Н. Карамзин)

Осень

Дубравы пышные, где ваше одеянье?
Где ваши прелести, о холмы и поля,
Журчание ключей, цветов благоуханье?
Где красота твоя, роскошная земля?

Куда сокрылись певцов пернатых хоры,
Живившие леса гармонией своей?
Зачем оставили приют их мирных дней?
И все уныло вокруг — леса, долины, горы!

Шумит порывный ветер между деревьев нагих
И, желтый лист крутя, далеко завоевает. <...>
(Н. Гнедич)

Листопад

Льет дождь, холодный точно лед,
Кружатся листья по полянам,
И гуси длинным караваном
Над лесом держат перелет.

Но дни идут. И вот уж дымы
Встают столбами на заре,
Леса багряны, недвижимы,
Земля в морозном серебре.
(И. Бунин)

24. Сопоставьте приведенные ниже отрывки из «Путешествия в Арзрум» и стихотворения «Кавказ» А. Пушкина. Найдите соотносительные средства языкового выражения и охарактеризуйте их со смысловой, стилистической и эмоционально-экспрессивной сторон.

Путешествие в Арзрум

Горы тянулись над нами. На их вершинах ползали чуть видные стада и казались насекомыми. Мы различили и пастуха, быть может, русского, некогда взятого в плен и состарившегося в неволе. <...>

Не доходя до Ларса, я отстал от конвоя, засмотревшись на огромные скалы, между коими хлещет Терек с яростью неизъяснимой. <...> Осетинские раз-

бойники, безопасные в этом узком месте, стреляют через Терек в путешественников. <...>

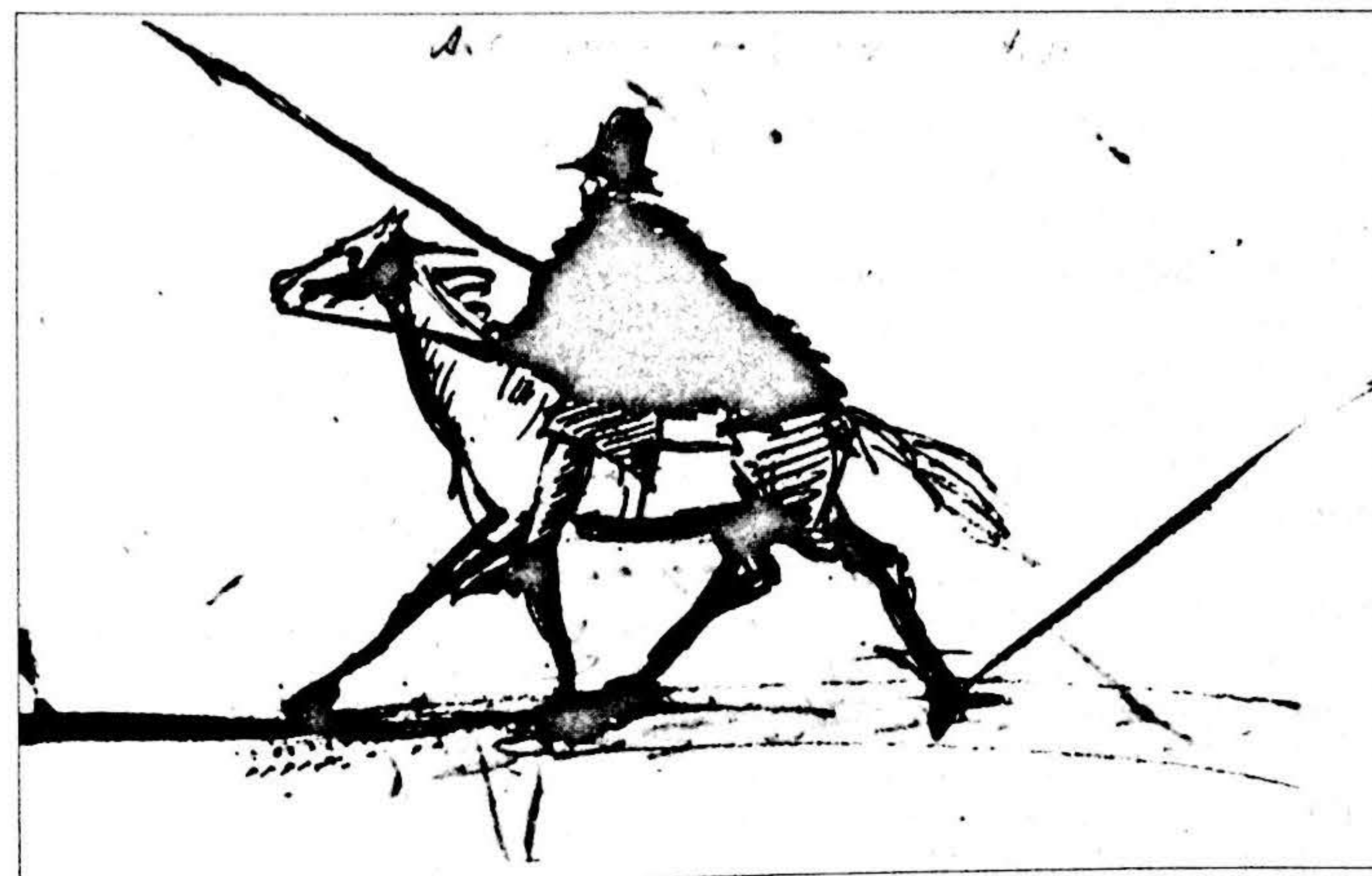
С высоты Гут-горы открывается Кайшаурская долина с ее обитаемыми скалами, с ее садами, с ее светлой Арагвой, извивающейся, как серебряная лента, — и все это в уменьшенном виде, на дне трехверстной пропасти, по которой идет опасная дорога.

<...> Светлые долины, орошаемые веселой Арагвою, сменили мрачные ущелия и грозный Терек.

Кавказ

А там уже рощи, зеленые сени,
Где птицы щебечут, где скачут олени.
А там уж и люди гнездятся в горах,
И ползают овцы по злачным стремнинам,
И пастырь нисходит к веселым долинам,
Где мчится Арагва в тенистых берегах,
И нищий наездник таится в ущелье,
Где Терек играет в свирепом веселье. <...>

25. В приведенном ниже отрывке из «Канунов» В. Белова выделите одно из предложений и сделайте его грамматический (синтаксический и морфологический) разбор. А затем обратитесь к стилистическому разбору.

А. С. Пушкин по пути в Арзрум. Рисунок А. С. Пушкина.

Поскольку стилистические аспекты изучения текста очень многообразны и пока еще не в полном объеме нам знакомы, ограничим последний такими рамками: рассмотрим в отрывке выразительную и изобразительную сторону глаголов и прилагательных.

Ему снилось и то, что было либо могло быть в любое время. Вот сейчас над баней в веселом фиолетовом небе табуняются печальные звезды, в деревне и на огородных задах искрится рассыпчатый мягкий снег, а лунные тени от подворий быстро передвигаются поперек улицы. Зайцы шастают около гумен, а то и у самой бани. Они шевелят ушами и бесшумно, без всякого толку скачут по снегу. Спит в пригороде на елке черный стогодовалый ворон, река течет подо льдом, в иных домах бродит в кадушках недопитое никольское пиво, а у него, у Носопыря, тоскуют суставы от прежних простуд.

26. В отрывке из повести В. Распутина «Живи и помни» разберите грамматически два первых предложения. В стилистическом плане рассмотрите просторечные слова и диалектизмы.

Еще днем Настена никуда не собиралась, но к обеда замело, запуржило со снегом; Настена спохватилась, что воды в кадке на дне, и, пока погода совсем не сдурела, кинулась на Ангари. На Ангари задувало во всю моченьку, мокрый липкий снег несло по воздуху мутным прогонистым течением и несло тоже вниз — верховиком. По привычке посмотрев в сторону другого, утонувшего теперь в этой кутерьме, берега, Настена подумала, что вот сейчас бы туда и бежать, никто не увидит. Подумала просто так, мельком, но сердце, зацепившись за эту подсказку, вдруг взнялось: а что, если правда побежать? Плюнуть на все и побежать? Когда еще дождешься такого удобного случая? Она торопилась с водой обратно и, унимая нетерпение, уже знала, что побегит. Это одним духом принятое решение вызывало суматошную радость и отчаянность; казалось, удерживай ее сейчас кто угодно, всех бы обманула и убежала.

Но удерживать ее было некому: Михеич на конном, а свекровь, как обычно, дремала на печке.

27. В тексте, взятом из книги «Городское просторечие. Проблемы изучения» (М.: Наука, 1984), отметьте характерные черты разговорного языка, отличающие его от языка литературного.

Текст приводится с некоторыми упрощениями. Записано в Москве. А — работница трикотажной фабрики, 77 лет. Б, В — филологи.

А. ...Ну жили мы в Сокольниках тоже // В Сокольниках жили / (вздыхает) летом-то хорошо // А вот как зима бывало подходит / и бежать / ходить / далеко / и темно // А мы работали так / три смены // Ну-у утреннюю смену еще туда-сюда ничего / а вот как в вечернюю-то смену / кончали в одиннадцать — половина двенадцатого / пока добежишь до транвая / пока доедешь / это уже-е / первый ча-ас //

В. А-а!

А. А первый час / бежать там лесом // Очень страшно // Вот меня муж ходил встречать // Когда я в вечерней смене / он всегда выходил меня встречать к транваю // Очень страшно // Ну вот были такие случаи / тоже могу рассказать // Осенью / осенью бывало это / раз было так // Приехала / это не... было дело в субботу / в субботу мы кончали / в час ночи // Потому шо третья смена / заступала в семь / и в час значит кончала // Значит пока едешь / уже едешь с последним транваем // Угу / приехала я / на с... сошла с остан... на остановке с транвая / теперь значит это / думаю что ж Мити-то нету? Туда-сюда посмотрела нет // И идти страшно //

В. Да //

А. Потому что по одну сторону лес / а по другую у нас там была-а / водокачка / мы со...

Б. Да я знаю этот район...

А. Знаете?

Б. Угу //

А. Ну да // И вот бывало это / идти-то страшно там / и думаю как же мне... И обратно уже нельзя вернуться // Я бы села на транвай / обратно поехала / там братья живут у меня на Октябрьской улице / я б там ночевала / и обратно уже транвая... последним транваем я приехала // Ну чо же делать-то? Страшно // (вздыхает) А осень до... дождик грязно / темно / дум... пойду // Убьют / убьют / ну что же // (смеется) Да-а /

такое состояние отчаянное было // Ну вот / теперь значит это / иду / думаю / щас дойду до этой / до-о водокачки // Там сторож / я грю у сторожа постою маленько / покаместь рассветет / а тада пойду / домой // Угу / дохожу до... Да-а / иду / и слышу сзади меня / шаги // Вроде как еще страшнее стало // Када никого нет / ну и ладно // А тут кто-то идет сзади // Думаю ну / добрый человек / или плохой / кто его знает // Угу-у / теперь значит дошла до водокачки // Только ногу на ступеньки поставила / а-а (вздыхает) а он мне говорит // «Ну чо ж вы остановились-то / пойдете» // А-а (вдох)! Я грю «а куда это я с вами пойду-та?» (смеется)

Б. Угу //

А. «Домой!» Я грю «а-а куда домой-то?» // «Да я же вас знаю / вы в сто одиннадцатой даче живете / а я в сто девятой» // Я грю «а откуда вы меня знаете-то?» (смеется) // «Ну вас всегда муж встречать выходит / я знаю» // Ну тада я уже вроде посмелее стала / я грю «ну пойдете» //

28. Прodelайте такую же работу, как в упр. 27, с отрывком из повести В. Крупина «Боковой ветер», представляющим собой имитацию разговорного языка в художественной прозе.

У них до меня был разговор, и сестра, продолжая его, сказала:

— Ты, мама, недорассказала, давай!

— А-а, дорасскажу! — мама хлопнула рукой по столу. — Выпила медовухи полстакана, расскажу! Она тут была, ну еще в лесхоз-то после техникума приехала. Она, чего и говорить, видненькая. И к моему подговорила, но я же чувствую...

— Вот это папочка! — возмутилась сестра.

— Нет, ничего не было. Расскажу. Она к себе его пригласила, жила отдельно. Пельменей настряпала, бутылку выставила, ждет. А я почуяла, он ведь врать-то не умел. «Надо мне, — говорит, — в контору сходить». — «Зачем? Ведь не лето, это летом понятно — пожары». — «Надо, надо, отчет забыл». — «Завтра возьми». — «Ну просто пойду пройду, голова болит». А сам в глаза не смотрит. «Иди, — говорю, — да ребят возьми, много ли ты с ними бываешь, так заодно».

А я на вечере до этого в лесхозе видела, как она на него посмотрела, мне хватило на догадку. «Иди, — говорю, — проветришься». — «Ладно». Он ушел. А я как была из-под коровы, даже не переоделась, да к ней. Ох, она побледнела, но виду не подает. Пельмени стряпала. Я говорю: извини, ты гостей ждешь, да я, говорю, ненадолго, чего-то с мужиком разругалась, так хоть посижу. А гости придут, я уйду. «Нет, нет, оставайся». А сама то на дверь поглядит, то в окно. Ну, говорю, в таком-то виде для каких я гостей? Она стакан на стол, налила: выпей. Много ли я пила, Поля, вспомни?

— Ну и что дальше? — спросила сестра.

— А я взяла да и опрокинула. Полный! И набралась натуры, и говорю напрямую: «Я ведь знаю, кого ждешь!» Она молчит. «Понравился?» Говорит: «Понравился». Что ж, говорю, и я своего мужа не похаю, и то, что нравится, запретить не могу, и если ты ему нравишься, то тут ты что хошь делай, любую запряду прорвет, только, говорю, вот что: нравится он тебе — на здоровье! Я давиться не пойду и стекла бить не буду. Только ты его не одного бери, а с ребятами. Вот так! Встала из-за стола, думаю, надо идти. Как дошла, не помню. Но головой все помню. Пришла, детям говорю: устряпывайтесь сами, ужинайте без меня, плохо себя чувствую. А он сидит, курит, ему говорю: иди, тебе же в контору надо. Он стал к самоварной отдушине, опять курит, сам мрачный: «Сходил уж». И больше ни слова ни он мне, ни я ему.

— А дальше? — спросила сестра.

— Уехала куда-то.

29. В приводимых ниже диалогах и рассказах (прямой речи) прозаических художественных произведений выделите характерные черты разговорного языка и особо — черты, указывающие на ту или иную разновидность разговорного языка.

1

— Я слышала, ты идешь на место Ивана...

— Откуда тебе об этом известно? Приказ еще не подписан.

— Мне звонила Соня.

— Это надо понимать как интриги Ивана?
— Иван твой друг, ты знаешь.
— И твой.
— Что же из этого? Речь идет не об Иване. Это место не для тебя. Оно тебя прихлопнет.

— Начальству виднее, оно, в конце концов, тоже меня знает.

— Тебя знаю только я. Даже ты сам плохо себя знаешь... Иван талантлив, он создан для этой работы.

— Значит, я бездарь?

— Тебе просто дано другое. Я не говорю, что ты не сможешь работать, но ты будешь пыжиться, чтобы как должно сидеть в своем кресле, и умрешь, если у тебя его отнимут. Руководителем надо родиться. И очень печально, что тебе кто-то втемяшил в голову, что ты сможешь сделать административную карьеру.

— О моей карьере мы уже говорили перед нашим разводом.

— Как знаешь, Алексей, я тебя предупредила.

— Ты уже уходишь?

— Мне еще надо зайти в магазин.

— Как дочь?

— Здорова.

— Лида! погоди...

Вот так она и ушла.

(С. Есин. Текущий день)

2

— Ты хоть испугался, Дима, когда увидел будущего тестя на пороге?

— Удивился. Вот, думаю, шустряк. Прилетел. Они ведь люди шумные, на горло берут, а я тоже с шоферами привык, шоферы люди не тихие, над словом долго не задумаются. Он Роксане с порога кричит: «Собирайся, сейчас обратно поедешь!» Она у меня оказалась молодцом. Даже не ожидал, такой боевой товарищ. Роксана папочке и говорит: «Ты что раскричался? Дима мне — муж, понимаешь? Ты понимаешь, что я сказала?» Ну, он тут и умылся.

— А что означает «умылся»?

— Он сразу смягчился, что почем, и говорит так дружелюбно-дружелюбно, будто и не мне говорил, что

вы, дескать, со свадьбой потерпите: «А где бы мне здесь, Дима, переночевать?» Я и отвел его на первый этаж в свободную комнату — один офицер из нашего общежития был в отпуске, как и я, и еще не вернулся. Спи, дескать, милый родственник, спокойно. А мы, конечно, уже устроились по-семейному. Он когда к нам ворвался, то в руке был чемодан. Ни большой, ни маленький — средний. И вот когда я после ужина его на первый этаж повел, ну, выпили, конечно, маленько за счастье, заверил я его насчет загса и всего такого, так вот он перед этим и говорит Роксане: «Ты чемоданчик-то возьми, мать вещи твои собрала на первый случай...»

(С. Есин. Техника речи)

3

Иван Никитич, перекрестившись, полез за стол. Когда все успокоилось, Аксиныя уже всерьез обратилась к Носопырю:

— Дак каково живешь-то?

— Да што, так бы оно и ничего, — Носопырь поскреб за ухом. — Только с ним-то, с прохвостом, все грешу.

— С кем?

— Да с баннушкой-то.

— Шалит?

— Варзает. Нет спасу. — Носопырь переставил с места на место длинные ноги. — Сегодня уж я не хотел с ним связываться. Нет, выбил из терпенья.

— А чего?

— Да спички уворовал. <...>

— Он, понимаешь, днем-то смирёный. А как ночь приходит, так и начинает патрашить.

— Ты бы, брат, взял да женился, — сказал Иван Никитич. — Вот бы тебе и не стало блазнить-то. Тебе потому и блазнит, что холостой живешь.

— Чего?

— Без бабы, говорю!

— Один.

— Ну вот... Долей-ко еще, матушка.

Хозяйка, смеясь и махаясь на мужа, сходила к шестку. Большое деревянное блюдо еще раз наполнилось щами. После старательно съели пшенную кашу, потом

выхлебали опрокинутый в блюдо, залитый суслом овсяный кисель.

— Право слово,— не унимался Иван Никитич.— Вон хоть бы Таня. Чем тебе не старуха? Тоже одна живет. Женился бы, понимаешь, то ли бы дело.

Сережка за столом фыркнул. Дед Никита смачно кокнул ложкой по его кудельному темени. Парень перестал жевать, хотел обидеться, но фыркнул еще и, сдерживая смех, выбрался из-за стола.

— Мам, мне бы рукавицы!

— Куды лыжи-то наострил? Опять до полночи прошараганитесь. Диво, и мороз-то вас не берет!

(В. Белов. Кануны)

4

Обихаживая Кирягу-деревягу, Касьянка заверяла, что он и так им все равно что отец, даже еще лучше. И она, Касьянка, никогда его не бросит. Сделается Кирюшка-фронтовик старый и совсем больной от ран, она его обшивать, обмывать и кормить станет.

— Ой, Касьянка! Ой, глупая! — закатывалась мать, тыча пальцем в Кирягу-деревягу,— он оте-ес?! Совсем ты маленькая девоська, нисё в семейной жызни не разумес! <...>

— Припас берегите, не валите горстями-то! — строго наказывал большой начальник,— когда иссе плавлавка придет?

— Без тебя знам! — бойко отшивала большого начальника Касьянка.

Обнажая коричневые от табака зубы, Киряга-деревяга грозил ей пальцем:

— Шибко много говорис, однако!

— С вами, с мужиками, не говори да не следи, дак и толку никакого не будет...

Киряга-деревяга обезоруженно махал рукой:

— Иди ус, тараторка! А ты, Акимка, в рыбоделе мети! Стобы как зеркало!

— Поменьше соли на пол бухайте! Зеркало тогда будет...

— И этот туда же! Ну никакого почтения к старым! — взъедался Киряга-деревяга...

(В. Астафьев. Царь-рыба)

5

Жбанков закурил и начал:

— Жизнь, девчата, в сущности — калейдоскоп. Сегодня — одно, завтра — другое. Сегодня поддаешь, а завтра, глядишь, и копыта отбросил... Помнишь, Серж, какая у нас лажа вышла с трупами?

Белла подалась вперед:

— Расскажите. <...>

— Еще не то бывает,— воодушевился Жбанков,— я расскажу, как один повесился... Только выпьем сначала. <...>

— А как один повесился — это чистая хохма. Мужик по-черному гудел. Жена, естественно, пилит с утра до ночи. И вот он решил повеситься. Не совсем, а фиктивно. Короче — завернуть поганку. Жена пошла на работу. А он подтяжками за люстру уцепился и висит. Слышит — шаги. Жена с работы возвращается. Мужик глаза закатил. Для понта, естественно. А это была не жена. Соседка лет восьмидесяти, по делу. Заходит — висит мужик...

— Ужас,— сказала Белла.

— Старуха железная оказалась. Не то, что в обморок... Подошла к мужику, стала карманы шмонать, А ему-то щекотно. Он и засмеялся. Тут старуха раз, и выключилась. И с концами. А он висит. Отцепиться не может. Приходит жена. Видит — такое дело. Бабка с концами и муж повесивши. Жена берет трубку, звонит: «Вася, у меня дома — тыща и одна ночь... Зато я теперь свободна. Приезжай...» А муж и говорит: «Я ему приеду <...>». Тут и жена отключилась. И тоже с концами...

(С. Довлатов. В гору)

6

Сегодня Лапшин пришел сильно покорябанный. В черных очках. И лоб его, и щека были ободраны, а под глазом цвел синяк.

— Асфальтовая болезнь? — участливо спросил дядя Валя.

— Еще чего! — обиделся Лапшин.— Опять задавил.

— Насмерть?

— Насмерть. Восьмой труп. Дура баба. Выскочила

откуда-то, а там лед. Она как на коньках и прямо под меня.

— А морду где покорябал?

— А я в столб.

— Врешь, — сказал дядя Валя. — Восьмого давишь — и ни разу не был виноват?

— Ни разу. Они сами.

— Дурочку-то не валяй! Мордой вчера проскребся по асфальту. А нам лапшу на уши вешаешь. У тебя и фамилия такая — Лапшин.

— Да ты! Да я тебя!

(В. Орлов. Аптекарь)

7

— Здесь, Колька, работы непочатый край. И слесарки, и столярки навалом, и окраска, и электропроводку надо менять. А где все это добывать? Краску, цемент, вагонку, трубу, электроарматуру?

— Вадик, дорогой, — взмолился тут Колька, — ты же у меня единственная опора, последняя надежда. Да я тебе за это...

— Только не говори, — ответил рассудительно Вадик, — что всю жизнь будешь меня бесплатно купать, стирать белье и парить в сауне. Это мне ни к чему. Все обещают какую-нибудь глупость. Из меня ведь тоже жмут масло. Ты что думаешь, я умом покалеченный, не могу нахватать для своего РСУ выгодных заказов, не умею работать на показуху? <...> Вот я и стараюсь третий год, Николай, жить по совести и чести. Наверное, не выдержу. Тебя, наверное, тоже первый секретарь охомутал? Который в очках. Верно?

— Верно! — вскрикнул Колька, потрясенный прозорливостью Вадика.

— И меня тоже. Он здесь свою романтическую команду подбирает. Говорят, по глазам. Кто, как говорится, кого. И вот ради твоих честных глаз, Колька, я так и быть построю тебе сауну, так что тащи в понедельник документы, начнем осмечивать. Но условие: лес на столярку и вагонку для обшивки будешь доставать сам. И конечно, своими силами стройплощадку очисти, пожарище это, у меня ведь с подсобными рабочими совсем плохо. Воскресник устрой, субботник...

(С. Есин. Незавершенка)

8

Тугобрылев, старейший мастер китежского фоторепортажа <...> явился, тучный, с сипотцой дышащий, вооруженный короткой фотопушкой, готовый ринуться по приказу — одна нога здесь, другая там.

— У вас в ваших запасах есть снимки, по которым бы можно увидеть во всей наглядности нашу гибнущую природу? — спросил Илья Макарович.

Тугобрылев оскорбился.

— Гибнущее, Илья Макарович? Да что я, бракодел какой? Или я чутья лишен начисто? Если уж я, скажем, лес снимаю, то он у меня — ай-люли! — пышний, если озеро — так душа радуется. Гибнущее, Илья Макарович, не мое амплуа!

— А надо отобразить. Во всей убийственной наглядности!

Тугобрылев озадаченно поскреб лысину.

— А что именно?

— Ну, умирающие леса. Ну, потоки промышленных отходов... Да найдите, найдите! Что я вам, пальцем указывать должен? Вы мастер, а не я.

— Гм!.. Так они теперь все без листвы — осень.

— Придумайте что-нибудь, придумайте.

— А грязную воду, да помилуйте!.. Можно в водедохлую собаку снять или старую бочку, а грязь...

— Да, грязь! Да, промышленную! Никаких дохлых собак!

— Абсолютно не фотогенично.

— Добейтесь!

— Не смогу, Илья Макарович.

— И не одну фотографию, а много! Чтоб за голову схватились!

— Илья Макарович, я всю жизнь стремился к идеальному, к прекрасному, а тут грязь... Не невольте!

Начался большой главредаторский разнос.

(В. Тендряков. Чистые воды Китежа)

30. В приводимых ниже текстах установите характерные черты официально-делового стиля. Определите, к какому «подстилям» относятся тексты.

**Федеральный закон
«О национально-культурной автономии»**

*Принят Государственной Думой 22 мая 1996 года
Одобен Советом Федерации 5 июня 1996 года*

Глава III. Обеспечение права на сохранение, развитие и использование национального (родного) языка.

Статья 8. Государственная защита национальных (родных) языков.

Российская Федерация обеспечивает социальную, экономическую и правовую защиту национальных (родных) языков на территории Российской Федерации.

Право граждан Российской Федерации на сохранение, развитие национального (родного) языка, свободу выбора и использования языка общения, воспитания и обучения устанавливается Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, конституциями (уставами) и законами субъектов Российской Федерации, настоящим Федеральным законом.

Статья 9. Обеспечение права на сохранение и развитие национального (родного) языка.

Органы государственной власти Российской Федерации, органы государственной власти субъектов Российской Федерации:

обеспечивают проведение государственной политики, направленной на сохранение и развитие национальных (родных) языков;

оказывают финансовую (за счет средств соответствующих бюджетов и внебюджетных средств), организационную и иную поддержку национально-культурным автономиям в разработке и реализации государственных программ в области сохранения и развития национальных (родных) языков.

Федеральные органы исполнительной власти, органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации содействуют национально-культурным автономиям в:

издании книг, выпуске периодической печати, организации телерадиовещания, создании средств массо-

вой информации как на русском, так и на национальных (родных) языках;

обмене теле- и радиопрограммами, аудио- и видеоматериалами, печатной продукцией на национальных (родных) языках между субъектами Российской Федерации, а также между Российской Федерацией и иностранными государствами.

**Соглашение
о Межпарламентском Комитете Республики Беларусь,
Республики Казахстан, Кыргызской Республики
и Российской Федерации**

Верховный Совет Республики Беларусь, Парламент Республики Казахстан, Жогорку Кенеш Кыргызской Республики и Федеральное Собрание Российской Федерации, далее именуемые Сторонами,

руководствуясь Договором между Российской Федерацией, Республикой Белоруссия, Республикой Казахстан и Кыргызской Республикой об углублении интеграции в экономической и гуманитарной областях от 29 марта 1996 года (далее — Договор),

в целях содействия поэтапному углублению интеграции государств — участников Договора в экономике, науке, образовании, культуре, социальной сфере и других областях, совершенствования межпарламентского сотрудничества,

исходя из того, что в соответствии со статьей 17 Договора учреждается Межпарламентский Комитет,

подтверждая свою готовность и впредь принимать активное участие в деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств — участников Содружества Независимых Государств,

согласились о нижеследующем:

Статья 1

Межпарламентский Комитет Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики и Российской Федерации (далее — Межпарламентский Комитет) формируется в соответствии со статьями 17 и 22 Договора как совместный орган управления интеграцией и межпарламентского сотрудничест-

ва на паритетных началах из парламентариев, делегируемых Сторонами.

Статья 12

Настоящее Соглашение вступает в силу с момента его подписания и действует, а также продлевается в том же порядке, который установлен для Договора.

*Совершено в г. Бишкеке 28 мая 1996 года
в четырех экземплярах на русском языке*

3

О внесении дополнений в Федеральный закон «О негосударственных пенсионных фондах»

*Принят Государственной Думой 17 января 2001 года
Одобен Советом Федерации 31 января 2001 года*

Статья 1. Внести в Федеральный закон от 7 мая 1998 года № 75-ФЗ «О негосударственных пенсионных фондах» (Собрание законодательства Российской Федерации, 1998, № 19, ст. 2071) следующие дополнения:

1. Статью 7 после слов «обязательному лицензированию» дополнить словами «государственным уполномоченным органом».

2. Статью 20 дополнить частью третьей следующего содержания: «Размещение страхового резерва осуществляется в порядке, предусмотренном для размещения пенсионных резервов».

3. Статью 34 дополнить частью второй следующего содержания:

«При выявлении нарушений фондами настоящего Федерального закона государственный уполномоченный орган:

дает фондам обязательные для выполнения предписания об устранении нарушений, а в случае невыполнения предписаний приостанавливает действие лицензий;

обращается в суд с исками о защите прав и интересов участников, иных заинтересованных лиц и государства;

обращается в суд с исками о ликвидации фондов, которые осуществляют деятельность без лицензий».

Статья 2. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**Президент Российской Федерации
В. ПУТИН**

Москва, Кремль, 12 февраля 2001 года, № 18-ФЗ

Об участках недр, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции (Ковыктинском газоконденсатном месторождении)

*Принят Государственной Думой 6 декабря 2000 года
Одобен Советом Федерации 31 января 2001 года*

Статья 1. Отнести Ковыктинское газоконденсатное месторождение, расположенное на территории Иркутской области, к объектам, право пользования которыми может быть предоставлено на условиях раздела продукции.

Статья 2. Объект, указанный в статье 1 настоящего Федерального закона, относится к перечню участков недр, в том числе месторождений полезных ископаемых, в отношении которых начиная со дня вступления в силу настоящего Федерального закона могут проводиться переговоры и заключаться соглашения о поисках, разведке и добыче минерального сырья на условиях раздела продукции.

Статья 3. Настоящий Федеральный закон вступает в силу со дня его официального опубликования.

**Президент Российской Федерации
В. ПУТИН**

Москва, Кремль, 12 февраля 2001 года, № 13-ФЗ

4

Вице-премьеру Правительства Российской Федерации
Б. Г. Салтыкову.

Уважаемый Борис Георгиевич!

Международное Сообщество Писательских Союзов (МСПС), образованное на IX съезде бывшего

СП СССР, Союз писателей Российской Федерации (СП России) и Ученый совет Литературного института имени М. Горького просят Правительство России принять под юрисдикцию Российской Федерации Литературный институт, являвшийся ранее структурным подразделением Союза писателей СССР, и передать его в ведение Комитета по высшей школе Миннауки России и соответственно принять Институт на постоянное финансирование за счет средств федерального бюджета. <...>

В предварительном порядке наша просьба была оговорена с председателем Комитета по высшей школе Миннауки Российской Федерации В. Г. Кинелевым, который отнесся к ней положительно. При этом мы настаиваем, чтобы вся собственность и недвижимость, закрепленная в настоящий момент за Литинститутом и являющаяся собственностью СП СССР, и впредь неотторжимо была закреплена за Институтом.

Первый секретарь Исполкома МСПС
Председатель СП России
Ректор Литературного института

31. В отрывке из работы современного филолога Р. А. Будагова «Проблемы развития языка» установите черты научного стиля.

Лишь уяснив всю многостороннюю зависимость разнообразных факторов, следует выйти за пределы внутренней причинности и показать постоянную зависимость языка от состояния развития общества и мышления человека в ту или иную историческую эпоху.

Так устанавливается тройной ряд отношений: от собственно внутренней причинности (противоречия в системе языка на всех ее уровнях) к причинности «внешне-внутренней» (противоречия между потребностями говорящих к адекватному выражению и состоянием языка), а от этой последней к внешним факторам (общая зависимость состояния языка от уровня развития общества и мышления человека). В общетеоретическом и историческом планах последовательность, разумеется, должна быть иной — от внешних факторов, определяющих общие условия развития языка, к факторам все более и более внут-

реннего характера. На определенных же уровнях соотношения могут временно меняться. В лексике, например, роль внешнего «толчка» обычно значительнее, чем в грамматике, хотя во всех уровнях языка следует учитывать три ряда отношений. Анализ всех трех рядов отношений в одинаковой степени входит в компетенцию лингвистики. Всякие попытки вывести тот или иной ряд за ее пределы безмерно обедняют науку о языке, делают ее односторонней, лишают ее широкого общественного значения.

32. В посвященных глагольным формам настоящего времени отрывках из труда выдающегося филолога-слависта XX в. В. В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)», из вузовского учебника «Современный русский литературный язык» под ред. П. А. Леканта и из брошюры В. В. Одинцова «Лингвистические парадоксы» (книга для учащихся) установите языковые различия. Определите, к каким «подстилям» научного стиля принадлежат названные работы.

Русский язык (грамматическое учение о слове)

Форма настоящего времени несовершенного вида <...>, собственно, обозначает независимую от ограничений вида и времени данность действия, его свойственность лицу или предмету, его сочетаемость с субъектом. Обозначение действия, осуществляющегося вне ограничений времени при всяких вообще условиях, обычно постоянно, и вследствие этого как бы присущего, свойственного субъекту, и следует считать основным грамматическим значением форм настоящего времени несовершенного вида. Например: *Нужда пляшет, нужда скачет, нужда песенки поет. Науки юношей питают. Судьба играет человеком.* «Я говорю: отчего люди не летают так, как птицы?» (Островский. «Гроза») и т. п.

Совпадение действия с моментом речи — лишь разновидность, оттенок этого общего значения, возникающий при ограничении временной перспективы действия. (Ср.: «Погода очаровательная, птички поют, живем мы в мире и согласии, — чего нам еще?» — Чехов. «Дядя Ваня».) <...>

Значение вневременности становится источником основой употребления формы настоящего времени несовершенного вида в переносных значениях. <...>

В момент представления, совпадающий с моментом речи, может субъективно реализоваться или показаться осуществляющимся и будущее действие. <...> (Ср. в «Чайке» Чехова слова Нины: «Борис Александрович, я решила бесповоротно. Жребий брошен, я поступаю на сцену. Завтра меня уже не будет здесь. Я ухожу от отца, покидаю все, начинаю новую жизнь... Я уезжаю, как и вы... в Москву».) <...>

Форма настоящего времени несовершенного вида при субъективном смещении перспективы времени может быть применена и к плану прошлого (*praesens historicum*). Тогда она служит для изображения прошедших фактов, как бы совершающихся в момент речи перед глазами слушателя или читателя. Такое употребление возможно лишь в широком контексте, когда в изложении уже ясно обозначился план прошлого. <...> Например: «Сидел я тогда дома, были сумерки, и только что хотел выходить, оделся, причесался, платок надушил, фуражку взял, как вдруг *отворяется* дверь и — предо мною, у меня на квартире, Катерина Ивановна» (Достоевский. «Братья Карамазовы»). «Сестры к ней нагнулись, спрашивают: «Что с тобою?» (Тургенев. «Уездный лекарь»).

Современный русский литературный язык

Формы настоящего времени могут обозначать: 1) действие, происходящее в момент речи: *Редает облаков летучая гряда...* (П.); 2) расширенное настоящее, т. е. действие, происходящее в момент речи, но охватывающее также более или менее значительный отрезок прошлого и допускающее (предполагающее) продолжение в будущем: *Увы, Татьяна увядает, бледнеет, гаснет и молчит!* (П.); 3) настоящее постоянное, т. е. действие, происходящее не только в момент речи, но и всегда, постоянно: *Земля вертится вокруг своей оси*; 4) действие, не привязанное к моменту речи, а свойственное кому-, чему-либо как постоянное свойство: *Малыш уже читает; Чугун ломается.* <...>

В разговорной речи, а также в художественной литературе и публицистике формы времени могут употребляться одна вместо другой, т. е. выступать в переносных, метафорических значениях.

Формы настоящего времени могут обозначать действие в ближайшем будущем, если говорящий не сомневается в совершении этого действия и представляет его себе как уже реализующееся: *Итак — я еду учиться в Казанский университет* (М. Г.). В целях оживления повествования настоящее время может употребляться вместо прошедшего: *Вчера в полночь прохожу через столовую, а там свеча горит* (Ч.). Такое настоящее время называют настоящим историческим.

Лингвистические парадоксы

Синонимию форм легко увидеть и в грамматике. Скажем, форма настоящего времени обозначает совершающееся действие, т. е. такое, которое происходит сейчас, в данный момент. Если мы говорим *Луна светит из-за туч*, то это значит, что на небе тучи и сквозь них мы видим луну, видим сейчас, в момент речи, а через пять минут, может быть, луны не будет видно совсем или, напротив, тучи рассеются и она откроется вся, полностью. Но можно сказать и так: *Луна светит отраженным светом*. Что, раньше этого не было или через пять минут луна может и не отражать солнечный свет? Нет, это высказывание не имело в виду какой-то определенный момент: луна светит отраженным светом всегда. Форма та же, а значение слова иное. Наконец, можно так рассказать о прошедшем: *Шел я вчера вечером из кино. Луна светит. Снег блестит...* Форма настоящего времени потребовалась рассказчику для повествования о действиях, которые явно совершались до момента речи. Зачем же? В этом случае настоящее время придает рассказу особую живописность, наглядность.

33. В приводимых ниже текстах укажите характерные черты публицистического стиля. Определите, к каким «подстилям» и жанрам публицистического стиля относятся тексты, каковы их языковые особенности.

Малая «горячая» война

События последних дней вызвали у международных аналитиков целый вихрь ассоциаций. Лейтмотив комментариев, пожалуй, можно сформулировать так — малая «горячая» война под аккомпанемент новой «холодной».

Как известно, в ночь с пятницы на субботу самолеты США и Англии нанесли ракетно-бомбовые удары по пригородам Багдада. Разрушены дома мирных жителей, есть убитые и раненые. До сих пор американцы бомбили лишь так называемые бесполетные, то есть запретные для иракцев зоны южнее 33-й и севернее 36-й параллели (хотя Багдад оспаривает их легитимность, ибо они не санкционированы Советом Безопасности). На сей же раз удар был нанесен за пределами этих зон, непосредственно по иракской столице.

Официальное объяснение — «подавить развернутые там средства ПВО, дабы защитить американских летчиков, патрулирующих запретные зоны». Используя подобные аргументы, можно оправдать любую военную провокацию. Например, удар по китайским средствам ПВО в провинции Фуцзянь, дабы защитить летчиков и моряков 7-го флота США, ведущих патрулирование в Тайваньском проливе. Не случайно МИД КНР расценил ракетно-бомбовый удар по пригородам Багдада как акт гегемонизма и силовой политики, который усложнит урегулирование ситуации вокруг Ирака.

Столь же жестко прореагировали и официальные круги Москвы. МИД России заявил, что такие силовые акции противоречат Уставу ООН, международному праву. По мнению Министерства обороны, Вашингтон берет на себя роль мирового жандарма, пытается самовольно решать — кого казнить, кого миловать.

Союзники США по НАТО (Франция, Испания, Турция) выразили недоумение по поводу того, что их не предупредили о предстоящей бомбардировке пригородов Багдада. Создается впечатление, что этот налет был неожиданностью и для Москвы. Стало быть, России пора обновить группировку разведывательных

спутников, многие из которых уже выработали свой ресурс и нуждаются в замене.

Обозреватели из развивающихся стран называют малую «горячую» войну, которую сделала своим дебютом на международной арене новая администрация США, «мини-Хиросимой» в том смысле, что американцы били по Багдаду, но держали в прицеле Москву (пусть в переносном, политическом смысле). Эти комментаторы напоминают, что Трумэн сбросил атомные бомбы на Японию, желая не только ускорить ее капитуляцию, но и запугать Москву, чтобы навязать ей угодное Америке мироустройство.

Об обоснованности данной версии свидетельствует аккомпанемент, сопровождающий военную операцию против Ирака. Иначе как рецидивом «холодной войны» эту шумиху не назовешь. Достаточно привести лишь пару примеров. Помощник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс заявляет, что Россия представляет угрозу для Запада вообще и для Европы в частности. Новый шеф Пентагона обвиняет Москву в продаже военных технологий странам-изгоям — Ираку, Ирану, Северной Корее, а также Индии. (Она упомянута, очевидно, в связи с подписанным в Дели контрактом на продажу более трехсот российских танков и триумфом наших «Сухих» на авиасалоне в Бангалоре.) Стоило Европейскому союзу завести речь об особом статусе Калининградской области, как Вашингтон поднял шум, будто Россия тайно завозит туда тактическое ядерное оружие.

Пятьдесят лет назад, 5 марта 1946 года, Черчилль выступил в американском городке Фултон с речью, которую принято считать публичным провозглашением «холодной войны». А три года спустя Пентагон принял план «Дропшот» — сбросить 300 атомных бомб на 100 советских городов, а затем оккупировать нашу страну силами 164 дивизий НАТО, в том числе 69 американских.

План, популяризации которого был посвящен специальный номер журнала «Кольерс», предусматривал создание штаба оккупационных сил в Москве, переименование Ленинграда в Санкт-Петербург, расчленение страны с участием «великорусских монархистов», «украинских сепаратистов», прибалтийских и других националистов. Перечитывая нынче план «Дропшот»,

убеждаешься, что его авторы за полвека кое в чем преуспели.

Позволю себе согласиться с предположением, что сочетание малой «горячей» войны с новой «холодной» имеет ту же цель, которую лелеял Трумэн перед Хиросимой — запугать Россию, чтобы сделать ее более сговорчивой.

В коридорах власти Вашингтона заговорили о том, что Договор 1972 года по ПРО был подписан с Советским Союзом, которого больше нет. И это-де развязывает руки Соединенным Штатам. Но ведь упираться на этот аргумент может и Москва — коли так, то нет и советских долгов. Впрочем, главное в другом. Как говорится, ломать — не строить. Если выбить краеугольный камень стратегической стабильности, это развяжет руки не только Вашингтону, но и Москве. Ей можно будет без каких-либо ограничений продавать любую боевую технику, ракетно-ядерные технологии. Это позволит полностью загрузить военно-промышленный комплекс России, прекратить эрозию сосредоточенного в нем научно-технологического потенциала, сделать ВПК мощным генератором роста российской экономики. А перед лицом реальной угрозы россияне пойдут на жертвы, немыслимые для западного обывателя.

Однако какая цена будет за это заплачена! И тут уместно вспомнить слова «великого кормчего» из Пекина — «чем богаче страна, тем больше ей следует опасаться глобального ядерного конфликта». Тем, кто готов пожертвовать стратегической стабильностью, полезно вспомнить слова покойного председателя Мао.

*В. Овчинников,
политический обозреватель
«Российской газеты».*

(Российская газета. — 2001. — 20 февр.)

2

Земский доктор

Четыре года назад на фасаде Воротынской сельской больницы, что расположилась возле старинного села Воротыnsk, с помпой, при оркестре, открыли памятную табличку следующего содержания: «Воротын-

ский земский госпиталь. Открыт 28 августа 1914 года. Первый земский врач Алеев Павел Александрович (1878—1920)».

Больниц, подобных Воротынской, в России было великое множество, сейчас же...

Возможно, Воротынская больница — последняя земская больница на Руси... Или первая? В том смысле, что в Калужской области пытаются земство возродить. Но... пока маленькие больницы только закрываются. Закрываются оттого, что местные бюджеты не в силах потянуть медицинские учреждения. Но речь у нас не об этом. Я решил рассказать о главном враче Воротынской больницы Владимире Васильевиче Мартынове.

Мартынов не любитель красивых слов. Он любитель дела. Ему все равно, как его учреждение будет называться. Хоть богадельня! Людей надо лечить, а делать это с каждым днем все трудней. В штате больницы врачей всего двое. Всего же персонала, включая санитарок и кочегара, — тридцать человек. На днях в Воротынске аптеку закрыли. Тоже очень древнюю, еще до революции она была. Администрации невыгодно ее держать. Теперь жителям придется на станцию ездить, а это путь не ближний.

Участок, обслуживаемый больницей, или, как здесь называют, «куст», состоит сплошь из умирающих деревень. Сейчас в них около трех тысяч человек. И цифра эта имеет непреклонную тенденцию к уменьшению. Вот статистика минувшего года: умерли 30 человек, родились — 4.

Сейчас в больнице 35 коек. До всяких перестроек было 40. Сокращение незначительное, только вот распределение этих коек разительно поменялось. Целое крыло, восемь коек, числилось за родильным отделением. Сколько родов Мартынов принял!

Теперь надобность в отделении для родов отпала. Не рожают. Даже в районной больнице, в Перемышле, роддом закрылся — в Калугу возят рожать. <...> Освободившиеся койки отдали под других пациентов. В так называемом «социальном» отделении доживают свой век бабушки, свезенные из дальних деревень. Детям своим они обузой стали. Получается такая картина: раньше здесь появлялись на свет. Теперь из этого света уходят. Символично.

Только потом, когда был в гостях у Мартынова, я узнал (и не от него вовсе, а от мамы его), что и сам он родился в Воротынской больнице, в 1941 году. И его нынешний кабинет находится как раз в том самом бывшем родильном крыле.

Владимир Васильевич — коренной житель Воротынска. Живет он в самом центре села, вместе со своими ныне здравствующими родителями. Когда мы пришли к ним, Полина Александровна и Василий Фролович мирно сидели на табуретках перед телевизором (ох, уж эта вечная «мыльная опера»...).

В доме доктора Мартынова просто умопомрачительное количество книг. Они даже на полках не помещаются — сложены повсюду штабелями. Сразу вспоминается расхожее мнение, что все земские доктора — обладатели недюжинного литературного дара (Чехов, Даль, Булгаков...). У Мартынова на сей счет свое, особенное мнение. Изнутри профессии.

— ...Как Чехов говорил, «околеванцы скоро нам».

— Сами писать не пробуете?

— Ну, разве только бумаги просительные в департамент.

...Утром выходим затемно. До больницы минут пятнадцать ходьбы. Переодевшись, Мартынов углубляется в какие-то бумаги. Пишет. Все-таки врач пишет по-больше иного литератора. Дело касается выписки двух больных. Я в это время прошу у старшей сестры найти книги приказов за всю историю больницы. Мне любопытно подсчитать, каким по счету главным врачом после вышеуказанного Алеева является Мартынов. Книги сохранились начиная с 42-го года. Причем первая из них почему-то с немецкими графами. Ну естественно: ведь немцы в 41-м тут были. Считаем. С 42-го по 77-й насчитываем подписи десяти главврачей. Получается в среднем — по три с половиной года. С 77-го пошла фамилия Мартынова. Это означает, что он здесь командует уже двадцать четвертый год. Однако выбивается из общей тенденции...

День еще только начинается. У входа в больницу с визгом затормозил «крутой» «джип». Это родственник приехал забирать выписавшуюся больную. Наверное, прикинул я, этот танк на колесах стоит подороже всей больницы. Врут или нет, но в последний раз больницу ремонтировали пленные немцы после вой-

ны. Мартынов уже ушел в другой корпус принимать амбулаторных больных...

Г. Михеев

Калужская область.
(Парламентская газета.— 2001.— 20 февр.)

3

Единым экзаменом жив выпускник?

Скоро выпускники получают возможность поступать в любые вузы страны без лишних трат, а в российских институтах появится больше иностранных студентов. Правительство вновь взялось за образовательную реформу. О новых направлениях и проблемах российского образования на своей пресс-конференции рассказал министр образования России Владимир ФИЛИППОВ:

— В 2001—2003 годах мы планируем организовать эксперимент по введению единого государственного экзамена. Сегодня около 90% стран мира уже не имеют той архаичной системы выпускных экзаменов, которая до сих пор существует у нас. Но спешить мы не будем. Начнем с апробации подхода, подчеркивая, что это эксперимент.

Многие опасаются появления взяточничества на школьном уровне. Поэтому разъясню несколько вещей: прежде всего, единые государственные экзамены не будут проводиться в школе. Человек, получив единые государственные оценки по государственному экзамену, посылает их в российские университеты, никуда не выезжая. Мы должны обеспечить механизмы равной доступности к образованию для всех детей.

Сегодня, придя в американское посольство и сдав экзамены, вы можете поступить практически в любой американский вуз. У нас ничего подобного не существует. Например, чтобы поступить в Рязанский медицинский университет, надо приехать для сдачи вступительных экзаменов на две недели в июле. Мало кто едет — зачастую у родителей нет денег на дорогу.

Единый государственный экзамен решит и проблему репетиторства. Для этого правительством планируется создание старшей профильной школы в рамках двенадцатилетки, когда будет выделено два года для углубленного изучения предметов.

В течение трех лет, на которые рассчитан эксперимент, мы будем искать оптимальные формы работы. Сегодня существуют три варианта отработки единого экзамена:

во-первых, это тест, который может использоваться во всех областях, где требуется знание фактического материала, например в биологии;

во-вторых, так называемый открытый тест — в нем необходимо пояснение выбранного ответа;

в-третьих, письменные экзамены. Я сторонник именно этой формы проверки знаний.

Мы не считаем, что провинциальные вузы в связи с введением единого госэкзамена потеряют способных студентов. Раньше в крупнейших вузах страны москвичи составляли 25%, иногородние — 75%. Сегодня в Москве соотношение диаметрально изменилось — 26% иногородних и 76% москвичей. Таким образом, мы закрываем дорогу в вузы России способным ребятам из отдаленных регионов.

Единый экзамен призван решить проблему качества образования. В школе выпускнику выставяются необъективные оценки, ни один учитель не оценит себя на «два». При едином экзамене изменится отношение к работе учителей. А заодно станет ненужной аттестация школ. Ведь складывается парадоксальная ситуация — по итогам прошлого года в среднем по стране мы имеем 5,9% медалистов. При этом в Москве 2,5%, а в некоторых южных республиках — 10—12. Как будто там учат в десять раз лучше, чем в Москве. В результате нашим аттестатам не доверяют за рубежом.

Другая проблема — снижение числа иностранцев в российских вузах. Иностранные студенты — это вопрос геополитики, который недооценен Россией. Например, в Египте, в Каирском университете, где обучаются 150 тысяч студентов, более 50% преподавателей — выпускники российских вузов.

Четыре года назад правительство установило четыре тысячи бесплатных бюджетных стипендий для всех государств мира. Это в 5—7 раз меньше, чем было в СССР, когда мы принимали 20—25 тысяч студентов бесплатно ежегодно. Сейчас из этих четырех тысяч три — для обучения на бакалавриате, одна — магистратура, аспирантура, стажировки.

Подготовленный правительством эксперимент кажется вполне перспективным. Проблема лишь в том, не превратится ли единый государственный экзамен в очередную профанацию. Остается надеяться на лучшее.

Д. Рощеня

(Новая газета.— 2001.— 19—25 февр.)

4

Ракурс

КРАЙНЯЯ МЕРА

«Донстрой» настроил. Кому ломать?

Разобрать верхние этажи высотного здания в Филипповском переулке близ Старого Арбата, а также пентхаус на его крыше, возведенные без разрешения, распорядилась московская мэрия. Ведущая строительство компания «Донстрой» пренебрегла оговоренными условиями, согласно которым здание, возводимое ею в заповедной историко-культурной зоне столицы, не должно превышать восьми этажей, и самовольно надстроила еще два, а затем и пентхаус. Соответствующие инстанции мэрии направили «Донстрою» около десятка запретительных предписаний, но застройщик их игнорировал.

Это не первый случай, когда московским властям приходится принимать крайние меры против самовольной «архитектуры». Уже разобраны мансарда в доме на углу Волхонки и Знаменки, а также верхний этаж гостиницы «Арабат» на Неглинке.

Л. Семенова
Москва

ДОСТАЛИ

Идет охота на волков

В начале прошлого года на Ставрополье числилось около трех сотен волков, а посему им была объявлена война. По официальным данным, охотниками южного края в течение 2000-го застрелено аж 179 зверей. Особо отличившимся мастерам ствола и патронташа вручены денежные премии и грамоты.

Тем временем предварительные данные января 2001 года свидетельствуют, что число рыскающих по Ставрополью серых хищников достигло полутысячи.

М. Цыбулько
Ставрополь

ПЕРВЫЙ КОНЦЕРТ

Играй, король

Город на Волге ждал этого дня много лет. И вот наконец в зале филармонии состоялся первый концерт органной музыки. Вечер открыл инициатор установки в Самаре «короля инструментов» — органа — губернатор области Константин Титов. Удачно, подчеркнул он, что столь радостное событие произошло в год 150-летия Самарской губернии. К слову, Париж или Кёльн обзавелись большими церковными органами лишь через добрую тысячу лет после своего основания. Впрочем, напомнил Константин Алексеевич, орган когда-то был и в самарском костеле, но в двадцатые годы его сломали, растащив жестяные трубы на ведра.

Вслед за губернатором на сцену вышел популярный телеведущий Святослав Бэлза, и по мановению его руки раздвинулся занавес, из-за которого показался «фасад» красавца органа. У нового инструмента, построенного немецкой фирмой «Рудольф фон Беккерат», три ручные клавиатуры (мануалы), одна ножная (педаль) и три с половиной тысячи труб, звучащих 52 различными тембрами (регистрами). Фирма обещала на протяжении трех лет «курировать» свое детище.

А «крестным отцом» нового органа с полным правом можно назвать народного артиста России Гарри Гродберга. Он внимательно следил за постройкой инструмента. И конечно, дал на нем первый концерт, программа которого позволила ощутить богатство и разнообразие звуковых «красок».

Во втором отделении слушатели смогли оценить ансамбль органиста Гарри Гродберга и Академического оркестра Самарской государственной филармонии.

О. Арянина, Н. Эскина
Самара

ТАКОЕ ВОТ КИНО

«Интимность» нынче в цене

Подведены итоги Берлинского фестиваля — одного из крупнейших кинофорумов планеты. К сожалению, российский кинематограф в конкурсе представлен не был. Отборщики Берлинале проигнорировали новые фильмы Сергея Соловьева, Карена Шахназарова, Александра Сокурова...

В этой ситуации борьба за призы развернулась между представителями западноевропейского и китайского кино, по-прежнему очень популярного в мире. В итоге «Золотого медведя» получил английский фильм французского режиссера Патриса Шеро «Интимность». Эта лента также была названа лучшей европейской картиной в программе фестиваля. Режиссеру, известному у нас по фильму «Королева Марго», вручили 50 тысяч немецких марок на новый проект. Наконец, опять-таки за «Интимность» актриса Керри Фокс получила премию за лучшее исполнение женской роли.

Второй по значению приз — «Серебряный медведь» — достался китайской ленте «Пекинский велосипед». Лучшим режиссером также назван китаец — это Лин Ченшэн, поставивший фильм «Ореховая красotka».

Слабым утешением для кинематографистов бывшего СССР стал приз украинскому студенту Тарасу Томенко за короткометражку «Тир», которая была показана в «Панораме». Прямо скажем, негусто. Похоже, к нашему кино охладели не только в Канне, Венеции, Сан-Себастьяне, но и в Берлине, откуда еще недавно мы без призов не уезжали...

Л. Павлючик

(Труд.— 2001.— 20 февр.)

Многие из вас, приехавших сюда, в Чугуевку, в это неблизкое село на самом краю Русской земли, село, которое писатель считал своей духоформирующей родиной,— я имею в виду гостей,— проделали очень большой путь и свою жизнь исследователей, литературоведов и историков культуры связали с именем

этого писателя. На конференции во Владивостоке разгорелась даже маленькая дискуссия — вот она, живость традиции! 5 или 6 раз состоялись уже в Приморском крае эти Фадеевские чтения, но вы, старожилы этих дискуссий, да и приморцы, да и жители Чугуевки, помните, какие в прошлые годы были здесь писательские десанты! По 50, по 60, по 80 человек! Вы помните наших вальяжных мэтров, клявшихся в верности идеям соцреализма и высокому горению революционного духа? Где они? Где нынче леворадикальная «Литературная газета» и праворадикальная «Литературная Россия», всегда с энтузиазмом освещавшие это литературное событие? Где властелины дум, писатели? Где их торжественные прилюдные клятвы? Какую разрабатывают новую политическую конъюнктуру? За приватизацию какой общеписательской собственности или профессионального сообщества борются, какие пишут воззвания и на что кладут живот свой, если забыли клятвы и святую святых память покойного товарища-писателя? Если хотите, память своего господина и управителя, прежнего раздавателя советов и благ.

И все равно гордость охватывает сейчас меня, потому что вместе с вами я присутствую при созидательном моменте! <...>

Это удивительно, что в разрушительное для культуры время мы открываем памятник не коммерсанту, не рокеру или политическому скандалисту — любимым и ласково затетешканным героям нашего времени, а писателю, существу, по сегодняшним меркам, гонимому, и писателю, вдобавок ко всему, не вполне прошедшему нынешний политический рентген, и это происходит, как я уже сказал, не как поступательная тенденция действительности, а вопреки ей. Кто же сопротивляется властной идеологической моде, безумию голого прагматизма и пустоутробию полуобразованных политиканов? А сопротивляются несколько слабых женщин, один бесправный музей да несколько властных, а по сути дела, безвластных начальников, потому что принадлежат они не к элите нефтяных, судовых, военных или строительных магнатов, а к управлению тощими стадами культуры. Расшифровать? Расшифрую. Я имею в виду местных приморских музейщиков Владивостока, краевое и городское

управление культуры, энтузиастов университетской кафедры. Как иногда, оказывается, мало надо, чтобы сотворить и воздвигнуть чудо.

(С. Есин. За убеждения платили жизнями:
Речь на открытии памятника А. А. Фадееву)

34. В отрывках из прозаических и стихотворных художественных произведений выделите словесные ряды, характерные для тех или иных разновидностей разговорного языка или для официально-делового, научного и публицистического стилей. Отметьте случаи переплетения, взаимодействия этих рядов.

1

— Что ты сделал, Сурин? — спросил хозяин.

— Проиграл, по обыкновению. Налобно признаться, что я несчастлив: играю мирандолом, никогда не горячусь, ничем меня с толку не собьешь, а все проигрываюсь!

— И ты ни разу не соблазнился? ни разу не поставил на *руте*?.. Твердость твоя для меня удивительна.

— А каков Германн! — сказал один из гостей, указывая на молодого инженера, — отроду не брал он карты в руки, отроду не загнул ни одного пароли, а до пяти часов сидит с нами и смотрит на нашу игру!

— Игра занимает меня сильно, — сказал Германн, — но я не в состоянии жертвовать необходимым в надежде приобрести излишнее.

— Германн немец: он расчетлив, вот и все! — заметил Томский. — А если кто для меня непонятен, так это моя бабушка, графиня Анна Федотовна.

— Как? что? — закричали гости.

— Не могу постигнуть, — продолжал Томский, — каким образом бабушка моя не понтирует!

— Да что ж тут удивительного, — сказал Нарумов, — что осьмидесятилетняя старуха не понтирует?

— Так вы ничего про нее не знаете? <...>

Герцог Орлеанский метал; бабушка слегка извинилась, что не привезла своего долга, в оправдание сплела маленькую историю и стала против него понтировать. Она выбрала три карты, поставила их одну за другую: все три выиграли ей соника, и бабушка отыгралась совершенно.

— Случай! — сказал один из гостей.

— Сказка! — заметил Германн.
— Может статься, порошковые карты? — подхватил третий.

— Не думаю, — отвечал важно Томский. <...>

На столе стояло более тридцати карт. Чекалинский останавливался после каждой прокидки, чтобы дать играющим время распорядиться, записывал проигрыш, учтиво вслушивался в их требования, еще учтивее отгибал лишний угол, загибаемый рассеянною рукою. Наконец талья кончилась. Чекалинский стасовал карты и приготовился метать другую.

— Позвольте поставить карту, — сказал Германн, протягивая руку из-за толстого господина, тут же понтировавшего. <...>

— Позвольте заметить вам, — сказал Чекалинский с неизменной своею улыбкою, — что игра ваша сильна: никто более двухсот семидесяти пяти семпелем здесь еще не ставил.

— Что ж? — возразил Германн, — бьете вы мою карту или нет?

Чекалинский поклонился с видом того же смиренного согласия.

— Я хотел только вам доложить, — сказал он, — что, будучи удостоен доверенности товарищей, я не могу метать иначе, как на чистые деньги.

(А. Пушкин. Пиковая дама)

2

Петрович <...> наконец сказал:

— Нет, нельзя поправить: худой гардероб!

У Акакия Акакиевича при этих словах екнуло сердце.

— Отчего же нельзя, Петрович? — сказал он почти умоляющим голосом ребенка, — ведь только всего, что на плечах поистерлось, ведь у тебя есть же какие-нибудь кусочки...

— Да кусочки-то можно найти, кусочки найдутся, — сказал Петрович, — да нашить-то нельзя: дело совсем гнилое, тронешь иглой, — а вот уж оно и ползет.

— Пусть ползет, а ты тотчас заплаточку.

— Да заплаточки не на чем положить, укрепиться ей не за что, поддержка больно велика. Только слова, что сукно, а подуи ветер, так разлетится.

— Ну да уж прикрепи. Как же так, право, того!..
— Нет, — сказал Петрович решительно, — ничего нельзя сделать. Дело совсем плохое. <...> а шинель уж видно вам придется новую делать.

При слове «новую» у Акакия Акакиевича затуманило в глазах, и все, что ни было в комнате, так и пошло перед ним путаться. <...>

— Ну а если бы пришлось новую, как бы она того...

— То есть, что будет стоить?

— Да.

— Да три полсотни с лишком надо будет приложить <...>, — сказал Петрович, — да еще какова шинель. Если положить на воротник куницу, да пустить капишон на шелковой подкладке, так и в двести войдет. <...>

Акакий Акакиевич еще было насчет починки, но Петрович недослышал и сказал: «Уж новую я вам сошью бесприменно, в этом извольте положиться, старание приложим. Можно будет даже так, как пошла мода, воротник будет застегиваться на серебряные лапки под аплике».

(Н. Гоголь. Шинель)

3

Очерки, силуэты берега беспрерывно возникают и телятся, — вплетаясь своей тенью и своим светом, своей ниткой в общую ткань движущейся с нами картины.

Этот мимо идущий мир, это проходящее, все идет и все не проходит — а остается чем-то всегдашним. Мимо идет, видно, вечное — оттого оно и не проходит. Оно так и отражается в человеке. В отвлеченной мысли — нормы и законы; в жизни — мерцание едва уловимых частных и пропадающих форм.

Но в каждой задержанной пылинке несущегося вихря те же мотивы, те же силы, как в землетрясениях и переворотах, — и буря в стакане воды, над которой столько смеялись, вовсе не так далека от бури на море, как кажется.

(А. Герцен. Трагедия за стаканом грога)

После каждого выбора победители и побежденные ходят татуированные, как ирокезы; у кого синий глаз,

у кого ссадина на лбу, у кого нос отделан под грушу. Столько мышечного усердия и фонарей ни одна страна не приносит на алтарь отечества — как цивическая весь Кальвина.

Нигде в мире не занимаются с такой рьяностью и так часто выборами, как в Женеве; месяцы прежде — только об них и говорят, месяцы после — только об них и спорят. Отчасти это происходит от чрезвычайной важности, которую женевцы им придают. Консерваторы и радикалы, не согласные ни в чем, согласны в огромном значении Женевы в всемирном хозяйстве и развитии. Для одних это Рим «очищенного протестантизма», для других — исправляющий должность Парижа во время его тяжелой умственной болезни и горькой доли.

(А. Герцен. Скуки ради)

4

Производитель работ
Акционерной компании,
Сдавший недавно отчет
В общем годичном собрании
В группе директоров Шкурин сидит.

Дрогнула грубая сила «кустарная»,
Как из-под ног ее почва ушла...
Мысль эта, смею сказать, лучезарная,
Наши доходы спасла.
Плод этой меры в графе дивиденда
Акционеры найдут:
На сорок три с половиной процента
Разом понизился труд!..

(Н. Некрасов. Современники)

5

Тут все подняли крик, словно дернул их бес,
Угрожают Поток-бедою;
Слышно: почва, гуманность, коммуна, прогресс,
И что кто-то заеден средою.
Меж собой вперерыв, наподобье галчат,
Все об *общем* каком-то о деле кричат
И Потока с язвительным тоном

Называют *остзейским бароном*.

Ужаснулся Поток, от красавиц бежит,
А они восклицают ехидно:

«Ах, какой он *пошляк*! ах, как он
неразвит!

Современности вовсе не видно!»

(А. К. Толстой. Поток-богатырь)

6

Хромого звали Федором Достоевским, так он сам себя перерегистрировал в специальном протоколе, где сказано, что уполномоченный волревкома Игнатий Мошонков слушал заявление гражданина Игнатия Мошонкова о переименовании его в честь памяти известного писателя — в Федора Достоевского и постановил: переименоваться с начала новых суток и навсегда, а впредь предложить всем гражданам пересмотреть свои прозвища — удовлетворяют ли они их, — имея в виду необходимость подобия нового имени. Федор Достоевский задумал эту кампанию в целях самосовершенствования граждан: кто прозовется Либкнехтом, тот пусть и живет подобно ему, иначе славное имя следует изъять обратно. Таким порядком по регистру переименования прошли двое граждан: Степан Чечер стал Христофором Колумбом, а колодезник Петр Грудин — Францем Мерингом, по-уличному Мерин. Федор Достоевский запротоколил эти имена условно и спорно: он послал запрос в волревком — были ли Колумб и Меринг достойными людьми, чтобы их имена брать за образцы дальнейшей жизни, или Колумб и Меринг безмолвны для революции. Ответа волревком еще не прислал. Степан Чечер и Петр Грудин жили почти безымянными.

(А. Платонов. Чевенгур)

Андрей Платонович
Платонов
(1899—1951)

7

К тому времени, когда секретарша Нелличка вернулась с цветами, я уже расправился со всеми неотложными делами: подписал поручение в банк, новую

спецификацию на изделие, накачал главного инженера и с уверенностью, что четыре часа завод будет бесперебойно выдавать продукцию, отгружать ее, а Нелличка аккуратно врат в главк и смежникам, что директор Константин Георгиевич Макаров сейчас бродит по цехам вместе со строителями, договариваясь о реконструкции некоторых устаревших заводских подразделений, отбыл на похороны Евдокии Павловны Голубевой, 76 лет, русской, домохозяйки, уроженки деревни Доброе Боровского района Калужской области, находившейся с вышеозначенным директором в добрых отношениях на протяжении последних двадцати двух лет...

(С. Есин. Родственница)

8

Заявление Каретникова было написано в странном возвышенно-казенном стиле с претензией на художественность. Обращаясь к писательской общественности, заявитель сообщал, как, пользуясь его исключительной доверчивостью и постоянно оказываемым вниманием писателям младшего поколения, литератор Рахлин проник в его квартиру под предлогом ознакомления со своей новой рукописью. Рукописи он, однако, не предъявил, но просил потерпевшего употребить свое влияние для предоставления ему, Рахлину, незаслуженных льгот. Получив решительный отказ, вымогатель перешел от просьб к угрозам, а от угроз к действиям и совершил ничем не спровоцированное бандитское нападение самым безобразным и унижительным способом, в результате чего Каретников вынужден был обратиться к врачам, утратил трудоспособность и не может заниматься исполнением своих повседневных литературных, государственных и общественных обязанностей. «Адресуясь к своим товарищам и коллегам, — заканчивал свое заявление Каретников, — я прошу разобрать поведение Рахлина, вынести ему соответствующую оценку и тем самым защитить честь и достоинство одного из активных членов нашей, в целом сплоченной и дружной, писательской организации».

(В. Войнович. Шапка)

9

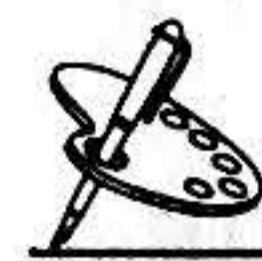
Да, сегодня я в ударе, не иначе.
Надрываются в восторге москвичи,
а я спокойно прерываю передачи
и вытаскиваю мертвые мячи.

Вот судья противнику пенальти назначает,
репортеры тучею кишат у тех ворот.
Лишь один упрямо за моей спиной скучает —
он сегодня славно отдохнет!

Извиняюсь,
вот мне бьют головой...

Я касаюсь, подают угловой.
Бьет десятый, дело в том,
что своим «сухим листом»
размочить он может счет нулевой.

Мяч в моих руках — с ума трибуны сходят,
хоть десятый его ловко завернул,
у меня давно такие не проходят,
только сзади кто-то тихо вдруг вздохнул. <...>
(В. Высоцкий. Вратарь)

35. Внимательно прочитайте описание внешности Павла Петровича Кирсанова в романе И. Тургенева «Отцы и дети».

<...> В это мгновение вошел в гостиную человек среднего роста, одетый в темный английский сюрт, модный низенький галстук и лаковые полусапожки, Павел Петрович Кирсанов. На вид ему было лет сорок пять: его коротко стриженные седые волосы отличали темным блеском, как новое серебро; лицо его, желчное, но без морщин, необыкновенно правильное и чистое, словно выведенное тонким и легким резцом, являло следы красоты замечательной; особенно хороши были светлые, черные, продолговатые глаза. Весь облик Аркадиева дяди, изящный и породистый, сохранил юношескую стройность и то стремление вверх, прочь от земли, которое большею частью исчезает после двадцатых годов.

Павел Петрович вынул из кармана панталон свою красивую руку с длинными розовыми ногтями, — руку, казавшуюся еще красивей от снежной белизны ру-

кавчика, застегнутого одиноким крупным опалом, и подал ее племяннику.

Рассмотрите иллюстрации П. М. Боклевского (1870) и К. И. Рудакова (1946—1947), изображающие Павла Петровича (см. цветную вклейку). Сопоставьте все подробности в описании И. Тургенева с изображениями художников. Что в тургеневском описании внешности Павла Петровича указывает на черты его характера? В каких чертах изображения художников отражается характер Павла Петровича?

Стилистические возможности языковых средств

36. В приводимых ниже отрывках выделите многозначные слова. Определите их значения. Всегда ли значение многозначного слова раскрывается в данном контексте?

— Я вас не презираю, Анна Сергеевна, и вы это знаете.

— Нет, я ничего не знаю... но положим: я понимаю ваше нежелание говорить о будущей вашей деятельности; но то, что в вас теперь происходит...

— Происходит! — повторил Базаров, — точно я государство какое или общество! Во всяком случае это вовсе не любопытно; и притом разве человек всегда может громко сказать все, что в нем «происходит»?

— А я не вижу, почему нельзя высказать все, что имеешь на душе.

(И. Тургенев. Отцы и дети)

Ребенок был теперь, действительно, жив. Отец пал к ногам Сергея. Но тот стал успокаивать его и даже утверждать, что дитя просто было в сильном припадке, а теперь обогрелось и отошло. <...>

Димитрий сгорел рано. Его княжение было трудным и во многом неудачным. Он умирал в момент удачи Тохтамыша — преждевременно надломленный всей ношей исторической. <...>

Димитрий отошел в тяжелую минуту. В памяти Истории, однако, позабылись промахи его и неудачи,

он остался лишь героем Куликова поля, молодым и смелым, первым повалившим зверя степи.

(Б. Зайцев.
Преподобный Сергей Радонежский)

В день пуска мастерских на Абрамовском мосту по наущению городничего устроили кулачный бой. <...>

Лонсевиль подошел близко и видел кровь. Он видел сизое от сокрушительных ударов лицо молодого Степана, слышал, как вылетая по снегу, десятилетний мальчишка. Мартынов, пытаясь успокоить Лонсевиля, объяснял, что мальчишку нечаянно ударили «под душу», мучиться он будет недолго и в скорости отойдет.

(К. Паустовский. Судьба Шарля Лонсевиля)

Два дня Любовь Николаевна холодно и небрежно здоровалась в коридоре с Михаилом Никифоровичем. Потом отошла. <...>

Михаил Никифорович тут же отпустил руку, отступил от Любви Николаевны. <...>

— Что же вы отошли, Михаил Никифорович? — спросила она. <...>

Мы с Серовым сразу заявили, что свои голоса считаем совещательными, раз женщина и ночевать у нас не имеет права, поговорить поговорим, а решать — дело не наше. Филимон Грачев промолчал. Он-то был намерен решать, но кроссворд. <...>

— Ба! Да он с покупкой! — обрадовался финансист Моховский.

— Я взял в прокате, — смутился Михаил Никифорович.

— Он от прокатчиков! — рассмеялся Моховский.

Но тут же и утих. И все отчего-то замолчали.

— Они не прокатчики, — с досадой произнес Филимон Грачев. — Прокатчики — другие, специалисты черной металлургии...

(В. Орлов. Аптекарь)

— Ну уж Хемингуэя я тебе не отдам.

— И не отдавай, я всего прочел.

Борис
Константинович
Зайцев
(1881–1972)

— Ха-ха-ха, ты не понял, я говорю не в смысле отдать, а в смысле не дам унижить.

(В. Кручин. Прости, прощай...)

Я подхожу к тяжелому снаряду
с тяжелым чувством: вдруг не подниму? <...>

При счете «семь» я все лежу,
вздыхают землячки,
но я встаю и ухожу,
и мне идут очки.

(В. Высоцкий)

37. В приводимых ниже отрывках выделите синонимы, антонимы, паронимы. Охарактеризуйте их смысловые и стилистические функции. Обратите внимание на роль контекста в случаях синонимии и антонимии. Определите оттенки значений и эмоционально-экспрессивную окраску синонимов и антонимов.

Сон есть лучший уравниватель в жизни. Когда вздумаешь, что царь и последний поденщик, богач и бедняк, одинаково проводят треть суток, первые не пользуясь своими преимуществами, последние забывая свое горе, — то какое-то утешительное чувство проникает в душу. Я еще допустил, что счастливцев и несчастных проводят одинаково пору сна, — но обоим ли им стелет постель усталость и чистая совесть? Не сидит ли часто раскаяние у золотошвейного изголовья, не дарит ли воображение царскими снами бедняка?

(А. Бестужев-Марлинский. Латник)

Прошло около двух недель. Жизнь в Марьине текла своим порядком: Аркадий сибаритствовал, Базаров работал. <...>

— <...> Ты не воображай, что я зову тебя присутствовать на этом молебне: уж он кончен; но отец Алексей...

— Поп?

— Ну да, священник; он у нас... кушать будет... <...>

— Полноте, Евгений Васильевич. Вы говорите, что он неравнодушен ко мне, и мне самой всегда казалось, что я ему нравлюсь. Я знаю, что я гожусь ему в тетки, но я не хочу скрывать от вас, что я стала чаще думать о нем. В этом молодом и свежем чувстве есть какая-то прелесть...

— Слово *обаяние* употребительнее в подобных случаях, — перебил Базаров.

(И. Тургенев. Отцы и дети)

Он остановил свой негодующий взгляд на Родионе и продолжал:

— Я и жена относились к вам, как к людям, как к равным, а вы? Э, да что говорить! Конечно, вероятно, тем, что мы будем вас презирать. Больше ничего не остается! <...>

Придя домой, Родион помолился, разулся и сел на лавку рядом с женой.

— Да... — начал он отдохнув. — Идем сейчас, а барин Кучеров навстречу... <...> А потом глядит на меня и говорит: я, говорит, с женой тебя презирать буду. Хотел я ему в ноги поклониться, да сробел...

(А. Чехов. Новая дача)

Мой верный друг! мой враг коварный!
Мой царь! мой раб! родной язык!
Мои стихи — как дым алтарный!
Как вызов яростный — мой крик!
Ты дал мечте безумной крылья,
Мечту ты путами обвил,
Меня спасал в часы бессилья
И сокрушал избытком сил.

(В. Брюсов. Родной язык)

Обреченные были явными противоположностями друг другу. Первый являл как будто все признаки предсмертного отупения. Раскрыв губы, он бессмысленно глядел на переводчика белесоватыми неморгающими глазами. Парень был велик и широк костью, видать, вял и неповоротлив. Изредка он всхрапывал носом и проводил по нему рукавом гимнастерки.

Второй, лет под тридцать, щуплый и низенький, загорелый до черноты, был похож на скворца. Он стоял, нервно переминаясь с ноги на ногу, ни разу не взглянув на толпу пленных и на читавших ему смертный приговор.

(К. Воробьев. Это мы, Господи!..)

Если бы вы видели Михаила Никифоровича лишь в Останкине и лишь в пивном автомате, то в аптеке вы могли бы его и не узнать. И дело было не в це-

ховом одеянии Михаила Никифоровича — белом хада-те и белой шапочке. Дело было прежде всего в сов-сем ином, нежели в останкинские досужие часы, со-стоянии Михаила Никифоровича. Кем он пребывал там и кем здесь? Здесь он был Верховный жрец. Или даже Демидур. Здесь от него зависело течение жизни в деревне, в диком сообществе, в любой человече-ской натуре, в дикой живности, в любом зеленом по-беге. Здесь и каждая звезда, особенно влияющая на эпидемии и повстания, была в его управлении, здесь каждая былинка, ядовитая и целительная, засушен-ная, попавшая в сборы трав или еще и вовсе не про-росшая, вздрагивала при движении его бровей и губ. Здесь Михаил Никифорович помнил о людских бедах и болях. Здесь он был целитель и колдун, здесь он был и хирург, и терапевт, и акушер, и хозяин снови-дений, и знаток кровяных токов и давлений, и охра-нитель зеницы ока, и врачеватель душ. <...>

— Я,— сказал Игорь Борисович Каштанов,— от та-кой женщины ничего не буду просить, ни тем более требовать.

— А что в ней такого особенного? — сказал дядя Валя.— Баба как баба. Только что из Кашина. <...>

Дядя Валя, Валентин Федорович Зотов, тут же вы-разил желание побыть электросексом, который лечит и двигает глазами. После уточнения терминов он со-гласился быть экстрасексом.

— Экстрасенсом... ^п

— Ну ладно... экстрасенсом,— сказал дядя Валя и нахмурился. <...>

Михаил Никифорович рассказал, как готовится от-вар. А парень все стоял.

— Вот еще,— сказал парень.— Говорят, есть очень полезная трава. Трава меланхолия.

— Меланхолия? — спросил Михаил Никифоро-вич.— Может, вам сказали — хаммомилия? Это ромаш-ка. <...>

Стекла дяди Валиного автобуса его коллеги били за неожиданную для них прыть водителя Зотова. А главное — за прыть, по их разумению, вредную. Дя-дя Валя их донял. Или достал. <...>

Я с некоторой неприязнью смотрел на то, как дя-дя Валя выдавшей виды из шоферской жизни тряп-кой, впрочем, выстиранной, фланелью, что ли, выти-

рал пот, собирал его, а потом и неторопливо, степен-но, чуть ли не торжественно укладывал в карман, не клал, не совал, а именно укладывал, как музейную теперь вещь. <...>

«А ты вроде понравился», — говорили Михаилу Никифоровичу знакомые при встречах. Иные выжи-лись грубее: «Ва! Да ты отидея!» <...>

Пусть Любовь Николаевна и не такая, как он, пусть из иного слеплена, или выделана, или выделе-на, или сотворена, — пусть, мало ли с кем в грядущие тысячелетия придется встретиться людям, дружить или ссориться, мало ли чему и кому придется уди-виться и к чему привыкнуть! <...>

— Вот что, Михаил Никифорович.— Бурлакин под-нялся.— Возможно, я эгоистично сказал. Хотя и вер-но. Да, ты нам нужен. Но мы бы желали, чтобы и мы тебе были нужны. И чтобы ты понял, что мы ищем не для себя, а для Останкина. А ты зарыл свой та-лант. Или талант. <...>

Любовь Николаевна, на взгляд Шубникова, была сегодня чертовски хороша. Но и Тамара Семеновна была хороша. Причем если Любовь Николаевна была именно чертовски, дьявольски, ведьмински хороша, то Тамара Семеновна была ангельски хороша, серафим-ски хороша, как еще... «Ну и пусть,— решил Шубни-ков,— значит, так и должно быть».

(В. Орлов. Аптекарь)

— А я ночью-то севодни не могла зауснуть, под ут-ро уж зауснула-то. Чую сквозь дрему-то, второй раз алектор пропел.

— Кто, кто? — очнулся Пашка.

— Петух, говорю!

— Ну это... радио, что ли?

— Пошто радиво!

— Да кто пропел-то?

— Да петух.

— А говоришь, электро.

— Я и говорю, что петух.

(В. Белов. На вокзале)

И шлю депеши в Центр из Тюмени я:

«Дела идут, все боле-менее».

Мне отвечают, что у них сложилось мнение, что меньше «более» нас, а больше «менее». <...>

Я выпил залпом и разбил бокал.
Мгновенно мне гитару дали в руки.
Я три своих аккорда перебрал,
запел и запил от любви к науке. <...>

Ну что ж, мне поделом и по делам,
лишь первые пятерки получают...
Не надо подходить к чужим столам
и отзываться, если окликают.

(В. Высоцкий)

 38. Напишите небольшое сочинение (этюда), основанное на употреблении антонимов. Тема может быть любая.

39. В отрывках из повести В. Крупина «Вятская тетрадь» и романа В. Орлова «Аптекарь» выделите архаизмы и историзмы, охарактеризуйте их функции. Особо отметьте старославянизмы, укажите их признаки.

Вятская тетрадь

Но уж самый хитрый из хитрых подарков был сделан императрице Екатерине. Губернии, как известно, в Вятке до ее царствования не было. Настороженная бунтом Пугачева, делающая Россию более управляемой, Екатерина образовала ряд новых губерний. Вятские тоже восторжествовали, а как же мы? А вдруг забудут? Тут тезоименитство государыни. Надо снаряжать депутацию. А что матушке-государыне подарить?

— Меха, — сказали купцы.
— Драгоценности, — сказала дворянство.
— Эх, неразумные, — сказал архиерей, — а то не видала государыня мехов аль драгоценностей. Уж с Сибирью да Уралом нам не тягаться. Надо так, чтоб императрица ежедневно нас вспоминала, сядясь за труды.
— А как так? — спросили купцы и дворяне.
— Сейчас скажу, — отвечал архиерей, разворачивая карту империи. — А вот ежели бы, достопочтенные господа, на оной карте означилась бы Вятская губерния, то каковы б были ее очертания? Орлов, Котельнич, Слободской, это все вятское. И Кай-городок, и понизовье — Уржум, Яранск, Царево-Санчурск, Малмыж — это суть наше. А еще что?

— Как что? — сказали купцы. — По Чепце все земли наши. Глазов наш.

— А Елабуга? — спросили дворяне. — А Сарапул?

— Следовательно, границы таковы, — и архиерей стал вести по карте указующим перстом. Когда он захватывал слишком, купцы и дворяне осаживали:

— Владыка, сие костромичей. А сие казанское. Сие екатеринбургское.

— Эх, — досадовал архиерей, — слабеет вятская удаль, а то чтоб нам и Казань не присовокупить?

— Владыка, к чему ваше такое словопроение?

— А к тому, что депутацию снарядить надо честь по чести.

И архиерей изложил свой план, который был с восторгом принят. Лучшим мастерам был заказан чернильный прибор из капокорня, редкого вятского промысла.

— Чернила матушке нашей государыне надобны постоянно, — говорил архиерей. — Сколь на одного Вольтера извела, соотносясь перепискою и наставляя оного на путь истинный. Уж хоть бы кто сказал голубушке, чтоб присоветовала ему не с папой римским сутяжничать, а в православие креститься. Так-то бы пристойней, и чернила не лить.

И депутация отправилась. Любезно принятая и посаженная в кресла, депутация ждала, что скажет императрица о принятых подарках. Чернильный прибор был изумителен. Чернильницы, приспособление для перьев, песочница располагались на основании, которое было непонятной формы. Сверху значилось: «Карта губернии».

— Какова же это губерния? — подивилась императрица. — Таковых очертаний не упомню.

— Вятская, матушка, Вятская, — возопили депутаты, валясь в ноги самодержице.

Ну как было после этого не начертать указа о создании Вятской губернии? <...>

Аптекарь

В назначенный час публика притекла к пруду под башней. К зрелищам здесь привыкли. То станут доставать утопленника из останкинских вод. То пройдет

регата ребячьих яхт, и родители на берегах возрадуются. <...>

На листе бумаги было написано: «Любови Николаевне Х.», — а внизу более рослыми и сытными буквами: «Записка о повреждении нравов в Останкине». Было сочинено Шубниковым и начало первой фразы: «Взирая на нынешнее состояние Останкина моего, а также Сретенки...» <...> Записки давались Шубникову нелегко. <...> «Умножились в Останкине искания способов без разбору, дабы оными ублажить сластолюбие... Несть в Останкине дружбы, ибо каждый жертвует другом для пользы своея...» <...>

Сразу же Михаил Никифорович и возроптал: это его приятельницы-то слабые и беззащитные? <...>

Любовь Николаевна протянула руку и пальцем, перстом указующим, дотронулась до груди Михаила Никифоровича. <...>

— Я не клоун, — гордо произнес дядя Валя. — Я Останкино желаю уберечь. Я всем говорю: одумайтесь и не соблазняйте! Вы не караванщики в пустыне, развеите миражи! Пусть истекут они из Останкина вонючим дымом! <...>

В это мгновение на плечо его положила руку Любовь Николаевна. Позже говорили, что она не положила руку, а возложила. И что сразу же раздался треск. <...>

Но женщины, пусть и две, постановил Шубников, в грядущих его делах должны были находиться в обозе. <...>

Долго шли дожди. <...> Гладышева в очередях, имея в руках авоськи, утверждала, что льет из-за бреши в небе. Что временная жиличка их дома, надо признать, прописанная законно, была так здорова и, видно, сердита, что при отлете вышибла в небе дверь или окно или люк отверзла, починить никто не в силах, оттого и льет.

40. В приводимых ниже текстах выделите необщепотребительные слова и выражения и охарактеризуйте их с точки зрения эмоционально-экспрессивной окраски и принадлежности к той или иной сфере употребления. Определите, однородны или нет в стилистическом отношении представленные в каждом из текстов лексико-фразеологические пласты, и укажите, с какой целью они используют-

ся. Обратите внимание также на случаи стилистически значимого использования общеупотребительных слов и выражений.

1

Вот только и было одно неудобство, что транспорт этот. А так, согласно всем требованиям нынешней планировки и градостроения, имелось у них в микрорайоне решительно все, что нужно современному человеку для жизни полнокровной, интересной, насыщенной в любом отношении.

Судите сами: помимо ванн в домах всегда парила на морозе прекрасная большая баня с прачечной и приемным пунктом химчистки, про магазины «Трикотаж», «Булочная-кондитерская», «Бакалея — гастрономия», «Рыба» и говорить смешно — тут они, под носом. Неподалеку же — колхозный аккуратный рынок с умеренными ценами, для игрищ и забав — клуб завода резинотехнических изделий, функционировал даже и пивной бар в микрорайоне, а к услугам любителей имелась настоящая музыкальная школа. Да в таком микрорайоне тыщу лет живи и все помирять не захочешь!

Ну, в пивной бар Петр Матвеевич заходить, естественно, не стал. Там грязно, накурено, кричат. Нечистая буфетчица с опухшей рожей нехорошо шутит. Пьянь какая-нибудь пристанет, вымаливая двадцать копеек. И ко всему прочему не уважал Петр Матвеевич пиво, хотя и был наслышан о его волшебных свойствах. Что, дескать, оно и того, и сего... бодрит, стимулятор. В сон его и дрему тянуло с пива, а Петр Матвеевич всегда хотел жить, а не спать. Вот он и прихватил в магазине четвертинку.

(Е. Попов. Электронный баян)

2

Стасик ворошил угли в корыте. Охапыч с Кутей покуривали на бревне у забора. Кутя, как всегда по торжественным случаям, прицепил орден. Борька-йог тихо, ни к кому не обращаясь, нес неинтересную ахи-нею: цитировал каких-то тибетских попов и старых китайцев. Поди проверь. Рядом с ними сидел Финн.

Имени у него и то путем не было, все Финном звали. Вроде живал он там. Трудился в командировке — электромонтером, что ли. Клеклый он был какой-то, мокроватенький. И глаза бутылочные.

Может, Финн трепал про Финляндию, а может, и нет, во всяком случае, в выходной иногда зайдет на кладбище подпить легонько — одет под иностранца: пальто замшевое, джинсовый костюм, часы на руке с тремя головками, на другой браслетик, как у хиппаря натурального, кепочка кожаная.

У Мишки на его жизнь был свой взгляд. Приблизительно такой. В Финляндии он был. Только не монтером. А оттуда его попросили за пьянку. Специальности никакой, учиться поздно, да и нечем: потная лысинка, а под ней пусто — все пропито. Прослышал от кого-нибудь, что на кладбище кормушка хорошая, подмазал кого надо, часики пообещал или рубашечку и пристал к покойничкам. А тут не тут-то было. Ни силенки, ни хватки, ни умения — ничего нет. В компанию не берут, механикой кладбищенской не делятся. А из ничего ничего и получается: оградку за пятерку покрасить да скамейку сколотить — вот и вся его халтура.

(С. Каледин. Смирненное кладбище)

3

«Чем отличается баня по-белому от бани по-черному?» — спросил он [Высоцкий] меня однажды. За консультацией по крестьянскому быту, надо сказать, обращался он ко мне часто, думая, раз я коренной чалдон алтайский и колхозник, стало быть, быт, словарь и уклад гнезда своего должен знать досконально (в чем, конечно, он ошибался сильно), но я не спешил разуверять его в том, играя роль крестьянского делегата охотно и до конца, завираясь подчас до стыдного. На этот раз ответ я знал не приблизительный, потому что отец наш переделывал нашу баню каждый день, то с черной на белую, то с белой на черную, и наоборот, — по охоте тела. Баня по-черному — это когда каменка из булыжника или породного камня сложена внутри самого покоя без всяких дымоотводов. Огонь раскаляет докрасна непосредственно те камни, на которые потом будем плескать воду для образова-

ния горячего пара. От каменки стены нагреваются, тоже не шибко дотронешься. Дым от сгорания дров заполняет всю внутренность строения и выходит в двери, в щели, где найдет лаз. Такая баня, когда топится, кажется, горит. Естественно, стены и потолок слоем сажи покрываются, которую обметают, конечно, но... Эта баня проста в устройстве, но не так проста в приготовлении. Тут искусство почти. Надо угар весь до остатка выжить, а жар первородный сохранить. Это целая церемония: кто идет в первый пар, кто во второй, в третий... А веники приготовить... Распарить так, чтобы голиками от двух взмахов не сделались?

(В. Золотухин. Как скажу, так и было, или Этюд о беглой гласной)

4

Махора принялась было за вязанье, но горячее весеннее солнце припекало, размаривало, клонило в дрему. Поднялась нынче Махора до зари. Вчерашним днем, к вечеру, прошелся по хутору шальной вихрь. Куролесил он недолго со свистом и пылью и наделал беды: повалил сено в Махорином дворе. Остатнее сено стояло нетвердо, грибком, обдерганное за зиму со всех сторон. Вихрь его свалил. И утром, прогнав со двора скотину на попас, Махора взялась перекладывать сено. Работать одной было несподручно: самой и на стог подавать, и укладывать, и топтать. Приставила она к стожку лестницу и лазила по ней. А годы уже не велили ей вверх и вниз скакать. Шестьдесят годов, пять лет на пенсии. Через силу сметала стожок, прикрывала его толем, жердями придавила, — чтоб до зимы стоял. Стожок-то стоял, а хозяйка к магазину едва ноги донесла. И теперь дремала на солнышке, отдыхая.

Хлеба привезли нынче много. И белого и темного — всякого набрались. Махора взяла шесть буханок. Приближался выходной, дети могли в гости нагряться. Буханки в авоську положила, перекинула через плечо, словно мешок, и пошла домой.

Соседка, кума Раиса, догнала ее. Хоть и были они в годах ровными, но Раиса телом крупнее, ростом выше, ходила по-солдатски: топ-топ — и голос трубой.

(Б. Екимов. Привет издалека)

41. Напишите небольшое сочинение (этюд) с обязательным использованием одного из крылатых выражений — *Шумим, братец, шумим* (А. Грибоедов), *Наука сокращает нам опыты быстротекущей жизни* (А. Пушкин), *Срывать цветы удовольствия* (Н. Гоголь), *Административный восторг* (Ф. Достоевский), *Небо в алмазах* (А. Чехов) или любого другого по вашему выбору.

42. В отрывках из романа И. Тургенева «Отцы и дети» и из романа В. Шукшина «Любавины» рассмотрите формы глагольного времени. Определите их значение и стилистическую роль. Отметьте случаи переносного употребления времен.

Отцы и дети

Дверь отворилась и вошла Фенечка с Митей на руках. Она надела не него красную рубашечку с галуном на вороте, причесала его волосики и утерла лицо: он дышал тяжело, порывался всем телом и подергивал ручонками, как это делают все здоровые дети; но щегольская рубашечка, видимо, на него подействовала: выражение удовольствия отражалось на всей его пухлой фигурке. Фенечка и свои волосы привела в порядок, и косынку надела получше, но она могла бы остаться, как была. <...>

Бывало, выйдя из благовонной ванны, вся теплая и разнеженная, она замечтается о ничтожности жизни, об ее горе, труде и зле... Душа ее наполнится внезапной смелостью, закипит благородным стремлением; но сквозной ветер подует из полужакрытого окна, и Анна Сергеевна вся сожмется, и жалуется, и почти сердится, и только одно ей нужно в это мгновение: чтобы не дул на нее этот гадкий ветер. <...>

— Я у вашего дедушки в бригаде служил, — обратился он к Аркадию, — да-с, да-с; много на своем веку видал видов. И в каких только обществах не бывал, с кем не важивался! <...>

— А то здесь другой доктор приезжает к больному, — продолжал с каким-то отчаяньем Василий Иванович, — а больной уже *ad patres*; человек и не пускает доктора, говорит: теперь больше не надо. Тот этого не ожидал, сконфузился и спрашивает: «Что, барин перед смертью икал?» — «Икали-с». — «И много

икал?» — «Много». — «А, ну — это хорошо», да и верть назад. <...>

Неожиданный поступок Павла Петровича запугал всех людей в доме, а ее [Фенечку] больше всех; один Прокофьич не смутился и толковал, что и в его время господа дирывались, «только благородные господа между собою, а этаких прощелыг они бы за грубость на конюшне отодрать велели».

Любавины

Какой-то детина с покатыми плечами в косую сажень во что бы то ни стало хотел пройти впрысдку. Но его каждый раз вело с ног; он падал, с трудом молча поднимался и, распрямившись во весь свой огромный рост, жеманно подбоченивался, точно по-бабьи вскрикивал: «Ух ты-и!..» — приседал с маху и... заваливался на спину. <...>

Вечереет. Краем леса, по грязной дороге идут Гринька и Кузьма. Гринька — впереди, Кузьма — сзади, в нескольких шагах.

В лесу пахнет смолем. А с другой стороны, с пашни, несет болотной сыростью талой земли. Где-то далеко-далеко над степью, в пылающей заревой дали, слабо звучит песня. И шумит-шумит за лесом река.

Гринька не торопится. Шагает вразвалку, поглядывает по сторонам. Руки его крепко связаны сзади ремнем. <...>

Как стемнеет, так мать меня раз — посылает куда-нибудь. Я из дома, а поп в дом. Заело меня. Прямо места не нахожу. Один раз взял ружье, зарядил патрон солью и подкараулил попу. Только он вышел от нас, спустился с крыльца-то, я ему всади горсть соли в зад. Кэ-эк он подпрыгнет! Как припустит бежать!.. <...>

Стремится с шипением бешеная река. Здесь она вырывается из теснины каменистых берегов, заворачивает влево и несется дальше, капризно выгнув серебристую могучую спину.

43. В отрывке из романа В. Шукшина «Любавины» а) рассмотрите формы глагольного времени, обратив внимание на их чередование и достигаемый этим чередованием стилистический эффект, б) определите типы предложений; какие из них характерны для разговорного языка?

Василий
Макарович
Шукин
(1929–1974)

Долго просили Никона рассказать, как его увозили черти. Он согласился.

Придвинулся к огоньку, раскурив «ножку» — папиросу-косушку — и начал...

— Ну, значит... было это, дай бог памяти, где во втором, не то в третьем — до японской ишо. Загулял я как-то — Рождество было. День гуляю, два гуляю... На третий, однако, пришел домой. Стал разболакаться-то, да подумай — как подтолкнул кто: дай-ка, думаю, я еще к куму Варламу схожу. Кума Варлама вы не помните.

Вон Махор помнит. Богатырь был. Как рывкнет, бывало, на одном конце деревни — на другом уши затыкай. Дэ-э... Вышел я. А уж под вечер. На дворе мороз с пылью.

Только я из ворот — а по переулку летит пара с бубенцами. Снег веется. Чуток с ног не сшибли: тррр! «Эй! — кричат. — Кум! Мы за тобой. Падай в кошевку!» Кумовья оказались: кум Макар Вдовин и кум Варлам. Мне того и надо — пал в кошеву. Подстегнули они коней и понесли. Дэ-э... Ну сижу я в кошеве и света белого не вижу — до того ходко едем. А кумовья знай понужают да посвистывают. «Куда, — говорю, — едем-то?» Кумовья только засмеялись. И тут, — видно, и на их, окаянных, сила есть, — только захотел же я курить. Так захотел — сердце заходится. Ну, свернул папироску, стал прикуривать. Чиркаю спичками-то. Одну испортил, другую, третью — с десяток извел, ни одной не зажег. Ну и подумай про себя: «Господи, да что же я прикурить-то никак не могу». Только так подумал — кумовьев моих как век не было рядом. И сижу я не в кошеве, а на снегу. Вокруг — ни души. Темень — глаз выколи. Тут я струсил. Хмель из головы сразу вылетел. Сижу как огурчик. Главное — не пойму: что со мной делается? А тут еще поземка начинается, дергает низом: к бурану дело. Что делать? И слышу — далеко-далеко звенят колокольчики: динь-динь, динь-динь.

Похоже, ямщики с грузом.

Закричал я что было силы: «Не дайте душе сгинуть!» Кричу, а колокольчики все — динь-динь, динь-динь...

Я еще громче: «Карау-ул! Погибаю, люди добрые!» Слышу — смолкли колокольчики. Я — кричать. Через немного времени замаячили в темноте двое.

44. Рассмотрите типы предложений в отрывке из повести В. Тендрякова «Чистые воды Китежа». Соответствуют ли они некой «средней норме» употребления типов предложений в литературном языке? Какого художественного эффекта добивается автор, выбирая определенные типы предложений?

Старый город в юном снегу.

Самсон Попенкин, беспокойно спавший, поднявшийся с постели в дурном настроении, почувствовал, как оттаивает. Его охватила непривычная расслабленность, и странные мысли забродили в мозгу.

Вот ты сейчас идешь по пуховому, податливому, даже еще не научившемуся хрустеть снежку и несешь в себе решительное, собранное, как бойцовский кулак, желание — подставить ножку Петрову-Дробняку, чтоб тот рухнул, гремя старыми костями. Должен рухнуть, иначе рухнешь ты сам.

Город в первом снегу, привычный, прискучивший, иногда даже постылый, но и родной, и, право же, любимый — порой вот так, как сейчас, с тихой голубиной нежностью, порой со стоном, с проклятием, с болью! До чего красив бывает твой город! Старый город в юном снегу. Странные мысли нашептывает он...

Снег на карнизах, перепоясанные снегом дома. Свежий снег — свежие мысли. Да мысли ли? Скорей счастливые мечтания. Хочется наивно верить — вот-вот набредешь на ответ, на извечно недоуменное: что есть истина?.. Вот-вот, уже, кажется, близко, уже под рукой — протяни и возьми!..

45. В отрывке из «Белой гвардии» М. Булгакова рассмотрите порядок слов в предложениях. Определите соотношение предложений, в которых слова располагаются в прямом порядке, и предложений, в которых этот порядок изменен. Прodelайте лингвостилистический эксперимент: в предложениях с измененным порядком

слов расположите слова в прямом порядке и проследите, какие смысловые и стилистические оттенки возникают при том словорасположении, которое представлено в авторском тексте. Сделайте и другие перестановки слов и проследите за возникающими смысловыми и стилистическими изменениями.

Улица пустая вообще производит ужасное впечатление, а тут еще где-то под ложечкой томило и сосало предчувствие. Злобно морщась, чтобы преодолеть нерешительность — ведь все равно идти нужно, по воздуху домой не перелетишь, — Турбин приподнял воротник шинели и двинулся.

Тут он понял, что отчасти томило — внезапное молчание пушек. Две последних недели непрерывно они гудели вокруг, а теперь в небе наступила тишина. Но зато в городе, и именно там, внизу, на Крещатике, ясно пересыпалась пачками стрельба. Нужно было бы Турбину повернуть сейчас от Золотых ворот влево по переулку, а там, прижимаясь за Софийским собором, тихонечко и выбрался бы к себе, переулками, на Алексеевский спуск. Если бы так сделал Турбин, жизнь его пошла бы по-иному совсем, но вот Турбин так не сделал. Есть же такая сила, что заставляет иногда глянуть вниз с обрыва в горах...

46. Внимательно прочитайте стихотворение И. Северянина «Квадрат квадратов».

Никогда ни о чем не хочу говорить...
О, поверь! — я устал, я совсем изнемог...
Был года палачом, — палачу не парить...
Точно зверь, заплутал меж поэм и тревог...

Ни о чем никогда говорить не хочу...
Я устал... О, поверь! Изнемог я совсем...
Палачом был года — не парить палачу...
Заплутал, точно зверь, меж тревог и поэм...

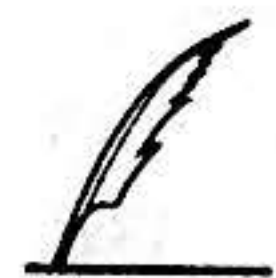
Не хочу говорить никогда ни о чем...
Я совсем изнемог... О, поверь, я устал...
Палачу не парить!.. был года палачом...
Меж поэм и тревог, точно зверь, заплутал.

Говорить не хочу ни о чем никогда!..
Изнемог я совсем, я устал, о, поверь!
Не парить палачу!.. палачом был года...
Меж тревог и поэм заплутал, точно зверь!..

Вы, конечно, заметили, что слова первой, второй, третьей и четвертой строчки в каждом четверостишии одни и те же, но порядок их разный. Какие смысловые и стилистические оттенки возникают в различных вариантах? Какие еще варианты порядка слов возможны в каждой строке (конечно, без соблюдения рифм)? Какие смысловые и стилистические оттенки возникнут при новых изменениях?

47. В предложении *Летом солнце встает рано* сделайте все возможные перестановки слов. Проследите, какие смысловые и стилистические оттенки возникают при этом.

48. Напишите на любую тему небольшое сочинение, состоящее из простых предложений. А затем напишите варианты этого сочинения: а) изменяя порядок слов в предложениях, б) объединяя два или больше простых предложений в одно сложное.

49. Сравните черновые варианты и окончательный текст отрывка из «Станционного смотрителя» А. Пушкина. Выпишите все случаи исправления текста в окончательном варианте сравнительно с черновым и кратко объясните их.

Черновые варианты

Потом, взяв со стола несколько ассигнаций, сунул их ему за рукав — отворил двери, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно. Наконец увидел он за обшлагом сверток бумаг и развернул и как во сне увидел столько ассигнаций, сколько отроду... Слезы навернулись на глазах его, благородные слезы негодования. Он сжал в кулак ассигнации и бросил их в снег, притоптал каблуком — потом пошел. Отошед несколько шагов, он остановился, подумал — и воротился назад... но ассигнаций уже не было. Смотритель за-

метил только хорошо одетого молодого человека, который, увидя его, опрометью подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: пошел!

Окончательный текст

Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!...»

50. Сравните текст первой публикации в газете «Новое время» (1886) рассказа А. Чехова «Учитель» и текст более поздней публикации в собрании сочинений писателя, вышедшем в издательстве А. Ф. Маркса в 1901 г. Выпишите все случаи исправления, сделанные в издании 1901 г., сравнительно с первой публикацией. Кратко объясните их.

Текст, опубликованный в газете
«Новое время»

Учитель был сильно не в духе, точно его ожидал впереди не обед, а строгий выговор. В таком настроении виноваты были последние экзамены. Сошли эти экзамены блистательно; все мальчики старшего отделения удостоены свидетельства; начальство, как фабричное, так и казенное, осталось довольно успехами, но учителя все-таки сосал червь... По его мнению, на последнем экзамене произошло много недоразумений и даже несправедливостей. Так, его мучило, что ученик Бабакин, всегда писавший без одной ошибки, сделал в экзаменационном диктанте три ошибки; ученик Сергеев с перепугу не сумел помножить 17 на 13; инспектор, человек молодой и неопытный, экзаменовал неумело и статью для диктанта выбрал трудную, а учитель соседней школы, Ляпунов, присутствовавший

на экзамене, диктовал эту статью «не по-товарищески», т. е. выговаривая слова не так, как они пишутся, и сжевывая концы слов. «Свинья этакая...— думал Сысоев про Ляпунова.— Погоди, покажу я тебе на обеде, при всех отщелкаю! Я ни на кого не погляжу! Жалуйся тогда в дирекцию!»

Текст в собрании сочинений 1901 г.

Он был сильно не в духе, так как был очень недоволен последними экзаменами. Сошли эти экзамены прекрасно; все мальчики старшего отделения были удостоены свидетельства и награды; начальство, и фабричное и казенное, осталось довольно успехами, но учителю было мало этого. Ему было досадно, что ученик Бабкин, всегда писавший без одной ошибки, сделал в экзаменационном диктанте три ошибки; ученик Сергеев от волнения не сумел помножить 17 на 13; инспектор, человек молодой и неопытный, статью для диктанта выбрал трудную, а учитель соседней школы Ляпунов, которого инспектор попросил диктовать, вел себя «не по-товарищески»: диктуя — выговаривал слова не так, как они пишутся, и точно жевал слова.

51. Сопоставьте стихотворение К. Бальмонта «Она» и рисунок И. Бруни. Отражаются ли в рисунке «предметные» детали, упоминаемые в стихотворении? Что связывает стихотворение и рисунок?

Она

В мгновенной прорези зарниц,
В крыле перелетевшей птицы,
В чуть слышном шелесте страницы,
В немом лице, склоненном ниц,

В глазке лазурном незабудки,
В веселом вскрике ямщика,
Когда качель саней легка
На свеже-белом перепутке,

В мерцанье восковой свечи,
Зажженной трепетной рукою,
В простых словах «Христос с тобою»,
Струящих кроткие лучи,

В глухой ночи, в зеленоватом
Рассвете, истончившем мрак,
И в петухах, понявших знак,
Чтоб перепеться перекатом,

В лесах, где папоротник, взвив
Свой веер, манит к тайне клада,—
Она одна, другой не надо,
Лишь ей, жар-птицей, дух мой жив.

И все пройдя пути морские,
И все земные царства дней,
Я слова не найду нежней,
Чем имя звучное: Россия.

Формы и качества словесного выражения

 52. Рассмотрите отрывки из статьи Л. В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» и из стенограммы его ответного слова после доклада «О второстепенных членах предложения», прочитанного на заседании Института языкознания 15 октября 1936 г. В обоих отрывках представлен, конечно, литературный язык и один и тот же его стиль — научный. Но в первом случае текст создавался для печати, во втором — был произнесен. То есть мы имеем дело с письменной и устной формой словесного выражения. Какие же различия между этими формами можно наблюдать в приведенных отрывках? Вряд ли они окажутся очень велики и сразу заметны, но все же они обнаружатся при тщательном анализе. Обратите внимание на размер и строение предложений, на использование риторических фигур, образных средств, эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики. Представьте себе интонации, паузы, с которыми произносятся фразы в устном выступлении.

О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании

Строго говоря, мы лишь постулируем индивидуальные отличия индивидуальных речевых систем внутри примарной социальной группы, ибо такие отличия, как

ведущие к взаимонепониманию, должны неминуемо исчезать в порядке социального общения, а потому никто на них никогда не обращал внимания, даже если они и встречались. Этим-то и объясняется всегда практиковавшееся отождествление таких теоретически несоизмеримых понятий, как «индивидуальная речевая система» (=психофизиологическая речевая организация индивида) и «языковая система», которым более или менее грешили все лингвисты до самого последнего времени.

Ответное слово после доклада

Вы меня заставляете сказать, какие же основные категории я намечаю. Я не хотел этого говорить, потому что я, может быть, откажусь от чего-нибудь. Я хотел только показать, что все сложнее, чем это кажется на первый взгляд. Все-таки я скажу, какие категории я намечаю, но предупреждаю, что каждую минуту, может быть завтра, мне может показаться, что я ошибаюсь. Сейчас мне представляется так: категория качества или свойства (мне все равно, потому что я выражаюсь здесь житейски, условно), для которой морфологической формой будет прилагательное,— это узаконенная форма в нашем языке. Но оказывается, что это же самое может выражаться и другими средствами. Это же самое соотношение имеем, например, в сочетании *быстро бегать*. Я твердо на этом стою. Вообще, соотношение между наречием *быстро* и прилагательным *быстрый* чисто формальное. По существу это одно и то же. Формально мы в категориях это различаем, но по существу это одна категория. <...>

Но в общем я согласен, что какими-то путями надо исходить из яркого и простого. Не нужно стремиться к тому, чтобы все в предложении, особенно в художественном тексте, разобрать по косточкам. Тогда получается полочная схема. Можно все разобрать, можно все разложить по полочкам, но какая цена такой схеме? Поэтому надо брать ясные определения; если будет ясно, что это свойство или качество, то, значит, это «определение».

53. Сравните размер и строение предложений, использование риторических фигур, образных средств, эмоционально-экспрессивно окрашенной лексики и фразеологии,

особенности интонации в отрывках, представляющих письменную и устную форму выступлений об общественной роли литературы и искусства. Отрывки взяты из статьи И. Любарской «Любовь к Орловой» («Общая газета» от 13—19 февраля 1997 г.) и выступления писателя С. Есенина «Скромное обаяние литературы» на Конгрессе в защиту книги.

Любовь к Орловой

Ее имя с самого начала было точно зарифмовано с чувством, которое она вызывала.

Такая судьба со стороны кажется завидной, да и сама Любовь Орлова, светло и лучезарно улыбаясь, часто говорила, что она всегда была счастлива. Однако сейчас становится все более очевидным другое: скрытый трагизм постоянной необходимости подтверждать тождество имени и чувства, десятилетиями сохраняя статус любимицы страшноватой эпохи «большого стиля» — от ее начала до самого конца, и даже после конца.

Казалось, она целиком происходит из целлулоидного мира мечты, где сердцу не хочется покоя, где так вольно дышит человек, где нет преград ни в море, ни на суше, где песня жить и любить помогает, где тает лед и сердце тает. Казалось, «вечная молодость» — это не метафора, а некий дар, которым ее наградили партия и правительство за идеальное воплощение вечной молодости мифической страны нестареющих «веселых ребят». Казалось, она родилась именно тогда, на первом сеансе фильма «Веселые ребята», в 1934-м. И этому, казалось, было даже роковое подтверждение — много позже, уже на пороге 60-х, играя в спектакле «Милый лжец», она постоянно срывала аплодисменты на фразе, когда-то сказанной другой актрисой: мне никогда не будет больше 39 лет ни на один день!

Скромное обаяние литературы

Господа! Есть ли на первый взгляд что-либо более бессмысленное, чем наш с вами конгресс? Его причина очевидна — привлечь внимание общественности к бедственному положению отечественного книгоизда-

ния. Ах, как хорошо знает об этом общественность, на своей шее испытывая эту самую бедственность! Его цель — побудить государственные институты к работе и проведению политики поддержки книжного дела в стране. Но что же здесь побуждать, когда до очевидности известна формула о том, что основа любой государственности, жизнеспособности и расцвета, фундамент просвещенной и цивилизованной жизни — в книге, в той духовной ауре, которая поднимается и мерцает над печатной страницей. В этом смысле книга материальна и действительна более, чем прокатный стан и баллистическая ракета. <...>

Многие из вас, сидящих в этом зале издателей, могут похвастаться, что издают книгу ради самой книги, ее скромного и несенсационного блеска, ее внутреннего негромкого достоинства и стоицизма? Разве не «А сумею ли перекрутиться?» возникает у вас при каждом новом названии рукописи, которую вы отправляете в типографию?

Что делать? Не знаю. Но писатель не в состоянии работать, хотя бы в отдалении не надеясь на востребованность его усилий. Издатель не может существовать под гильотиной голой копейки и инфляции. В конце концов мы вправе сравнить некоторые абрисы жизни «в прошлом» и «теперь».

Не думаю, что, разрушив прежние идеологические стереотипы и заодно издательские структуры, сняв их с кошта, наше новое государство вправе сделать нам ручкой. Если оно не сознает, что, недобирая в налогах с преступных мафий и родственно-возлюбленных, а часто семейных производств, оно душит и раздевает законопослушного и по-интеллигентному покладистого книгоиздателя, то мы-то сознаем! Издатель-то понимает, с кого спрос и за чей счет! Невыгодное это дело — пилить сук, на котором сидишь.

54. В отрывках из рассказа В. Распутина «Встреча» и повести Р. Киреева «Песчаная акация», где представлены диалоги персонажей и авторский монологический текст, проследите языковые черты, отличающие диалогическую и монологическую формы словесного выражения. Обратите внимание на размер (протяженность) и строение предложений. Проследите связь диалога с ситуацией, в которой он происходит.

Встреча

— Ты в гостинице остановилась? — спросил Николай.
— Нет, — оглядываясь на президиум, зашептала Анна. — У меня тут тетка живет, я у нее.

Он засмеялся.

— Да ты не бойся.

— Ругаются, — смущенно сказала Анна. — А ты где, в гостинице?

— Там.

Они помолчали, украдкой поглядывая друг на друга, потом Николай наклонился к ней и предложил:

— Давай мы вот как сделаем. Сейчас кончится, давай пойдем ко мне.

— А зачем? — осторожно спросила она.

— Поговорим — как зачем? Сколько лет не видались! Посидим, поговорим, чтоб никто не мешал.

— Не знаю.

— А чего тут знать?

— Не знаю, что и делать.

— Да ты какая-то дикая стала! — удивился он. — Как девчонка. Я помню, ты в молодости будто не трусливая была.

— Не подначивай, — сказала она. — Поеду, так и быть. Ты меня не съешь.

— Понятно, не съем.

В перерыве они оделись и вышли. На улице уже начинались скорые зимние сумерки, но было тепло, и от тепель эта, наступившая за те несколько часов, пока они сидели на совещании, казалась удивительной. Не верилось, что стоит декабрь, конец декабря, середина зимы. Люди туда и обратно шли одинаково не спеша, отдыхая от морозов и постоянной зимней спешки. При тусклом свете загорающихся в сумерках огней в воздухе висели редкие лохматые снежинки, оставшиеся после недавнего снега, но доставали ли они до земли, было не видно. Машины двигались почти бесшумно, и потому казалось, что они движутся медленно и осторожно.

Песчаная акация

Не тогда ли запало в сознание Капсулова зернышко, проросшее через много лет постановкой «Федора Иоанновича»? Постановкой, которая, надеялся он, станет поворотным пунктом его биографии.

Не стала... Он понял это раньше всех, понял еще в день премьеры, хотя внешне все шло прекрасно. Вызовы, цветы, пышные поздравления... <...>

Дочь тоже удостоила своим присутствием, но прибыла не одна, а с кавалером. Он был долговяз, застенчив и улыбался невпопад. Смотрел же не столько на сцену, сколько на свою спутницу. И когда поздно вечером (город давно спал, лишь под завывание ветра цокали за окном серые гекконы — те самые, на которых безуспешно охотился с фотоаппаратом режиссер Иванов), когда поздно вечером дверь приоткрылась и к нему скользнула в халатике его совершеннолетняя красавица, он решил, что она явилась сообщить о своей помолвке.

— Не спишь?

Он сидел за пустым столом, одетый, в галстук-бабочке, причем не той мифической бабочке, о которой толковала когда-то на гульгановском пляже насмешливая Ксения Швец, а в бабочке реальной. В отличие от столичных мэтров, выходящих на публику в пуловерах и джинсах, он был по части собственных туалетов неисправимый ретроград.

— Не сплю, — ответил он. — Во всяком случае, мне так кажется.

На сей раз она не подхватила его иронического тона. Глаза ее темнели на бледном лице серьезно и глубоко.

— Прости меня, папа, — сказала она.

Капсулов нахмурился.

— За что?

— За то. Пожалуйста, прости.

— За что «за то»?

Но понял, о чем она. О маленьком таланте, который кое-кто пыжится выдать за большой.

— Я не соображала ничего... Два балла! ужасно обидно. <...>

— Иди ложись, — попросил он.

— А ты?

— И я... Иди, спокойной ночи.

55. Сопоставьте описание монастыря в «Путешествии в Арзрум» А. Пушкина и в его же стихотворении «Монастырь на Казбеке». Выделите все признаки организации текста, по которым в данном случае прозаическая форма словесного выражения отличается от стихотворной.

Путешествие в Арзрум

Утром, проезжая мимо Казбека, увидел я чудное зрелище: белые, оборванные тучи перетягивались через вершину горы, и уединенный монастырь, озаренный лучами солнца, казалось, плавал в воздухе, несомый облаками.

Монастырь на Казбеке

Высоко над семьею гор,
Казбек, твой царственный шатер
Сияет вечными лучами.
Твой монастырь за облаками,
Как в небе реюший ковчег,
Парит, чуть видный, над горами.

Далекий, вожденный брег!
Туда б, сказав прости ущелью,
Подняться к вольной вышине!
Туда б, в заоблачную келью,
В соседство Бога скрыться мне!..

56. Сопоставьте отрывок из романа А. Белого «Петербург» и начало стихотворения М. Кузмина «Мои предки». Все ли различия между прозаической и стихотворной формами словесного выражения, отмеченные вами в предыдущем упражнении, присутствуют здесь? В чем состоит главное отличие стихотворной формы словесного выражения от прозаической?

Петербург

Со стола поднялась холодная длинноногая бронза; ламповый абажур не сверкал фиолетово-розовым тоном, расписанным тонко: секрет этой краски девятнадцатый век потерял; стекло потемнело от времени; тонкая роспись потемнела от времени тоже.

Золотые трюмо в оконных простенках отовсюду глотали гостиную зеленоватыми поверхностями зеркал; и вон то — увенчивал крылышком золотощекий амурчик; и вон там — золотого венка и лавры и розы прободали тяжелые пламена факелов. Меж трюмо отовсюду поблескивал перламутровый столик. <...>

С желтой лаковой крышки там разблистались листики бронзовой инкрустации; и опять (докучная память!) Аполлон Аполлонович вспомнил: белую петербургскую ночь; в окнах широкая там бежала река; и стояла луна; и гремела рулада Шопена: помнится — игрывала Шопена (не Шумана) Анна Петровна...

Мои предки

Моряки старинных фамилий,
влюбленные в далекие горизонты,
пьющие вино в темных портах,
обнимая веселых иностранок;
франты тридцатых годов,
подражающие д'Орсе и Брюммелю,
внося в позу денди
всю наивность молодой расы;
важные, со звездами, генералы,
бывшие милыми повесами когда-то,
сохраняющие веселые рассказы за ромом,
всегда одни и те же;
милые актеры без большого таланта,
принесшие школу чужой земли,
играющие в России «Магомета»
и умирающие с невинным вольтерьянством. <...>

57. В отрывках из романов И. Тургенева «Отцы и дети», А. Битова «Пушкинский дом» и В. Шукшина «Любовины», представляющих собой повествование, описание и рассуждение, установите общие языковые черты каждой из этих форм словесного выражения и различия между ними. Обратите внимание на размер (протяженность) и строение предложений, на формы глагольного времени и на соотношение частей речи (существительных конкретных и абстрактных, прилагательных, глаголов и наречий).

Отцы и дети

1

Уже по тому, как их встретил дворецкий на крыльце одинцовского дома, приятели могли догадаться, что они поступили неблагоприятно, поддавшись внезапно пришедшей им фантазии. Их, очевидно, не ожидали.

Они просидели довольно долго и с довольно глупыми физиономиями в гостиной. Одинцова вышла к ним наконец. Она приветствовала их с обыкновенною своей любезностью, но удивилась их скорому возвращению и, сколько можно было судить по медлительности ее движений и речей, не слишком ему обрадовалась. Они поспешили объявить, что заехали только по дороге и часа через четыре отправятся дальше, в город. Она ограничилась легким восклицанием, попросила Аркадия поклониться отцу от ее имени и послала за своею теткой. Княжна явилась вся заспанная, что придавало еще более злобы выражению ее сморщенного, старого лица.

2

Уже вечерело, солнце скрылось за небольшую основую рощу, лежавшую в полверсте от сада: тень от нее без конца тянулась через неподвижные поля. Мужичок ехал рысцей на белой лошадке по темной узкой дорожке вдоль самой рощи; он весь был ясно виден, весь до заплаты на плече, даром что ехал в тени; приятно, отчетливо мелькали ноги лошадки. Солнечные лучи, с своей стороны, забирались в рощу и, пробиваясь сквозь чащу, обливали стволы осин таким теплым светом, что они становились похожи на стволы сосен, а листва их почти синела и над нею поднималось бледно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей. Ласточки летали высоко; ветер совсем замер; запоздалые пчелы лениво и сонливо жужжали в цветах сирени; мошки толклись столбом над одинокою, далеко протянутою веткою.

3

— А я думаю: я вот лежу здесь под стогом... Узенькое местечко, которое я занимаю, до того крохотно в сравнении с остальным пространством, где меня нет и где дела до меня нет; и часть времени, которую мне удастся прожить, так ничтожна перед вечностью, где меня не было и не будет... А в этом атоме, в этой математической точке, кровь обращается, мозг работает, чего-то хочет тоже...

Пушкинский дом

1

Лева увидел Альбину в церкви на отпевании и был поражен. Он ничего не подумал, не вспомнил неуместного, он не сказал про себя, как ей к лицу этот черный шарфик... но именно этим был поражен. Когда ему пришлось неопытной рукою кинуть в яму горсть песка, он заплакал. Все тут же и кончилось: маму быстро и деловито, как бы скатав, свернув в узелок пустого пальто, увел отец, почему-то мимо Левы, почему-то даже показав ему молча ладонью за ее спиной — не подходить... Леву взяла под руку Альбина. Всю дорогу с кладбища они прошли пешком.

2

Набережная, как всегда пустынная, имела все же некий отплеск гула проходившего рядом потока демонстрантов; черный копер, ныне столь безжизненный, плавал, приткнувшись к недобитой свае; булыжная мостовая кончалась, не достигая реки, оставив земляную полосу, огражденную от воды частоколом шпунтовых досок, и по этому тротуару, по этой тропе шла Фаина с неизвестным доселе Лева спутником... Был он как-то высок, кудряв, неожидан для Левы по внешности, почему-то в ватнике — не пижон.

3

Это был тот самый пресловутый стиляга начала пятидесятых.

<...> Этот ветеран моды, этот леденцовый солдатик Истории, почему-то так и не рассосавшийся на ее языке, обозначил позавчерашний вкус... Ах, этот вкус слишком легко теперь уценить! Пусть он отстаивал свободу «всего лишь» вторичных мужских признаков, но и он кое-что вынес на своих плечах (хотя бы большую вату...), и он чего-то не вынес, чему мы оказались теперь свидетели, но и он выстоял, предоставив последующим поколениям борьбу (куда, впрочем, более легкую!) за последующее расширение брюк, но даже и он не выстоял, навсегда обратившись взглядом в ту молодость, которая для всех прошла...

Пес в несколько прыжков настиг гадюку, схватил ее, трепанул и отпрыгнул, загородив ей путь к траве. Змея поднялась чуть не наполовину, разинула рот и грозно зашипела. Пес изготовился к прыжку. Мах!.. — промазал, вернулся. На несколько секунд змея и пес непонятно скрутились. Черня раза три высоко подпрыгнул. Змея успела свернуться в кольцо и вдруг с молниеносной быстротой развернулась. Прозевай Черня долю секунды, ему пришлось бы плохо: она целила в голову. Гадюка мягко шлепнулась, тотчас опять вздыбилась и поползла к траве. Черня, не давая ей опомниться, прыгнул. Присев на задние лапы, быстро закрутился на месте, не позволяя ей дотянуться до своей головы. Бросил, отпрыгнул. Змея была уже сильно изранена и разъярена. Она кинулась сама. Тут-то и настиг ее Черня. Он обрушился на змею с такой силой, что сам не устоял, перевернулся, вскочил и принялся рвать ее и крутиться... Через минуту со змеей было покончено.

Пасека находилась в отложье, которое широким, еще зеленым пологом опускалось к неширокой речушке. А дальше взору открывалась широкая ровная долина... А еще дальше глыбистой синей стеной вставали горы. Прямо из долины. А посередине долины извивалась Катунь. И сейчас, когда солнце висело над зубцами гор и уже чувствовался вечер, долина вся пылала нежарким красноватым огнем. Только Катунь холодно блестела.

Потом солнце коснулось вершин Алтая... И стало медленно погружаться в далекий синий мир. И чем глубже оно уходило, тем отчетливее рисовались горы. Они как будто придвинулись и стали еще более синими. А в долине тихо угасал красноватый огонь. И двигалась задумчивая мягкая тень от гор.

Кому не дано испытать настоящую сильную страсть, тот ценит ее, много знает о ней, не боится мучений и боли, которые всегда почти приходят с силь-

ной страстью. Тот, кто действительно готов к сильным страстям, тот тоже не боится мучений и боли; вся разница в том, что тот, кто не в состоянии вынести страсть и обрести счастье, при первой же боли, после первых же истинных усилий души уйдет в кусты и никогда не будет жалеть об этом. Тот, кто сильнее, тот переживет боль и радость, отдаст силу души, но будет идти до конца. Не всегда в конце — победа. Но слабее такой человек не становится.

58. На любые интересные для вас темы напишите сочинение-повествование, сочинение-описание, сочинение-рассуждение. Не старайтесь специально придать им те языковые черты, которые вы установили в предыдущем упражнении. Просто рассказывайте, описывайте, рассуждайте. А вот когда напишете — сопоставьте свои повествование, описание, рассуждение по тем же параметрам, по которым вы сопоставляли эти формы словесного выражения в произведениях писателей. Результаты будут очень интересными!

59. В приведенном ниже отрывке из статьи Л. Н. Толстого «Об общественной деятельности на поприще народного образования» говорится о языке учебной книги «Детский мир». Свои мысли писатель иллюстрирует примерами. Какие положительные качества словесного выражения нарушены в предложениях, процитированных Л. Н. Толстым?

Как на образец языка, которому поучает «Детский мир», прошу читателя обратить внимание на следующее предложение: «В животном царстве, при всем его огромном разнообразии, ни одно животное не обращает на себя столько *нашего* внимания, как слон». Вся эта, составленная из неясных литературных слов, закрученная фраза значит только: слон чуднее всех животных.

«По величине своей он уступает только одному киту, а понятливостью превосходит обезьяну». Это значит: только один кит больше его, а он умнее обезьяны.

Неужели нужно сказать «уступает и превосходит», неужели нужно учить детей говорить или писать таким образом? Скажешь: *уступает киту ростом* и *превосходит обезьяну умом* и как будто выходит что-то похожее на мысль, а скажешь: он меньше кита

и умнее обезьяны, и очевидно становится, что связаны эти два сравнения решительно ни к чему. Весь язык книги таков. Под напыщенностью и неестественностью фразы скрывается пустота содержания.

60. Оцените с точки зрения таких качеств словесного выражения, как точность, чистота, выразительность, богатство, уместность, отрывки из газетной статьи о Ф. М. Достоевском. Аргументируйте ваше мнение.

Русская литература появляется только в Петербурге. Киевский период — время эпоса. Московский — сотериологии и национального богословия. Петербург приносит в Россию литературу, десакрализированный остаток полноценной национальной мысли, превозносимый след того, что ушло. Литература — это скорлупа, поверхностный блик сидерических волн, стенающий от безысходности вакуум. <...>

Призрак коммунизма делает всю реальность призрачной. Поселяясь в сознании ищущего потерянного Слова студента, он ввергает его в поток искаженных видений: вот старый развратник тащит пьяную малолетку, вот истошно плачет пропивший последнюю шаль возлюбленной Мармеладов, вот бочком крадет-ся к непорочной сестре Родиона демонический Свидригайлов, посланец паутинной вечности, опекаемой старухой-процентщицей. Но наваждение ли это? Призрак, овладевший сознанием, на самом деле излечивает от забвения. Открывшаяся реальность страшна, нестерпима, но истинна. <...>

Достоевский выразил древнейший мифологический сюжет, тайную парадигму символического ряда, описал примордиальный ритуал, который практиковался нашими предками многие тысячелетия. Но это не просто анахронизм или разрозненные фрагменты коллективного бессознательного. На самом деле речь идет о куда более важной эсхатологической картине, о смысле и жесте Конца Времен, о заветном апокалиптическом миге, когда время сталкивается с Вечностью, когда полыхает огонь Страшного Суда. <...>

Этот представитель кафкианской юриспруденции и фарисействующий псевдогуманист начинает сложную интригу по дискредитации героя и его жеста в его же

собственных глазах. Порфирий подло подтасовывает факты и заводит Раскольникова в лабиринт сомнений, переживаний, душевных терзаний.

61. В выдержках из различных периодических изданий установите случаи нарушения положительных качеств словесного выражения. Определите, какое именно из этих качеств нарушено в каждом случае. Исправьте ошибки.

1. Ведь осенний лед очень обманчив, его манящая привлекательность таит в себе большую опасность. <...> Он очень коварен своей заманчивой притягательностью и слабой прочностью. <...> Уже есть факты, когда опрометчивое удовольствие оканчивалось трагедией. (Из газетной заметки, предупреждающей, что ходить по тонкому осеннему льду опасно.)

2. Высокими темпами возят навоз и прудовый ил механизированные отряды.

3. Через несколько минут хлынет поток покупателей. А перед ним разве можно выйти с приметами неряшливости или небрежности?

4. В роскошном офисе «Ферейн» я видела сотрудников в нечищенной обуви, а в маленькой фирме с обшарпанными стенами и грязными полами — девочку-секретаршу с кольцом, на котором сверкал бриллиант на пальце в три карата.

5. По распоряжению начальника управления была создана комиссия по устранению недостатков в хищении материальных ценностей.

6. При этом он настойчиво стремился к авторитету, вниманию к своей персоне и почитанию своих незаурядных способностей. <...> Маяковский наполнил их (Бриков. — А. Г.) жизнь новым смыслом, пробудил творческие силы, вселил уверенность, успех.

7. Предание гласит, что именно скромная серая мышка, разбудив когда-то князя — основателя города, спасла ему жизнь — уберегла от укуса змеи. Кроме того, малый российский город ищет свои пути развития и пополнения городской казны.

8. После эпизода пресс-конференции Черномырдина, на которой премьер довольно величественно рекомендовал лидера «Яблока» Спандарко не перегибал сирогнозировать судьбу Явлинского.

9. Этот феодальный барон, один из могущественных людей Франции, имевший влияние даже при королевском дворе, богатству которого завидовал сам король, славился тем, что терпеть не мог женщин.

62. Нарушения положительных качеств словесного выражения встречаются, к сожалению, и в художественных произведениях. В 1996 г. была опубликована повесть об альпинистах, в которой некоторые места обязательно надо было бы исправить. Поработайте за редактора: исправьте неудачные фразы повести. И не забудьте установить, какое именно из положительных качеств словесного выражения было нарушено.

— Выходит, они начисто лишены тщеславия и воли, так как воля — это степень превозмогания себя, выдавание себя не за того, кем ты на самом деле есть. <...>

— Сломался ты, Игорек, скуксился, — подытожил Жора. — На снаряжение валишь? <...> Конечно, жизнь тебе снаряжение наверху упростит, но ведь можно еще проще: на вертолете над вершиной пролети — и считай, твоя. <...>

Когда подобрался к каменному отростку, отделявшему южную часть от северной, который Жора пытался выдать именно за край предсказанной одесситами воздушной воронки, на Митьку вдруг напал кашель. <...>

Жора <...> упрямо заносил для удара по крюку молоток, и в этот момент образовавшийся его же рукой момент сил разворачивал его спиной к стене и беспощадно сдергивал вниз. <...>

Глядя на Жорины потуги, мелькнула безумная мысль: а может, просто прыгнуть? <...>

Сквозь редкие лохмотья разорванной ветром тучи успел увидеть штормовое море, его черно-белый пенящийся оскал, далеко внизу неровные спирали до-рог, каменные лбы, заросшие кругом кустарником, мхом, зарослями папоротника, гигантские деревья, сливающиеся сверху со мхом. <...>

— Слушай, ты в эту местную легенду веришь? На-счет одессит? <...>

— Разве что с помощью фталазола, — обрубил его Жора, и тут проклюнула недосказанная ранее мысль,

что, несмотря на всю логичность, что-то не совсем этическое проглядывает в этом командовании, но Ми-тя не дал ей развиваться до конца. <...>

Эту сторону уже слегка подсвечивал огрызок вы-катываемой в небо луны, и в этом под свете запекло, засвербило вдруг где-то внутри. <...>

Боясь открывать рот, Жора ткнул в себя пальцем.

— Так, — удовлетворительно отметил следователь, готовя версию.

63. В разного рода учреждения, в редакции га-зет и журналов, на радио и телевидение иногда при-ходят письма, авторы которых не умеют правильно выразить свою мысль, а к тому же и не очень разбираются в том, о чем пишут. Отрывки из таких писем нередко по-падают в рубрики типа «Нарочно не придумаешь». Несмо-тря на свою анекдотичность, они дают хороший материал для наблюдений за случаями нарушения положительных качеств словесного выражения. Ниже приводятся отрывки из письма, пришедшего в один НИИ, занимающийся про-блемами педагогики, как отклик на радиопередачу, подго-товленную сотрудниками института. Установите и класси-фицируйте содержащиеся в письме ошибки. Постарайтесь отредактировать письмо.

Уважаемые ученые и журналист Майя Крючкова прослушал я Вашу передачу с удовольствием и счи-таю что в основном много вопросов поставлено пра-вильно. Дошкольное воспитание у нас поставлено так как простой рабочий гонясь за платой наделает мно-го но не годных болтов, а вот воспитать человека, это сложно и считаю лучшее воспитание, когда папа при-носит столько сколько хватит для его семьи, а мама занимается воспитанием пусть даже одного ребенка. Пусть ребенок спит до 10—11 утра, а не будить его в 7, а то и в шесть утра и не везти через весь город для того, чтобы отдать чужой тете и ему повезло ес-ли он попадет к хорошей. Как же давят на психику ребенку эти капральские подъемы. Над этим надо по-думать и подумать серьезно.

Вот вопрос задет о математике. Извините во пер-вых считаю с учебником по этому предмету полно-стью не согласен, опять сработано куча негодных бол-тов как ставится условие задач безобразно, без ника-

кого смысла «из трубы течет вода, а рядом другая труба и тоже вода течет где вытекает больше в той или в этой». Где же конкретный вопрос зачем вообще эти трубы поставлены, к чему перекачивать какую бы то ни было массу воды, а уж если трубы функционируют, то цель, полить поле или заполнить какой нибудь водоем, а раз уж полить поле, нужно считаю и такой вопрос поставить, сколько на этом поле может вырасти и не только овса, но и репы, свеклы пшеницы объяснить к этому и севооборот. <...>

Надеюсь письмо вы не примете за грубость и не сочтете что какой-то недоуч Вас поучает но я выразил свою точку зрения хотя и не сежу в НИИ, считают своим долгом внести поправки.

64. Ошибки словесного выражения иногда становятся предметом специального изображения в творчестве опытных писателей и служат средством создания определенного образа. С этим приемом мы встречаемся, например, в «Золотых корреспонденциях Ферапонта Ферапонтовича Капорцева» М. Булгакова. В отрывках из корреспонденции «Несгораемый американский дом» установите случаи нарушения положительных качеств словесного выражения. Отредактируйте материал Ф. Ф. Капорцева.

Вообразите изумление закоренелых благодатцев, когда на углу Новосвятской и Парижской Коммуны вырос буквально как гриб двухэтажный дом на три квартиры в рассрочку с удобствами.

Очень похожие на заграничные дома на открытках Швейцарии с острой крышей. Более всего удивительно, что дом оказался несгораемый. <...>

А на первый день праздника, 19-го, на Пасху ночью наша бдительная пожарная команда была поставлена на ноги роковым сообщением по Петровскому телефону:

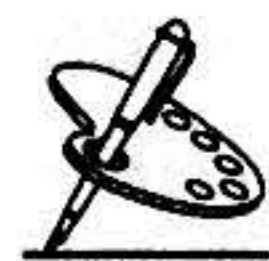
— Пожар!!!

Наш брандмейстер Садов ответил по телефону:

— Вы будете оштрафованы за ложный вызов и пьяную пасхальную шутку. Этого не может быть.

Тут Петров с плачущим голосом отскочил от телефона и перестал действовать, потому что в нем перегорел уже провод.

Когда же вследствие зарева с каланчи наши молодцы-пожарные прибыли, то застали всю жилищно-американскую компанию стоящую в теплых шубах на улице, а дом сгорел, как факел, успев спасти кольца его жены, запасную шубу главного американца Петрова, кастрюлю и отрывной календарь с изображением всероссийского старосты.

65. Сопоставьте авторское повествование рассказа А. Чехова «Толстый и тонкий» и рисунок С. Алимова. Какой момент встречи толстого и тонкого изобразил художник? Какие детали указывают на этот момент?

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флердоранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком — его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом — его сын. <...>

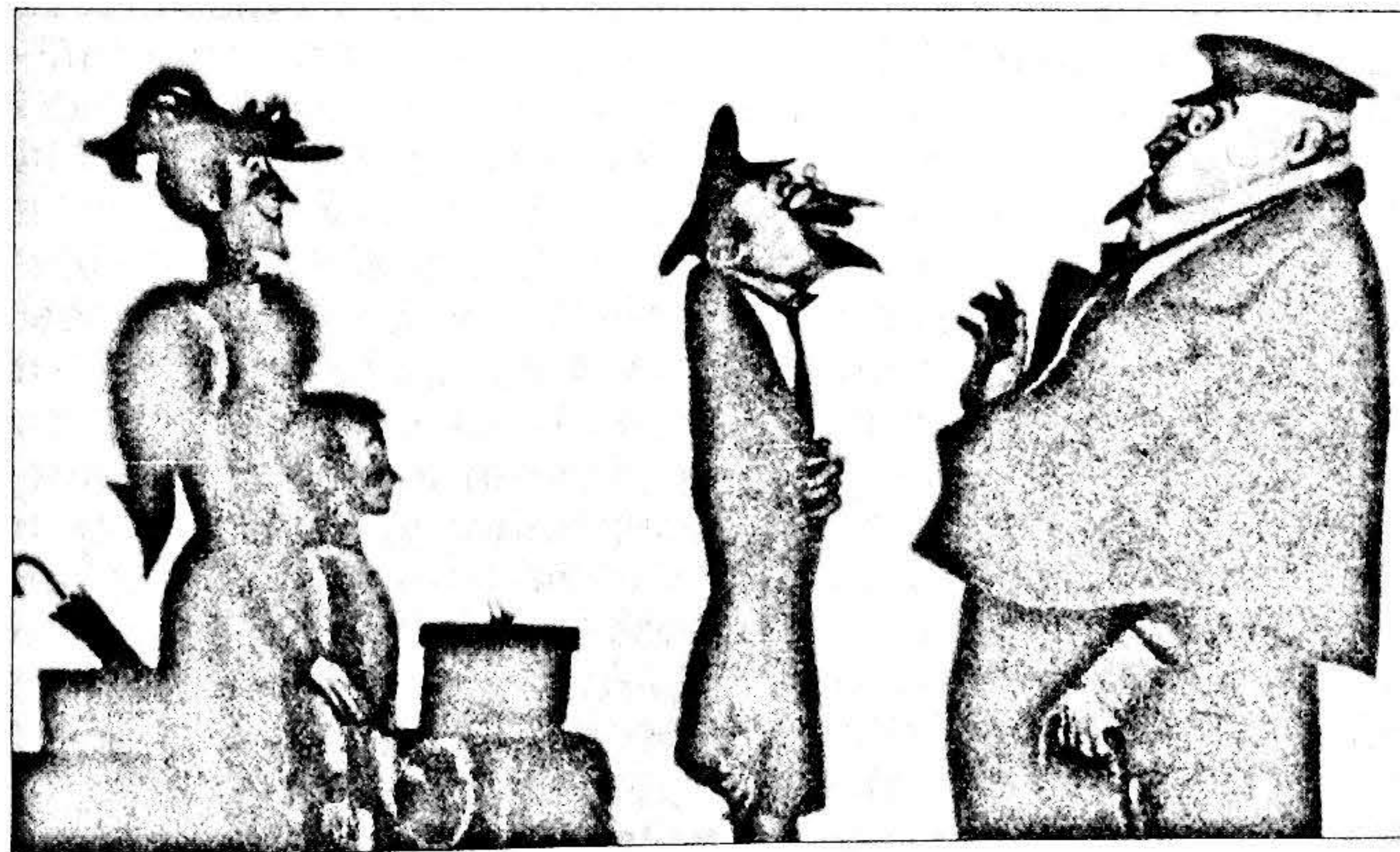

Иллюстрация художника С. Алимова к рассказу А. П. Чехова «Толстый и тонкий». 1985 г.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чеподаны, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

<...> Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «Хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Средства художественной изобразительности

66. В известном гоголевском описании украинской ночи выделите случаи употребления слов в переносных значениях. Ответьте на вопрос: что такое автология и металогия?

Знаете ли вы украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Всмотритесь в нее. С середины неба глядит месяц. Необъятный небесный свод раздался, раздвинулся еще необъятнее. Горит и дышит он. Земля вся в серебряном свете; и чудный воздух и прохладно-душен, и полон неги, и движет океан благоуханий. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно, вдохновенно стали леса, полные мрака, и кинули огромную тень от себя. Тихи и спокойны эти пруды; холод и мрак вод их угрюмо заключен в темно-зеленые стены садов. Девственные чащи черемух и черешен пугливо протянули свои корни в ключевой холод и изредка лепечут листьями, будто сердясь и негодуя, когда прекрасный ветреник — ночной ветер, подкравшись мгновенно, целует их. Весь ландшафт спит. А вверху все дышит, все дивно, все торжественно. А на душе и необъятно, и чудно, и толпы серебряных видений стройно возникают в ее глубине. Божественная ночь! Очаровательная ночь!

67. В приводимых ниже прозаических текстах выделите словесные средства художественной изобразительности. Определите и классифицируйте их. Обратите внимание на то, какие из средств художественной изобразительности встречаются чаще, какие — реже. Все ли словесные средства художественной изобразительности представлены в приводимых текстах?

Из русских народных сказок

1. А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулось да вслед за ним покатилося. Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покатилося.

2. Иван-царевич кругом ограды ходит, а дверей не видит. Царская дочь увидела человека, вышла на балкон и кричит ему: «Тут, смотри, у ограды есть щель, тронь ее мизинцем — и будут двери». Так и сделалось. Иван-царевич вошел в дом. Девушка его приняла, напоила-накормила и расспросила. Он ей рассказал, что пошел спасать мать от Кощея Бессмертного. Девушка говорит ему на это: «Трудно спасти мать, Иван-царевич! Он ведь бессмертный — убьет тебя. Ко мне он часто ездит; вон у него меч в пятьсот пудов, подымешь ли его? Тогда ступай!» Иван-царевич не только поднял меч — еще бросил кверху; сам пошел дальше.

Приходит к другому дому, двери знает, как искать, вошел в дом, а тут его мать; обнялись, поплакали. Он и здесь испытал свои силы — бросил какой-то шарик в полторы тысячи пудов!

Латник

Мало-помалу, однако ж, ему удалось деньгами склонить на свою сторону одного из тюремщиков. Золотой дождь по капле пробивает даже камень. Ему доставили случай видаться с Лизой, и минуты, которые провели они вместе после долгой разлуки, несмотря на меч, висящий над головою, были самыми счастливыми в их жизни, потому что верность в такую мучительную годину испытаний получает высшую цену, и каждый

Александр
Александрович
Бестужев-
Марлинский
(1797—1837)

миг, вырванный из львиных челюстей опасности, тем сладостнее, чем короче, тем ближе к восторгу, чем ближе к гибели. <...>

Они приготовились к побегу. <...> Она умоляла Христом-богом отложить все до завтра; говорила, сердце у нее будто стиснуло железною рукою, что она предчувствует верную, неминуемую гибель. Баянов, разумеется, утешал, ободрял, уговаривал ее. <...>

Она уступила.

Через сад в повозки, и ударили по всем по трем.

Дело было в начале ноября. Рыхлая пороша чуть подернула павший лист дубравы. <...> Припав к груди Баянова, для которого пожертвовала всем на свете, Лиза едва дышала, едва думала. Час этот был для нее как час перед казнью преступника — он еще не мертвый, но уж и не живой; может ли он наслаждаться жизнью, когда смерть впустила в него когти свои? Такая отсрочка хуже пытки, такая бесчеловечная милость жесточе казни самой. Но едва ль не еще несноснее, когда неожиданное счастье разманит нас — и вдруг готово исчезнуть! Пусть непредвиденная беда поражает как пуля, беда, перед которою идет предчувствие, терзает, как яд жестокий. В таком точно положении были оба наши любовника. Они молчали, потому что ни один не мог найти слова утешительного; земля звучала под колесами, будто свод могильный; ветки сыпали на лицо иней, и корни заплетали им дорогу.

(А. Бестужев-Марлинский)

Станционный смотритель

Кто не проклинал станционных смотрителей, кто с ними не бранивался? Кто, в минуту гнева, не требовал от них роковой книги, дабы вписать в оную свою бесполезную жалобу на притеснение, грубость и неисправность? Кто не почитает их извергами человеческого рода, равными покойным подьячим или, по крайней мере, муромским разбойникам? <...>

Будучи молод и вспыльчив, я негодовал на низость и малодушие смотрителя, когда сей последний отдавал приготовленную мне тройку под коляску чиновного барина. Столь же долго не мог я привыкнуть и к тому, чтоб разборчивый холоп обносил меня блюдом на губернаторском обеде. Ныне то и другое кажется мне в порядке вещей. В самом деле, что было бы с нами, если бы вместо общеудобного правила: чин чина почитай, ввелось в употребление другое, например: ум ума почитай? Какие возникли бы споры! и слуги с кого бы начинали кушанье подавать?

(А. Пушкин)

Дворянское гнездо

Итак... прошло восемь лет. Опять повеяло с неба сияющим счастьем весны; опять улыбнулась она земле и людям; опять под ее лаской все зацвело, полюбило и запело. Город О... мало изменился в течение этих восьми лет; но дом Марьи Дмитриевны как будто помолодел: его недавно выкрашенные стены белели приветно и стекла раскрытых окон румянились и блестели на заходящем солнце; из этих окон неслись на улицу радостные легкие звуки звонких молодых голосов, непрерывного смеха; весь дом, казалось, кипел жизнью и переливался весельем через край.

(И. Тургенев)

История одного города

Василиск Семенович Бородавкин, сменивший бригадира Фердыщенку, представлял совершенную противоположность своему предместнику. Насколько последний был распушен и рыхл, настолько же первый поражал расторопностью и какою-то неслыханной административной въедчивостью, которая с особенной энергией проявлялась в вопросах, касавшихся выеденного яйца. <...>

В этой крайности Бородавкин понял, что для политических предприятий время еще не наступило и что ему следует ограничить свои задачи только так называемыми насущными потребностями края. В числе этих потребностей первое место занимала, конечно, цивилизация, или, как он сам определял это слово,

«наука о том, koliko каждому Российской империи доблестному сыну отечества быть твердым в бедствиях надлежит». <...>

Двоекуров совершил очень много. Он вымостил улицы: Дворянскую и Большую, собрал недоимки, покровительствовал наукам и ходатайствовал об учреждении в Глупове академии. Но главная его заслуга состояла в том, что он ввел в употребление горчицу и лавровый лист. <...>

— Стало быть, были бунты? — спрашивал Бородавкин.

— Мало ли было бунтов! У нас, сударь, насчет этого такая примета: коли секут — так уж и знаешь, что бунт! <...>

Неожиданное усекновение головы майора Прыща не оказало почти никакого влияния на благополучие обывателей. Некоторое время, за оскудением градоначальников, городом управляли квартальные; но так как либерализм еще продолжал давать тон жизни, то и они не бросались на жителей, но учтиво прогуливались по базару и умильно рассматривали, который кусок пожирнее. Но даже и эти скромные походы не всегда сопровождались для них удачею, потому что обыватели настолько осмелились, что охотно дарили только требухой. <...>

Многие думают, что ежели человек умеет незаметным образом вытащить платок из кармана своего соседа, то этого будто бы уже достаточно, чтобы упрочить за ним репутацию политика или сердцеведа. Однако это ошибка.

(М. Салтыков-Щедрин)

Господин из Сан-Франциско

Океан с гулом ходил за стеной черными горами, вьюга крепко свистала в отяжелевших снастях, пароход весь дрожал, одолевая и ее, и эти горы, — точно плугом разваливая на стороны их зыбкие, то и дело вскипавшие и высоко взвивавшиеся пенистыми хвостами громады, — в смертной тоске стенала удушаемая туманом сирена, мерзли от стужи и шалели от непосильного напряжения внимания вахтенные на своей вышке, мрачным и знойным недрам преисподней, ее последнему, девятому кругу была подобна подводная

утроба парохода, — та, где глухо гоготали исполинские топки, пожиравшие своими раскаленными зевами груды каменного угля, с грохотом ввергаемого в них облитыми едким, грязным потом и по пояс голыми людьми, багровыми от пламени; а тут, в баре, беззаботно закидывали ноги на ручки кресел, цедили коньяк и ликеры, плавали в волнах пряного дыма, в танцевальной зале все сияло и изливало свет, тепло и радость, пары то крутились в вальсах, то изгибались в танго — и музыка настойчиво, в сладостно-бесстыдной печали молила все об одном и том же...

(И. Бунин)

Голубая звезда

Начался разъезд. Побежденные брели пешком, хмуро ждали трамвая. Победители летели по ресторанам пропивать и проматывать трофеи, ловить легкое мгновение текущей жизни. Для них был широко открыт Яр, играл оркестр, и знаменитый румын выбивал трели; горело золотом шампанское в вечернем свете; продавали розы. Можно было видеть Лабунскую, в соломенной шляпке, легко и беспечно резавшую ананас. Анну Дмитриевну, как-то горько охмелевшую от шампанского, и десятки других нарядных женщин, шикарных мужчин. Потом, когда село солнце, прошло междущарствие сумерек, синяя ночь наступила. И в раскрытые, гигантские окна взглянули иные миры, плавно протекающие по кругам, золотясь, мерцающая. Как далекий, голубоватый призрак, провела Вега свою Лиру.

(Б. Зайцев)

Мастер и Маргарита

Дворец Ирода Великого не принимал никакого участия в торжестве пасхальной ночи. В подсобных покоях дворца, обращенных на юг, где разместились офицеры римской когорты и легат легиона, светились огни, там чувствовалось какое-то движение и жизнь, передняя же часть, парадная, где был единственный и невольный жилец дворца — прокуратор, — вся она, со своими колоннами и золотыми статуями, как будто ослепла под ярчайшей луной. Тут, внутри дворца,

господствовали мрак и тишина. И внутри прокуратор, как и говорил Афранию, уйти не пожелал. Он велел постель приготовить на балконе, там же, где обедал, а утром вел допрос. Прокуратор лег на приготовленное ложе, но сон не пожелал прийти к нему. Оголенная луна висела высоко в чистом небе, и прокуратор не сводил с нее глаз в течение нескольких часов.

(М. Булгаков)

Царь-рыба

Жил, резвился и вольно дышал в обмершем лесу лишь поток — дитя вечных снегов. Не было ему ни метра пространства, где бы выпрямиться, потянуться, успокоиться. Рычащей, загнанной зверушкой метался он меж ослизлых камней, заваливался, весь почти терялся под вымытыми корнями, застревал в завалах и бурлил тут, пенился взъерошенно, катался кругами, но продирался-таки, протачивался в невесть какие щели и скакал с гряды на гряде, с камня на камень, вытягиваясь змейкой в расщелинах, в клочья рвал себя на осыпях и вывалился, наконец, из тайги, из-под гряды прибрежного завала, навороченного ледоходом, совсем было его удушившего, к Тунгуске.

Пьяный, с разорванной на груди белопенной рубашкой — и свободы-то сотня сажен, но он и этакой волюшке рад, заурчав радостно, будто дитенок, узревший мать, он в наклон катился к Нижней Тунгуске, припадал к ее груди и тут же умиротворенно смолкал. Зимой дикий поток погрузится в оцепенелый, ледяной сон, заметет его снегом, и никто не узнает, что среди заметенного леса, под глубокими сувоями распластанно, окаменело спит он мертвецки, спит до той счастливой поры, пока не оживит его солнце, и снова он кипуче, светло, бурно отпразднует лето.

(В. Астафьев)

Аптекарь

В пивном автомате на улице Королева... темы в разговорах быстро меняются. <...> Серов не верил в фортуна наших хоккеистов, в споре был упрям и безрассуден, а может быть, в тот вечер в автомате давал выход раздражению, причины которого нам были неизвестны,

во всяком случае называл нас дураками и ставил на чехов. Спорил он сразу с шестью ценителями хоккея, и идея относительно шапки посетила именно его. Он тогда кричал: «Вы будете есть шапки, а я на вас погляжу!» Прошло три недели, и, когда стало ясно, что не мы теряли шапки, а обречен его коричневый пирожок, Серов вдруг заартачился. Мол, все это шутка и у нас должно быть чувство юмора. <...> Конечно, шутка, согласился автомат. Но шапку он пусть ест. <...>

И вот неделю дядя Валя, рассказывали, страдал: не касался золингенговской сталью щек, не следил за политическими событиями в Испании. <...>

И меня ведь жгло нечто. Но я чуть что — шмыг от стола! И — в сады моих воображений... <...>

Каштанов подробности оставил в сыром, грустном склепе тайны, он будто бы все забыл. <...>

Шубников не удержался, и началась перебранка, более уместная на рынке, причем не на Птичьем, а на Минаевском. Шубников и дядя Валя горлопанили. Звучали выражения, связанные с культом здоровой и нездоровой плоти, частыми были фаллические мотивы, однако во взаимных аттестациях оппоненты обращались и к странностям животного и растительного мира, а потом вспоминали и о житейских несовершенствах. Публика в зале была обескуражена.

(В. Орлов)

Из произведений других авторов

Я вновь явился на Арбате, вновь выдержал спор о литературе, но виделось, что для Элизы не спор важен, а поддразнивание меня, что мои мнения ее мнения не своротят, а ее мнения, по ее мнению, это мнения культурного общества.

(В. Крупин. Прости, прощай...)

Ефим пропустил подковырку мимо ушей и спросил, что именно Баранову известно о шапках. Тот охотно объяснил, что по решению правления Литфонда писателям будут шить шапки соответственно рангу. Выдающимся писателям — пыжиковые, известным — ондатровые, видным — из сурка...

— Ты понимаешь, — сказал Баранов, — что выдающиеся писатели — это секретари Союза писателей

СССР, известные — секретари Союза писателей РСФСР, видные — это Московская писательская организация. К видным могут быть причислены некоторые не секретари, а просто писатели.

— Вроде нас с тобой,— подсказал Ефим и улыбнулся в трубку.

— Ну что ты,— охладил его тут же Баранов.— Ну какие ж мы с тобой писатели! Мы с тобой члены Союза писателей. А писатели — это совсем другие люди. Им, может быть, дадут что-нибудь вроде лисы или куницы, я в мехах, правда, не разбираюсь. А нам с тобой кролик как раз по чину.

(В. Войнович. Шапка)

Мужчина в приталенной, по последней моде, волчьей шубе и ондатровой шапке. Ради простенького клиента начальник главка звонить не будет. Дачный бум, все они помешались на недвижимой собственности! Построит дом, а через полгода вновь приедет за какой-нибудь немислимой фурнитурой, вагонкой для отделки, за цветным кафелем. Видно по всему: шуба въедливый и денег на ветер бросать не желает, наклоняется, считает доски.

(С. Есин. Приезжий)

— Митя!.. Я ведь пришла посоветоваться. Ведь ты уже давно в этом ощущении (ведь тебя уже давно выгнали) — ты уже что-то обдумал.

(В. Маканин. Человек свиты)

68. Прodelайте такую же работу, как указано в упражнении 67, со стихотворными текстами. Обратите внимание на те средства художественной изобразительности, которые в прозаических текстах были представлены малым количеством примеров или вовсе не представлены.

Полтава

Горит восток зарею новой.
Уж на равнине, по холмам
Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам
Навстречу утренним лучам.

Полки ряды свои сомкнули.
В кустах рассыпались стрелки.
Катятся ядра, свищут пули;
Нависли хладные штыки.
Сыны любимые победы,
Сквозь огонь окопов рвутся шведы;
Волнуясь, конница летит;
Пехота движется за нею
И тяжелой твердостью своею
Ее стремление крепит.
И битвы поле роковое
Гремит, пылает здесь и там,
Но явно счастье боевое
Служить уж начинает нам.
Пальбой отбитые дружины,
Мешаясь, падают во прах.
Уходит Розен сквозь теснины;
Сдается пылкий Шлипенбах.
Тесним мы шведов рать за ратью;
Темнеет слава их знамен,
И бога браней благодатью
Наш каждый шаг запечатлен.

Уж близок полдень. Жар пылает.
Как пахарь, битва отдыхает.
Кой-где гарцуют казаки.
Ровняясь, строятся полки.
Молчит музыка боевая.
На холмах пушки, присмирив,
Прервали свой голодный рев.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидели Петра.

И грянул бой, Полтавский бой!
В огне, под градом раскаленным,
Стеной живою отраженным,
Над падшим строем свежий строй
Штыки смыкает. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубятся с плеча.
Бросая груды тел на груды,
Шары чугунные повсюду

Меж ними прыгают, разят,
Прах роют и в крови шипят.
Швед, русский — колет, рубит, режет.
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.

(А. Пушкин)

Телега жизни

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

С утра садимся мы в телегу;
Мы рады голову сломать
И, презирая лень и негу,
Кричим: пошел!

Но в полдень нет уж той отваги;
Порастрясло нас; нам страшней
И косогоры, и овраги;
Кричим: полегче, дуралей!

Катит по-прежнему телега;
Под вечер мы привыкли к ней
И дремля едем до ночлега —
А время гонит лошадей.
(А. Пушкин)

* * *

Как над горячею золой
Дымится свиток и сгорает,
И огонь, сокрытый и глухой,
Слова и строки пожирает:
Так грустно тлится жизнь моя.
И с каждым днем уходит дымом;
Так постепенно гасну я
В однообразьи нестерпимом!..
(Ф. Тютчев)

Накануне годовщины
4 августа 1864 г.

Вот бреду я вдоль большой дороги
В тихом свете гаснущего дня...
Тяжело мне, замирают ноги...
Друг мой милый, видишь ли меня?

Все темней, темнее над землею —
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?
(Ф. Тютчев)

Первый ландыш

О первый ландыш! Из-под снега
Ты просишь солнечных лучей;
Какая девственная нега
В душистой чистоте твоей!

Как первый луч весенний ярок!
Какие в нем нисходят сны!
Как ты пленителен, подарок
Воспламеняющей весны!
(А. Фет)

Родине

Они глумятся над тобою,
Они, о родина, корят
Тебя твоею простотою,
Убогим видом черных хат...

Так сын, спокойный и нахальный,
Стыдится матери своей —
Усталой, робкой и печальной
Средь городских его друзей.

Глядит с улыбкой сострадания
На ту, кто сотни верст брела
И для него, ко дню свиданья,
Последний грошик сберегла.
(И. Бунин)

До дна

Тебя приветствую, мое поражение,
тебя и победу я люблю равно;
на дне моей гордости лежит смирение,
и радость, и боль — всегда одно.

Над водами, стихнувшими в безмятежности
вечера ясного, — все бродит туман;
в последней жестокости есть бездонность нежности
и в божией правде — божий обман.

Люблю я отчаяние мое безмерное,
нам радость в последней капле дана.
И только одно здесь я знаю верное:
надо всякую чашу пить — до дна.

(З. Гиппиус)

* * *

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И синий кругозор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце
И выси гор.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Море
И пышный цвет долин.

Я заключил миры в едином взоре,
Я властелин.

Я победил холодное забвенье,
Создав мечту мою.

Я каждый миг исполнен откровенья,
Всегда пою.

Мою мечту страдания пробудили,
Но я любим за то.

Кто равен мне в моей певучей силе?
Никто, никто.

Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце,
А если день погас,
Я буду петь... Я буду петь о Солнце
В предсмертный час!

(К. Бальмонт)

* * *

Я не знаю, ты жив или умер, —
На земле тебя можно искать
Или только в вечерней думе
По усопшем светло горевать.

Все тебе: и молитва дневная,
И бессонницы млеющий жар,
И стихов моих белая стая,
И очей моих синий пожар.

Мне никто сокровенней не был,
Так меня никто не томил,
Даже тот, кто на муку предал,
Даже тот, кто ласкал и забыл.

(А. Ахматова)

Царскосельская статуя

Уже кленовые листья
На пруд слетают лебединый,
И окровавлены кусты
Неспешно зреющей рябины,

И ослепительно стройна,
Поджав озябнувшие ноги,
На камне северном она
Сидит и смотрит на дороги.

Я чувствовала смутный страх
Пред этой девушкой воспетой.
Играли на ее плечах
Лучи скудеющего света.

И как могла я ей простить
Восторг хвалы твоей влюбленной...
Смотри, ей весело грустить,
Такой нарядно обнаженной.

(А. Ахматова)

Юлия
Владимировна
Друнина
(1924–1991)

Николай
Михайлович
Рубцов
(1936–1971)

Парад в сорок первом

Была Москва пургой замечена,
У Мавзолея замерзали ели,
И шла по Красной площади Война —
Усталая, в простреленной шинели.
То батальоны шли с передовой,
Шли на парад окопные солдаты.
В тревожных небесах аэростаты
Качали удлинённой головой.
Терзали тело Подмосковья рвы,
Убитых хоронил снежок пушистый.
Сжимали горло фронтовой Москвы
Траншеи наступающих фашистов.
А батальоны шли с передовой,
Шли на парад окопные солдаты —
Недаром в небесах аэростаты
Качали удивлённой головой!..

(Ю. Друнина)

Звезда полей

Звезда полей во мгле заледенелой,
Остановившись, смотрит в полынью,
Уж на часах двенадцать прозвенело.
И сон окутал родину мою...

Звезда полей! В минуты потрясений
Я вспоминал, как тихо за холмом
Она горит над золотом осенним,
Она горит над зимним серебром...

Звезда полей горит, не угасая,
Для всех тревожных жителей земли,
Своим лучом приветливым касаясь
Всех городов, поднявшихся вдали.

Но только здесь, во мгле заледенелой,
Она восходит ярче и полней,
И счастлив я, пока на свете белом
Горит, горит звезда моих полей...

(Н. Рубцов)

Из стихотворений И. Северянина

Душа поет и рвется в поле,
Я всех чужих зову на «ты»...
Какой простор! Какая воля!
Какие песни и цветы!

Скорей бы — в бричке по ухабам!
Скорей бы — в юные луга!
Смотреть в лицо румяным бабам!
Как друга, целовать врага!

(«Весенний день»)

Что за счастье — быть вечно вдвоем!
И ненужных не звать визитеров,
И окружных не ткать разговоров,—
Что за счастье — быть вечно вдвоем!

(«Что за счастье!»)

Как часто красота уродна
И есть в уродстве красота...
Как часто низость благородна
И злы невинные уста.

(«Поэза странностей жизни»)

Теперь домой. Там ждет нас ужин,
Наливка, фрукты, самовар.
Я городов двенадцать дюжин
Отдам за этот скромный дар.

(«На салазках»)

Из других стихотворных произведений

Как у нас-то было на тихом Дону,
В славном городе Черкасском,
Породился, появился
Удалой-то там казак,
По прозванию Степан Тимофеевич,
Степан Тимофеевич,
В войсковую канцелярию
Он совсем не хаживал,
Он совсем не хаживал,
С казаками-то во кругу
Дум горьких он не думывал,
Дум горьких не думывал.

(Народная песня)

Как не золотая, братцы, трубонька вострубливала,
Ай да не серебряна, братцы, сиповочка возыгрывала,
Ай да как возговорил, братцы, князь Кутузов-генерал.

(Народная песня)

На все призывы без ответа
Уходишь ты, мой серый день!
Один закат — не без приветов...
И не без смысла — эта тень...

(Я. Полонский)

Ковригу съем
Гора горой,
Ватрушку съем
Со стол большой!

(Н. Некрасов)

Я видел свое погребенье:
Высокие свечи горели,
Кадил неспавшийся дьякон,
И хриплые певчие пели.

Печальные сестры и братья
(Как в нас непонятна природа!)
Рыдали при радостной встрече
С четвертою частью дохода.

(К. Случевский)

Окно мое высоко над землею,
Высоко над землею.
Я вижу только небо с вечернею зарею,
С вечернею зарею.
И небо кажется пустым и бледным,
Таким пустым и бледным...
Оно не сжалится над сердцем бедным,
Над моим сердцем бедным.

(З. Гиппиус)

Над морем — штиль. Под всеми парусами
Стоит красавица — морская яхта.
На тонкой мачте — маленький фонарь,
Что камень драгоценной фероньеры,
Горит над матовым челом небес.

(А. Блок)

Заплачет сердце по чужой стороне,
Запросится в бой — зовет и манит...
Только скажет: «Прощай. Вернись ко мне», —
И опять за травой колокольчик звенит...

(А. Блок)

Сухие листья, сухие листья,
Сухие листья, сухие листья
Под тусклым ветром кружат, шуршат.
Сухие листья, сухие листья,
Под тусклым ветром сухие листья,
Кружась, что шепчут, что говорят?

(В. Брюсов)

Солнце вешнее улыбчиво,
Сердце девичье узывчиво.
Это сладкая истома

Незнакома
И страшна, —
Пала на сердце весна!
(С. Городецкий)

АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ,
разрешите представиться —
МАЯКОВСКИЙ.
Дайте руку!
Вот грудная клетка.

Слушайте,
уже не стук, а стон;
тревожусь я о нем,
в щенка смиренном львенке.
(В. Маяковский)

Асфальт — стекло.
Иду и звеню.
Леса и травинки —
сбриты.
На север
с юга
идут авеню,
на запад с востока — стриты.
А между
(куда их строитель завез!) —
дома
невозможной длины.
Одни дома
длиною до звезд,
другие —
длиной до луны.
(В. Маяковский)

Люблю мой крест, мою полунужду
и то, что мне не выбиться из круга,
что пью с чужим, а гневаюсь на друга,
со злом мирюсь, а доброго не жду.

Мне век в лицо швыряет листопад,
а я люблю, не в силах отстраниться,
тех городов гранитные страницы,
что мы с тобой листали наугад.

Люблю молчать и слушать тишину
под звон синиц и скок веселых белок,
стихи травы, стихи березок белых,
что я тебе в час утренний шепну.
(Б. Чичибабин)

69. Внимательно прочитайте начало очерка К. Бальмонта «Русский язык». Как называется явление, которое имеет в виду К. Бальмонт, давая характеристику звукам, образу-

ющим слово *воля*? Совпадают ли характеристики Бальмонта с характеристиками гласных и согласных звуков русского языка, данными М. Ломоносовым в «Кратком руководстве к красноречию» (см. § 102 учебника «Русская словесность. От слова к словесности»)? Каковы особенности звуковой организации первого абзаца очерка? Какие звуковые средства художественной изобразительности здесь используются?

Из всех слов могучего и первородного русского языка, полногласного, кроткого и грозного, бросающего звуки взрывным водопадом, журчащего неуловимым ручейком, исполненного говоров дремучего леса, шуршащего степными ковылями, поющего ветром, что носится и мечется и уманивает сердце далеко за степь, пересветно сияющего серебряными разливами полноводных рек, втекающих в Синее Море, — из всех несосчитанных самоцветов этой неисчерпаемой сокровищницы, языка живого, сотворенного и, однако же, без усталости творящего, больше всего я люблю слово — *Воля*. Так было в детстве, так и теперь. Это слово — самое дорогое и всеобъемлющее.

Уже один его внешний лик пленителен. Веющее **В**, долгое, как зов далекого хора, **О**, ласкающее **Л**, в мягкости твердое, утверждающее **Я**. А смысл этого слова — двойной, как сокровище в старинном ларце, в котором два дна. Воля есть воля-хотение, и воля есть воля-свобода. В таком ларце легко устраняется разделяющая преграда двойного дна, и сокровища соединяются, взаимно обогащаясь переливаниями светов. Один смысл слова *воля*, в самом простом изначальном словоупотреблении, светит другому смыслу, в меру отягощает содержательностью его живую сущность.

70. В приводимых ниже текстах выделите звуковые средства художественной изобразительности. Определите и классифицируйте их.

* * *

Я вольный ветер, я вечно вею,
Волную волны, ласкаю ивы,
В ветвях вздыхаю, вздохнув немею,
Лелею травы, лелею нивы.

Весною светлой, как вестник мая,
Целую ландыш, в мечту влюбленный,
И внемлет ветру лазурь немая,—
Я вею, млею, воздушный, сонный.

В любви неверный, расту циклоном,
Взметаю тучи, взрываю море,
Промчусь в равнинах протяжным стоном,
И гром проснется в немом просторе.

Но снова легкий, всегда счастливый,
Нежней, чем фея ласкает фею,
Я льну к деревьям, дышу над нивой,
И вечно вольный, забвеньем вею.

(К. Бальмонт)

Декабристы

1

Раненым медведем мороз дерет.
Санки по Фонтанке летят вперед.
Полоз остер — полосатит снег.
Чьи это там голоса и смех? —
Руку на сердце свое положа,
я тебе скажу: — Ты не тронь палаша!
Силе такой становясь поперек,
ты хоть бы других — не себя — поберег!

2

Белыми копытами лед колотя,
тени по Литейному дальше летят.
— Я тебе отвечу, друг дорогой,

гибель не страшная в петле тугой!
Позорней и гибельней в рабстве таком
голову выбелив, стать стариком.
Пора нам состукнуть клинок о клинок:
в свободу сердце мое влюблено.

3

Розовые губы, витой чубук,
синие гусары — пытай
Вот они, не сгинув, судьбу!
снова не умирав,
собираются в номерах.
Скинуты ментики, ночь глубока,
ну-ка, запеньте-ка полный бокал!
Нальем, и осушим, и станем трезвей:
— За Южное братство, за юных друзей!

4

Глухие гитары, высокая речь...
Кого им бояться и что им беречь?
В них страсть закипает, как в пене стакан:
впервые читаются строфы «Цыган».
Тени по Литейному летят назад.
Брови из-под кивера дворцам грозят.

*Николай
Николаевич
Асеев
(1889–1968)*

*Павел
Григорьевич
Антокольский
(1896–1978)*

Кончена беседа,
гони коней,
утро вечера
мудреней.

5

Что ж это,
                     что ж это,
                                     что ж это за песнь?

Голову на руки
белые свесь.

Тихие гитары,
стыньте, дрожа;
синие гусары
под снегом лежат!

(Н. Ацев)

Маяковский

Пуškai водянистым своим пересказом
Хотят подсластить его гнев и сарказм
И держат в свидетельство собственной мощи
Цитаты поплoше и мысли поплoще.
Пуškai, никаким ремеслом не владея,
Считают, что их выручает идея,
И в разных журналах в различные сроки
Печатают лесенкой вялые строки.

А он, как и был, остается поэтом,
Живым, неприкаянным и недопетым,
Не слышит похвал, не участвует в спорах,
Бездомен, как демон, бездымен, как порох!
Ни дома, ни дыма, ни думы, ни дамы,
Ни даты, отбитой былыми годами,—
Никем не обласкан, никем не освистан,
Не отредактирован, не переиздан.

Но каждое утро, как в первом издании,
Впервые вперяет глаза в мироздanie,
В сумятицу гавани, в давку вокзала
И снова — как время ему приказало —
Встает на трибуне и требует слова,
И на смерть идет и рождается снова.

(П. Антокольский)

Волны

Волна, волна — все буквы влажны.
Да и слились в один размах.
Я произнес сейчас их дважды
И ощутил их на губах!
Я произнес их снова.

Вскоре

Ко мне пришло издалека
Волненье рек, дыханье моря
И колокольчик ручейка.
Повсюду волны, волны, волны,
Великой влаги вечный путь.
Таков язык!

И трепет полный
Мою охватывает грудь!

(А. Прокофьев)

Из произведений Э. Багрицкого

<...> Жеребец подымет ногу,
Опустит другую,
Будто пробует дорогу,
Дорогу степную.
А по каменному склону
Из Попова лога
Вылетают эскадры
Прямо на дорогу...

Александр
Андреевич
Прокофьев
(1900—1971)

Эдуард
Багрицкий
(1895—1934)

От приварка рожи гладки,
Поступь удалая,
Амунция в порядке,
Как при Николае.
Головами крутят кони,
Хвост по ветру стелют:
За Махной идет погоня
Аккурат неделю.

Кони стелются в разбеге
С дорогою вровень —
На чумацкие телеги,
На морды воловьи.
Ходит ветер над возами,
Широкий, бойцовский,
Казакует пред бойцами
Григорий Котовский...
Над конем играет шашка
Проливною силой,
Сбита красная фуражка
На бритый затылок.
В лад подрагивают плечи
От конского пляса...
Вырывается навстречу
Гривун Опанаса.
— Налетай, конек мой дикий,
Копытами двигай,

Саблей, пулей или пикой
Добудем комбрига!..
(«Дума про Опанаса»)

В густой бородач ударяет бурун,
Чтоб брызгами вдрызг разлететься;
Я выберу звонкий, как бубен, кавун —
И ножиком вырежу сердце...
(«Арбуз»)

По рыбам, по звездам
Проносит шаланду:
Три грека в Одессу
Везут контрабанду.
На правом борту,
Что над пропастью вырос:
Янаки, Ставраки,
Папа Сатырос.
...
Вот так бы и мне
В налетающей тьме
Усы раздувать,
Развалясь на корме,
Да видеть звезду
Над бушпритом склоненным,
Да голос ломать
Черноморским жаргоном,
Да слушать сквозь ветер,
Холодный и горький,
Мотора дозорного
Скороговорки!
(«Контрабандисты»)

Весна. И с каждым днем невнятной
Травой восходит тишина,
И голуби на голубятне,
И облачная глубина.

Пора! Полощет плат крылатый —
И разом улетают в гарь
Сизоголовый, и хохлатый,
И взмывший веером почтарь.

Лишь голуби да голубая
Вода. И мол. И волнолом.
Лишь сердце, тишину встречая,
Все чаще ходит ходуном...

(«Голуби»)

На плацу, открытом
С четырех сторон,
Бубном и копытом
Дрогнул эскадрон.

(«Разговор с комсомольцем
Н. Дементьевым»)

Из произведений других авторов

Русалка плыла по реке голубой,
Озаряема полной луной;
И старалась она доплеснуть до луны
Серебристую пену волны.

(М. Лермонтов)

Кровь бежит, темно звеня,
Нету ночи, нету дня,
Трепет, ропот, торопь, стук,
И вдруг —
Сердце опять останавливается...

(З. Гиппиус)

Вам
и памятник еще не слит, —
где он,
бронзы звон
или гранита грань?
(В. Маяковский)

На затылок
он нежным жестом
кудрей
закинул шелк,
стал
барашком златошерстым
и заблеял,
и пошел.

Что луна, мол,
мчит над долиной,
ручей, мол,

по ущелью.
Тинтидликал
мандолиной,
дундудел виолончелью.

(В. Маяковский)

Барабана тугой удар
Будит утренние туманы,
Это скачет Жанна д'Арк
К осажденному Орлеану.

Двух бокалов влюбленный звон
Тушит музыка менуэта, —
Это празднует Трианон
День Марии-Антуанетты.

(М. Светлов)

Походочкой расслабленной,
с челочкой на лбу
вхожу,
плясун прославленный,
в гудящую избу.

Забыли все о выпитом,
все смотрят на меня,
и вот иду я с вывертом,
подковками звеня.
То выдам дробь,
то по полу
носки проволоку.
Свищу,

в ладоши хлопаю,
взлетаю к потолку.

(Е. Евтушенко)

Хоть я, признаться, в звуках соловьев
не слышу песни: как ты там ни пенься,
свисти, бульбулькой, щелкай — все — не песня,
коли в ней нет мелодии и слов.

(Б. Чичибабин)

Старик был мастер сказки сказывать, Даренка любила те сказки слушать, а кошка Муренка лежит да мурлычет:

— Пр-равильно говорит. Пр-равильно.

(П. Бажов)

71. В отрывках из рассказов В. Гаршина «Встреча» и «Сигнал» пронаблюдайте особенности ритмико-интонационной организации прозы. Для этого а) установите типы используемых предложений, отметьте наличие или отсутствие обособленных членов; б) установите протяженность (размер) предложений; в) выделите в предложениях синтагмы (речевые отрезки, речевые такты, т. е. отрезки от паузы до паузы) и установите их протяженность; г) подсчитайте количество слогов в синтагмах; д) установите соотношение количества ударных и безударных слогов в синтагмах; е) определите расположение ударных слогов в синтагмах; ж) определите порядок слов в синтагмах. Сопоставьте результаты наблюдений за каждым из отрывков.

Встреча

На десятки верст протянулась широкая и дрожащая серебряная полоса лунного света; остальное море было черно; до стоявшего на высоте доходил правильный, глухой шум раскатывавшихся по песчаному берегу волн; еще более черные, чем самое море, силуэты судов покачивались на рейде; один огромный пароход («вероятно, английский», — подумал Василий Петрович) поместился в светлой полосе луны и шипел своими парами, выпуская их клочковатой, тающей в воздухе струей; с моря несло сырым и соленым воздухом; Василий Петрович, до сих пор не видавший ничего подобного, с удовольствием смотрел на море, лунный свет, пароходы, корабли и радостно, в первый раз в жизни, вдыхал морской воздух. Он долго наслаждался новыми для него ощущениями, повернувшись спиной к городу, в который приехал только сегодня и в котором должен был жить многие и многие годы.

Сигнал

Стоит Семен над отвороченным рельсом, палки свои выронил. Поезд идет не товарный, пассажирский. И не остановишь его ничем: флага нет. Рельса на место не поставишь; голыми руками костылей не забьешь. Бежать надо, непременно бежать в будку за каким-нибудь припасом. Господи, помоги!

Бежит Семен к своей будке, задыхается. Бежит — вот-вот упадет. Выбежал из лесу — до будки сто сажень, не больше, осталось, слышит — на фабрике гудок загудел. Шесть часов. А в две минуты седьмого поезд пройдет. Господи! Спаси невинные души! Так и видит перед собою Семен: хватит паровоз левым колесом об рельсовый обруб, дрогнет, накренится, пойдет шпалы рвать и вдребезги бить, а тут кривая, закругление, да насыпь, да валиться-то вниз одиннадцать сажень, а там, в третьем классе, народу битком набито, дети малые... Сидят они теперь все, ни о чем не думают. Господи, вразуми ты меня!.. Нет, до будки добежать и назад вовремя вернуться не успеешь...

72. Прodelайте ту же работу, как в упражнении 71, с отрывками из повести В. Белова «Целуются зори...» и повести В. Маканина «Отдушина».

Целуются зори...

Зал загремел аплодисментами. Егорович долго не мог сообразить, кому аплодируют, а когда сообразил, то быстро освоился, приосанился. Выступающий на трибуне подождал, когда кончатся аплодисменты, и продолжал говорить.

А Егорович чувствовал себя чем дальше, тем увереннее. Вскоре он уже и сам поверил в то, что он передовик, что так все и должно быть на белом свете. Когда ему предложили выступить, он встал, одернул рубаху, прошел к трибуне, заговорил. У него получа-

Всеволод
Михайлович
Гаршин
(1855—1888)

лось совсем неплохо. Только после каждой репортерской вспышки он сбивался и приговаривал: «Добро, ладно, хорошо».

Отдушина

Мысль об университете для сынов приходит к Михайлову случайно — как раз в тот день, когда они с Алевтиной едут в Загорск (она обожает осматривать церкви) и когда бродят там по улицам и улочкам. Они присутствуют на вечерней службе, поют там и впрямь неплохо, во всяком случае, это не так мучительно, как клавесин; они ходят, смотрят, слушают, а в Михайлове крепнет и крепнет случайная мысль. К ночи они уже валяются с ног и пытаются заночевать здесь же, в Загорске, напросившись в какую-то убогую и жуткую гостиницу.

73. В приводимых ниже текстах из «Сказа о тульском косом Левше и о стальной блохе» выделите словесно-звуковые средства художественной изобразительности. Определите и классифицируйте их.

На другой день поехали государь с Платовым в кунсткамеры. Больше государь никого из русских с собою не взял, потому что карету им подали двухсестную. <...>

— На что же мне эта соринка?

— Это, — отвечают, — не соринка, а нимфозория.

— Живая она?

— Никак нет, — отвечают, — не живая, а из чистой из аглицкой стали в изображении блохи нами выкована, и в середине в ней завод и пружина. <...>

Платов остался с обидою и лег дома на досадную укушетку, да так все и лежал да покуривал Жуков табак без перестачи. <...>

Платов ехал очень спешно и с церемонией: сам он сидел в коляске, а на козлах два свистовые казака с нагайками по обе стороны ямщика садились и так его и поливали без милосердия, чтобы скакал. <...>

И с этим протянул руку, схватил своими куцапыми пальцами за шивороток косого левшу, так что у того все крючочки от казакина отлетели, и кинул его к себе в коляску в ноги.

— Сиди, — говорит, — здесь до самого Петербурга вроде пубеля, — ты мне за всех ответишь. А вы, — говорит свистовым, — теперь гайда! Не зевайте, чтобы послезавтра я в Петербурге у государя был.

Мастера ему только осмелились сказать за товарища, что как же, мол, вы его от нас так без тугамента увозите? ему нельзя будет назад следовать. А Платов им вместо ответа показал кулак — такой страшный, бугровый и весь изрубленный, кое-как сросся — и, погрозивши, говорит: «Вот вам тугамент!» <...>

Платов его перекрестил.

— Пусть, — говорит, — над тобою будет благословение, а на дорогу я тебе моей собственной кислярки пришлю. Не пей мало, не пей много, а пей средственно.

Так и сделал — прислал.

А граф Кисельвроде велел, чтобы обмыли левшу в Туляковских всенародных банях, остригли в парикмахерской и одели в парадный кафтан с придворного певчего. <...>

Подали ему ихнего приготовления горячий студинг в огне, — он говорит: «Это я не знаю, чтобы такое можно есть», — и вкушать не стал; они ему переменили и другого кушанья поставили.

(Н. Лесков)

Из эпиграмм Д. Минаева

На ком шапка горит

Имея многие таланты,
К несчастью, наши интенданты
Преподозрительный народ.
Иной, слыша слово «ворон»,
Решает, что сказали: «Вор он»,
И на его, конечно, счет;
А если кто проговорится
Невинным словом «воробей»,

Он начинает сторониться,
Поймавши звуки: «Вора бей».

* * *

Бегут вас все, завидя издали,
С тех пор как «пук стихов» вы издали.

* * *

Он стар и сед, а в старых черепах
Мысль движется едва ль быстрее черепах.

* * *

Ценят золото по весу,
А по шалостям — повесу.

* * *

Женихи, носов не весьте,
Приходя к своей невесте.

Из произведений других авторов

Неведомский — поэт, не ведомый никем,
Печатает стихи неведомо зачем.

(П. Колошин)

Шишков недаром корнеслов;
Теорию в себе он с практикою вяжет:
Писатель, вкусу *шиш* он кажет,
А логике он строит *ков*.

(П. Вяземский)

Попы издревле доказали
Неистовство утроб своих
И в древности так славно жрали,
Что называли жрецами их.

(Н. Щербина)

Большой сумбур российских дел
Толстой исправить захотел.
В помощники правленья своего
Он взял Заику, Плеве, Дурново.
Что ж? И при нем Россия не толстеет,
А заикается, плюется и дурнеет.

(Неизвестный автор)

Чуть пробуждается народ,
Сейчас дают ему уставы.
Кричат: «Закройте-ка уста вы!»
И вмиг кладут печать на рот!
(К. Фофанов)

Ветер дуй, солнце вой
прямо в душу
Солнцевой!
(А. Крученых)

Я впотьмах ищу дорогу,
медовуху — понемногу,
только по сто пью.
А она не засыпает,
впереди меня ступает
тяжкой поступью.
(В. Высоцкий)

Тебя поносят фарисеи,
а ты и пикнуть не посмей.
Пойду пожалуйюсь весне,
озябну зябликом в росе я.
(Б. Чичибабин)

Я сын твой, я сон твоего бездорожья;
я сызмала Разину струги смолил.
Россия русалочья, Русь скоморошья,
почто не добра еси к чадам своим?
(Б. Чичибабин)

А люди русалкой прозвали
За то, что ты русой была.
(Н. Островой)

Кажется, совсем недавно под «счастьем» и пони-
мался только миг (*сей-час, счас, счастье...* настаиваю
на такой этимологии!), мотыльковый век счастья ни-
кого не смущал, подразумевалось, что счастье — толь-
ко есть (или нет), но не продолжается, не экстрапо-
лируется, не будет.

(А. Битов)

Таксист Тарабанько указал как на существенное обстоятельство на то, что именно Михаил Никифорович открыл бутылку.

— Джинн, — сказал он, — всегда служит тому, кто его выпустил.

— Джинн! — проворчал дядя Валя, недовольный этим соображением. — Ты еще скажи — виски! Нам на их нравы наплевать!

(В. Орлов)

74. В стихотворении Б. Пастернака выделите и классифицируйте все виды имеющихся средств художественной изобразительности.

По круглым корешкам старинных книг
Порхают в искрах дымовые трубы.
Нежданно ветер ставит воротник
И улица запахивает шубу.

Представьте дом, где пятен лишена
И только шагом схожая с гепардом,
В одной из крайних комнат тишина,
Облапив шар, ложится под бильярдом.

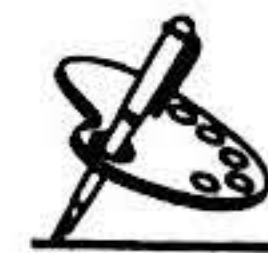
А рядом в шапке крапчатой декабрь
Висит в ветвях на зависть акробату
И с дерева дивится, как дикарь
Нарядам и дурачествам Арбата.

В часы, когда у доктора прием,
Салон безмолвен, как салоп на вате.
Мы колокольни в окна застаем
В заботе об отнявшемся набате.
Какое-то ручное вещество
Вертит хвостом, волною хлора зыблясь.
Его в квартире держат для того,
Чтоб пациенты дверью не ошиблись.

Профессор старше галок и дерев.
Он пепельницу порет папирсой.
Что в том ему, что этот гость здоров?
Не суйся в дом без вызова и спросу.
На нем манишка и сюртук до пят.
Закашлявшись и, видимо, ослышась,

Он отвечает явно не попад:
«Не нервничать и избегать излишеств».
А после — в вопль. «Я, право, утомлен.
Вы про свое, а я сиди и слушай?
А ежели вам имя легион?
Попробуйте гимнастику и души».

И улица меняется в лице,
И ветер машет вырванным рецептом,
И пять бульваров мечутся в кольце,
Зализывая рельсы за прицепом.
И ночь горит, как старый банный сруб,
Занявшийся от ерунды какой-то,
Насилу побежденная к утру
Из поданных бессонницей брандспойтов.
И вихрь на щепки колет тротуар,
Пожарные бредут за калачами,
И стужа ставит чашам самовар
Лучинами зари и каланчами.
Вся в копоты, с чугуновой гирей мги
Синеет твердь и, вмиг воспламенившись,
Хватает клубья искр, как сапоги,
И втаскивает дым за голенища.

75. Сопоставьте строки из стихотворения М. Волошина «Коктебель» и коктебельские акварели, выполненные поэтом (см. цветную вклейку).

С тех пор как отроком у молчаливых
Торжественно-пустынных берегов
Очнулся я — душа моя разъялась,
И мысль росла, лепилась и ваялась
По складкам гор, по выгибам холмов.
Огонь древних недр и дождевая влага
Двойным резцом ваяли облик твой —
И сих холмов однообразный строй,
И напряженный пафос Карадага.
Сосредоточенность и теснота
Зубчатых скал, а рядом широта
Степных равнин и мреющие дали
Стиху — разбег, а мысли — меру дали.
Моей мечтой с тех пор напоены
Предгорий героические сны
И Коктебеля каменная грива. <...>

Отметьте общие черты словесного и графического изображения окружающей Коктебель природы. Установите, с помощью каких средств художественной изобразительности связывает М. Волошин описание природы с характеристикой своего творчества.

Русское стихосложение

76. Определите виды русского народного стиха. Укажите признаки, на основании которых вы относите стих к тому или иному виду.

1

Ах вы ветры, ветры буйные,
Вы буйны ветры осенние,
Потяните вы с эту сторону,
С эту сторону, со восточную,
Отнесите вы к другу восточку,
Что нерадостную весть, печальную!
Как вечер-то мне, младшеньке,
Мне мало спалось, много виделось;
Не хорош-то мне сон привиделся:
Уж кабы у меня, у младшеньки,
На правой руке, на мизинчике
Распаялся мой золот перстень,
Выкатался дорогой камень,
Расплеталась моя руса коса,
Выплеталась лента алая,
Лента алая, ярославская,
Подареннице друга милого,
Свет дородного доброго молодца!

2

Вот я вам буду спервоначально рассказывать
и показывать
иностранных местов,
разных городов,
городов прекрасных:
города мои прекрасные,
не пропадут денежки напрасно:
города мои смотрите,
а карманы берегите. <...>

А вот, извольте смотреть-рассматривать,
глядеть и разглядывать,
город Париж,
поглядишь — угоришь:
а кто не был в Париже,
так купите лыжи —
завтра будете в Париже.

3

Он спустил добра коня да й богатырского,
Он поехал-то дорожкой прямоезжею.
Его добрый конь да богатырский
С горы на гору стал перескакивать,
Мелки реченьки, озерка промеж ног спущал.
Подъезжает он ко речке ко Смородинке,
Да ко тоей он ко Грязи он ко Черной,
Да ко той ли ко березе ко покляпыя,
К тому славному кресту ко Леванидову.

4

А вот, робята, это — Параша.
Только моя, а не ваша.
Хотел было я на ней жениться,
да вспомнил: при живой жене это не годится.
Всем Параша хороша, да больно щеки натирает,
то-то в Питере кирпичу не хватает.

5

Веселитесь, подружки:
К нам весна скоро придет,
С гор покатится вода, —
С гор покатится водичка
Во зеленые луга.
В лужках травонька зелена,
Все цветочки расцвели, —
Расцветут в поле цветочки,
Все ракитовы кусты.
Промежду этих кусточков
Волга-речушка прошла.
Как на этой Волге-речке
Есть и есть, ох, крутые берега.

Как на этом бережочке
Куст калинушки растет;
Как на этом на кусточке
Соловей громко поет.

6

Едет-то старый чистым полем,
Большой-то дорогою Латынскою,
Наехал на дороге горюч камень.
На камешке надпись подписана:
«Старому-де казаку да Илье Муромцу
Три пути пришло дорожки широкие:
А во дороженьку-то ехать — убиту быть,
Во другую-то ехать — женату быть,
Да во-третью-то ехать — богату быть».
Да сидит-то старой на добром коне,
Головой-то качает приговариват:
«Да я сколько по Святой Руси ни езживал,
Такого-то чуда век не видывал.
Да на что мне старому богатство,
Своего у меня много злата-серебра,
Да и много у меня скатного жемчугу.
Да на что мне старому жениться,
Да жениться мне не нажитися, —
Молодую жену взять — чужа корысть,
Да мне старой жены взять не хочется».

77. Определите виды русского книжного стиха. Укажите признаки, на основании которых вы относите стих к тому или иному виду.

1

Как океан объемлет шар земной,
Земная жизнь кругом объята снами;
Настанет ночь — и звучными волнами
Стихия бьет о берег свой.

То глас ее: он нудит нас и просит...
Уж в пристани волшебный ожил челн;
Прилив растет и быстро нас уносит
В неизмеримость темных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, —
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены.

(Ф. Тютчев)

2

Поздней осенью из гавани
От заметенной снегом земли
В предназначенное плаванье
Идут тяжелые корабли.

В черном небе означается
Над водой подъемный кран,
И один фонарь качается
На оснеженном берегу.

И матрос, на борт не принятый,
Идет, шатаясь, сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу...

А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, в самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?

(А. Блок)

3

Разнится потомком быть предков благородных
Или благородным быть. Та же и в свободных
И в холопах течет кровь, та же плоть, те ж кости.
Буквы, к нашим именам приданные, злости
Наши не могут прикрыть; а худые нравы
Истребят вдруг древния в умных память славы;
И чужих обнажена красных перьев галка
Будет им, с стыдом своим, и смешна и жалка.

(А. Кантемир)

4

Как глаз на расползающийся мир
Свободно налагает перспективу
Воздушных далей, облачных кулис

И к горизонту сводит параллели,
Внося в картину логику и строй, —
Так разум среди хаоса явлений
Распределяет их по ступеням
Причинной связи времени, пространства
И укрепляет сводами числа.

(М. Волошин)

5

Скачет пристяжная, снегом обдаёт...
Сонный зимний ветер надо мной поёт,
В полусне волнуясь, по полю бежит,
Вместе с колокольчиком жалобно дрожит.

Эй, проснись, ветер! Подыми пургу,
Задымись метелью белою в лугу,
Загуди поземкой, закружись в степи,
Крикни вместо песни: «Постыдись, не спи!»

(И. Бунин)

6

Эти
                    сегодня
                                стихи и оды,
в аплодисментах
                                ревомяе ревя,
войдут
                    в историю
                                как накладные расходы
на сделанное
                                нами —

двумя или тремя.

Пуд,
                    как говорится,
                                соли столовой

съешь
                    и сотней папирос клуби,
чтобы

                    добыть
                                драгоценное слово
из артезианских

людских глубин.

(В. Маяковский)

7

На составные части разлагает
Кристалл лучи — и радуга видна,
И зайчики веселые живут.
Чтоб вновь родиться, надо умереть.
Я вышел на крыльцо; темнели розы
И пахли розовою плащаницей.
Закатное малиновое небо
Чертили ласточки, и пруд блестел.
Вдали пылило стадо. Вдруг я вижу:
Автомобиль несется, как стрела
(Для здешних мест редчайшее явление),
И развевается зеленый плащ.

(М. Кузмин)

8

Мои читатели

Старый бродяга в Адис-Абебе,
Покоривший многие племена,
Прислал ко мне черного копьемосца
С приветом, составленным из моих стихов.
Лейтенант, водивший канонерки
Под огнем неприятельских батарей,
Целую ночь над южным морем
Читал мне на память мои стихи.
Человек, среди толпы народа
Застреливший императорского посла,
Подожел пожать мне руку,
Поблагодарить за мои стихи.

(Н. Гумилев)

9

Стихи похвальные России

В тебе вся вера благочестивым,
В тебе примесу нет нечестивым;
В тебе не будет веры двойных,
К тебе не смеют приступить злые.
Твои все люди суть православны
И храбростию повсюду славны:

Чада достойны таковыя мати,
Везде готовы за тебя стати.
Чем ты, Россия, неизобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина!
Всегда богата, славе причина.

(В. Тредиаковский)

10

Жил-был мужской портной — хороший мастер,
Собаку съел он по портновской части,

И это было видно по тому,
Что каждый, кто хотел принарядиться,
Мечтал попасть на очередь к нему. —
Так трудно было мастера добиться.

И в самом деле,
Портной не портил зря сукно —
Отлично на заказчиках сидели
Что пиджаки, что брюки — все равно!
Сезон сменял сезон — так проходили годы.

Наш знатный мастер жил да жил,
Все шил да шил,
Росла о нем молва — росли его доходы...

Но вдруг
Все стали подмечать вокруг,
Что у портного изменилась хватка,
И, невзирая на размер задатка,
Известным мастером пошитое пальто
Уже — не то!

(С. Михалков)

11

Гимн Маяковскому

Озверевший зубр в блестящем цилиндре —
Ты медленно поводишь остеклевшими глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую нечистотами.
Вселенский спортсмен в оранжевом костюме,
Ты ударил землю кованым каблуком,
И она взлетела в огневые пространства
И несется быстрее, быстрее, быстрее...

(Э. Багрицкий)

12

Возраст

Наша разница в возрасте невелика,
Полдесятка не будет годов.
Но во мне ты недаром узрел старика —
Я с тобой согласиться готов.
И жестокость наивной твоей правоты
Я тебе не поставлю в вину,
Потому что действительно старше, чем ты,
На Отечественную войну.

(А. Межиров)

13

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

(А. Блок)

78. Определите метры и размеры стихотворений и отрывков из стихотворений, выделите и определите стопы и их видоизменения. Сделайте графические схемы размеров стихотворений. Отметьте паузы в строках, переносы (если они есть), анакрузы, клаузулы.

1

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

Чада достойны таковыя мати,
Везде готовы за тебя стати.
Чем ты, Россия, неизобильна?
Где ты, Россия, не была сильна?
Сокровище всех добр ты едина!
Всегда богата, славе причина.

(В. Тредиаковский)

10

Жил-был мужской портной — хороший мастер,
Собаку съел он по портновской части.

И это было видно по тому,
Что каждый, кто хотел принарядиться,
Мечтал попасть на очередь к нему. —
Так трудно было мастера добиться.

И в самом деле,
Портной не портил зря сукно —
Отлично на заказчиках сидели
Что пиджаки, что брюки — все равно!
Сезон сменял сезон — так проходили годы.

Наш знатный мастер жил да жил,
Все шил да шил.
Росла о нем молва — росли его доходы...

Но вдруг
Все стали подмечать вокруг,
Что у портного изменилась хватка,
И, невзирая на размер задатка,
Известным мастером пошитое пальто
Уже — не то!

(С. Михалков)

11

Гимн Маяковскому

Озверевший зубр в блестящем цилиндре —
Ты медленно поводишь остеклевшими глазами
На трубы, ловящие, как руки, облака,
На грязную мостовую, залитую нечистотами.
Вселенский спортсмен в оранжевом костюме,
Ты ударил землю кованым каблуком,
И она взлетела в огневые пространства
И несется быстрее, быстрее, быстрее...

(Э. Багрицкий)

12

Возраст

Наша разница в возрасте невелика,
Полдесятка не будет годов.
Но во мне ты недаром узрел старика —
Я с тобой согласиться готов.
И жестокость наивной твоей правоты
Я тебе не поставлю в вину,
Потому что действительно старше, чем ты,
На Отечественную войну.

(А. Межиров)

13

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,
Но такая измученная,
Говорите все о печальном,
Думаете о смерти,
Никого не любите
И презираете свою красоту —
Что же? Разве я обижу вас?

О нет! Ведь я не насильник,
Не обманщик и не гордец,
Хотя много знаю,
Слишком много думаю с детства
И слишком занят собой.
Ведь я — сочинитель,
Человек, называющий все по имени,
Отнимающий аромат у живого цветка.

(А. Блок)

78. Определите метры и размеры стихотворений и отрывков из стихотворений, выделите и определите стопы и их видоизменения. Сделайте графические схемы размеров стихотворений. Отметьте паузы в строках, переносы (если они есть), анакрузы, клаузулы.

1

Не бил барабан перед смутным полком,
Когда мы вождя хоронили,
И труп не с ружейным прощальным огнем
Мы в недра земли опустили.

И бедная почесть к ночи отдана;
Штыками могилу копали;
Нам тускло светила в тумане луна,
И факелы дымно сверкали.
(И. Козлов)

2

Жизнь наша в старости — изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить;
Мы с ним давно сжились, давно, как с братом брат,
Нельзя нас починить и заново исправить.
(П. Вяземский)

3

Слезы людские, о слезы людские,
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистошимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной.
(Ф. Тютчев)

4

Ангел

По небу полуночи ангел летел,
И тихую песню он пел;
И месяц, и звезды, и тучи толпой
Внимали той песне святой.
Он пел о блаженстве безгрешных духов
Под кущами райских садов;
О Боге великом он пел, и хвала
Его непритворна была.
(М. Лермонтов)

5

Под дождем

Помнишь: мы не ждали ни дождя, ни грома,
Вдруг застал нас ливень далеко от дома;
Мы спешили скрыться под мохнатой елью...

Не было конца тут страху и веселью!
Дождик лил сквозь солнце, и под елью мшистой
Мы стояли точно в клетке золотистой.
(А. Майков)

6

Я пришел к тебе с приветом
Рассказать, что солнце встало,
Что оно горячим светом
По листам затрепетало;

Рассказать, что лес проснулся,
Весь проснулся, веткой каждой,
Каждой птицей встрепнулся
И весенней полон жаждой.
(А. Фет)

7

В дороге

Утро туманное, утро седое,
Нивы печальные, снегом покрытые,
Нехотя вспомнишь и время былое,
Вспомнишь и лица, давно позабытые.

Вспомнишь обильные страстные речи,
Взгляды, так жадно, так робко ловимые,
Первые встречи, последние встречи,
Тихого голоса звуки любимые.

Вспомнишь разлуку с улыбкою странной,
Многое вспомнишь родное далекое,
Слушая ропот колес непрерывный,
Глядя задумчиво в небо широкое.
(И. Тургенев)

8

Стихи мои! Свидетели живые
За мир пролитых слез!
Родитесь вы в минуты роковые
Душевных гроз
И бьетесь о сердца людские,
Как волны об утес.
(Н. Некрасов)

Осенние журавли

Сквозь вечерний туман мне, под небом стемневшим,
 Слышен крик журавлей все ясней и ясней...
 Сердце к ним понеслось, издалика летевшим,
 Из холодной страны, с обнаженных степей.
 Вот уж близко летят и, все громче рыдая,
 Словно скорбную весть мне они принесли...
 Из какого же вы неприветного края
 Прилетели сюда на ночлег, журавли?

(А. Жемчужников)

10

Все темней и кудрявей березовый лес зеленеет,
 Колокольчики ландышей в чаще зеленой цветут;
 На рассвете в долинах теплом и черемухой веет,
 Соловьи до рассвета поют.

Скоро Троицын день, скоро песни, венки и покосы...
 Все цветет и поет, молодые надежды тая...
 О весенние зори и теплые майские росы!
 О далекая юность моя!

(И. Бунин)

11

В бездонном небе легким белым краем
 Встает, сияет облако. Давно
 Слежу за ним... Мы мало видим, знаем,
 А счастье только знающим дано.

Окно открыто. Пискнула и села
 На подоконник птичка. И от книг
 Усталый взгляд я отвожу на миг.

(И. Бунин)

Городу Пушкина

Этой ивы листы в девятнадцатом веке увяли,
 Чтобы в строчке стиха серебриться свежее стократ.
 Одичалые розы пурпурным шиповником стали,
 А лицейские гимны все так же заздравно звучат.

Полстолетья прошло... Щедро взыскана дивной судьбою,
 Я в беспамятстве дней забывала течение годов, —
 И туда не вернусь! Но возьму и за Лету с собою
 Очертанья живые моих царскосельских садов.

(А. Ахматова)

13

Никому не причиняя зла,
 Жил и жил я в середине века,
 И ко мне доверчивость пришла —
 Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
 Сколько намолчались мои губы!
 Вот и горе постучалось в дверь,
 Я его как можно приголубил.

Где-то рядом мой последний час,
 За стеной стучит он каблуками...
 Я исчезну, обнимая вас
 Холодеющими руками.

В вечность поплывет мое лицо,
 Ни на что, ни на кого не глядя,
 И ребенок выйдет на крыльцо,
 Улыбнется: — До свиданья, дядя!

(М. Светлов)

14

Во всем мне хочется дойти
 До самой сути.
 В работе, в поисках пути,
 В сердечной смуте.

До сущности протекших дней,
До их причины,
До оснований, до корней,
До сердцевины.

(Б. Пастернак)

15

Жить бы мне век соловьем-одиночкой
В этом краю травянистых дорог,
Звонко выщелкивать строчку за строчкой,
Циклы стихов заготавливать впрок.
О разнотравье лугов непрямятых.
Зорях пастушьих, угодьях грибных.
О лесниках-добряках бородатых.
О родниках и вечерних закатах.
Девичьих косах и росах ночных...

(А. Твардовский)

79. В строках из стихотворений и небольших стихотворениях, метр которых — четырехстопный ямб, определите размер, сделайте графические схемы. Проследите, сколько окажется строк, размер которых будет полностью одинаков.

1

Брожу ли я вдоль улиц шумных,
Вхожу ль во многолюдный храм,
Сижусь ли меж юношей безумных,
Я предаюсь моим мечтам.

Я говорю: промчатся годы,
И сколько здесь ни видно нас,
Мы все сойдем под вечны своды —
И чей-нибудь уж близок час.

(А. Пушкин)

2

Разуверение

Не искушай меня без нужды
Возвратом нежности твоей:
Разочарованному чужды
Все обольщенья прежних дней!

Уж я не верю увереньям,
Уж я не верую в любовь
И не смогу предаться вновь
Раз изменившим сновиденьям!

(Е. Баратынский)

3

Вечерний звон

Вечерний звон, вечерний звон!
Как много дум наводит он
О юных днях в краю родном,
Где я любил, где отчий дом,
И как я, с ним навек простясь,
Там слушал звон в последний раз!

(И. Козлов)

4

Я чувствую, во мне горит
Святое пламя вдохновенья,
Но к темной цели дух парит...
Кто мне укажет путь спасенья?
Я вижу, жизнь передо мной
Кипит, как океан безбрежный...
Найду ли я утес надежный,
Где твердой обопрусь ногой?

(Д. Веневитинов)

5

Поэзия

Среди громов, среди огней,
Среди клокочущих страстей,
В стихийном, пламенном раздоре,
Она с небес слетает к нам —
Небесная к земным сынам,
С лазурной ясностью во взоре —
И на бунтующее море
Льет примирительный елей.

(Ф. Тютчев)

Ветка Палестины

Скажи мне, ветка Палестины:
Где ты росла, где ты цвела?
Каких холмов, какой долины
Ты украшением была?

У вод ли чистых Иордана
Востока луч тебя ласкал,
Ночной ли ветер в горах Ливана
Тебя сердито колыхал?

(М. Лермонтов)

7

Какая грусть! Конец аллеи
Опять с утра исчез в пыли,
Опять серебряные змеи
Через сугробы поползли.
На небе ни клочка лазури,
В степи все гладко, все бело,
Один лишь ворон против бури
Крылами машет тяжело.

(А. Фет)

8

Аллея осенью

Пышней, чем в ясный час расцвета,
Аллея пурпуром одета.
И в зыбком золоте ветвей
Еще блистает праздник лета
Волшебной прелестью своей.

И ночь, сходящую в аллею,
Сквозь эту рдяную листву,
Назвать я сумраком не смею,
Но и зарей — не назову!

(К. Фофанов)

Не видно птиц. Покорно чахнет
Лес, опустевший и больной.
Грибы сошли, но крепко пахнет
В оврагах сыростью грибной.

Глушь стала ниже и светлее,
В кустах сваялася трава,
И, под дождем осенним тлея,
Чернеет темная листва.

(И. Бунин)

10

Городу

(Дифирамб)

Царя властительно над долом,
Огни вонзая в небосклон,
Ты труб фабричных частоколом
Неумолимо окружен.

Стальной, кирпичный и стеклянный,
Сетями проволок обвит,
Ты — чарователь неустанный,
Ты — неслабеющий магнит.

(В. Брюсов)

11

Чего-то нет...

Мне хочется уйти куда-то,
В глаза кому-то посмотреть,
Уйти из дома без возврата
И там — там где-то умереть.

Кому-то что-то о поэте
Споют весною соловьи.
Чего-то нет на этом свете,
Что мне сказало бы: «Живи!»...

(И. Северянин)

Друзьям

Хочу я жизнь понять всерьез:
наклон колосьев и берез,
хочу почувствовать их вес
и что их тянет в синь небес,
чтобы строка была верна,
как возрождение зерна.

(Н. Асеев)

13

Когда бы я недвижимым трупом
Лежал, устав от бытия, —
Людским страстям, простым и грубым,
Уж неподвластен был бы я.

Я был бы только горстью глины,
Я превратился бы в сосуд,
Который девушки долины
Порой к источнику несут.

(Н. Заболоцкий)

14

Быть знаменитым некрасиво.
Не это подымает ввысь.
Не надо заводить архива,
Над рукописями трястись.
Цель творчества — самоотдача,
А не шумиха, не успех.
Позорно, ничего не знача,
Быть притчей на устах у всех.

(Б. Пастернак)

15

На сеновале

Ты помнишь, ночью предосенней, —
Тому уже десятки лет, —
Курили мы с тобой на сене,
Презрев опасливый запрет.

И глаз до света не сомкнули,
Хоть запах сена был не тот,
Что в ночи душные июля
Заснуть подолгу не дает...

(А. Твардовский)

80. В приводимых ниже текстах выделите рифмы и дайте их характеристику по расположению в строке, по особенностям совпадения звуков, по строению (одно слово или сочетание слов), по расположению ударения, по конечному звуку.

Хорошее отношение к лошадям

Били копыта.

Пели будто:

— Гриб.

Грабь.

Гроб.

Груб.—

Ветром опита,

льдом обута,

улица скользила.

Лошадь на круп

грохнулась.

И сразу

за зевакой зевака,

штаны пришедшие Кузнецким клёшить,
сгрудились.

Смех зазвенел и зазвякал:

— Лошадь упала!

— Упала лошадь!

Смеялся Кузнецкий.

Лишь один я

голос свой не вмешивал в вой ему.

Подошел

и вижу

глаза лошадиные...

Улица опрокинулась,

течет по-своему...

Подошел и вижу —

за каплицей каплица

по морде катится,
прячется в шерсти...

И какая-то общая
звериная тоска,
плеща, вылилась из меня
и расплылась в шелесте.

«Лошадь, не надо.
Лошадь, слушайте —
чего вы думаете, что вы их плоше?

Деточка,
все мы немножко лошади,
каждый из нас по-своему лошадь».

Может быть,
— старая —
и не нуждалась в няньке,
может быть, и мысль ей моя казалась пошла,
только
лошадь
рванулась,
встала на ноги,
ржанула
и пошла.

Хвостом помахивала —
рыжий ребенок.

Пришла веселая,
стала в стойло.

И все ей казалось —
она жеребенок,
и стоило жить,
и работать стоило!

(В. Маяковский)

Из стихотворений Б. Чичибабина

* * *

Я слишком долго начинался —
и вот стою, как манекен,
в мороке мерного сеанса
не узнаваемый никем.

Не знаю, кто виновен в этом,
но с каждым годом все больней,
что я друзьям своим неведом,
враги не знают обо мне.

Борис
Александрович
Чичибабин
(1923—1994)

Звучаньем слов, значеньем знаков
землянин с люлечки пленен.
Рассвет рассудка одинаков
для всех народов и племен.

Но я с мальчишества наметил
прожить не в прибыльную прыть
и не слова бросать на ветер,
а дело людям говорить.

И кровь и крылья дал стихам я,
и сердцу стало холодней:
мои стихи, мое дыханье
не долетели до людей.

Уже листва уходит с веток
в последний, гибельный полет,
а мною сложенных и спетых
никто не слышит, не поет.

Верблюд

Шагает, шею шепота вытягивая,
проносит ношу, царственен и худ,—
песчаный лебедин, печальный работяга,
хорошее чудовище верблюд.

Мне, как ему, мой Бог не потакал.

Я тот же корм перетираю мудро,
и весь я есмь моргающая морда,
да жаркий горб, да ноги ходока.

* * *

По белу свету телепаясь,
бренча, как битая бутылъ,
сомненья списаны в утиль,
да здравствует утилитарность!

А я, дивясь на эту жуть,
тянусь поджечь ее сигаркой,
вступаю в заговор цыганский,
зову пророков к мятежу.

* * *

Уже за мной стучатся в дверь,
уже торопят,
и что ни враг — то лютый зверь,
что друг — то робот.
Покойся в сердце, мой Толстой,
не рвись, не буйствуй,—
мы все привычною стезей
проходим путь свой.

* * *

Гибли на плахе, катились на дно,
звали в тоске зарю,—
но не умели служить заодно
Богу и Кесарю...

Пушкин и Лермонтов

.....
Что там — над бездною судеб и смут,
ангелы, верно, там?
Кто вы, небесные, как вас зовут?
— Пушкин и Лермонтов.

.....
Детский, о Боже, младенческий зов...
Черепом — в росы я...
Здесь их обоих — на месте, как псов,
честные взрослые.

Из стихотворений других поэтов

Парки в Москве

Ты постиг ли, ты почувствовал ли,
Что, как звезды на заре,
Парки древние присутствовали
В день крестильный, в октябре?
Нити длинные, свивавшиеся
От Ивана Калиты,
В тьме столетий затерявшиеся,
Были в узел завиты.

И, когда в Москве трагические
Залпы радовали слух,
Были жутки в ней — классические
Силуэты трех старух.

(В. Брюсов)

Быть может, и любит, да только не скажет...
Да только не скажет и чувств не покажет.
А раз не покажет — так что в этом толку.
Да, что в этом толку — любить втихомолку.
Надеждой терзает, надеждой тревожит...
А может быть, вовсе не любит? Быть может!

(И. Северянин)

На мягком сланце облаков
Молочный грифельный рисунок
Не ученичество миров,
А бред овечьих полусонок.

(О. Мандельштам)

Не знаешь —
смелость тебя вздымает
иль гонит робость.
Взлететь ли,
или —
и так бывает —
пропасть,
как в пропасть.
Не знаешь —
смертен ты
или вечен,

лжец или правый,
развенчан ты или увенчан
хулой
иль славой.
То все умею и все могу,
то нет — не смею.
То снова сразу у всех в долгу,
то все имею.

(М. Луконин)

В полете

Отскакали кони по России.
Отскакали кони по росе.
По бетону катятся шасси,

и

Крутятся
колеса по шоссе...
И душа твоя,
российский лирик,
Привыкает к новым скоростям,
К лирике
индустриальных линий,
К голубым — в полете — плоскостям.

(М. Львов)

А вдруг — в костер?! И нет во мне
шагнуть к костру сил.
Мне будет стыдно, как во сне,
в котором струсил.

(В. Высоцкий)

81. Определите приведенные ниже строфы. Сделайте
схему рифмовки строк в строфах.

Ты знаешь, что любовь мы изливаем в звуки?
Ты знаешь, что за скорбь в поэзии царит?
То мира целого желанья и муки,
То человечество стремится и грустит,
В молениях о любви, в мучениях разлуки
Не наш, а общий стон в аккордах дивных слит.
Страдая за себя, мы силою искусства
В гармонии стиха сливаем мира чувства.

(В. Брюсов)

Несовершенство мира — милость Божья!
Паси стада своих свободных волей,
Пускай стоишь у нижнего подножья.

Желанье вольное утолено ль?
Автоматичность — вряд ли добродетель,
Без тела тупы и восторг и боль.

Во мгле ли дремлем мы, в зенитном свете ль
Крылим, острее стрел, свои лучи,—
Отображение небесных петель,—

Чужой чертеж прилежнее учи,
Желанный ветошь с воли совлекая,
И слушай голос в набожной ночи.

Воскликнешь, удивясь: «Так вот какая
Нам сила суждена! Ее берем!»
Не борозди, кометою мелькая,

Случайный небосвод, плыви путем
Тебе удобным. Желанье Бога!
Едина цель и волен твой ярем,
Покорная, свободная дорога!

(М. Кузмин)

Только и есть теперь одни мечты,
Только и есть теперь Бог, да ты,
Да маленький месяц с желтой высоты.

Месяц квадратит книги да пол,
Ты улыбнешься, опершись на стол...
Какую сладкую пустыню я нашел!

(М. Кузмин)

Как некий юноша в скитаньях без возврата,
Иду из края в край и от костра к костру...
Я в каждой девушке предчувствую сестру
И между юношей ищу напрасно брата;

Щемящей радостью душа моя объята;
Я верю в жизнь, и в сон, и в правду, и в игру
И знаю, что приду к отцовскому шатру,
Где ждут меня мои и где я жил когда-то.

Бездомный долгий путь назначен мне судьбой...
Пускай другим он чужд... я не зову с собой —
Я странник и поэт, мечтатель и прохожий.

Любимое со мной. Минувшего не жаль.
А ты, что за плечом, — со мною тайно схожий,
Несбыточной мечтой сильнее жги и жаль!
(М. Волошин)

82. Выполните такое задание: напишите стихотворение на заданные рифмы. Собственно, это старинная литературная игра, называемая буриме (франц. *bouts rimés* — рифмованные концы). Возьмем самые простые рифмы для одного четверостишия:

...весна
...веет
...ясна
...греет

Можно взять и любые другие рифмы, и не только для четырех, но и для большего количества строк. Придумайте сами. Испытайте свои силы в стихосложении: не обязательно писать на заданные рифмы, заданным размером (хотя и это интересно и не очень трудно) — просто напишите стихотворение на любую тему, любым размером, с любыми рифмами, а потом изобразите графически его размер, проанализируйте рифмы и т. п.

83. В стихотворении В. Луговского «Песня о ветре» а) выделите части, ориентируясь на размер стиха; б) определите стихотворный размер каждой части, изобразите его схематически; в) охарактеризуйте рифмы.

Для повторения материала предыдущего раздела выделите и определите в «Песне о ветре» средства художественной изобразительности.

Итак, начинается песня о ветре,
О ветре, обутом в солдатские гетры,
О гетрах, идущих дорогой войны,
О войнах, которым стихи не нужны.

Идет эта песня, ногам помогая,
Качая штыки по следам Улагая,
То чешской, то польской, то русской речью —
За Волгу, за Дон, за Урал, в Семиречье.

По-чешски чешет, по-польски
плачет,
Казачьим свистом по степи
скачет
И строем бьет из московских
дверей
От самой тайги до британских
морей.

Владимир
Александрович
Луговской
(1901–1957)

Тайга говорит,
Главари говорят, —
Сидит до поры
Молодой отряд.

Сидит до поры,
Стучат топоры,
Совет вершат...
А ночь хороша!

Широки просторы. Лунь. Синь.
Тугими затворами патроны вдвинь!
Месяц комиссарит, обходя посты,
Железная дорога за полверсты.

Рельсы разворочены, мать честна!
Поперек дороги лежит сосна.

Дозоры — в норы, связь — за бугры,
То ли человек шуршит, то ли рысь.

Эх, зашумела, загремела, зашурганила,
Из винтовки, из нарезки меня ранила.

Ты прости, прости, прощай!
Прощай пока,
А покуда обещаю
Не беречь бока.
Не ныть, не болеть,
Никого не жалеть,
Пулеметные дорожки расстеливать,
Беяков у сосны расстреливать.

Паровоз начеку,
ругает вагоны,
Волокет Колчаку
тысячу погонов.

Он идет впереди,
атаман удалый,
У него на груди —
фонари-медали.
Командир-паровоз
мучает одышка,
Впереди откос —
Паровозу крышка!

А пока поручики пиво пьют,
А пока солдаты по-своему поют:

«Россия ты, Россия, российская страна,
Соха тебя пахала, боронила борона.
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда.

Дорога ты, дорога, сибирский путь,
А хочется, ребята, душе вздохнуть.
Ах, сукин сын, машина, сибирский паровоз,
Куда же ты, куда же ты солдат завез?
Ах, мама моя, мама, крестьянская дочь,
Меня ты породила в несчастную ночь.

Зачем мне, мальчишке, на жизнь начихать?
Зачем мне, мальчишке, служить у Колчака?!
Эх, раз (и), два (и) — горе не беда,
Направо окоlesiца, налево лабуда». <...>

Сибирь взята в охапку.
Штыки молчат.
Заячьими шапками
Разбит Колчак.

Собирайте, волки,
Молодых волчат,
На снежные иголки
Мертвые полки
Положил Колчак.
Эй, партизан!

Поднимай сельчан:

Раны зализать
Не может Колчак.

Стучит телеграф:
Тире, тире, точка...
Эх, эх, Ангара,
Колчакова дочка!

На сером снеге волкам
приманка:
Пять офицеров, консервов
банка.
«Эх, шарабан мой,
американка!
А я девчонка
да шарлатанка!»
Стой!

Кто идет?
Кончено. Залп!!

Иллюстрация художника
А. Иткина к поэме А. Блока
«Двенадцать»

84. Прочитайте описание Катьки в поэме
А. Блока «Двенадцать» и выполните помещенные
после текста задания.

4

Снег крутит, лихач кричит,
Ванька с Катькою летит —
Електрический фонарик
На оглобелях...
Ах, ах, пади!..

Он в шинелишке солдатской
С физиономией дурацкой
Крутит, крутит черный ус,
Да покручивает,
Да пошучивает...

Вот так Ванька — он плечист!
Вот так Ванька — он речист!
Катьку-дуру обнимает,
Заговаривает...

Рисунок художника
Ю. Анненкова к поэме
А. Блока «Двенадцать».
1918 г.

Запрокинулась лицом,
Зубки блещут жемчугом...
Ах ты, Катя, моя Катя,
Толстоморденькая...

5

У тебя на шее, Катя,
Шрам не зажил от ножа.
У тебя под грудью, Катя,
Та царапина свежа!

Эх, эх, попляши!
Больно ножки хороши!

В кружевном белье ходила —
Походи-ка, походи!
С офицерами блудила —
Поблуди-ка, поблуди!

Эх, эх, поблуди!
Сердце екнуло в груди!

Помнишь, Катя, офицера —
Не ушел он от ножа...
Аль не вспомнила, холера?
Али память не свежа?

Эх, эх, освежи!
Спать с собою положи!

Гетры серые носила,
Шоколад Миньон жрала,
С юнкерьем гулять ходила —
С солдатьем теперь пошла?

Эх, эх, согреси!
Будет легче для души!

Каковы особенности стиха, какие эмоционально-экспрессивно и стилистически окрашенные языковые средства используются в этом описании? Сравните описание А. Блока и рисунки Ю. Анненкова и А. Иткина. Какие соответствия и какие различия словесного и графического изображения можете вы отметить?

ПРОИЗВЕДЕНИЕ СЛОВЕСНОСТИ

Понятие о тексте

85. Установите способы связи предложений (имея в виду не только соседние предложения) в прозаических текстах. Одинаково ли соотношение разных способов связи предложений в различных текстах? Обнаруживаются ли особенности связей предложений, отличающие один текст от другого?

История моего современника

Эта маленькая прогулка ярко запала мне в память, быть может, потому, что рядом с нею легло смутное, но глубокое впечатление от личности моего приятеля. На следующий день он не пришел на уроки, и я сидел рядом с его пустым местом, а в моей голове ройлись воспоминания вчерашнего и смутные вопросы. Между прочим, я думал о том, кем я буду впоследствии. До тех пор я переменял уже в воображении несколько родов деятельности. Вид первой извозчицкой пролетки, запах кожи, краски и лошадиного пота, а также великое преимущество держать в руках вожжи и управлять движениями лошадей, вызвал у меня желание стать извозчиком. Потом я воображал себя поляком XVII столетия, в шапке с орлиным пером и с кривой саблей на боку. Потом мне очень хотелось быть казаком и мчаться пьяному на коне по степи, как мчался знакомый мне удалой донской урядник. Теперь я был уже умнее. Мне захотелось быть учителем.

И именно таким, как Прелин. Я сижу на кафедре, и ко мне обращены все детские сердца, а я в свою очередь знаю каждое из них, вижу каждое их движение.

В числе учеников сидит также и Крыштанович. И я знаю, что нужно сказать ему и что нужно сделать, чтобы глаза его не были так печальны, чтобы он не ругал отца сволочью и не смеялся над матерью. <...>

Все это было так завлекательно, так ясно и просто, как только и бывает в мечтах или во сне. И видел я это все так живо, что <...> совершенно не заметил, как в классе стало необычайно тихо, как ученики с удивлением оборачивались на меня; как на меня же смотрит с кафедры старый учитель русского языка, лысый, как колено, Белоконский, уже третий раз окликающий меня по фамилии... Он заставил повторить что-то им сказанное, рассердился и выгнал меня из класса, приказав стать у классной двери снаружи.
(В. Короленко)

«Бесприданница»

Я часто встречал В. Ф. Комиссаржевскую. Сказал ли я с ней хоть слово? Никогда. В памяти испуганные глаза и как здоровалась: крепко держит мою руку.

Так же было и с Блоком. Он, краснея, «Вера Федоровна...» — а испуганные глаза серыми светляками, погасая, как на нитке, куда-то туда убегали: то она что-то забыла, то ее куда-то позвали.

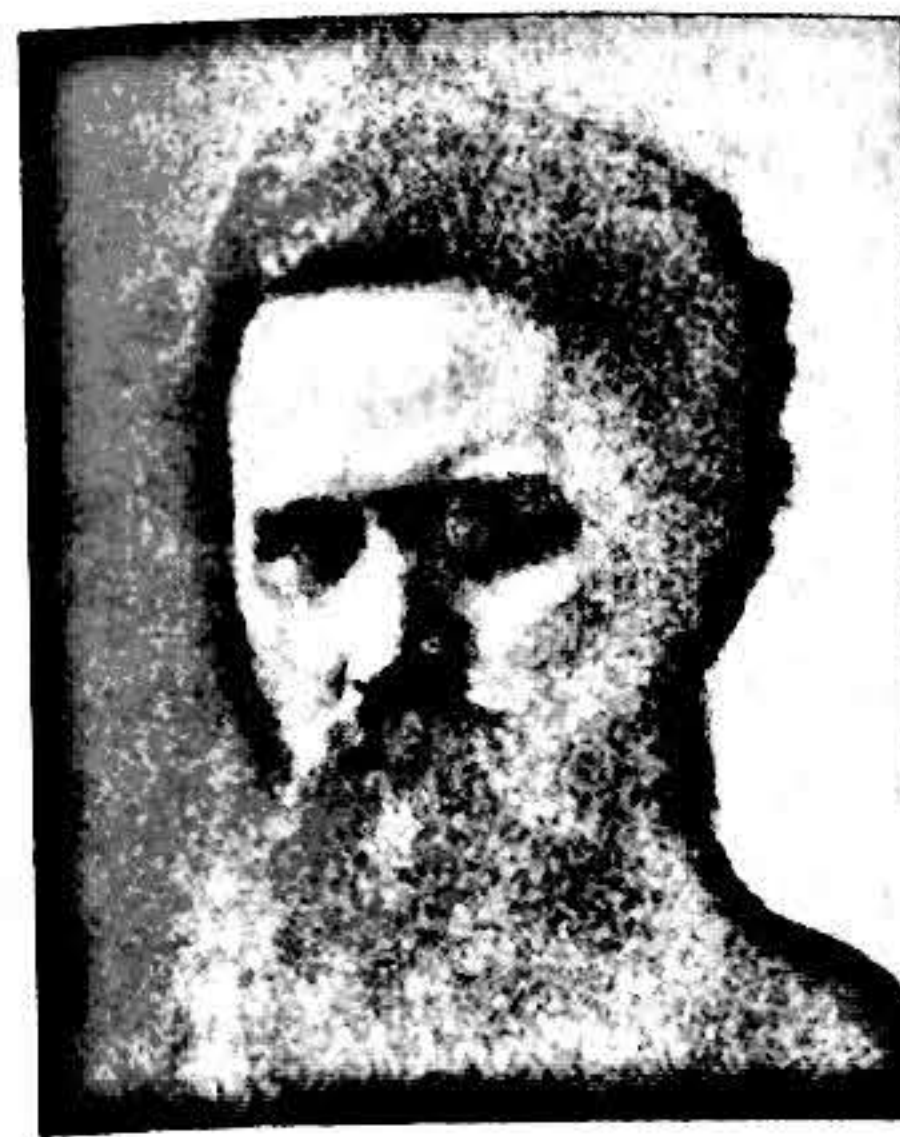
Ей что-то хотелось сказать, но она не находила слов. А я всякий раз себе говорил: «видел Веру Федоровну».

В те времена «мракобесия» — корифеем был Мережковский, облепленный сверху донизу Достоевским, — выражались туманно. Вере Федоровне казалось, что со мной и с Блоком надо говорить какими-то особенными словами под всеобщий словесный мрак.

Так объясняю я наши молчаливые встречи.

Ясной мысли, что мы хотим от театра, у нас не было, ясно было, что современный театр не театр и что реализм — разрушение театра. Без всяких рассуждений у Блока вышел «Балаганчик», у меня «Бесовское действо», это было так непохоже на все, что тогда называлось «театром».

Я читал Комиссаржевской «Иуду». В пьесе есть роль: «Ункрада» — трагедия. А это как раз по ней.

Владимир
Галактионович
Короленко (1853—1921)

Алексей Михайлович
Ремизов
(1877—1957)

У Комиссаржевской было вдохновение. Научиться играть она не могла, она плохо играла, но, вдохновляясь, она могла творить чудеса. Ее прославила «Бесприданница» Островского: изумительно! У нее вдруг менялся голос и соскакивали слова, звуча таким первородным — Плач Адама на проклятой Богом земле, в эти минуты душа ее кипела. Выражаясь с моих глаз, «пар подымался». Комиссаржевская была трагической актрисой — вот по какой дорожке надо было ей идти, а не водевиль.

Все это я, не называя, чувствовал. Здороваясь, я прикасался к вулкану. Но что она чувствовала — со мной и с Блоком — что-то да чувствовала, почему и глядела такими испуганными глазами.

(А. Ремизов)

Мимолетное виденье

Зима пошла на извод, наш Левушка — вовсе на исход. А свою принцессу все успокаивает: здоров да благополучен. Мы с сестрицей взяли да на семи ли, на восьми страницах вкратце и открыли этой Кате всю ужасную действительность. Ответа ждем, а она сама является, как майский день! И, знаете, действительно принцесса! Такой тип красоты парижанки: блондинка при черных бровях. При этом ежели парижанкин тип, то лик неизбежно втолсту отщекатурен. Но у Кати, кроме добродетелей, ничего в лице не

выражалось. И одета просто, но с громадным вкусом: во все белое и во все черное. Мы с сестрицей портнихи не из последних: в туалетах можем понимать!

Боже, как они слевой встретились! Конечно, может ли какой презент быть превосходнее сего. Даже нам с Хионьюшкой досталось по несколько поцелуев... А багажу-то дорогая гостыюшка не ахти сколько привезла. Один чемодан, да и тот веретенном трянуть... Но не поспела она этот чемоданчик расстегнуть, как сразу разговор на копылья поставила: какие в городе конторы и насколько личность, много знающая в науках, может найти упражнения. А мы с сестрицей не последние люди в городе. В деловых кругах знакомства, и весь бомонд на вестях. Раскинули умом да, несмотря на страшный недосуг, на другое же утро и порхнули в роскошный особняк купцов Маляхиных.

Фирма «Маляхин и сын» преименитая — свои пароходы, рыбой торговали.

Об эту пору мы молодого Маляхина супруге Настасье Романовне шили гардероб домашний и а-ля променад. Заказчицы обычно к нам являлись на примерку, но на сей раз мы сделали исключение, в рассуждении заставить домовладыку.

И папенька и сын дома оказались. Простодушно беседуя с заказчицей, расставляю я свои коварные сети насчет новоприезжей особы, что-де умна и прекрасна, как мечта, и на двенадцати языках поет и говорит. А Федька, молодой-то Маляхин, ужаси какой был бабелар. Закатался, будто кот, на бархатных-то диванах.

(Б. Шергин)

Затеси

Сильный колос

Лето выдалось дождливое. Травы и хлеба дурели от перепоя, перли в рост и не вызревали. Потом травы остановились, густым разноцветьем придавило их, и они унялись, перестали расти.

И сделалось видно высокую рожь со сплюсненным колосом. Она переливалась под ветром, шумела молодого и беззаботно. Но однажды налетела буря с круп-

ным дождем и градом. Еще жидкую и нестойкую рожь на взгорьях прижало к земле.

«Пропало жито, пропало!» — сокрушались мужики. Горестно качали они головами и вздыхали, как вздыхают люди, утратив самое для себя дорогое. Из древности дошла до нас и еще, слава Богу, жива в крестьянах жалость к погибающему хлебу, основе основ человеческой жизни.

После бури, как бы искупая свой грех, природа одарила землю солнечными днями. Рожь по ложкам и низинам стала быстро белеть, накапливать зерно и знойно куриться. А та, по взгоркам, все лежала вниз лицом и ровно бы молилась земле, просила отпустить ее. И были провалы в густой и высокой ржи, словно раны. День ото дня все горестней темнели и запекались они в безмолвной боли.

Пригревало и пригревало солнце. Сохла земля в поле, и под сваленной рожью прела она, прогревала стебли, и они один по одному твердели, выпрямлялись и раскачивали гибко согнувшиеся серые колосья.

Ветром раскачивало рожь, сушило, гнало ее волнами, и вот уже усы пустили колосья, накололи на них солнце.

Раны на поле закрылись, ровное оно сделалось, безоглядное.

Катились беловатые, будто вспененные на хребтах волны, и среди них озерной, стоялой водою все еще несмело шевелилась рожь, поднимаясь с земли. Но через неделю-две вовсе слижет зеленые проплешины и сольется поле во едином расчесе, в единый колос встанут хлеба, начнут шуметь полновластно, широко, зазвонят отвердевшим зерном, и, радуясь хлебу, жизнестойкости его, хвалить будут его крестьяне, как верного друга. «Сильный колос! Взнял себя с земли!»

(В. Астафьев)

Альтист Данилов

Пришел день выступления.

Наташа отутюжила Данилову фрак и брюки, черную бабочку гладил он сам. Есть Данилов ничего не мог, хотя и был ему предложен горячий завтрак. Выпил лишь кофе.

Звонил Переслегин, нервно спрашивал, получил ли Данилов отгул в театре, явится ли он сегодня к шести в Клуб медицинских работников. Звонил Чудецкий, тоже нервничал, советовал Данилову привести в клуб знакомых, настроенных благожелательно к нему, Данилову, и к музыке, а то вдруг зал окажется пустым. Вчера была суматоха, и сегодня ей предстояло быть. Как и в театре, когда всем кажется, что ничего не готово, еще бы день или два, а теперь все ужасно, и актеры плохи, и декорации вот-вот рассыплутся, и провал несомненен. Но суматоха и была Данилову хороша. Надо было действовать, репетировать, нестись куда-то, спорить, ругаться, отчаиваться на мгновения: «Ах, пропади все пропадом!» — и тут же опять играть, играть, чистить ботинки, стричь бороду, звонить знакомым, отговаривать их покупать цветы, «какие еще цветы, обойдетесь порченными яблоками». Нетерпение жгло Данилова. Он был бодр, энергичен, чувствовал себя хорошо, забыл о болезнях и страхе смерти!

В пять часов Данилов поехал в Клуб медицинских работников. Наташа полагала прийти туда вместе с Екатериной Ивановной после работы. Данилов почувствовал, что голоден, заскочил в чебуречную на Сретенском бульваре. Чебуреки были скверные. Но Данилов понимал, что эти чебуреки и бульон с фрикадельками, как и все сегодняшнее, он запомнит навсегда. В сквере, на тумбе, Данилов оглядел афиши. На Переслегина с Чудецким не хватило бумаги.

(В. Орлов)

86. Определите тему приведенных ниже стихотворений. Является ли она общей для всех стихотворений? Какой материал действительности и какой языковой материал отбирает каждый из авторов для раскрытия темы? С помощью каких языковых средств выражается отношение автора к теме?

1

Весна, весна! как воздух чист!
Как ясен небосклон!
Своей лазурию живой
Слепит мне очи он.

Весна, весна! как высоко
На крыльях ветерка,
Ласкаясь к солнечным лучам,
Летают облака!

Шумят ручьи! блещут ручьи!
Взревев, река несет
На торжествующем хребте
Поднятый ею лед!

Еще древа обнажены,
Но в роще ветхий лист,
Как прежде, под моей ногой
И шумен и душист.

Под солнце самое взвился
И в яркой вышине
Незримый жаворонок поет
Заздравный гимн весне.

Что с нею, что с моей душой?
С ручьем она ручей
И с птичкой птичка! с ним журчит,
Летает в небе с ней!

Зачем так радуется
И солнце и весна!
Ликует ли, как дочь стихий,
На пире их она?

Что нужды! счастлив, кто на нем
Забвенье мысли пьет,
Кого далеко от нее
Он, дивный, унесет!
(Е. Баратынский)

2

То было раннею весной,
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парил зной,
И зелень рощ сквозила;

Труба пастушья поутру
Еще не пела звонко,

И в завитках еще в бору
    Был папоротник тонкий.

То было раннею весной,
    В тени берез то было,
Когда с улыбкой предо мной
    Ты очи опустила.

То на любовь мою в ответ
    Ты опустила вежды —
О жизнь! о лес! о солнца свет!
    О юность! о надежды!

И плакал я перед тобой,
    На лик твой глядя милый, —
То было раннею весной,
    В тени берез то было!

То было в утро наших лет —
    О счастье! о слезы!
О лес! о жизнь! о солнца свет!
    О свежий дух березы!
                                    (А. К. Толстой)

3

Прошумели весенние воды,
Загремели веселые грозы,
В одеяньях воскресшей природы
Расцвели гиацинты и розы.

Принесли от далеких поморий
Перелетные певчие птицы;
В небесах светлоокие зори
Во всю ночь не смыкают зеницы.

Но и в бледной тиши их сияний
Внятен жизни таинственный лепет,
Внятны звуки незримых лобзаний
И любви торжествующий трепет.

Пробудись же в сердцах, умиление,
Расступись, мрак печали угрюмый,
Прочь гнетущее душу сомнение,
Прочь недобрые, зимние думы!

Сердце полно живительной веры
В эти громы победной природы,
В эти песни о счастье без меры,
В эти зори любви и свободы!
                                    (А. Голенищев-Кутузов)

4

Бушует полая вода,
Шумит и глухо, и протяжно.
Грачей прилетные стада
Кричат и весело, и важно.

Дымятся черные бугры,
И утром в воздухе нагретом
Густые белые пары
Напоены теплом и светом.

А в полдень лужи под окном
Так разливаются и блещут,
Что ярким солнечным пятном
По залу «зайчики» трепещут.

Меж круглых рыхлых облаков
Невинно небо голубеет,
И солнце ласковее греет
В затишье гумен и дворов.

Весна, весна! И все ей радо.
Как в забытии каком стоишь
И слышишь свежий запах сада
И теплый запах талых крыш.

Кругом вода журчит, сверкает,
Крик петухов звучит порой,
А ветер, мягкий и сырой,
Глаза тихонько закрывает.

                                    (И. Бунин)

87. Рассмотрите еще три стихотворения. Они имеют одинаковое название — «Весна», что указывает на общность темы. А что можно сказать о содержании этих стихотворений? Какой материал действительности и какой языковой материал отобран авторами? Чем сближается и чем различается содержание этих трех стихотворений?

И как соотносится содержание всех семи стихотворений, приведенных в упражнениях 86 и 87?

Весна

Уж тает снег, бегут ручьи,
В окно повеяло весною...
Засвищут скоро соловьи,
И лес оденется листвою!

Чиста небесная лазурь,
Теплей и ярче солнце стало,
Пора метелей злых и бурь
Опять надолго миновала.

И сердце сильно так в груди
Стучит, как будто ждет чего-то,
Как будто счастье впереди
И унесла зима заботы!

Все лица весело глядят,
«Весна!» — читаешь в каждом взоре;
И тот, как празднику, ей рад
Чья жизнь — лишь тяжкий труд и горе.

Но резвых деток звонкий смех
И беззаботных птичек пенье
Мне говорят — кто больше всех
Природы любит обновленье!

(А. Плещеев)

Весна

Все подсохло. И почки уж есть.
Зацветут скоро ландыши, кашки.
Вот плывут облачка, как барашки.
Громче, громче весенняя весть.

Я встревожен назойливым писком:
подоткнувшись, ворчливая Фекла,
нависая над улицей с риском,
протирает оконные стекла.

Тут известку счищают ножом...
Тут стаканчики с ядом... Тут вата...
Грудь апрельским восторгом объята.
Ветер пылью крутит за окном.

Алексей
Николаевич
Плещеев
(1825—1893)

Андрей Белый
(1880—1934)

Окна настежь — и крик, разговоры,
и цветочный качается стебель,
и выходят на двор полотеры
босиком выколачивать мебель.

Выполз кот и сидит у корытца,
умывается бархатной лапкой.
Вот мальчишка в рубашке из ситца,
пробежав, запустил в него бабкой.

В небе свет предвечерних огней.
Чувства снова, как прежде, огнисты.
Небеса все синей и синей,
облака, как барашки, волнисты.

В синих далях блуждает мой взор.
Все земные стремленья так жалки...
Мужичонка в опорках на двор
с громом ввозит тяжелые балки.

(А. Белый)

Весна

Растаял снег, луга зазеленели,
Телеги вновь грохочут по мосту,
И воробьи от солнца опьянели,
И яблони качаются в цвету.

Михаил
Васильевич
Исаковский
(1900—1973)

По всем дворам — где надо и не надо —
С утра идет веселый перестук,
И на лужайке принимает стадо
Еще зимою нанятый пастух.

Весна, весна кругом живет и дышит,
Весна, весна шумит со всех сторон!..
Взлетел петух на самый гребень крыши,
Да так поет, что слышит весь район.

Раскрыты окна. Веет теплый ветер,
И легкий пар клубится у реки,
И шумно солнцу радуются дети,
И думают о жизни старики.

(М. Исаковский)

88. В отрывке из рассказа А. Куприна «Белый пудель» выделите предметно-логические и эмоционально-экспрессивные структуры. Подберите соотносительные средства языкового выражения к тем и другим. Какие структуры дают больше возможностей для использования соотносительных средств языкового выражения?

Беззвучно проскользнул Сергей в деревянную калитку, ведущую в парк. Там, под густыми деревьями, было совсем темно. Издали слышался шум неугомонного ручья и чувствовалось его сырое, холодное дыхание. Отчетливо застучала под ногами деревянная настилка моста. Вода под ним была черная и страшная. Вот наконец и высокие чугунные ворота, узорчатые, точно кружево, и обвитые ползучими стеблями глициний. Лунный свет, прорезавшись сквозь чащу

деревьев, скользил по резьбе ворот слабыми фосфорическими пятнами. По ту сторону был мрак и чуточку-пугливая тишина.

89. Рассмотрите с точки зрения соотношения предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур отрывки из произведений нехудожественной словесности. Определите стилевую и жанровую принадлежность произведений, из которых взяты отрывки. Какие структуры преобладают в приведенных текстах и различаются ли эти тексты по степени этого преобладания?

1

1. Приемная семья является одной из форм устройства на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей. Граждане (супруги или отдельные граждане), желающие взять на воспитание ребенка (детей), оставшегося без попечения родителей, именуются приемными родителями; ребенок (дети), передаваемый на воспитание в приемную семью, именуется приемным ребенком, а такая семья — приемной семьей.

Приемные родители по отношению к приемному ребенку (детям) обладают правами и обязанностями опекуна (попечителя).

2. Общее число детей в приемной семье, включая родных и усыновленных, не должно превышать, как правило, 8 человек.

3. Приемная семья образуется на основании договора о передаче ребенка (детей) на воспитание в семью.

Договор о передаче ребенка (детей) заключается между органом опеки и попечительства и приемными родителями по форме согласно приложению № 1.

Орган опеки и попечительства выдает приемным родителям удостоверение установленного образца по форме согласно приложению № 2.

4. Орган опеки и попечительства содействует созданию приемных семей, оказывает приемным родителям необходимую помощь и осуществляет наблюдение за условиями жизни и воспитания ребенка (детей).

5. Устройство детей в приемную семью не влечет за собой возникновения между приемными родителями

и приемными детьми алиментных и наследственных правоотношений, вытекающих из законодательства Российской Федерации.

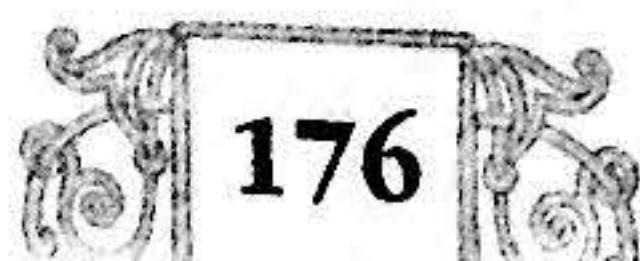
(Из «Положения о приемной семье»)

2

Наука в стране не может быть устойчиво благополучнее, чем ее экономика и общественные отношения. Кто бы и сколько бы ни разглагольствовал о величии России, современная Россия по сумме своих технологий невоенного назначения, по демографии, уровню потребления, общественным отношениям вполне соответствует тому, что недавно обозначалось эвфемизмом «развивающиеся страны». А если пользоваться нормальным русским языком, следовало бы называть «недоразвитыми странами». Недоразвитая страна не может иметь развитую науку. Когда страна содержит себя в основном вывозом сырья, а изрядная доля ее граждан кормится продажей и перепродажей полученных за него товаров, ученым в ней делать нечего. Что проку, к примеру, сейчас разработать в России технологию суперпластика, если производство простейших пластмасс (полиэтилена, полипропилена, полистирола, смол АБС) дышит на ладан, а когда дело дойдет здесь до промышленного производства суперпластиков, нынешние разработки успеют безнадежно устареть.

<...> Реальный плюс системы грантов в том, что она приучает научных работников к конкуренции. Правда, в российских специфических условиях вместо конкурса проектов и умов зачастую получается конкурс знакомств и «связей», но это лишь полбеда. Главное — заимствованная на Западе практика грантов, будучи вырванной из тамошней системы естественного экономического приоритета прикладных исследований, прекрасно вписалась в традиционную советскую схему существования науки: план — деньги — отчет, когда основной и зачастую единственный продукт труда ученых — груды исписанных бумаг. Гранты оказались главным источником финансов для многих ученых, и над российским Лукоморьем звучит все та же песня ученого кота: дяденька, дай миллион, а я тебе поисследую.

(С. Смирнов)

3

Эпиграмма родилась в Древней Греции приблизительно две тысячи восемьсот лет назад. Литературным жанром она стала не сразу, о чем речь впереди, но когда прочно утвердилась в литературе, то значимость ее возросла настолько, что и за пределами этого жанра любая острота, причем даже в прозаическом изложении, получила в новое время почетное право называться эпиграммой.

Сегодня в мире преобладает сатирическая эпиграмма. В античности же это ее качество проявилось как результат длительного развития. Там ей сначала отводилась роль посредницы между простыми смертными и обитателями Пинда. Эпиграмма представляла собой посвятельную надпись на треножнике, на щите, на вазе или на другой утвари богу-покровителю (эпиграмма в переводе с греческого и означает «надпись»). В дальнейшем прибавилась разновидность эпиграммы — эпитафия, то есть надгробная надпись, сообщавшая, как и теперь, краткие сведения об усопшем человеке.

Чем короче был текст, тем легче труд резчика, который работал на твердом материале, в основном на камне. Поскольку надпись служила только для того, чтобы обессмертить факт приношения, то она заключала сухую бесстрастную информацию, и не более. Мало-помалу в ней стихийно начали появляться строки, согретые чувством любви, в эпитафии — чувством скорби. Пробуждение эмоций, а вместе с ними и художественных черт позволило эпиграмме в VII—VI веках до н. э. перейти с мемориального предмета на свиток и встать в ряд с другими лирическими жанрами литературы.

(В. Васильев)

4

Лучшие умы России всерьез озадачены: им предложено выработать национальную идею, способную сплотить и воодушевить всех россиян. Что ж, это неплохой повод для размышлений и споров, которые могут, наверное, родить некую истину. Хотя с трудом верится, будто вообще можно «произвести на заказ» такую идею. Она, мне кажется, должна быть выстрадаана миллионами сограждан и ими же (через просве-

щенную интеллигенцию) «вытолкнута» на поверхность общественной жизни. Но поживем — увидим.

Моя же собственная, возможно, очень субъективная реакция на предложение поразмыслить о высоких общенациональных идеях и приоритетах сводится к грубоватой, но точной «расейской» формуле: «Не до жиру — быть бы живу». «Быть живу» — то есть выжить самим и, что куда важнее, сберечь своих детей и внуков. Больно осознавать это, но именно так я вижу сегодня главную цель нации. Горько и от другого: я больше не верю, что государство в лице его высших должностных лиц способно помочь своим подданным в достижении этой цели. Оно, государство, другим занято, и выживаем мы скорее вопреки его бурной деятельности — в основном в силу неистребимой природной живучести.

<...> Кто-то из мудрых обронил: «Бог помогает тому, кто старается сам». Так, может, все-таки стоит постараться хоть что-то сделать самим во имя сохранения себя и своих детей? Если добавить к той самой природной живучести хотя бы минимум разумных усилий, результат появится достаточно скоро. А там глядишь — чего не бывает! — и власть вспомнит о нашем праве на здоровье. <...>

Многое нам по силам. Ну хотя бы не пакостить вокруг себя, донести до урны пустую жестянку от пива. Поубавить мата в речи и вообще — хамства. А еще — постараться хоть самую малость согреть тех, кого ударил молот безработицы или бездомности, преступности или Чечни. Вам кажется, что я уже о другом? Да нет, все о том же: как не оскотиниться, сохранить душу и тело. То есть — быть живу.

(С. Сухая)

90. Выделите предметно-логические и эмоционально-экспрессивные структуры в художественных текстах. Одинаково ли их соотношение в каждом из текстов? Как можно оценить соотношение предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур в художественных текстах в целом по отношению к текстам нехудожественным?

1

И точно, такую панораму вряд ли где еще удастся мне видеть: под нами лежала Койшаурская долина, пересекаемая Арагвой и другой речкой, как двумя се-

ребрыными нитями; голубоватый туман скользил по ней, убегая в соседние теснины от теплых лучей утра; направо и налево гребни гор, один выше другого, пересекались, тянулись, покрытые снегами, кустарниками; вдали те же горы, но хоть бы две скалы похожие одна на другую — и все эти снега горели румяным блеском так весело, так ярко, что, кажется, тут бы и остаться жить навеки; солнце чуть показалось из-за темно-синей горы, которую только привычный глаз мог бы различить от грозовой тучи; но над солнцем была кровавая полоса, на которую мой товарищ обратил особое внимание. «Я говорил вам, — воскликнул он, — что нынче будет погода; надо торопиться, а то, пожалуй, она застанет нас на Крестовой. Трогайтесь!» — закричал он ямщикам.

Подложили цепи под колеса вместо тормозов, чтоб они не раскатывались, взяли лошадей под уздцы и начали спускаться; направо был утес, налево пропасть такая, что целая деревушка осетин, живущих на дне ее, казалась гнездом ласточки; я содрогнулся, подумав, что часто здесь, в глухую ночь, по этой дороге, где две повозки не могут разъехаться, какой-нибудь курьер раз десять в год проезжает, не вылезая из своего тряского экипажа. Один из наших извозчиков был русский ярославский мужик, другой осетин: осетин вел коренную под уздцы со всеми возможными предосторожностями, отпрягши заранее уносных, — а наш беспечный русак даже не слез с облучка!

(М. Лермонтов)

2

На бугре, куда вела оловянная от дождевой воды дорога, на месте сведенного леса, среди мокрой, гниющей щепы и листвы, среди пней и молодой осино-вой поросли, горько и свежо пахнувшей, одиноко стояла изба. Ни души не было кругом, — только овсянки, сидя под дождем на высоких цветах, звенели на весь редкий лес, поднимавшийся за избой, но, когда тройка, шлепая по грязи, поравнялась с ее порогом, откуда-то вырвалась целая орава громадных собак, черных, шоколадных, дымчатых, и с яростным лаем закипела вокруг лошадей, взвиваясь к самым их мордам, на лету перевертываясь и прядая даже под верх

тарантаса. В то же время и столь же неожиданно небо над тарантасом раскололось от оглушительного удара грома, малый с остервенением кинулся драть собак кнутом, и лошади вскачь понесли среди замелькавших перед глазами осиновых стволов...

За лесом уже видно было Хвошинское. Собаки отстали и сразу смолкли, деловито побежали назад, лес расступился, и впереди опять открылись поля. Вечерело, и тучи не то расходились, не то заходили теперь с трех сторон: слева — почти черная, с голубыми просветами, справа — седая, грохочущая непрерывным громом, а с запада, из-за хвошинской усадьбы, из-за косогоров над речной долиной, — мутно-синяя, в пыльных полосах дождя, сквозь которые розовели горы дальних облаков. Но над тарантасом дождь редел, и, приподнявшись, Ивлев, весь закиданный грязью, с удовольствием завалил назад отяжелевший верх и свободно вздохнул пахучей сыростью поля.

(И. Бунин)

3

Семеновна все же настояла на своем: из четверти, которая и была неполной, половину отлили в банку и спрятали, а вторую половину, чтобы не обманывать бутылку, Настена процедила в бидончик. Она вышла с ним за ворота и, приостановившись, набираясь решимости, осторожно, по-старушечьи осмотрелась в ту и другую стороны улицы. Давно улица так не гомонила. Изба-читальня стояла посреди деревни, через три двора от Гуськовых, оттуда слышались громкие возбужденные голоса и тянуло дымом. Видя людскую суматоху, одурело носились и гавкали собаки, кричали и били крыльями петухи, наговаривали куры, визжали поросята, хлопали двери, скрипели калитки, топотила бегавшая стайками ребятня. Но поверх всего этого бестолкового шума и гама парил, звеня и переливаясь, еще какой-то отдельный особый звук — сладкий, стеклянно-чистый и ликующий, хорошо знакомый Настене, но как бы позабытый или потерянный. Она подняла глаза, отыскивая, откуда он берется, — на крыше сарая сидели в ряд три ласточки и заливались, рассыпались своей песней. Прилетели. Подгадали: не раньше и не позже, как раз сегодня. Прилетели, го-

лубушки, вернулись на родину летовать, лепить гнезда, нести яйца, выводить птенцов. Вот и мирная жизнь возвращается в родные места, откуда ее, как былинку, сорвали, — надсаженная, покалеченная, расритая: отвыкли, обросли страданиями и страхом. Ласточки щебечут, славят что-то, обещая и благодарствуя, звонят свой хрустальный и нежный благовест, а той вести, поди, и не знают, что кончилась война. А может, и знают, может, нарочно летели-торопились, чтобы люди, услышав, подняли глаза и догадались: все, сегодня край страданий.

(В. Распутин)

4

В леса безлюдной стороны
И чуждой шумному веселью
Меня порой уносят сны
В твою приветливую келью.

В благоуханьи простоты,
Цветок — дитя дубравной сени,
Опять встречать выходишь ты
Меня на шаткие ступени.

Вечерний воздух влажно чист,
Вся покраснев, ты жмешь мне руки,
И, сонных лип тревожа лист,
Порхают гаснущие звуки.

(А. Фет)

5

Такою отмечен я долей бедовой:
Была уже мать на последней неделе,
Сгребала сенцо на опушке еловой, —
Минута пришла — далеко до постели.

И та закрепила за мною отметка,
Я с детства подробности эти усвоил,
Как с поля меня доставляла соседка
С налипшей на мне прошлогоднею хвоей.

И не были эти в обиду мне слухи,
Что я из-под елки, и всякие толки,—
Зато, как тогда утверждали старухи,
Таких, из-под елки,
Не трогают волки.

Увы, без вниманья к породе особой,
Что хвойные те означали иголки,
С великой охотой,
С отменной злобой
Едят меня всякие серые волки.

Едят, но недаром же я из-под ели:
Отнюдь не сказать, чтобы так-таки съели.
(А. Твардовский)

91. Внимательно прочитайте отрывок из рассказа К. Паустовского «Стекольный мастер».

На следующее утро я со своим приятелем — художником — уехал на лодке на Прорву — глубокую тихую реку. На берегах Прорвы мы провели три дня, ловили рыбу.

Стоял конец сентября. Мы ночевали в палатке. Когда мы просыпались на рассвете, полотнища палатки провисали над головой и хрустели — на них лежал тяжелый иней. Мы выползали из палатки и тотчас разводили костер. Все, к чему приходилось прикасаться — топор, котелок, ветки, — было ледяное и обжигало пальцы.

Потом в безмолвии зарослей подымалось солнце, и мы не узнавали Прорвы — все было присыпано морозной пылью.

Только к полудню иней таял. Тогда луга и заросли приобретали прежние краски, даже более яркие, чем всегда, так как цветы и травы были мокрыми от растаявшего инея. Серая гвоздика снова делалась красной. Белые, будто засахаренные, ягоды шиповника превращались в оранжевые, а лимонные листья берез теряли серебряный налет и шелестели под ясным небом.

А теперь сделайте лингвистический эксперимент. Ориентируясь на приведенный текст, сохраняя его «информационную» основу, напишите два сочинения: в од-

ном по возможности устраните словесные средства, выражающие эмоционально-экспрессивную сторону содержания текста, а в другом, наоборот, максимально разверните эти средства.

92. О любом действительно бывшем или вымышленном событии напишите два варианта письма: в одном постарайтесь избежать эмоционально-экспрессивных словесных средств и сделайте упор на предметно-логическую сторону содержания текста, в другом максимально разверните эмоционально-экспрессивные словесные средства, сведя к минимуму предметно-логические. Возможен ли текст без предметно-логических структур вообще? А без эмоционально-экспрессивных?

93. Внимательно прочитайте стихотворение И. Мятлева «Розы», стихотворение в прозе И. Тургенева «Как хороши, как свежи были розы...» и стихотворение И. Северянина «Классические розы». Одинаково ли отношение текстов И. Тургенева и И. Северянина к тексту И. Мятлева? Есть ли соприкосновения в сюжетах стихотворений Тургенева—Мятлева и Северянина—Мятлева? Соотносится ли текст Северянина только с текстом Мятлева или с текстом Тургенева тоже? Как вы думаете, почему из всего стихотворения Мятлева привлекла внимание последующих авторов именно строка «Как хороши, как свежи были розы...»?

Розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

Как я берег, как я лелеял младость
Моих цветов заветных, дорогих;
Казалось мне, в них расцветала радость;
Казалось мне, любовь дышала в них.

Но в мире мне явилась дева рая,
Прелестная, как ангел красоты;
Венка из роз искала молодая —
И я сорвал заветные цветы.

И мне в венке цветы еще казались
На радостном челе красивее, свежей;
Как хорошо, как мило соплетались
С душистою волной каштановых кудрей!

И заодно они цвели с девицей!
Среди подруг, средь плясок и пиров,
В венке из роз она была царицей,
Вокруг ее вились и радость и любовь!

В ее очах — веселье, жизни пламень,
Ей счастье долгое сулил, казалось, рок,—
И где ж она?.. В погосте белый камень,
На камне — роз моих завянувший венок.
(И. Мятлев)

Как хороши, как свежи были розы...

Где-то, когда-то, давно-давно тому назад я прочел
одно стихотворение. Оно скоро позабылось мною... но
первый стих остался у меня в памяти:

Как хороши, как свежи были розы...

Теперь зима; мороз запушил стекла окон; в темной
комнате горит одна свеча. Я сижу, забившись в угол;
а в голове все звенит да звенит:

Иван Петрович
Мятлев
(1796—1844)

Как хороши, как свежи были розы...

И вижу я себя перед низким
окном загородного русского дома.
Летний вечер тихо тает и переходит
в ночь, в теплом воздухе пах-
нет резедой и липой; а на окне,
опершись на выпрямленную руку
и склонив голову к плечу, сидит
девушка — и безмолвно и при-
стально смотрит на небо, как бы
выжидая появления первых звезд.
Как простодушно-вдохновенны за-
думчивые глаза, как трогательно-
невинны раскрытые, вопрошаю-
щие губы, как ровно дышит еще
не вполне расцветшая, еще ничем
не взволнованная грудь, как чист

и нежен облик юного лица! Я не дерзаю заговорить с
нею, — но как она мне дорога, как бьется мое сердце!

Как хороши, как свежи были розы...

А в комнате все темней да темней... Нагоревшая
свеча трещит, беглые тени колеблются на низком по-
толке, мороз скрипит и злится за стеною — и чудится
скучный, старческий шепот...

Как хороши, как свежи были розы...

Встают передо мною другие образы... Слышится
веселый шум семейной, деревенской жизни. Две ру-
сые головки, прислонясь друг к дружке, бойко смот-
рят на меня своими светлыми глазками, алые щеки
трепещут сдержанным смехом, руки ласково сплелись,
вперебивку звучат молодые, добрые голоса; а немно-
го подальше, в глубине уютной комнаты, другие, то-
же молодые руки бегают, путаясь пальцами, по кла-
вишам старенького пианино — и ланнеровский вальс
не может заглушить воркотню патриархального само-
вара...

Как хороши, как свежи были розы...

Свеча меркнет и гаснет... Кто это кашляет там так
хрипло и глухо? Свернувшись в калачик, жметя и
вздрагивает у ног моих старый пес, мой единственный
товарищ... Мне холодно... Я зябну... и все они умер-
ли... умерли...

Как хороши, как свежи были розы...

(И. Тургенев)

Классические розы

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодной рукой!

1843 г. И. Мятлев

В те времена, когда роились грезы
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

(И. Северянин)

94. В приведенных ниже отрывках содержатся выраженные тем или иным способом отсылки к другим произведениям (подобно тому, что мы наблюдали в предыдущем упражнении). Связи текста с другим текстом или другими текстами выражаются многообразно и не всегда открыто. Авторы и названия произведений, к которым делается отсылка, могут быть не указаны, цитаты не всегда берутся в кавычки, нередко не приводятся дословно, а пересказываются приблизительно к тексту оригинала; иногда подразумеваются не какие-либо конкретные слова из произведения, а сцена, эпизод, ситуация, образ и т. п.

Определите авторов и произведения, отсылки к которым содержатся в предлагаемых отрывках. Приведите точные цитаты, используемые в помещенных ниже текстах для анализа, назовите сцены, ситуации и т. п., которые имеются в виду. Объясните, какую задачу в каждом конкретном случае решает автор, предлагая читателям нечто из других словесных произведений (текстов).

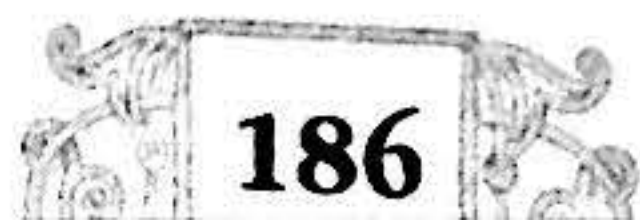
Чистые воды Китежа

Град Китеж не беден людьми, умеющими держать перо в руках, но в кого ни взглядишь — каждому рыцарю чего-то не хватает, каждый с изъянцем.

Самсон Попенкин начал было уже тихо отчаиваться, как вдруг его осенила гениальная идея: «А не поставить ли кунцу на воротник?!» Он сидел и очумело помаргивал.

Вот так находка!.. <...>

В тишине своего кабинета Попенкин принялся мысленно взвешивать и ощупывать не кого-нибудь, а местного поэта Ивана Лепоту. <...>

— Иван Степанович, — обратилась Полина Ивановна к Лепоте, — есть письмо и вас касающееся.

— Что там? — с величайшей небрежностью спросил поэт.

— Ничего особого, обижаются, что редко печатаем ваши стихи.

— Правильно обижаются.

Самсон Попенкин хлопнул поэта по плечу.

— «Лета к суровой прозе клонят!» Твоих почитателей, китежский Орфей, ждет приятная неожиданность! <...>

Готового письма нет, и Самсон Попенкин придвинул к себе лист чистой бумаги, углубился в творчество. <...>

И под конец глубокомысленный читатель решает сразиться с поэтом Лепотой его же оружием. В защиту Каллистрата Сырцова он выдает следующие строки:

Мы вас любим, мы вас ценим.

Нет вопроса — нужен ли?

Так парную ценит баню

Пропотевший труженик!

Самсон Попенкин отложил перо в сторону. «Были когда-то и мы рысакими!» Как жаль, что ни Иван Лепота, никто из китежан не узнает истинного автора этих возвышенных строк! Но мед, выпитый тайком, не становится менее сладким. <...>

Вечер. Мост. Шепот речки внизу. Забытой речки...

Самсон Попенкин на мосту в одиночестве.

Давно ли он здесь мыслил двинуть силу на силу, поднять на дыбы город... И двинул! И поднял! А теперь вот не надо быть ясновидящим, чтоб узреть свое ближайшее будущее. Хорошо, если «по собственному желанию»...

А что, собственно, творится? Чем все-таки берет этот тип?

«Над вымыслом слезами обольюсь». Самсон Попенкин вымыслил дух Читателя Сидорова, пришла пора обливаться слезами.

Но почему дух выбрал в жертву родителя, а не кого-то другого? Того же Петрова-Дробняка хотя бы?

Владимир
Федорович
Тендряков
(1923—1984)

Не потому ли, что дух побаивается своего создателя? «Я тебя породил, я тебя и убью!» Эти слова уже звучали в истории.

«Я тебя породил, я тебя и убью!» на минуту перехватило дыхание.

Ночь. Старый мост над шепчущей речкой. Самсон Попенкин на мосту в одиночестве. И зреющий в душе заговор...

(В. Тендряков)

Прости, прощай...

Жалко было Риту. И сам Витька жалел. Но был категоричен:

— А зачем она ходила в партком? Сама отвратила! Это же доколумбов способ — женитьба через партком. Нет уж, я шмыгну в окно — и мое вам почтение.

— Выйди сам и объяснись.

— Кислотой плеснет.

Это была фраза из той развеселой песни, в которой поют от имени разлюбленной: «А я пойду в аптеку, куплю там кислоты. Соперницу девчонку лишу неземной красоты. Сама же из окна я вниз брошусь головой и буду манной кашей лежать на мостовой».

<...>

— Вы против понятия сильной личности?

— Понятие сильной личности и жертвенности — не синонимы.

— Мамочка, мы уже проходили и синонимы, и антонимы, и омонимы, и омофоны, и это он хочет образованность показать и всегда говорит о непонятном, — опять не вытерпела Элиза. <...>

Считалось приличным не заметить чиханья. Но как же не заметить, вот как раз это-то и ханжество. И еще сидели во мне воспоминания детства, когда дед мой чихнул, а я не поздравил. Тогда он помолчал, помолчал и с чувством произнес: «Будь здоров, Яков Иванович, спасибо, Владимир Николаевич!» Дед мой лежал в сырой земле, а внук его чихнул в благородном обществе, обошелся посредством запасенного платка и сообщил: «Чиханье — признак здоровья».

<...>

Проигрыватель со скоростью семьдесят восемь оборотов в минуту извергал танго послевоенных танц-

площадок: «Счастье мое я нашел в нашей дружбе с тобой, все для тебя — и любовь и мечты...»

— Так что ответить маме?

— Я и пишу о промышленности. Но связанной с сельским хозяйством. Мясо. Сядь поешь. От мяса не полнеют. Или танцуй. Все это ты, моя любимая, все ты. Или железо куй, иль песни пой, иль села обходи с медведем.

— Если б не мама, я б тебя давно бросила. <...>

<...> Два балбеса моих лет стоят у парапета над подземным переходом и роняют на мрамор пятак. Он падает, звеня и подпрыгивая, они ловят, а люди, многие, начинают глядеть под ноги, искать. Тут расчет на смех, мол, чего искать, раз не у вас упало? <...>

— Да вот и в городе, — я хотел непременно оставить за собой последнее слово. — На мясокомбинате...

— Ой, не надо! — закричала Ирина, закрывая уши ладонями.

— Я не о крови. Хотя вот раскладывает же Любовь Борисовна колбасу и отварное мясо, есть-то будешь, и класс жажду заливает не квасом...

— Замолчи!

(В. Крупин)

Аптекарь

В это мгновение Игорь Борисович Каштанов, чуть ли не кричавший до того что-то Татьяне Алексеевне, встал перед ней на колени, вернее, припал на одно колено, как подданный или как раб, и замер на секунду с опущенной головой. Татьяна же Алексеевна выпрямилась, застыла, будто дочь сандомирского воеводы вблизи фонтана, правую ногу выставила вперед и носком ее постукивала теперь по керамическому полу. <...>

В автомат же в будние дни мы заходили ненадолго, чаще всего заскакивали туда в вечерние часы, когда вот-вот должна была появиться над оконцем кассирши валтасарова надпись «Пива нет» и печально прозвучать прощальные звонки. <...>

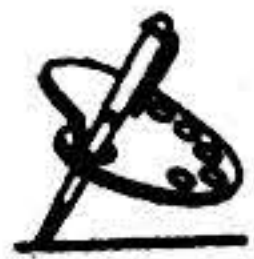
Сам Игорь Борисович никаких заявлений не делал. На вопросы, нередко и непарламентские, не отвечал. Но ходил кислый, будто скушал типографский шрифт журнала «Катера и яхты». Или поднял руку на мла-

денца. А теперь опасался, что за него не станет молиться юродивый. <...>

Метель же не прекратилась, а из тихой и живописной, словно бы устроенной для зимних валютных гостей столицы, стала буйной, вздорной, будто драчливой, с молниями в заснеженном небе, в такую метель в степи недолго было бы и замерзнуть или повстречать Пугачева.

(В. Орлов)

95. Прочтите отрывок из произведения А. Чехова «Дама с собачкой».

Анна Сергеевна, одетая в его любимое серое платье, утомленная дорогой и ожиданием, поджидала его со вчерашнего вечера; она была бледна, глядела на него и не улыбалась, и едва он вошел, как она уже припала к его груди. Точно они не виделись года два, поцелуй их был долгий, длительный.

— Ну, как живешь там? — спросил он. — Что нового?

— Погоди, сейчас скажу... Не могу.

Она не могла говорить, так как плакала. Отвернулась от него и прижала платок к глазам.

«Ну, пускай поплачет, а я пока посижу», — подумал он и сел в кресло.

Потом он позвонил и сказал, чтобы ему принесли чай; и потом, когда пил чай, она все стояла, отвернувшись к окну... Она плакала от волнения, от скорбного сознания, что их жизнь так печально сложилась; они видятся только тайно, скрываются от людей, как воры! Разве жизнь их не разбита?

— Ну, перестань! — сказал он.

Для него было очевидно, что эта их любовь кончится еще не скоро, неизвестно когда.

Сопоставьте чеховский текст с иллюстрациями Кукрыникова (см. цветную вклейку). Как соотносятся в чеховском тексте предметно-логические и эмоционально-экспрессивные структуры, как взаимодействуют рассказ о действиях, «жестах» героев и непосредственные характеристики их внутреннего состояния? Какими средствами удается художникам передать эмоциональный тон свидания, настроение героев?

Возможность различного словесного выражения одной темы

96. Во время поездки в Тифлис и далее в армию (1829) Пушкин делал записи (путевые заметки), которые легли в основу «Путешествия в Арзрум». В заметках и в «Путешествии...» описано посещение калмыцкой кибитки, послужившее толчком к созданию стихотворения «Калмычке».

Сопоставьте тексты записок, «Путешествия...» и стихотворения. Установите общие черты и различия в отборе материала действительности и выборе словесных средств. Определите факторы, которые сказались при раскрытии темы в трех различных вариантах, выделите главный (главные) из этих факторов (задача определения объективных и субъективных факторов, от которых зависит различное словесное выражение одной темы, должна решаться во всех упражнениях данного раздела, поэтому в дальнейшем мы ее не будем повторять).

Путевые заметки

На днях, покамест запрягали мне лошадей, пошел я к калмыцким кибиткам (т. е. круглому плетню, крытому шестами, обтянутому белым войлоком, с отверстием вверху). У кибитки паслись уродливые и косматые кони, знакомые нам по верному карандашу Орловского. В кибитке я нашел целое калмыцкое семейство; котел варился посредине, и дым выходил в верхнее отверстие. Молодая калмычка, собой очень недурная, шила, куря табак. Лицо смуглое, темно-румяное. Багровые губки, зубы жемчужные. Замечу, что порода калмыков начинает изменяться, и первобытные черты их лица мало-помалу исчезают. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» — «***» — «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьешь?» — «Портка». — «Кому?» — «Себя». — «Поцелуй меня». — «Неможна, стыдно». Голос ее был чрезвычайно приятен. Она подала мне свою трубку и стала завтракать со всем своим семейством. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Не думаю, чтобы кухня какого-то б то ни было народу могла произвести что-нибудь гаже. Она предложила мне свой ковшик, и я не имел силы отказаться. Я хлебнул, стараясь не перевести

духа. Я просил заесть чем-нибудь, мне подали кусочек сушеной кобылятины. И я с большим удовольствием проглотил его. После сего подвига я думал, что имею право на некоторое вознаграждение. Но моя гордая красавица ударила меня по голове мусикийским орудием, подобным нашей балалайке. Калмыцкая любезность мне надоела, я выбрался из кибитки и поехал далее.

Путешествие в Арзрум

На днях посетил я калмыцкую кибитку (клетчатый плетень, обтянутый белым войлоком). Все семейство собиралось завтракать; котел варился посредине, и дым выходил в отверстие, сделанное вверху кибитки. Молодая калмычка, собою очень недурная, шила, куря табак. Я сел подле нее. «Как тебя зовут?» — «***» — «Сколько тебе лет?» — «Десять и восемь». — «Что ты шьешь?» — «Портка». — «Кому?» — «Себя». Она подала мне свою трубку и стала завтракать. В котле варился чай с бараньим жиром и солью. Она предложила мне свой ковшик. Я не хотел отказаться и хлебнул, стараясь не перевести духа. Не думаю, чтобы другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже. Я попросил чем-нибудь это заесть. Мне дали кусочек сушеной кобылятины; я был и тому рад. Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирцеи.

Калмычке

Прощай, любезная калмычка!
Чуть-чуть, назло моих затей,
Меня похвальная привычка
Не увлекла среди степей
Вслед за кибиткою твоей.
Твои глаза, конечно, узки,
И плосок нос, и лоб широк,
Ты не лепечешь по-французски,
Ты шелком не сжимаешь ног,
По-английски пред самоваром
Узором хлеба не крошишь,
Не восхищаешься Сен-Маром,
Слегка Шекспира не ценишь,
Не погружаешься в мечтанье,

Когда нет мысли в голове,
Не распеваешь: Ma dov'è,
Галоп не прыгаешь в собрание...
Что нужды? — Ровно полчасу,
Пока коней мне запрягали,
Мне ум и сердце занимали
Твой взор и дикая краса.
Друзья! не все ль одно и то же:
Забиться праздною душой
В блестящей зале, в модной ложе,
Или в кибитке кочевой?

97. Сопоставьте отрывки из «Истории Пугачева» и «Капитанской дочки» Пушкина. Выявите совпадающие факты, события, явления, о которых идет речь. Обратите внимание на соотношение предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур в отрывках, на словесные различия сообщения о событиях и изображения событий.

История Пугачева

(взятие крепости Нижне-Озерной)

Утром Пугачев показался перед крепостью. Он ехал впереди своего войска. «Берегись, государь, — сказал ему старый казак, — неравно из пушки убьют». — «Старый ты человек, — отвечал самозванец, — разве пушки льются на царей?» Харлов бегал от одного солдата к другому и приказывал стрелять. Никто не слушался. Он схватил фитиль, выпалил из одной пушки и кинулся к другой. В сие время бунтовщики заняли крепость, бросились на единственного ее защитника и изранили его. Полумертвый, он думал от них откупиться и повел их к избе, где было спрятано его имущество. Между тем за крепостью уже ставили виселицу; перед нею сидел Пугачев, принимая присягу жителей и гарнизона. К нему привели Харлова, обезумленного от ран и истекающего кровью. Глаз, вышибленный копьем, висел у него на щеке. Пугачев велел его казнить и с ним прапорщиков Фигнера и Кабалерова, одного писаря и татарина Бикбая. Гарнизон стал просить за своего доброго коменданта; но яицкие казаки, предводители мятежа, были неумолимы. Ни один из страдальцев не оказал малодушия.

В это время из-за высоты, находившейся в полверсте от крепости, показались новые конные толпы, и вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками. Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с обнаженной саблею в руке: это был сам Пугачев. <...>

Мятежники съезжались около своего предводителя и вдруг начали слезать с лошадей. «Теперь стойте крепко, — сказал комендант; — будет приступ...» В эту минуту раздался страшный визг и крики; мятежники бегом бежали к крепости. Пушка наша заряжена была картечью. Комендант подпустил их на самое близкое расстояние и вдруг выпалил опять. Картечь хватила в самую середину толпы. Мятежники отхлынули в обе стороны и попятились. Предводитель их остался один впереди... Он махал саблею и, казалось, с жаром их уговаривал... Крик и визг, умолкнувшие на минуту, тотчас снова возобновились. «Ну, ребята, — сказал комендант; — теперь отворяй ворота, бей в барабан. Ребята! вперед, на вылазку, за мною!»

Комендант, Иван Игнатьич и я мигом очутились за крепостным валом; но обробелый гарнизон не тронулся. «Что ж вы, детушки, стоите? — закричал Иван Кузмич. — Умирать, так умирать: дело служивое!» В эту минуту мятежники набежали на нас и ворвались в крепость. Барабан умолк; гарнизон бросил ружья; меня сшибли было с ног, но я встал и вместе с мятежниками вошел в крепость. Комендант, раненный в голову, стоял в кучке злодеев, которые требовали от него ключей. Я бросился было к нему на помощь: несколько дюжих казаков схватили меня и связали кушаками, приговаривая: «Вот ужо вам будет, государевым послушникам!» Нас потащили по улицам; жители выходили из домов с хлебом и солью. Раздавался колокольный звон. Вдруг закричали в толпе, что государь на площади ожидает пленных и принимает присягу. Народ повалил на площадь; нас погна-ли туда же.

Пугачев сидел в креслах на крыльце комендантского дома. На нем был красный казацкий кафтан, об-

шитый галунами. Высокая соболья шапка с золотыми кистями была надвинута на его сверкающие глаза. Лицо его показалось мне знакомо. Казацкие старшины окружали его. Отец Герасим, бледный и дрожащий, стоял у крыльца, с крестом в руках, и, казалось, молча умолял его за предстоящие жертвы. На площади ставили наскоро виселицу. Когда мы приблизились, башкирцы разогнали народ и нас представили Пугачеву. Колокольный звон утих; настала глубокая тишина. «Который комендант?» — спросил самозванец. Наш урядник выступил из толпы и указал на Ивана Кузмича. Пугачев грозно взглянул на старика и сказал ему: «Как ты смел противиться мне, своему государю?» Комендант, изнемогая от раны, собрал последние силы и отвечал твердым голосом: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Пугачев мрачно нахмурился и махнул белым платком. Несколько казаков подхватили старого капитана и потащили к виселице. На ее перекладине очутился верхом изувеченный башкирец, которого допрашивали мы накануне. Он держал в руке веревку, и через минуту увидел я бедного Ивана Кузмича, вздернутого на воздух. Тогда привели к Пугачеву Ивана Игнатьича. «Присягай, — сказал ему Пугачев, — государю Петру Федоровичу!» — «Ты нам не государь, — отвечал Иван Игнатьич, повторяя слова своего капитана. — Ты, дядюшка, вор и самозванец!» Пугачев махнул опять платком, и добрый поручик повис подле своего старого начальника.

Очередь была за мною. Я глядел смело на Пугачева, готовясь повторить ответ великодушных моих товарищей. Тогда, к неопisanному моему изумлению, увидел я среди мятежных старшин Швабрина, обстриженного в кружок и в казацком кафтане. Он подошел к Пугачеву и сказал ему на ухо несколько слов. «Вешать его!» — сказал Пугачев, не взглянув уже на меня. Мне накинута на шею петля. Я стал читать про себя молитву, принося Богу искреннее раскаяние во всех моих прегрешениях и моля его о спасении всех близких моему сердцу. Меня притащили под виселицу. «Не бось, не бось», — повторяли мне губители, может быть и вправду желая меня ободрить. Вдруг услышал я крик: «Постойте, окайнные! погодите!..» Палачи остановились. Гляжу: Савельич лежит в ногах

у Пугачева. «Отец родной! — говорил бедный дядька. — Что тебе в смерти барского дитяти? Отпусти его; за него тебе выкуп дадут; а для примера и страха ради вели повесить хоть меня старика!» Пугачев дал знак, и меня тотчас развязали и оставили.

История Пугачева

(осада Оренбурга)

Сражение завязалось. Артиллерия Пугачева была превосходнее числом вывезенной из города. Оренбургские казаки с непривычки робели ядер и жались к городу, под прикрытия пушек, расставленных по валу. Отряд Наумова был окружен со всех сторон многочисленными толпами. Он выстроился в каре и начал отступать, отстреливаясь от неприятеля. Сражение продолжалось четыре часа. Наумов убитыми, ранеными и бежавшими потерял сто семнадцать человек.

Не проходило дня без перестрелок. Мятежники толпами разъезжали около городского вала и нападали на фуражиров. Пугачев несколько раз подступал под Оренбург со всеми своими силами. Но он не имел намерения взять его приступом. «Не стану тратить людей, — говорил он сакмарским казакам, — а выморю город мором».

Капитанская дочка

(глава X «Осада города»)

Легко можно себе вообразить, что жизнь в Оренбурге была самая несносная. Все с унынием ожидали решения своей участи; все охали от дороговизны, которая в самом деле была ужасна. Жители привыкли к ядрам, залетающим на их дворы; даже приступы Пугачева уж не привлекали общего любопытства. Я умирал со скуки. <...> Единственное развлечение мое состояло в наездничестве. По милости Пугачева, я имел добрую лошадь, с которой делился скудной пищею и на которой ежедневно выезжал я за город перестреливаться с пугачевскими наездниками. В этих перестрелках перевес был обыкновенно на стороне злоде-

ев, сытых, пьяных и добродетельных. Тощая городская конница не могла их одолеть. Иногда выходила в поле и наша голодная пехота; но глубина снега мешала ей действовать удачно противу рассеянных наездников. Артиллерия тщетно гремела с высоты вала, а в поле вязла и не двигалась по причине изнурения лошадей. Таков был образ наших военных действий!

98. Внимательно рассмотрите иллюстрацию С. В. Герасимова к «Капитанской дочке», названную художником «Суд Пугачева» (см. цветную вклейку). С каким именно местом VII главы повести Пушкина соотносится иллюстрация? (См. отрывок, приведенный в задании 98.) Сопоставьте временную и пространственную перспективу сцены, расположение и позы персонажей в изображении А. Пушкина и С. Герасимова. Совпадают или нет смысловые и эмоциональные акценты в повествовании писателя и в картине художника?

99. Авторы художественных произведений нередко обращают внимание на возможности различного словесного выражения одной темы и используют эти возможности в художественных целях (см., например, упражнение 35, где приведены соответствующие примеры из «Отцов и детей» И. Тургенева). При этом создаются «параллели» от самых простых, очевидных, подчеркнутых и разъясненных авторами, до более или менее сложных, отражающих различные субъективные и объективные факторы, влияющие на выбор и организацию языковых средств в соотносительных отрезках текста. Ниже приводятся примеры, в которых надо определить отношения между «авторскими» и имитируемыми текстами, дать стилистическую и жанровую характеристику последних.

1

— Не понимаю, — сказал Ефим, — меня спасти не надо, я не тону. Перестаньте меня считать человеком второго сорта, дайте мне приличную шапку, и никаких проблем не будет.

— Ефим, вы не понимаете. Вам сейчас не о шапке, а о том, на чем ее носят, надо подумать. И я вам в этом хочу помочь. Приходите завтра ко мне, обсудим, как дальше быть.

— Хорошо, — сдался Ефим. — Когда?
— Ну, скажем, завтра, часиков эдак в шестнадцать.
Ефим подумал (и сделал пометку в блокноте) о том, как служебное положение неизбежно отражается на языке. Не будь Лукин начальником, он наверняка сказал бы «часа в четыре», а тут «часиков эдак» да еще и в шестнадцать.

(В. Войнович. Шапка)

2

Но вот возвращаюсь, включая телевизор.
— Плодовые и плодово-ягодные растения вступили в период глубокого органического покоя.
Это надо понимать, что зима наступила. Выступает ученый. Дальше:
— Температура почвы в области узлов кущения выше среднегодовой нормы.

Нет никаких физических сил слушать такой язык. А ведь о природе, о деревьях и кустах, о хлебе, о земле. Чей он сын? Это была передача кировского телевидения. Московского не лучше, но от этого не легче.

(В. Крупин. Вятская тетрадь)

3

Одно из дел Вятской духовной консистории, сообщенное в третьем выпуске за 1907 год, живо напомнило наше детское поверье. Оно было в том, что рана, полученная в наших играх, царапина, порез, ушиб, нарыв, — словом, все отличительные знаки настоящего мальчишки быстрее заживут, если в эти раны... потыкать стрелой. И не какой-нибудь — железной. Мы их сами делали. Полоски жести сворачивали узенькой вороночкой и надевали этот железный наконечник на прямой прут из крепкой ветки черемухи или орешника. А лук был из вереска, а тетива из дратвы. Такая стрела, пущенная сильной рукой, просаживала одну, две, а то и три фанерки. И вот этими стрелами, ржавыми копьцами, тыкали мы в свои боевые раны. Потом еще и плевали на эти раны, и замазывали кровью землей. Раны, естественно, заживали.

То, что и другие мальчишки лечились слюной и землей, это точно, я спрашивал у сверстников. Но

обычай тыкать стрелой в рану не был знаком никому, только вятским выходцам.

Вот истоки этого обычая.

Генерал-губернатор Хомутов преосвященному Неофиту (27 октября 1838 года): «Из преданий известно, что в прошлые времена жители села Волковского и других окружающих селений имели обыкновение по какому-то случаю встречать приносимый в известное время года в село Волковское образ св. Георгия Победоносца со стрелами, которые употреблялись в сражениях новгородскими выходцами, поселившимися в этом крае. <...>»

Преосвященный Неофит отвечал на то, что «стрел никаких не видел, да и при всем старании найти оных не могли», что по какому поводу носились эти стрелы, когда отобраны, «нет никаких документов».

Однако автор сообщения о стрелах В. Шабалин не удовлетворился ответом преосвященного, по журналу консистории он докопался до сведений 1772 года, когда открылось, что, действительно, крестьяне Троицкой церкви села Волковского не только хранили таковые стрелы, но и делали, «кои стрелы во время хождения в город Хлынов с образом св. великомученика Георгия и при отправлении молебнов разные люди от старост церковных себе брали и в руках держали, а за взятие клали в церковную казну по деньге и по копейке и более, и те собираемые деньги употребляемы были на воск и ладан и прочие церковные потребности; берущие ж стрелы объявляли им, попам, что-де теми стрелами во время колотной болезни отыскиваются сами собою (разрядка в публикации. — В. К.), от коей-де болезни им бывает облегчение, а потом те стрелы старостам церковным отдавали обратно...».

(В. Крупин. Вятская тетрадь)

4

День был праздничный. Славно грело солнце. Кто-то заметил, что скоро в сквере возле автомата и на Поле Дураков вспыхнут одуванчики. Любовь Николаевна стала говорить о свойствах и запахах одуванчиков, потом о ландышах. Говорила она складно, с неким поэтическим чувством. <...>

— А вот вы, Любовь Николаевна, — восторженно воскликнул вдруг финансист Моховский, — начали говорить про одуванчики. Про их целебные и питательные свойства... Вы считаете, что они выгоняют желчь?

— Выгоняют.

— Это вы по Ковалевой?

— По какой Ковалевой? — удивилась Любовь Николаевна. Но тут же как бы и вспомнила: — Да, по Ковалевой. И еще по Туровой.

— Турова куда суше в описаниях, — сказал Моховский.

— Корни и трава одуванчика, — заговорил Михаил Никифорович, и словно бы аптекарская шапочка возникла на его голове, — находят применение как горечь для возбуждения аппетита при анорексиях различной этиологии и при анацидных гастритах для повышения секреций пищеварительных желез. Рекомендуются также применять в качестве желчегонного средства. Корни используются и для приготовления пилюльной массы.

(В. Орлов. Аптекарь)

5

— Товарищи коммунисты, — заговорил Степан Иванович, — троцкистские взгляды и левацкие методы достигли и нашей Ольховской ячейки! Предлагаю обсудить сугубое поведение товарища Сопронова. Его сегодняшние действия бросают тень как на нас, местных партийцев, так и на всю уездную организацию. То, что он натворил, не лезет ни в какие ворота...

— А что я натворил? — Сопронов побелел. — Какую это тень навожу?

— Погодите, Игнатий Павлович, у вас будет возможность высказаться.

— Не буду я перед тобой высказываться!

— Не передо мной, а перед ячейкой. Выскажешься и понесешь партийную ответственность. Товарищи, Сопронов не согласовал вопрос о создании групп бедноты ни с ячейкой, ни с ВИКом. Сегодня он единолично собрал собрание бедноты. Он завалил, запутал и дискредитировал наше общее дело. Считаю необходимым немедленно освободить его от обязанностей секретаря нашей ячейки.

Перо Дугиной словно поперхнулось и замерло на полуслове. Лесной объездчик Веричев крикнул. Усов, забыв закрыть рот, вытянул негнущуюся ногу и недоуменно уставился на Лузину. И только до одного Микуленка все еще не доходил смысл сказанного... <...>

Была масленичная ночь, волость спала. Давно потухли огни в деревнях. Лишь в Ольховице, на самом верху, в мезонине, светилося окно. Сопронов, бледный и похудевший, сидел за столом, писал на серой нелощеной бумаге:

«...товарищу Меерсону от секретаря Ольховской ячейки И. П. Сопронова. Довожу до сведения о контрреволюции в Ольховском ВИКе и всей нашей волости, как во-первых о председателе Лузине и прочих членах ячейки. Товарищ Лузин много раз сидел на квартире у бывшего помещика Прозорова В. С. вместе с благочинным Сулоевым и пили чай, при проверке тов. Лузин бросил рукой газету «Правду». Давал незаконно кредит зажиточным, снижал самообложение, не поставил в известность о решении губисполкома о кулаке Пачине. Требуется немедленно обжаловать решение губисполкома о Пачине как незаконное в выше стоящих. Также довожу до сведения о пред Шибановского с/с Микулине, он занимает не свое место. Давал зерно из фондов ККОВ за вино гражданке Соколовой Татьяне, был дружкой на религиозной свадьбе у кулака Пачина. Третий член Усов регулярно выпивает вино, а учитель Дугина К. А. на собраниях сидит мертвым капиталом и только пускает едкий дым кверху...»

(В. Белов. Кануны)

6

Из Пайдеского района сообщают... Некая Пейпс дала рекордное количество молока...

— Пейпс — это корова?

— Пейпс — это доярка. Более того, депутат республиканского совета. У нее рекордные показатели. Может быть, двести литров, а может быть, две тысячи... Короче — много. Уточните в райкоме. Мы продумали следующую операцию. Доярка обращается с рапортом к товарищу Брежневу. Товарищ Брежнев ей отвечает, это будет согласовано. Нужно составить письмо това-

рищу Брежневу. Принять участие в церемониях. От-
разить их в печати... <...>

Мы оказались в тесной комнатке. Пахло кислым
молоком и навозом. Стол был покрыт голубой клеен-
кой. На перекрученном шнуре свисала лампа. Вдоль
стен желтели фанерные ящики для одежды. В углу
поблескивал доильный агрегат.

Навстречу поднялась средних лет женщина в зеле-
ной кофте. На пологой груди ее мерцали ордена и
значки.

— Линда Пейпс, — воскликнул Савкин.

Мы поздоровались.

— Я ухожу, — сказал главный агроном, — если что,
звоните по местному — два, два, шесть...

Мы с трудом разместились. Жбанков достал из
кармана фотоаппарат.

Линда Пейпс казалась немного растерянной.

— Она говорит только по-эстонски, — сказала
Белла.

— Это не важно.

— Я переведу. <...>

— Как Линда добилась таких высоких результа-
тов?

Белла перевела.

Доярка что-то испуганно прошептала.

— Записывайте, — сказала Белла, — коммунистиче-
ская партия и ее ленинский центральный комитет...

— Все ясно, — говорю, — узнайте, состоит ли она в
партии?

— Состоит, — ответила Белла.

— Давно?

— Со вчерашнего дня.

— Момент, — сказал Жбанков, наводя фотоаппарат.

Линда замерла, устремив глаза в пространство.
<...>

Я тронул Беллу за рукав:

— Узнайте, семья большая?

Она заговорила по-эстонски. Через минуту пере-
вела:

— Семья большая, трое детей. Старшая дочь кон-
чает школу. Младшему сыну — четыре годика.

— А муж? — спрашиваю.

Белла понизила голос:

— Не записывайте... Муж их бросил.

— Наш человек! — почему-то обрадовался Жбанков.
— Ладно, — говорю, — пошли...

Мы попрощались. Линда проводила нас чуточку
разочарованным взглядом. Ее старательно уложенные
волосы поблескивали от лака.

<...> Через пять минут текст был готов.

«Дорогой и многоуважаемый Леонид Ильич! Хочу
поделиться радостным событием. В истекшем году
мне удалось достичь небывалых трудовых показате-
лей. Я надоила с одной коровы...» («...с одной коро-
вы» я написал умышленно. В этом обороте звучала
жизненная достоверность и трогательное крестьян-
ское простодушие).

Конец был такой:

«...И еще одно радостное событие произошло в мо-
ей жизни. Коммунисты нашей фермы дружно избра-
ли меня своим членом».

Тут уже явно хромала стилистика. Переделывать
не было сил...

<...> Вскоре Лийвак пожимал нам руки. Текст, со-
ставленный мною, одобрил безоговорочно.

(С. Довлатов. В гору)

7

Я проснулся серым утром. Комната была залита
ровным желтым светом, будто от керосиновой лампы.
Свет шел снизу, из окна, и ярче всего освещал бре-
венчатый потолок.

Станный свет — неяркий и неподвижный — был
непохож на солнечный. Это светили осенние листья.
За ветреную и долгую ночь сад сбросил сухую лист-
ву, она лежала шумными грудками на земле и распро-
страняла тусклое сияние. От этого сияния лица лю-
дей казались загорелыми, а страницы книг на столе
как будто покрылись слоем воска.

Так началась осень. Для меня она пришла сразу в
это утро. До тех пор я ее почти не замечал: в саду
еще не было запаха прелой листвы, вода в озерах не
зеленела, и жгучий иней еще не лежал по утрам на
дощатой крыше.

Осень пришла внезапно. Так приходит ощущение
счастья от самых незаметных вещей — от далекого па-
роходного гудка на Оке или от случайной улыбки.

Осень пришла врасплох и завладела землей — садами и реками, лесами и воздухом, полями и птицами. Все сразу стало осенним.

В саду суетились синицы. Крик их был похож на звон разбитого стекла. Они висели вниз головами на ветках и заглядывали в окно из-под листьев клена.

Каждое утро в саду, как на острове, собирались перелетные птицы. Под свист, клекот и карканье в ветвях поднималась суматоха. Только днем в саду было тихо: беспокойные птицы улетали на юг.

Начался листопад. Листья падали дни и ночи. Они то косо летели по ветру, то отвесно ложились в сырую траву. Леса моросили дождем облетающей листвы. Этот дождь шел неделями. Только к концу сентября перелески обнажились, и сквозь чащу деревьев стала видна синяя даль сжатых полей.

Тогда же старик Прохор, рыболов и корзинщик (в Солотче почти все старики делают с возрастом корзинщиками), рассказал мне сказку об осени. До тех пор я эту сказку никогда не слышал, — должно быть, Прохор ее выдумал сам.

— Ты гляди кругом, — говорил мне Прохор, ковыряя шилом лапоть, — ты присматривайся, милый человек, чем каждая птица или, скажем, иная какая живность дышит. Гляди, объясняй. А то скажут: зря учился. К примеру, лист осенью слетает, а людям невдомек, что человек в этом деле — главный ответчик. Человек, скажем, выдумал порох. Враг его разорви вместе с тем порохом! Сам я тоже порохом баловался. В давние времена сковали деревенские кузнецы первое ружьишко, набили порохом, и попало то ружьишко дураку. Шел дурак лесом и увидел, как иволги летят под небесами, летят желтые веселые птицы и пересвистываются, зазывают гостей. Дурак ударил по ним из обоих стволов — и полетел золотой пух на землю, упал на леса, и леса посохли, пожухли и в одночасье опали. А иные листья, куда попала птичья кровь, покраснели и тоже осыпались. Небось видел в лесу — есть лист желтый и есть лист красный. До того времени вся птица зимовала у нас. Даже журавль и тот никуда не подавался. А леса и лето и зиму стояли в листьях, цветах и грибах. И снега не было. Не было зимы, говорю. Не было! Да на кой она ляд сдалась нам, зима, скажи на милость?! Какой с нее ин-

терес? Убил дурак первую птицу — и загрустила земля. Начались с той поры листопады, и мокрая осень, и listopодные ветры, и зимы. И птица испугалась, от нас отлетает, обиделась на человека. Так-то, милый, выходит, что мы себе навредили, и надобно нам ничего не портить, а крепко беречь.

(К. Паустовский. Желтый свет)

100. Напишите два небольших сочинения-повествования (рассказа). В одном расскажите о каком-либо драматическом, тяжелом событии, а в другом, наоборот, — о событии комическом, веселом. Сопоставьте языковые средства (особенно — эмоционально-экспрессивные структуры) в том и другом сочинении.

101. Об одном и том же событии, происшествии (действительном или вымышленном) напишите два письма: одно — другу (подруге), другое — родителям. Наверное, и в этом случае обнаружатся языковые различия, которые интересно будет наблюдать и анализировать.

102. Сопоставьте описания внешности героинь повести Н. Карамзина «Наталья, боярская дочь» и рассказа И. Бунина «Аглая». Какие языковые средства используют авторы? Одинаковы ли эти средства? В частности, как соотносятся металоги́я и автологи́я в этих описаниях?

Наталья, боярская дочь

Много цветов в поле, в рощах и на лугах зеленых, но нет подобного розе; роза всех прекраснее; много было красавиц в Москве белокаменной, ибо царство русское искони почиталось жилищем красоты и приятностей, но никакая красавица не могла сравняться с Натальею — Наталья была всех прелестнее. Пусть читатель вообразит себе белизну итальянского мрамора и кавказского снега: он все еще не вообразит белизны лица ее — и, представя себе цвет зефировой любовницы, все еще не будет иметь совершенного понятия об алости щек Натальиных.

Аглая

А на пятнадцатом году стала она совсем как девушка, и народ дивился ее миловидности: золотистобелый цвет ее продолговатого лица чуть играл тон-

ким румянцем; брови у нее были густые, светло-русые, глаза синие; легкая, ладная, — разве что не в меру высокая, тонкая и долгорукая, — тихо и хорошо поднимала она длинные свои ресницы.

103. Сопоставьте сходные сцены (Эраст дает деньги Лизе — Минский дает деньги Самсону Вырину), последующие описания состояния Лизы и станционного смотрителя и способы выражения отношения автора к описываемому в повести Н. Карамзина «Бедная Лиза» и в повести А. Пушкина «Станционный смотритель». Обратите внимание на соотношение предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур, на прямое раскрытие переживаний, мыслей персонажа и на изображение внешних проявлений, «жестов», передающих внутреннее состояние человека, на использование или неиспользование словесных средств прямой авторской оценки происходящего.

Бедная Лиза

— Вот сто рублей — возьми их (он положил ей деньги в карман), позволь мне поцеловать тебя в последний раз — и поди домой.

Прежде нежели Лиза могла опомниться, он вывел ее из кабинета и сказал слуге:

— Проводи эту девушку со двора.

Сердце мое обливается кровию в сию минуту. Я забываю человека в Эрасте, готов проклинать его — но язык мой не движется, смотрю на небо — и слеза катится по лицу моему. Ах! для чего пишу не роман, а печальную быль?

Итак, Эраст обманул Лизу, сказав ей, что он едет в армию? Нет, он в самом деле был в армии; но вместо того, чтобы сражаться с неприятелем, играл в карты и проиграл почти все свое имение. Скоро заключили мир, и Эраст возвратился в Москву, отягченный долгами. Ему оставался один способ поправить свои обстоятельства — жениться на пожилой, богатой вдове, которая давно была влюблена в него. Он решился на то и переехал жить к ней в дом, посвятив искренний вздох Лизе своей. Но все сие может ли оправдать его?

Лиза очутилась на улице, и в таком положении, которого никакое перо описать не может. «Он, он выгнал меня? Он любит другую? я погибла!» — вот ее мысли, ее чувства! Жестокий обморок прервал их на время. Одна добрая женщина, которая шла по улице, остановилась над Лизой, лежавшею на земле, и старалась привести ее в память. Несчастная открыла глаза, встала с помощью доброй женщины, благодарила ее и пошла, сама не зная куда. «Мне нельзя жить, — думала Лиза, — нельзя!.. О, если бы упало на меня небо! Если бы земля поглотила бедную!.. Нет! небо не падает; земля не колеблется! Горе мне!» — Она вышла из города и вдруг увидела себя на берегу глубокого пруда, под тению древних дубов, которые за несколько недель перед тем были безмолвными свидетелями ее восторгов. Сие воспоминание потрясло ее душу; страшнейшее сердечное мучение изобразилось на лице ее.

Станционный смотритель

«Что сделано, того не воротишь, — сказал молодой человек в крайнем замешательстве, — виноват перед тобою и рад просить у тебя прощения; но не думай, чтоб я Дуню мог покинуть: она будет счастлива, даю тебе честное слово. Зачем тебе ее? Она меня любит; она отвыкла от прежнего своего состояния. Ни ты, ни она — вы не забудете того, что случилось». Потом, сунув ему что-то за рукав, он отворил дверь, и смотритель, сам не помня как, очутился на улице.

Долго стоял он неподвижно, наконец увидел за обшлагом своего рукава сверток бумаг; он вынул их и развернул несколько пяти- и десятирублевых смятых ассигнаций. Слезы опять навернулись на глазах его, слезы негодования! Он сжал бумажки в комок, бросил их наземь, притоптал каблуком и пошел... Отошед несколько шагов, он остановился, подумал... и воротился... но ассигнаций уже не было. Хорошо одетый молодой человек, увидя его, подбежал к извозчику, сел поспешно и закричал: «Пошел!..» Смотритель за ним не погнался. Он решился отправиться домой на свою станцию, но прежде хотел хоть раз еще увидеть бедную свою Дуню.

104. В пятой главе «Евгения Онегина», описывая начало зимы, А. Пушкин заметил: «Другой поэт роскошным слогом Живописал нам первый снег». Пушкин имел в виду П. Вяземского и его стихотворение «Первый снег» (1819). Сравните это стихотворение и строки из четвертой, пятой и седьмой глав «Евгения Онегина», рисующие то же время года, какое описал П. Вяземский.

Проследите, какие явления действительности привлекают внимание обоих авторов и какие словесные средства выбирают они для описания этих явлений. Установите соотношение предметно-логических и эмоционально-

экспрессивных структур, металогии и автологии, перифрастических выражений и прямых наименований явлений.

Почему Пушкин назвал слог Вяземского «роскошным»?

Только ли индивидуальными особенностями творчества вызваны различия словесного выражения в «Евгении Онегине» и стихотворении П. Вяземского (а также в «Аглае» и «Бедной Лизе», «Станционном смотрителе» и «Бедной Лизе») или эти различия связаны также с литературными направлениями?

Первый снег

<...> Вчера еще стenal над онемевшим садом
Ветр скучной осени, и влажные пары
Стояли над челом угрюмая горы
Иль мглой волнистою клубилися над бором.
Унынье томное бродило тусклым взором
По рощам и лугам, пустеющим вокруг.
Кладбищем зрелся лес; кладбищем зрелся луг.
Пугалище дриад, приют крикливых вранов,
Ветвями голыми махая, древний дуб
Чернел в лесу пустом, как обнаженный труп.
И воды тусклые, под пеленой туманов,
Дремали мертвым сном в безмолвных берегах.
Природа бледная, с унылостью в чертах,
Поражена была томлением кончины.
Сегодня новый вид окрестность приняла,

Как быстрым манием чудесного жезла;
Лазурью светлую горят небес вершины;
Блестящей скатертью подернулись долины,
И ярким бисером усеяны поля.
На празднике зимы красуется земля
И нас приветствует живительной улыбкой.
Здесь снег, как легкий пух, повис на ели гибкой;
Там, темный изумруд посыпав серебром,
На мрачной сосне он разрисовал узоры.
Рассеялись пары, и засверкали горы,
И солнца шар вспылал на своде голубом.
Волшебницей зимой весь мир преобразован;
Цепями льдистыми покорный пруд окован
И синим зеркалом сравнялся в берегах.
Забавы ожили; пренебрегая страх,
Сбежались смельчаки с берегов толпой игривой
И, праздная зимы ожидаемый возврат,
По льду свистящему кружатся и скользят. <...>
Покинем, милый друг, темницы мрачный кров!
Красивый выходец кипящих табунов,
Ревнуя на бегу с крылатоногой ланью,
Топоча хрупкий снег, нас по полю помчит.
Украшен твой наряд лесов сибирских данью,
И соболю на тебе чернеет и блестит.
Презрев мороза гнев и тщетные угрозы,
Румяных щек твоих свежей алеют розы,
И лилия свежей белеет на челе. <...>
Счастлив, кто испытал прогулки зимней сладость!
Кто в тесноте саней с красавицей молодой,
Ревнивых не боясь, сидел нога с ногой. <...>
Кто может выразить счастливец упоенье?
Как вьюга легкая, их окриленный бег
Браздами ровными прорезывает снег
И, ярким облаком с земли его взвевая,
Сребристой пылью окидывает их.
Стеснилось время им в один крылатый миг.
По жизни так скользит горячность молодая,
И жить торопится, и чувствовать спешит!

(П. Вяземский)

<...> Уж небо осенью дышало,
Уж реже солнышко блистало,
Короче становился день,
Лесов таинственная сень
С печальным шумом обнажалась,
Ложился на поля туман,
Гусей крикливых караван
Тянулся к югу: приближалась
Довольно скучная пора;
Стоял ноябрь уж у двора.

Встает заря во мгле холодной;
На нивах шум работ умолк;
С своей волчихою голодной
Выходит на дорогу волк;
Его почуя, конь дорожный
Храпит — и путник осторожный
Несется в гору во весь дух;
На утренней заре пастух
Не гонит уж коров из хлева,
И в час полуденный в кружок
Их не зовет его рожок;
В избушке распевая, дева
Прядет, и, зимних друг ночей,
Трещит лучинка перед ней.

И вот уже трещат морозы
И серебрятся средь полей...
(Читатель ждет уж рифмы *розы*;
На, вот возьми ее скорей!)
Опрятней модного паркета
Блестает речка, льдом одета,
Мальчишек радостный народ
Коньками звучно режет лед;
На красных лапках гусь тяжелый,
Задумав плыть по лону вод,
Ступает бережно на лед,
Скользит и падает; веселый
Мелькает, вьется первый снег,
Звездами падая на брег.

(XL—XLII)

В тот год осенняя погода
Стояла долго на дворе,
Зимы ждала, ждала природа.
Снег выпал только в январе
На третье в ночь. Проснувшись рано,
В окно увидела Татьяна
Поутру побелевший двор,
Куртины, кровли и забор,
На стеклах легкие узоры,
Деревья в зимнем серебре,
Сорок веселых на дворе
И мягко устланные горы
Зимы блистательным ковром.
Все ярко, все бело кругом.

Зима!.. Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетется рысью как-нибудь;
Бразды пушистые взрывая,
Летит кибитка удалая;
Ямщик сидит на облучке
В тулупе, в красном кушаке.
Вот бегают дворовый мальчик,
В салазки жучку посадив,
Себя в коня преобразив;
Шалун уж заморозил пальчик:
Ему и больно и смешно,
А мать грозит ему в окно...

Но, может быть, такого рода
Картины вас не привлекают:
Все это низкая природа;
Изящного не много тут.
Согретый вдохновенья богом,
Другой поэт роскошным слогом
Живописал нам первый снег
И все оттенки зимних нег. <...>

(I—III)

Глава седьмая

Вот север, тучи нагоняя,
Дохнул, завыл — и вот сама
Идет волшебница зима.

Пришла, рассыпалась; клоками
Повисла на суках дубов;
Легла волнистыми коврами
Среди полей, вокруг холмов;
Брега с недвижною рекою
Сровняла пухлой пеленою;
Блеснул мороз. И рады мы
Проказам матушки зимы.

(XXIX—XXX)

(А. Пушкин)

105. Проследите, как различное отношение авторов к теме ведет к различиям в содержании стихотворений, в заглавия которых вынесены *первый снег* или *зима*. Какие явления действительности привлекают внимание авторов и какие словесные средства они выбирают для их изображения? Определите соотношение предметно-логических и эмоционально-экспрессивных структур, перифрастических выражений и прямых наименований, металогии и автологии, а также других словесных средств для различного выражения одной темы.

Первый снег

Серебро, огни и блески,—
Целый мир из серебра!
В жемчугах горят березки,
Черно-голые вчера.

Это — область чьей-то грезы,
Это — призраки и сны!
Все предметы старой прозы
Волшебством озарены.

Экипажи, пешеходы,
На лазури белый дым,
Жизнь людей и жизнь природы
Полны новым и святым.

Воплощение мечтаний,
Жизни с грезой игра
Этот мир очарований,
Этот мир из серебра!
(В. Брюсов)

Первый снег

Снаружи вьюга мечется
И все заносит в лоск.
Засыпана газетчица,
И заметен киоск.

На нашей долгой бытности
Казалось нам не раз,
Что снег идет из скрытности
И для отвода глаз.

Утайщик нераскаянный,
Под белой бахромой
Как часто вас с окраины
Он разводил домой!

Все в белых хлопьях скроется.
Залепит снегом взор,—
На ощупь, как пропойца,
Проходит тень во двор.

Движения поспешные:
Наверное, опять
Кому-то что-то грешное
Приходится скрывать.

(Б. Пастернак)

Зимой

Снова поют за стенами
Жалобы колоколов...
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Город во мгле засыпает,
Сerp серебристый возник,
Звездами снег осыпает
Твой воротник.
Ранят ли прошлого зовы?
Долго ли раны болят?

Дразнит заманчиво-новый,
Блещущий взгляд.
Сердцу он (карий иль синий?)
Мудрых важнее страниц!
Белыми делает иней
Стрелы ресниц...
Смолкли без сил за стенами
Жалобы колоколов.
Несколько улиц меж нами,
Несколько слов!
Месяц склоняется чистый
В души поэтов и книг,
Сыплется снег на пушистый
Твой воротник.

(М. Цветаева)

Зима

Как перья страуса на черном катафалке,
Колышутся фабричные дымы.
Из черных бездн, из предрассветной тьмы
В иную тьму несутся с криком галки.
Скрипит обоз, дыша морозным паром,
И с лестницей на согнутой спине
Фонарщик, юркий бес, бежит по тротуарам...
О, скука, тощий пес, взывающий к луне!
Ты — ветер времени, свистящий в уши мне!

(В. Ходасевич)

Зима

Прелесть утренней зимы!..
Дни стоят невыразимы,
снегу — хоть давай займы
всем другим бесснежным зимам.

Снег и снег, и ель в снегу —
в белых пачках — балериной,
снег зажегся на лугу
ювелирной витриной.

Иней мечет жемчуга,
ветка вверх взметнется тенью,
и осыплются снега
театральным привиденьем.

Белый прах провьет столбом,
чтоб развеяться бесшумно,
в небе еле голубом
все безмолвно и бездумно...

На оградах, на столбах
шапки криво вздеты набок,
будто выпивший казак
спотыкался на ухабах.

Этот воздух, этот вид
можно пить не без опаски:
он действительно пьянит
замороженным шампанским!

(Н. Асеев)

106. Тема первого снега, зимы раскрывается не только в стихах, но и в прозе. Сравните со стихами прозаические отрывки. Отличаются ли они только формой выражения или можно отметить и другие особенности?

* * *

Стояла белая зима с жестокою тишиной безоблачных морозов, плотным, скрипучим снегом, розовым инеем на деревьях, бледно-изумрудным небом, шапками дыма над трубами, клубами пара из мгновенно раскрытых дверей, свежими, словно укушенными лицами людей и хлопотливым бегом продрогших лошадок. Январский день уже приближался к концу; вечерний холод еще сильнее стискивал недвижимый воздух, и быстро гасла кровавая заря. В окнах марьинского дома зажигались огни. <...>

(И. Тургенев)

* * *

Подморозило. Выпал тонкий снежок. День побелел, и небо было сухое светлое, но серое, будто над головой протянули вымытую, подмерзшую холстину. Дали за рекой стояли сизые. От них тянуло острым и веселым запахом снега, схваченной первым морозом ивовой коры.

(К. Паустовский)

* * *

Пришла наконец и зима.
Все сеялись, сыпали с низкого, грязного неба мелкие, холодные дожди... Серые дома, горбатые скирды,

поля, ошестинившиеся стерней, — все намокло, потемнело, издавало тяжкий, гнилостный запах. Неуютно было на земле. Некрасиво. Люди смотрели в окна и говорили с тоской:

— Ну... теперь началось.

А однажды утром проснулись и, еще не выходя на улицу и не выглядывая в окна, поняли: пришла зима — пахло снегом и в избах посветлело.

За одну ночь навалил снег, и творения старческих рук осени разом накрылись. Этот первый снег уже не растаял.

(В. Шукшин)

107. В упражнении 23 нашего сборника предлагалось найти соотносительные способы языкового выражения в отрывках из стихотворений «Осень» Н. Карамзина и Н. Гнедича и из стихотворения И. Бунина «Листопад». Прodelайте подобный сравнительный анализ других стихотворений с названием «Осень». Эта работа даст представление о практически неисчерпаемых возможностях различного словесного выражения одной темы.

Осень

Кроет уж лист золотой
Влажную землю в лесу...
Смело топчу я ногой
Вешнюю леса красу.

С холоду щеки горят:
Любо в лесу мне бежать,
Слышать, как сучья трещат,
Листья ногой загребать!

Нет мне здесь прежних утех!
Лес с себя тайну совлек:
Сорван последний орех,
Свянул последний цветок;

Мох не приподнят, не взрыт
Грудой кудрявых груздей;
Около пня не висит
Пурпур брусничных кистей.

Осень. Рисунок художника И. И. Левитана. 1885 г.

Долго на листьях лежит
Ночи мороз, и сквозь лес
Холодно как-то глядит
Ясность прозрачных небес...

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

Знаю, недаром средь мхов
Ранний подснежник я рвал;
Вплоть до осенних цветов
Каждый цветок я встречал:

Что им сказала душа,
Что ей сказали они, —
Вспомню я, счастьем дыша,
В зимние ночи и дни!

Листья шумят под ногой;
Смерть стелет жатву свою...
Только я весел душой —
И, как безумный, пою!

(А. Майков)

Осень

День осенний, день унылый
Сеет мглою и дождем,
И разрытою могилой
Пахнет в воздухе сыром...

Как больной глядит сквозь слезы
Опечалившийся день —
На поникшие березы,
На опавшую сирень...

Хмель засох вокруг беседки,
И летят со всех сторон
На обветренные ветки
Стаи черные ворон...

В их тревоге торопливой,
В резком крике слышны мне
Смех над долею счастливой
И укор былой весне...

(К. Фофанов)

Осень

Я кликнул в поле. Глухое поле
Перекликалось со мной на воле.
А в выси мчались, своей долиной,
Полет гусиный и журавлиный.

Там кто-то сильный, ударя в бубны,
Раскинул свисты и голос трубный.
И кто-то светлый раздвинул тучи,
Чтоб треугольник принять летучий.

Кричали птицы к своим пустыням,
Прощаясь с летом, серея в синем.
А я остался в осенней доле —
На сжатом, смятом, бесплодном поле.

(К. Бальмонт)

Осень

Тихо в чаще можжевеля по обрыву.
Осень — рыжая кобыла — чешет гриву.

Над речным покровом берегов
Слышен синий лязг ее подков.

Схимник-ветер шагом осторожным
Мнет листву по выступам дорожным
И целует на рябиновом кусту
Язвы красные незримому Христу.

(С. Есенин)

Осень

Над плотным стареющим тыном
Всю ночь —

от зари до зари —
Багряные гроздья рябины
Качаются, как снегири.

На озере плещутся рыбы,
А дальше —

долина,
и в ней
Камней седоватые глыбы
Похожи на груды костей.
Здесь ветер размашистый жестче,
Кричит коршунье на заре!

Опять осыпаются рощи
И шорох листвы на дворе.

(Б. Костров)

108. Сравните особенности словесного выражения описаний осени в стихотворных текстах (см. задание 107) с описанием в прозаических произведениях.

1

Осень в этом году стояла — вся напролет — сухая и теплая. Березовые рощи долго не желтели. Долго не увядала трава. Только голубеющая дымка (ее зовут в народе «мга») затягивала плесы на Оке и отдаленные леса.

«Мга» то сгущалась, то бледнела. Тогда сквозь нее проступали, как через матовое стекло, туманные видения вековых раkit на берегах, увядшие пажити и полосы изумрудных озимей.

Я плыл на лодке вниз по реке и вдруг услышал, как в небе кто-то начал осторожно переливать воду из звонкого стеклянного сосуда в другой такой же сосуд. Вода булькала, позванивала, журчала. Звуки эти заполняли все пространство между рекой и небосводом. Это курлыкали журавли.

Я поднял голову. Большие косяки журавлей тянули один за другим прямо к югу. Они уверенно и мерно шли на юг, где солнце играло трепещущим золотом в затонах Оки, летели к теплой стране с элегическим именем Таврида.

(К. Паустовский)

2

И ходила осень по русской земле... Как ходит странная баба непонятного возраста: по золотым перелескам, промеж деревьев, собирая в подол хрусткие рыжики. За спиною кошель с неизвестной поклажей, на голове темный платок. Она осторожно и властно разводит в стороны сонливые хвойные лапы, тычет посохом влево и вправо. И древняя песня вплетается в крик журавлей. Курлыканье этих жилистых птиц остывает в пронзительном бело-синем небе, и они исчезают вдали, словно нанизанные на тонкую бечеву. А женский голос все тянет и тянет, вот он чуется уже в другой стороне, то затухнет в лесах, то щемяще нависнет над закольным жнивьем. <...> О чем же так отрешенно поет беззаботная странница, где ее новый ночлег?

В просторных полях плавает над росой синяя паутина, медленно остывает натруженная земля. В прозрачных глубинах речных омутов усыпают, ленивеют рыбы, едва шевелят перьями. И с берега подолгу смотрит на них задумчивая скотина. Соломенные зароды вокруг все еще желты, и свежи, но стога, окруженные поздней зеленой отавой, давно поблекли и вылиняли от сентябрьских дождей. Зато как ослепительны изумрудно-сизые озимые полосы, как безмолвно и ярко пылают на опушке рубиновые всплески рябин!

(В. Белов)

109. В стихотворениях П. Вяземского и К. Бальмонта с названием «Береза» выявите различия словесного выражения в раскрытии темы.

Береза

Средь избранных деревьев береза
Не поэтически глядит;
Но в ней — душе родная проза
Живым наречьем говорит.

Милей всех песней сладкозвучных
От ближних радостная весть,
Хоть пара слов собственноручных,
Где сердцу много что прочесть.

Почтовый фактор на чужбине
Нам всем приятель дорогой;
В лесу он проросек, ключ в пустыне,
Нам проводник в стране чужой.

Из нас кто мог бы хладнокровно
Завидеть русское клеймо?
Нам здесь и ты, береза, словно
От милой матери письмо.

(П. Вяземский)

Береза

Береза родная со стволом серебристым,
О тебе я в тропических чащах скучал.
Я скучал о сирени в цвету и о нем, соловье
голосистом,

Обо всем, что я в детстве с мечтой обвенчал.
Я был там, далеко,—
В многокрасочной пряности пышных ликующих стран.
Там злобещая пума враждебно так щурила око
И пред быстрой грозой оглушал меня рев обезьян.
Но, тихонько качаясь
На тяжелом, чужом, мексиканском седле,
Я душою дремал — и воздушно во мне расцветаясь,
Восставали родимые тени в серебряной мгле.
О, весенние грозы!

Детство с веткой сирени, в вечерней тиши — соловей,
Зыбь и шепот листвы этой милой плакучей березы,
Зачарованность снов — только раз расцветающих дней!
(К. Бальмонт)

110. Выявите различия словесного выражения одной темы «Утро» в стихотворениях И. Никитина и Н. Заболоцкого.

Утро

Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.
Белый пар по лугам расстилается.
По зеркальной воде, по кудрям лозняка
От зари алый свет разливается.
Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.
Чуть приметна тропинка росистая.
Куст заденешь плечом, — на лицо тебе вдруг
С листьев брызнет роса серебристая.
Потянул ветерок, воду морщит-рябит.
Пронеслись утки с шумом и скрылись.
Далеко-далеко колокольчик звенит.
Рыбаки в шалаше пробудились,
Сети сняли с шестов, весла к лодкам несут...
А восток все горит-разгорается.
Птички солнышка ждут, птички песни поют,
И стоит себе лес, улыбается.
Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,
За морями ночлег свой покинуло.
На поля, на луга, на макушки раки
Золотыми потоками хлынуло.
Едет пахарь с сохой, едет — песню поет;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни от забот!
Здравствуй, солнце да утро веселое!

(И. Никитин)

Утро

Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.
Там черных деревьев стоят батальоны,
Там елки как пики, как выстрелы — клены,
Их корни как шкворни, сучки как стропила,
Их ветры ласкают, им светят светила.
Там дятлы, качаясь на дубе сыром,
С утра вырубает своим топором
Угрюмые ноты из книги дубрав,
Короткие головы в плечи вобрав.
Рожденный пустыней,
Колеблется звук,

Колеблется синий
На нитке паук.
Колеблется воздух,
Прозрачен и чист,
В сияющих звездах
Колеблется лист.

И птицы, одетые в светлые шлемы,
Сидят на воротах забытой поэмы,
И девочка в речке играет нагая
И смотрит на небо, смеясь и мигая.
Петух запеваёт, светает, пора!
В лесу под ногами гора серебра.

(Н. Заболоцкий)

111. Прodelайте ту же работу со стихотворениями, имеющими название «Ночь». Определите, какие из приведенных стихотворений сближаются друг с другом по характеру раскрытия темы.

Ночь

Уже утомившийся день
Склонился в багряные воды,
Темнеют лазурные своды,
Прохладная стелется тень;
И ночь молчаливая мирно
Пошла по дороге эфирной,
И Геспер летит перед ней
С прекрасной звездой своей.
Сойди, о небесная, к нам
С волшебным твоим покрывалом,
С целебным забвенья фиалом,
Дай мира усталым сердцам.
Своим миротворным явленьем,
Своим усыпительным пеньем
Томимую душу тоской,
Как мать дитя, успокой.

(В. Жуковский)

Ночь

В заботах жизни многосложной,
В ее шумливой пустоте,
Далеко мысль о непреложной

Иван Сергеевич
Аксаков
(1823—1897)

Природы дивной красоте!
Так, охлажденных и привычных,
Нас не смущает вид небес,
Ни повторение обычных,
Всегда торжественных чудес!
Но в час внезапный пробужденья
Душе послышится опять
Восторга тихого смятенье,
Мгновений чистых благодать!..

Полны чудес неистощимых
Природы вечные дела!
Полны пространств неизмеримых
Все неба звездные тела!

Идут чредой бессчетной годы,
Один другим теснится век;
Сменились царства и народы,
Преобразился человек!..
А ты стоишь неизменимо,
Не увядаешь ты одна;
Твое убранство нерушимо,—
Все те же солнце и луна!
Твое безмолвие ночное
Все то же таинство хранит;
Все так же небо голубое
Нас неизвестностью манит!..

А ты, которая воспета
Стихами столькими была,
Луна, царица полусвета,
Как много грез ты родила,
Как много снов и вздоров милых!
Повсюду, блеск твой возлюбя,
Толпы мечтателей унылых
Подъемлют взоры на тебя!..

О, помню я твое сиянье
И целый ряд таких ночей,
И тихий говор, и молчанье
Невольно прерванных речей!
Река, блестя, струилась мимо,
Шумели листья в вышине...
Проснулось все, что недвижимо

В душевной спало глубине!..
И многих тех, кто в эти ночи
Пытали думой мир иной,
Давным-давно закрылись очи,
Давным-давно их нет со мной!
Так мне теперь предстали ясно
Когда-то милые черты...
И ныне так же ты прекрасно,
И так же тихо светишь ты!

(И. Аксаков)

Ночь

Идет без проволочек
И тает ночь, пока
Над спящим миром летчик
Уходит в облака.

Он потонул в тумане,
Исчез в его струе,
Став крестиком на ткани
И меткой на белье.

Под ним ночные бары,
Чужие города,
Казармы, кочегары,
Вокзалы, поезда.

Всем корпусом на тучу
Ложится тень крыла.
Блуждают, сбившись в кучу,
Небесные тела.

И страшным, страшным креном
К другим каким-нибудь
Неведомым вселенным
Повернут Млечный Путь.

В пространствах беспредельных
Горят материки.
В подвалах и котельных
Не спят истопники.

В Париже из-под крыши
Венера или Марс
Глядят, в какой афише
Объявлен новый фарс.

Кому-нибудь не спится
В прекрасном далеке
На крытом черепицей
Старинном чердаке.

Он смотрит на планету,
Как будто небосвод
Относится к предмету
Его ночных забот.

Не спи, не спи, работай,
Не прерывай труда,
Не спи, борись с дремотой,
Как летчик, как звезда.

Не спи, не спи, художник,
Не предавайся сну,—
Ты — вечности заложник
У времени в плену!

(Б. Пастернак)

 112. Возможность различного словесного выражения одной темы прослеживается и при сравнении первоначальных вариантов текста с окончательным. При этом можно наблюдать, что стремление автора к наиболее точному выражению своей мысли, своего представления о явлениях действительности неразрывно связано с совершенствованием словесной формы произведения.

Сравните первоначальный и окончательный варианты знаменитого описания лунной ночи в рассказе Чехова «Волк». Какие изменения в составе и расположении языкового материала делает Чехов? Что достигается этим?

Первоначальный вариант
(«Петербургская газета», 1886 г.)

На дворе давно уже кончились сумерки и наступил настоящий вечер. Вся земля от горизонта до горизонта была залита лунным светом, от реки веяло тихим, непробудным сном.

Два колеса мельницы, наполовину спрятавшись в тень широкой ивы, глядели сердито, как две связанные ведьмы, которым не дают воли, а на плотине, залитой светом, не было ни кусочка тени; на середине ее блестело звездой горлышко от разбитой бутылки.

Окончательный вариант
(автограф 1890-х годов)

На дворе давно уже кончились сумерки и наступил настоящий вечер. От реки веяло тихим, непробудным сном.

На плотине, залитой лунным светом, не было ни кусочка тени: на середине ее блестело звездой горлышко от разбитой бутылки. Два колеса мельницы, наполовину спрятавшись в тень широкой ивы, глядели сердито, уныло...

113. В стихотворениях и прозаических отрывках, приведенных в упр. 108—109, названы многие характерные черты осени. Какие из этих черт, доступных изображению скуными средствами графики, обобщены в рисунке И. Левитана (см. с. 217)? Только ли предметно-логическая сторона словесных произведений сопоставима с графическим изображением или эмоционально-экспрессивная тоже? Можно ли «осенние чувства», выраженные и отраженные в стихах и прозе, найти в рисунке И. Левитана? Какие черты осени нашли отражение в картине И. Левитана «Осень. Долина реки». 1896 г. и в картине И. Шишкина «Осень». 1892 г.? (См. цветную вклейку.)

Композиция словесного произведения

114. В трех коротких рассказах проанализируйте композицию а) как развертывание сюжета; б) как мотивированное расположение «отрезков», определяемых формой словесного выражения или «точкой видения»; в) как систему динамического развертывания словесных рядов в сложном словесно-художественном единстве.

Рассматривая словесные ряды, не забывайте, что они выделяются не только по функциональной соотнесенности или эмоционально-экспрессивной окраске слов, но и по семантическим особенностям, по объединению вокруг того или иного образа, по принадлежности к тому или иному приему словесной изобразительности и т. п.

Ванька

Ванька Жуков, девятилетний мальчик, отданный три месяца тому назад в ученье к сапожнику Аляхину, в ночь под Рождество не ложился спать. Дождавшись, когда хозяева и подмастерья ушли к заутрене, он достал из хозяйского шкафа пузырек с чернилами, ручку с заржавленным пером и, разложив перед собой измятый лист бумаги, стал писать. Прежде чем вывести первую букву, он несколько раз пугливо оглянулся на двери и окна, покосился на темный образ, по обе стороны которого тянулись полки с колодками, и прерывисто вздохнул. Бумага лежала на скамье, а сам он стоял перед скамьей на коленях.

«Милый дедушка, Константин Макарыч! — писал он. — И пишу тебе письмо. Поздравляю вас с Рождеством и желаю тебе всего от Господа Бога. Нету у меня ни отца, ни маменьки, только ты у меня один остался».

Ванька перевел глаза на темное окно, в котором мелькало отражение его свечки, и живо вообразил себе своего деда Константина Макарыча, служащего ночным сторожем у господ Живаревых. Это маленький, тощенький, но необыкновенно юркий и подвижной старикашка, лет шестидесяти пяти, с вечно смеющимся лицом и пьяными глазами. Днем он спит в людской кухне или балагурит с кухарками, ночью же, окутанный в просторный тулуп, ходит вокруг усадьбы и стучит в свою колотушку. За ним, опустив головы, шагают старая Каштанка и кобелек Вьюн, прозванный так за свой черный цвет и тело, длинное, как у ласки. Этот Вьюн необыкновенно почтителен и ласков, одинаково умильно смотрит как на своих, так и на чужих, но кредитом не пользуется. Под его почтительностью и смирением скрывается самое иезуитское ехидство. Никто лучше его не умеет вовремя подкрасться и цапнуть за ногу, забраться в ледник или украсть у мужика курицу. Ему уж не раз отбивали задние ноги, раза два его вешали, каждую неделю пороли до полусмерти, но он всегда оживал.

Теперь, наверно, дед стоит у ворот, щурит глаза на ярко-красные окна деревенской церкви и, притопывая валенками, балагурит с дворней. Колотушка его под-

вязана к поясу. Он всплескивает руками, пожимается от холода и, старчески хихикая, щиплет то горничную, то кухарку.

— Табачку нешто нам понюхать? — говорит он, подставляя бабам свою табакерку.

Бабы нюхают и чихают. Дед приходит в неописанный восторг, заливается веселым смехом и кричит:

— Отдирай, примерзло!

Дают понюхать табаку и собакам. Каштанка чихает, крутит мордой и, обиженная, отходит в сторону. Вьюн же из почтительности не чихает и вертит хвостом. А погода великолепная. Воздух тих, прозрачен и свеж. Ночь темна, но видно всю деревню с ее белыми крышами и струйками дыма, идущими из труб, деревья, посеребренные инеем, сугробы. Все небо усыпано весело мигающими звездами, и Млечный Путь вырисовывается так ясно, как будто его перед праздником помыли и потеряли снегом...

Ванька вздохнул, умакнул перо и продолжал писать:

«А вчерась мне была выволочка. Хозяин выволок меня за волосы на двор и отчесал шпандырем за то, что я качал ихнего ребятенка в люльке и по нечаянности заснул. А на неделе хозяйка велела мне почистить селедку, а я начал с хвоста, а она взяла селедку и ейной мордой начала меня в харю тыкать. Подмастерья надо мной насмеваются, посылают в кабак за водкой и велят красть у хозяев огурцы, а хозяин бьет чем попадя. А еды нету никакой. Утром дают хлеба, в обед каши и к вечеру тоже хлеба, а чтоб чаю или щей, то хозяева сами трескают. А спать мне велят в сенях, а когда ребяенок ихний плачет, я вовсе не сплю, а качаю люльку. Милый дедушка, сделай божецкую милость, возьми меня отсюда домой, на деревню, нету никакой моей возможности... Кланяюсь тебе в ножки и буду вечно Бога молить, увези меня отсюда, а то помру...»

Ванька прикрыл рот, потер своим черным кулаком глаза и всхлипнул.

«Я буду тебе табак тереть, — продолжал он, — Богу молиться, а если что, то секи меня как сидорову козу. А ежели думаешь, должности мне нету, то я Христа ради попрошусь к приказчику сапоги чистить али заместо Федьки в подпаски пойду. Дедушка милый,

нету никакой возможности, просто смерть одна. Хотел было пешком на деревню бежать, да сапогов нету, морозу боюсь. А когда вырасту большой, то за это самое буду тебя кормить и в обиду никому не дам, а помрешь, стану за упокой души молить, все равно как за мамку Пелагею.

А Москва город большой. Дома все господские и лошадей много, а овец нету и собаки не злые. Со звездой тут ребята не ходят и на клирос петь никого не пускают, а раз я видал в одной лавке на окне крючки продаются прямо с леской и на всякую рыбу, очень стоящие, даже такой есть один крючок, что пудового сома удержит. И видал некоторые лавки, где ружья всякие на манер бариновых, так что небось рублей сто каждое... А в мясных лавках и тетерева, и рябцы, и зайцы, а в котором месте их стреляют, про то сидельцы не сказывают.

Милый дедушка, а когда у господ будет елка с гостинцами, возьми мне золоченый орех и в зеленый сундучок спрячь. Попроси у барышни Ольги Игнатьевны, скажи, для Ваньки».

Ванька судорожно вздохнул и опять уставился в окно. Он вспомнил, что за елкой для господ всегда ходил в лес дед и брал с собою внука. Веселое было время! И дед крикал, и мороз крикал, а глядя на них, и Ванька крикал. Бывало, прежде чем вырубить елку, дед выкуривает трубку, долго нюхает табак, посмеивается над озябшим Ванюшкой... Молодые елки, окутанные инеем, стоят неподвижно и ждут, которой из них помирать? Откуда ни возьмись по сугробам летит стрелой заяц... Дед не может, чтоб не крикнуть:

— Держи, держи... держи! Ах, куцый дьявол!

Срубленную елку дед тащил в господский дом, а там принимались убирать ее... Больше всех хлопотала барышня Ольга Игнатьевна, любимица Ваньки. Когда еще была жива Ванькина мать Пелагея и служила у господ в горничных, Ольга Игнатьевна кормила Ваньку леденцами и от нечего делать выучила его читать, писать, считать до ста и даже танцевать кадрили. Когда же Пелагея умерла, сироту Ваньку спроводили в людскую кухню к деду, а из кухни в Москву к сапожнику Аляхину...

«Приезжай, милый дедушка,— продолжал Ванька,— Христом Богом тебя молю, возьми меня отседа. По-

жалей ты меня, сироту несчастную, а то меня все колотят и кушать страсть хочется, а скука такая, что и сказать нельзя, все плачу. А наемный хозяин колодой по голове ударил, так что упал и насилу очухался. Пропавшая моя жизнь, хуже собаки всякой... А еще кланяюсь Алене, кривому Егорке и кучеру, а гармонию мою никому не отдавай. Остаюсь твой внук Иван Жуков, милый дедушка, приезжай».

Ванька свернул вчетверо исписанный лист и вложил его в конверт, купленный накануне за копейку... Подумав немного, он умакнул перо и написал адрес:

На деревню дедушке.

Потом почесался, подумал и прибавил: «Константину Макарычу». Довольный тем, что ему не помешали писать, он надел шапку и, не набрасывая на себя шубейки, прямо в рубахе выбежал на улицу...

Сидельцы из мясной лавки, которых он расспрашивал накануне, сказали ему, что письма опускаются в почтовые ящики, а из ящиков развозятся по всей земле на почтовых тройках с пьяными ямщиками и звонкими колокольцами. Ванька добежал до первого почтового ящика и сунул драгоценное письмо в щель...

Убаюканный сладкими надеждами, он час спустя крепко спал... Ему снилась печка. На печи сидит дед, свесив босые ноги, и читает письмо кухаркам... Около печи ходит Вьюн и вертит хвостом...

(А. Чехов)

2

Журавли

Ясный и холодный день поздней осени, еду ровной рысцей по большой дороге. Блеск низкого солнца и пустых полей, осеннее безмолвное ожидание чего-то. Но вот вдали, за мной, слышен треск колес. Прислушиваюсь — треск мелкий, быстрый, треск беговых дрожек. Оборачиваюсь — кто-то нагоняет. Этот кто-то все ближе, ближе — уже хорошо видна его во весь дух лебящая лошадь, затем он сам, то и дело выглядывающий из-за нее и покрывающий ее то кнутом, то вожжами... Что такое? А он уж вот он, настигает — сквозь

треск слышно мощное лошадиное дыхание, слышен отчаянный крик: «Барин, сторонись!» В страхе и недоуменье виляю с дороги — тотчас же мимо мелькает сперва чудесная, гнедая кобыла, ее глаз, ноздря, новые вожжи сургучного цвета, новая блестящая сбруя, взмыленная под хвостом на ляжках, потом сам седок — чернобородый красавец мужик, совершенно шальной от скачки и какого-то бессмысленного, на все готового исступленья. Он бешено кидает на меня, пролетая, свой яростный взгляд, поражает свежей красной пастью и смолью красивой молодой бороды, новым картузом, желтой шелковой рубахой под распахнувшейся черной поддевкой — узнаю: богатый, хозяйственный мельник из-под Ливен — и как ветер летит дальше. А пролетев с версту, сразу соскакивает с дрожек. Тут уж я гоню к нему и, приближаясь, вижу: лошадь стоит на дороге и тяжело носит боками, сургучные вожжи висят по оглоблям, а сам седок лежит на дороге возле, лицом книзу, раскинув полы поддевки.

— Барин! — дико кричит он в землю. — Барин!

И отчаянно взмахивает руками:

— Ах, грустно-о! Ах, улетели журавли, барин!

И, мотая головой, захлебывается пьяными слезами.

(И. Бунин)

3

Кот Ворюга

Мы пришли в отчаяние. Мы не знали, как поймать этого рыжего кота. Он обворовывал нас каждую ночь. Он так ловко прятался, что никто из нас его толком не видел. Только через неделю удалось наконец установить, что у кота разорвано ухо и отрублен кусок грязного хвоста.

Это был кот, потерявший всякую совесть, кот — бродяга и бандит. Звали его за глаза Ворюгой.

Он воровал все: рыбу, мясо, сметану и хлеб. Однажды он даже разрыл в чулане жестяную банку с червями. Их он не съел, но на разрытую банку сбегались куры и склевали весь наш запас червей.

Объевшиеся куры лежали на солнце и стонали. Мы ходили около них и ругались, но рыбная ловля все равно была сорвана.

Почти месяц мы потратили на то, чтобы выследить рыжего кота.

Деревенские мальчишки помогали нам в этом. Однажды они примчались и, запыхавшись, рассказали, что на рассвете кот пронесся, приседая, через огороды и протащил в зубах кукан с окунями.

Мы бросились в погреб и обнаружили пропажу кукана; в нем было десять жирных окуней, пойманных на Прорве.

Это было уже не воровство, а грабеж среди бела дня. Мы поклялись поймать кота и вздуть его за бандитские проделки.

Кот попался этим же вечером. Он украл со стола кусок ливерной колбасы и полез с ним на березу.

Мы начали трясти березу. Кот уронил колбасу, она упала на голову Рувиму. Кот смотрел на нас сверху дикими глазами и грозно выл.

Но спасения не было, и кот решился на отчаянный поступок. С ужасающим воем он сорвался с березы, упал на землю, подскочил, как футбольный мяч, и умчался под дом.

Дом был маленький. Он стоял в глухом, заброшенном саду. Каждую ночь нас будил стук диких яблок, падавших с веток на его тесовую крышу.

Дом был завален удочками, дробью, яблоками и сухими листьями. Мы в нем только ночевали. Все дни, от рассвета до темноты, мы проводили на берегах бесчисленных протоков и озер. Там мы ловили рыбу и разводили костры в прибрежных зарослях.

Чтобы пройти к берегу озер, приходилось вытаптывать узкие тропинки в душистых высоких травах. Их венчики качались над головами и осыпали плечи желтой цветочной пылью.

Возвращались мы вечером, исцарапанные шиповником, усталые, сожженные солнцем, со связками серебристой рыбы, и каждый раз нас встречали рассказами о новых босяцких выходках рыжего кота.

Но наконец кот попался. Он залез под дом в единственный узкий лаз. Выхода оттуда не было.

Мы заложили лаз старой рыболовной сетью и начали ждать. Но кот не выходил. Он противно выл, как подземный дух, выл непрерывно и без всякого утомления.

Прошел час, два, три... Пора было ложиться спать, но кот выл и ругался под домом, и это действовало нам на нервы.

Тогда был вызван Ленька, сын деревенского сапожника. Ленька славился бесстрашием и ловкостью. Ему поручили вытащить кота из-под дома.

Ленька взял шелковую леску, привязал к ней за хвост пойманную днем плотицу и закинул ее через лаз в подполье.

Вой прекратился. Мы слышали хруст и хищное шелканье — кот вцепился зубами в рыбью голову. Он вцепился мертвой хваткой. Ленька потащил за леску. Кот отчаянно упирался, но Ленька был сильнее, и, кроме того, кот не хотел выпускать вкусную рыбу.

Через минуту голова кота с зажатой в зубах плотицей показалась в отверстии лаза.

Ленька схватил кота за шиворот и поднял над землей. Мы впервые рассмотрели его как следует.

Кот зажмурил глаза и прижал уши. Хвост он на всякий случай подобрал под себя. Это оказался тощий, несмотря на постоянное воровство, огненно-рыжий кот-беспризорник с белыми подпалинами на животе.

Рассмотрев кота, Рувим задумчиво спросил:

— Что же нам с ним делать?

— Выдрать! — сказал я.

— Не поможет, — сказал Ленька. — У него с детства характер такой. Лучше попробуйте его накормить как следует.

Кот ждал, зажмурив глаза.

Мы последовали этому совету, втащили кота в чулан и дали ему замечательный ужин: жареную свинину, заливное из окуней, творожники и сметану.

Кот ел больше часа. Он вышел из чулана пошатываясь, сел на пороге и мылся, поглядывая на нас и на низкие звезды зелеными нахальными глазами.

После умывания он долго фыркал и терся головой о пол. Это, очевидно, должно было обозначать веселье. Мы боялись, что он протрет себе шерсть на затылке.

Потом кот перевернулся на спину, поймал свой хвост, пожевал его, выплюнул, растянулся у печки и мирно захрапел.

С этого дня он у нас прижился и перестал воровать.

На следующее утро он даже совершил благородный и неожиданный поступок.

Куры влезли на стол в саду и, толкая друг друга и переругиваясь, начали склевывать из тарелок гречневую кашу.

Кот, дрожа от негодования, прокрался к курам и с коротким победным криком прыгнул на стол.

Куры взлетели с отчаянным воплем. Они перевернули кувшин с молоком и бросились, теряя перья, удирать из сада.

Впереди мчался, икая, голенастый петух-дурак, прозванный «Горлачом».

Кот неся за ним на трех лапах, а четвертой, передней лапой бил петуха по спине. От петуха летели пыль и пух. Внутри его от каждого удара что-то бухало и гудело, будто кот бил по резиновому мячу.

После этого петух несколько минут лежал в припадке, закатив глаза, и тихо стонал. Его облили холодной водой, и он отошел.

С тех пор куры опасались воровать. Увидев кота, они с пискom и толкотней прятались под домом.

Кот ходил по дому и саду, как хозяин и сторож. Он терся головой о наши ноги. Он требовал благодарности, оставляя на наших брюках клочья рыжей шерсти.

Мы переименовали его из Ворюги в Милиционера. Хотя Рувим и утверждал, что это не совсем удобно, но мы были уверены, что милиционеры не будут на нас за это в обиде.

(К. Паустовский)

115. Прodelайте ту же работу в двух повествовательных («сюжетных») стихотворных произведениях. Сравните их композицию с композицией рассмотренных выше рассказов. Где сложнее и где проще выделить компоненты сюжета (экспозиция, завязка и т. д.), композиционные отрезки и словесные ряды? Где в данном случае словесные ряды более разнообразны — в прозе или в стихах?

Емшан

Степной травы пучок сухой,
Он и сухой благоухает!
И разом степи надо мной
Все обаянье воскрешает...

Аполлон Николаевич
Майков
(1821—1897)

Когда в степях, за станом стан,
Бродили орды кочевые,
Был хан Отрок и хан Сырчан,
Два брата, батыри лихие.

И раз у них шел пир горой —
Велик полон был взят на Руси!
Певец им славу пел, рекой
Лился кумыс во всем улусе.

Вдруг шум и крик, и стук мечей,
И кровь, и смерть, и нет пощады! —
Все врозь бежит, что лебедей
Ловцами спугнутое стадо.

То с русской силой Мономах
Всесокрушающий явился —
Сырчан в донских залег мелях,
Отрок в горах кавказских скрылся!

И шли года... Гулял в степях
Лишь буйный ветер на просторе...
Но вот — скончался Мономах,
И по Руси — туга и горе.

Зовет к себе певца Сырчан
И к брату шлет его с наказом:
«Он там богат, он царь тех стран,
Владыка надо всем Кавказом —

Скажи ему, чтоб бросил все,
Что умер враг, что спали цепи,
Чтоб шел в наследие свое,
В благоухающие степи!

Ему ты песен наших спой, —
Когда ж на песнь не отзовется, —
Свяжи в пучок емшан степной
И дай ему — и он вернется».

Отрок сидит в златом шатре,
Вкруг — рой абхазянок прекрасных;
На золоте и серебре
Князей он чествует подвластных.

Введен певец. Он говорит,
Чтоб в степи шел Отрок без страха,
Что путь на Русь кругом открыт,
Что нет уж больше Мономаха!

Отрок молчит, на братнин зов
Одной усмешкой отвечает —
И пир идет, и хор рабов
Его что солнце величает.

Встает певец, и песни он
Поет о былях половецких,
Про славу дедовских времен
И их набегов молодецких.

Отрок угрюмый принял вид
И, на певца не глядя, знаком,
Чтоб увели его — велит
Своим послушливым кунакам.

И взял пучок травы степной
Тогда певец и подал хану —
И смотрит хан — и, сам не свой,
Как бы почуя в сердце рану,

За грудь схватился... Все глядят —
Он грозный хан, что ж это значит?
Он, пред которым все дрожат, —
Пучок травы целуя, плачет!

И вдруг, взмахнувши кулаком,
«Не царь я больше вам отныне! —
Воскликнул. — Смерть в краю родном
Милей, чем слава на чужбине!»

Наутро, чуть осел туман
И озлатились гор вершины,
В горах идет уж караван —
Отрок с немногую дружиной.

Минуя гору за горой,
Все ждет он — скоро ль степь родная —
И вдаль глядит, травы степной
Пучок из рук не выпуская.

(А. Майков)

Как Данила помирал

Жил на свете дед Данила
Сто годов да пять,
Видит, сто шестой ударил,—
Время помирать.

Вволю хлеба, вволю сала,
Сыт, обут, одет.
Если б совесть позволяла,
Жил бы двести лет.

Но невесело Даниле,
Жизнь сошла на край:
Не дают работать деду,
Говорят: — Гуляй.

А гулять бесперечно —
Разве это жизнь?
Говорили б откровенно:
Помирать ложись.

Потихоньку дед Данила
Натаскал досок.
Достает пилу, рубанок,
Гвозди, молоток.

Тешет, пилит — любо-милу,
Доски те, что звон!
Все, что делал дед Данила,—
Делал крепко он.

Сколотил он гроб надежный,
Щитный, что ладья.
Отправляется Данила
В дальние края.

И в своем гробу сосновом
Навзничь дед лежит.
В пиджаке, рубахе новой,
Саваном прикрыт.

Что в селе народу было —
Все пришли сполна.
— Вот и помер дед Данила.
— Вот тебе и на...

Рассуждают: — Потруился
На своем веку.—
И весьма приятно слышать
Это старику.

— Ох и ветох был, однако,—
Кто-то говорит.
«Ох, и брешь ты, собака»,—
Думает старик.

— Сыновей зато оставил —
Хлопцам равных нет.
«Вот что правда, то и правда»,—
Чуть не молвил дед.

Постоял народ пристойно
И решает так:
— Выпить надо. Был покойник
Выпить не дурак.

И такое заключение
Дед услышать рад:
Не в упрек, не в осуждение
Люди говорят.

Говорят: — Прощай, Данила,
Не посетуй, брат,
Дело ждет, по бревнам наши
Топоры торчат.

Говорят: — У нас ребята
Плотники — орлы.
Ты их сам учил когда-то
Вырубать углы.

Как зачешут топорами
Вперебой и в лад,
Басовито, громовито
Бревна загудят.

Эх, Данила, эх, Данила,
Был ты молодым!
С молодым бы в пору было
Потягаться им.

Не обижен был ты силой,
Мы признать должны...
— Ах вы,— крикнул дед Данила,
— Сукины сыны!

Не желаю ваш постылый
Слушать разговор.
На леса! — кричит Данила.—
Где он, мой топор?!

(А. Твардовский)

116. Внимательно прочитайте начало главы «Старик в станционном буфете» повести К. Паустовского «Золотая роза», выполните помещенные ниже (внутри текста) задания.

Худой старик с колючей щетиной на лице сидел в углу станционного буфета в Майори. Над Рижским заливом свистящими полосами проносились зимние шквалы. У берегов стоял толстый лед. Сквозь снежный дым было слышно, как грохочет прибой, налетая на крепкую ледяную закраину.

Старик зашел в буфет, очевидно, погреться. Он ничего не заказывал и понуро сидел на деревянном диване, засунув руки в рукава неумело заплатанной рыбацкой куртки.

Вместе со стариком пришла белая мохнатая собачка. Она сидела, прижавшись к его ноге, и дрожала.

Рядом за столиком шумно пили пиво молодые люди с тугими, красными затылками. Снег таял у них на шляпах. Талая вода капала в стаканы с пивом и на бутерброды с копченой колбасой. Но молодые люди спорили о футбольном матче и не обращали на это внимания.

Когда один из молодых людей взял бутерброд и откусил сразу половину, собачка не выдержала. Она подошла к столику, стала на задние лапы и, заискивая, начала смотреть в рот молодому человеку.

— Пети! — тихо позвал старик. — Как же тебе не стыдно! Зачем ты беспокоишь людей, Пети?

Но Пети продолжала стоять, и только передние лапы у нее все время дрожали и опускались от усталости. Когда они касались мокрого живота, собачка спохватывалась и подымала их снова.

Но молодые люди не замечали ее. Они были увлечены разговором и то и дело подливали себе в стаканы холодное пиво.

Снег залеплял окна, и дрожь пробегала по спине при виде людей, пьющих в такую стужу совершенно ледяное пиво.

— Пети! — снова позвал старик. — А Пети! Ступай сюда!

Собачка несколько раз быстро мотнула хвостом, как бы давая понять старику, что она его слышит и извиняется, но ничего с собой поделывать не может. На старика она не взглянула и даже отвела глаза совсем в другую сторону. Она как бы говорила: «Я сама знаю, что это нехорошо. Но ты же не можешь купить мне такой бутерброд».

— Эх, Пети! Пети! — шепотом сказал старик, и голос его чуть дрогнул от огорчения.

Пети снова вильнула хвостом и вскользь, умоляюще посмотрела на старика. Она как бы просила его больше ее не звать и не стыдить, потому что у нее самой нехорошо на душе и она, если бы не крайность, никогда бы, конечно, не стала просить у чужих людей.

Наконец один из молодых людей, скуластый, в зеленой шляпе, заметил собаку.

— Просишь, стерва? — спросил он. — А где твой хозяин?

Пети радостно вильнула хвостом, взглянула на старика и даже чуть взвизгнула.

— Что же это вы, гражданин! — сказал молодой человек. — Раз собаку держите, так должны кормить. А то некультурно получается. Собака у вас милостыню выпрашивает. Нищенство у нас запрещено законом.

Молодые люди захохотали.

— Ну и отмочил, Валька! — крикнул один из них и бросил собачке кусок колбасы.

— Пети, не смей! — крикнул старик. Обветренное его лицо и тощая, жилистая шея покраснели.

Собачка сжалась и, опустив хвост, подошла к старику, даже не взглянув на колбасу.

— Не смей брать у них ни крошки! — сказал старик. Он начал судорожно рыться в карманах, достал немного серебряной и медной мелочи и пересчитывал

ее на ладони, сдувая мусор, прилипший к монетам. Пальцы у него дрожали.

— Еще обижается! — сказал скуластый молодой человек. — Какой независимый, скажи пожалуйста.

— А, брось ты его! На что он тебе сдался? — примирительно произнес один из его товарищей, наливая всем пиво.

Старик ничего не ответил. Он подошел к стойке и положил несколько монет на мокрый прилавок.

— Один бутерброд! — сказал он хрипло.

Собачка стояла рядом с ним, поджав хвост.

Продавщица подала старику на тарелке два бутерброда.

— Один! — сказал старик.

— Берите! — тихо сказала продавщица. — Я на вас не разорюсь.

— Палдиес! — сказал старик. — Спасибо.

Он взял бутерброды и вышел на платформу. Там никого не было. Один шквал прошел, второй подходил, но был еще далеко на горизонте. Даже слабый солнечный свет упал на белые леса за рекой Лиелупа.

Старик сел на скамейку, дал один бутерброд Пети, а другой завернул в серый носовой платок и спрятал в карман.

Собачка судорожно ела, а старик, глядя на нее, говорил:

— Ах, Пети, Пети! Глупая собака!

Но собачка не слушала его. Она ела. Старик смотрел на нее и вытирал рукавом глаза — они у него слезились от ветра.

Вот, собственно, и вся маленькая история, случившаяся на станции Майори на Рижском взморье.

Какие детали (подробности) обратили на себя ваше внимание? Насколько важны эти подробности для развития сюжета, для характеристики персонажей?

Проверьте свои соображения, прочитав, как продолжает К. Паустовский историю о старике в станционном буфете.

Зачем я ее рассказал?

Размышляя о значении подробностей в прозе, я вспомнил эту историю и понял, что если ее передать без одной главной подробности — без того, что соба-

ка всем своим видом извинялась перед хозяином, без этого заискивающего жеста маленького существа, то история эта станет грубее, чем она была на самом деле.

А если выбросить и другие подробности — неумело заплатанную куртку, свидетельствующую о вдовстве или одиночестве, капли талой воды, падавшие со шляп молодых людей, ледяное пиво, мелкие деньги с прилипшим к ним сором из кармана, да, наконец, даже шквалы, налетающие с моря белыми стенами, то рассказ от этого стал бы значительно суше и бескровнее.

117. В рассказе А. Чехова «Студент» говорится, что Иван Великопольский, студент духовной академии, возвращаясь с охоты домой поздно вечером в Страстную пятницу, остановился на огородах у костра, возле которого были две женщины, мать и дочь, Василиса и Лукерья. « — Точно так же в холодную ночь грелся у костра апостол Петр, — сказал студент, протягивая к огню руки ». И далее студент рассказывает женщинам о предательстве Иуды и отречении апостола Петра. Рассказ об этих событиях есть во всех четырех Евангелиях.

Сравните евангельские рассказы и пересказ студента. Ориентируется ли студент в деталях (подробностях) на одно какое-либо Евангелие или объединяет их? Что добавляет студент «от себя»?

Евангелие от Матфея

Тогда говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь, ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы стада»; по воскресении же Моем предварю вас в Галилее. Петр сказал Ему в ответ: если и все соблазняются о Тебе, я никогда не соблазнюсь. Иисус сказал ему: истинно говорю тебе, что в эту ночь, прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Говорит Ему Петр: хотя бы надлежало мне и умереть с Тобою, не отрекись от Тебя. Подобное говорили и все ученики.

Потом приходит с ними Иисус на место, называемое Гефсимания, и говорит ученикам: посидите тут, пока Я пойду, помолюсь там. И, взяв с Собою Петра и обоих сыновей Зеведеевых, начал скорбеть и тосковать.

Тогда говорит им Иисус: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте со Мною. И, отошед немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты. И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы Мне не пить ее, да будет воля Твоя. И, пришед, находит их опять спящими, ибо у них глаза отяжелели. И, оставив их, отошел опять и помолился в третий раз, сказав то же слово.

Тогда приходит к ученикам своим и говорит им: вы все еще спите и поживаете? вот, приблизился час, и Сын Человеческий предается в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня. И, когда еще говорил Он, вот Иуда, один из двенадцати, пришел, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников и старейшин народных. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть, возьмите Его. И тотчас подошел к Иисусу сказал: радуйся, Равви! И поцеловал Его (26: 31—49).

А взявшие Иисуса отвели Его к Каиафе первосвященнику, куда собрались книжники и старейшины. Петр же следовал за Ним издали, до двора первосвященникова; и, вошед внутрь, сел со служителями, чтобы видеть конец (26: 57—58).

Тогда плевали Ему в лице и заушали Его; другие же ударяли Его по ланитам и говорили: прореки нам, Христос, кто ударил Тебя?

Петр же сидел вне на дворе. И подошла к нему одна служанка и сказала: и ты был с Иисусом Галилеянином. Но он отрекся пред всеми, сказав: не знаю, что ты говоришь. Когда же он выходил за ворота, увидела его другая, и говорит бывшим там: и этот был с Иисусом Назореем. И он опять отрекся с клятвою, что не знает Сего Человека. Немного спустя подошли стоявшие там и сказали Петру: точно и ты из них, ибо и речь твоя обличает тебя. Тогда он начал клясться и божиться, что не знает Сего Человека. И вдруг запел петух. И вспомнил Петр слово, сказанное ему

Иисусом: прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от Меня. И, вышед вон, плакал горько (26: 67—75).

Евангелие от Марка

И говорит им Иисус: все вы соблазнитесь о Мне в эту ночь; ибо написано: «поражу пастыря, и рассеются овцы»; по воскресении же Моем, Я предварю вас в Галилее. Петр сказал Ему: если и все соблазнятся, но не я. И говорит ему Иисус: истинно говорю тебе, что ты ныне, в эту ночь, прежде нежели дважды пропоет петух, трижды отречешься от Меня. Но он еще с большим усилием говорил: хотя бы мне надлежало и умереть с Тобою, не отрекусь от Тебя. То же и все говорили.

Пришли в селение, называемое Гефсимания; и Он сказал ученикам Своим: посидите здесь, пока Я помолюсь. И взял с Собою Петра, Иакова и Иоанна; и начал ужасаться и тосковать. И сказал им: душа Моя скорбит смертельно; побудьте здесь и бодрствуйте. И, отошед немного, пал на землю и молился, чтобы, если возможно, миновал Его час сей; и говорил: Авва Отче! все возможно Тебе; пронеси чашу сию мимо Меня; но не чего Я хочу, а чего Ты. Возвращается, и находит их спящими, и говорит Петру: Симон! ты спишь? не мог ты бодрствовать один час? Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение: дух бодр, плоть же немощна. И опять отошед, молился, сказав то же слово. И возвратившись, опять нашел их спящими: ибо глаза у них отяжелели; и они не знали, что Ему отвечать. И приходит в третий раз и говорит им: вы все еще спите и поживаете? Конечно, пришел час; вот, предается Сын Человеческий в руки грешников; встаньте, пойдем: вот, приблизился предающий Меня.

И тотчас, как Он еще говорил, приходит Иуда, один из двенадцати, и с ним множество народа с мечами и кольями, от первосвященников, и книжников, и старейшин. Предающий же Его дал им знак, сказав: Кого я поцелую, Тот и есть; возьмите Его, и ведите осторожно. И, пришед, тотчас подошел к Нему и говорит: Равви! Равви! и поцеловал Его. А они возложили на Него руки свои и взяли Его (14: 27—46).

И привели Иисуса к первосвященнику; и собрались к нему все первосвященники, и старейшины, и книжники. Петр издала следовал за Ним, даже внутрь двора первосвященникова; и сидел со служителями, и грелся у огня (14: 53—54).

И некоторые начали плевать на Него и, закрывая Ему лице, ударять Его и говорить Ему: прореки. И слуги били Его по ланитам.

Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидевши Петра греющегося и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух. Служанка, увидевши его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся. Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите. Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня. И начал плакать (14: 65—72).

Евангелие от Луки

И сказал Господь: Симон! Симон! <...> Я молился о тебе, чтобы не оскудела вера твоя... <...> Он отвечал Ему: Господи! с тобою я готов и в темницу и на смерть идти. Но он сказал: говорю тебе, Петр, не пропоет петух сегодня, как ты трижды отречешься, что не знаешь Меня (22: 31—34).

И, вышед, пошел по обыкновению на гору Елеонскую; за Ним последовали и ученики Его. Пришед же на место, сказал им: молитесь, чтобы не впасть в искушение. И Сам отошел от них на вержение камня и, преклонив колена, молился, говоря: Отче! о, если бы Ты благоволил пронести чашу сию мимо Меня! впрочем не Моя воля, но Твоя да будет. Явился же Ему Ангел с небес и укреплял Его. И, находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю. Встав от молитвы, Он пришел к ученикам, и нашел их спящими от печали, и сказал им: что вы спите? встаньте и молитесь, чтобы не впасть

в искушение. Когда Он еще говорил это, появился народ, а впереди его шел один из двенадцати, называемый Иуда, и он подошел к Иисусу, чтобы поцеловать Его. Ибо он такой им дал знак: Кого я поцелую, Тот и есть. Иисус же сказал ему: Иуда! целованием ли предаешь Сына Человеческого? (22: 39—48).

Взявши Его, повели и привели в дом первосвященника. Петр же следовал издала. Когда они развели огонь среди двора и сели вместе, сел и Петр между ними. Одна служанка, увидевши его сидящего у огня и всмотревшись в него, сказала: и этот был с Ним. Но он отрекся от Него, сказав женщине: я не знаю Его. Вскоре потом другой, увидев его, сказал: и ты из них. Но Петр сказал этому человеку: нет. Прошло с час времени, еще некто настоятельно говорил: точно и этот был с Ним, ибо он Галилеянин. Но Петр сказал тому человеку: не знаю, что ты говоришь. И тотчас, когда еще говорил он, запел петух. Тогда Господь, обратившись, взглянул на Петра; и Петр вспомнил слово Господа, как Он сказал ему: прежде нежели пропоет петух, отречешься от Меня трижды. И вышед вон, горько заплакал (22: 54—62).

Евангелие от Иоанна

Симон Петр сказал Ему: Господи! куда Ты идешь? Иисус отвечал ему: куда Я иду, ты не можешь теперь за Мною идти, а после пойдешь за Мною. Петр сказал Ему: Господи! почему я не могу идти за Тобою теперь? я душу мою положу за Тебя. Иисус отвечал ему: душу твою за Меня положишь? истинно, истинно говорю тебе: не пропоет петух, как отречешься от Меня трижды (13: 36—38).

<...> Иисус вышел с учениками Своими за поток Кедрон, где был сад, в который вошел Сам и ученики Его. Знал же это место и Иуда, предатель Его, потому что Иисус часто собирался там с учениками Своими. Итак, Иуда, взяв отряд воинов и служителей от первосвященников и фарисеев, приходит туда с фонарями и светильниками и оружием. Иисус же, зная все, что с Ним будет, вышел и сказал им: кого ищете? Ему отвечали: Иисуса Назорея. Иисус говорит им: это Я. Стоял же с ними и Иуда, предатель Его (18: 1—5).

За Иисусом следовали Симон Петр и другой ученик; ученик же сей был знаком первосвященнику

и вошел с Иисусом во двор первосвященнический; а Петр стоял вне за дверями. Потом другой ученик, который был знаком первосвященнику, вышел, и сказал придвернице, и ввел Петра. Тут раба придверница говорит Петру: и ты не из учеников ли Этого Человека? Он сказал: нет. Между тем рабы и служители, разведши огонь, потому что было холодно, стояли и грелись; Петр также стоял с ними и грелся (18: 15—18).

Симон же Петр стоял и грелся. Тут сказали ему: не из учеников ли Его и ты? Он отрекся и сказал: нет. Один из рабов первосвященнических <...> говорит: не я ли видел тебя с Ним в саду? Петр опять отрекся; и тотчас запел петух (18: 25—27).

Студент

— <...> Ах, какая то была страшная ночь, бабушка! До чрезвычайности унылая, длинная ночь!

Он посмотрел кругом на потемки, судорожно встряхнул головой и спросил:

— Небось была на двенадцати евангелиях?

— Была,— ответила Василиса.

— Если помнишь, во время Тайной вечери Петр сказал Иисусу: «С тобою я готов и в темницу, и на смерть». А Господь ему на это: «Говорю тебе, Петр, не пропоет сегодня петел, то есть петух, как ты трижды отречешься, что не знаешь меня». После вечери Иисус смертельно тосковал в саду и молился, а бедный Петр истомился душой, ослабел, веки у него отяжелели, и он никак не мог побороть сна. Спал. Потом, ты слышала, Иуда в ту же ночь поцеловал Иисуса и предал его мучителям. Его связанного вели к первосвященнику и били, а Петр, изнеможенный, замученный тоской и тревогой, понимаешь ли, не выспавшийся, предчувствуя, что вот-вот на земле произойдет что-то ужасное, шел вслед... Он страстно, без памяти любил Иисуса и теперь видел издали, как его били...

Лукерья оставила ложки и устремила неподвижный взгляд на студента.

— Пришли к первосвященнику,— продолжал он,— Иисуса стали допрашивать, а работники тем временем развели среди двора огонь, потому что было холодно, и грелись. С ними около костра стоял Петр и тоже грелся, как вот я теперь. Одна женщина, увидев его,

сказала: «И этот был с Иисусом», то есть, что и его, мол, нужно вести к допросу. И все работники, что находились около огня, должно быть, подозрительно и сурово поглядели на него, потому что он смутился и сказал: «Я не знаю его». Немного погодя опять кто-то узнал в нем одного из учеников Иисуса и сказал: «И ты из них». Но он опять отрекся. И в третий раз кто-то обратился к нему: «Да не тебя ли сегодня я видел с ним в саду?» Он третий раз отрекся. И после этого раза тотчас же запел петух, и Петр, взглянув издали на Иисуса, вспомнил слова, которые он сказал ему на вечери... Вспомнил, очнулся, пошел со двора и горько-горько заплакал. В Евангелии сказано: «И исшед вон, плакася горько». Воображаю: тихий-тихий, темный-темный сад, и в тишине едва слышатся глухие рыдания...

(А. Чехов)

118. Рассмотрите детали (подробности) в отрывках из рассказа И. Бунина «Солнечный удар» и из рассказа А. Чехова «Дама с собачкой». В каком из текстов больше подробностей? Одинакова ли роль подробностей у Бунина и Чехова? Как вы думаете, почему Кукрыниксы, иллюстрируя «Даму с собачкой», изобразили и чернильницу со «всадником без головы», и забор, привлекавший внимание Гурова?

Солнечный удар

Через минуту они прошли сонную конторку, вышли на глубокий, по ступицу, песок и молча сели в запыленную извозчичью пролетку. Отлогий подъем в гору, среди редких кривых фонарей, по мягкой от пыли дороге, показался бесконечным. Но вот поднялись, выехали и затрещали по мостовой, вот какая-то площадь, присутственные места, каланча, тепло и запахи ночного летнего уездного города... Извозчик остановился возле освещенного подъезда, за раскрытыми дверями которого круто поднималась старая деревянная лестница, старый небритый лакей в розовой косоворотке и в сюртуке недовольно взял вещи и пошел на своих растоптанных ногах вперед. Вошли в большой, страшно душный, горячо накаленный за день солнцем номер с белыми опущенными занавесками на окнах и двумя необожженными свечами на подзеркальнике,— и как только вошли и лакей затворил дверь,

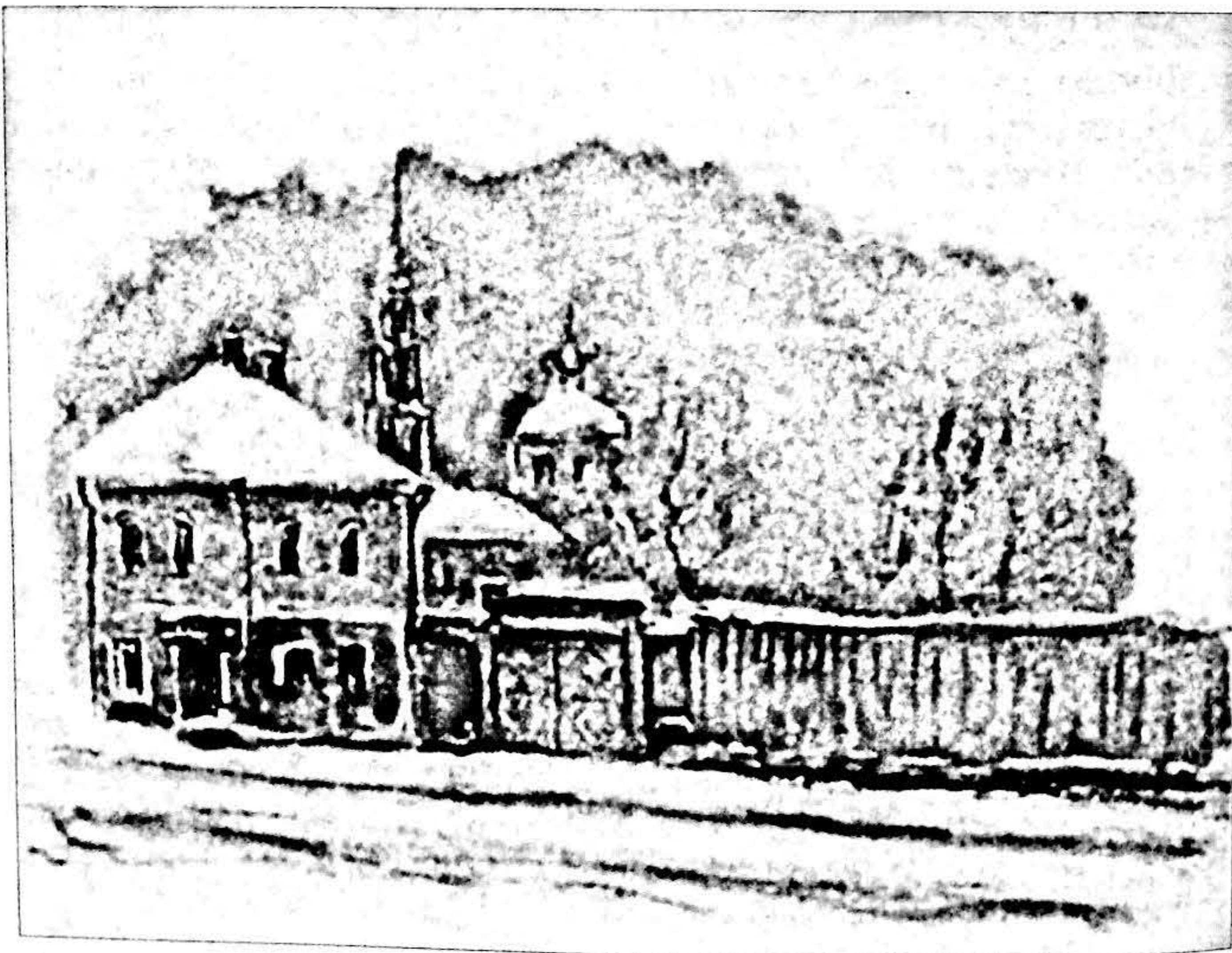

поручик так порывисто кинулся к ней и оба так иступленно задохнулись в поцелуе, что много лет вспоминали потом эту минуту: никогда ничего подобного не испытал за всю жизнь ни тот, ни другой.

Дама с собачкой

Приехал он в С. утром и занял в гостинице лучший номер, где весь пол был обтянут серым солдатским сукном, и была на столе чернильница, серая от пыли, со всадником на лошади, у которого была поднята рука со шляпой, а голова отбита. Швейцар дал ему нужные сведения: фон Дидериц живет на Старо-Гончарной улице, в собственном доме — это недалеко от гостиницы, живет хорошо, богато, имеет своих лошадей, его все знают в городе. Швейцар выговаривал так: Дрыдыриц.

Гуров не спеша пошел на Старо-Гончарную, отыскал дом. Как раз против дома тянулся забор, серый, длинный, с гвоздями.

Забор против дома Анны Сергеевны в городе С. Первоначальный вариант иллюстрации художников Кукрыниксов к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой». 1945—1946 гг.

«От такого забора убежишь», — думал Гуров, поглядывая то на окна, то на забор.

Образ автора и образ рассказчика в словесном произведении

119. Укажите признаки «авторского» (не от лица рассказчика) изложения в отрывках из романа И. Тургенева «Отцы и дети».

— А коли ты не совсем меня понимаешь, так я тебе доложу следующее: по-моему, лучше камни бить на мостовой, чем позволить женщине завладеть хотя бы кончиком пальца. Это все... — Базаров чуть было не произнес своего любимого слова «романтизм», да удержался и сказал: — вздор. <...>

Базаров тихонько двинулся вперед, и Павел Петрович пошел на него, заложив левую руку в карман и постепенно поднимая дуло пистолета... «Он мне прямо в нос целит, — подумал Базаров, — и как щурится старательно, разбойник! Однако это неприятное ощущение. Стану смотреть на цепочку его часов...» Что-то резко зыкнуло около самого уха Базарова, и в то же мгновение раздался выстрел. «Слышал, стало быть ничего», — успело мелькнуть в его голове. Он ступил еще раз и, не целясь, подавил пружинку. <...>

— Она очень горда... я не то хотела сказать... она очень дорожит своею независимостью.

— Кто же ею не дорожит? — спросил Аркадий, а у самого в уме мелькнуло: «На что она?» — «На что она?» — мелькнуло и у Кати. Молодым людям, которые часто и дружелюбно сходятся, беспрестанно приходят одни и те же мысли. <...>

— <...> Тебе из города привезли ботинки, поди примерь их: я уже вчера заметила, что твои прежние совсем износились. Вообще ты не доволен этим занимаешься, а у тебя еще такие прелестные ножки! И руки твои хороши... только велики; так надо ножками брать. Но ты у меня не кокетка.

Анна Сергеевна отправилась дальше по дорожке, слегка шумя своим красивым платьем; Катя поднялась со скамейки и, взяв с собою Гейне, ушла тоже — только не примерять ботинки.

«Прелестные ножки,— думала она, медленно и легко всходя по раскаленным от солнца каменным ступеням террасы,— прелестные ножки, говорите вы... Ну, он и будет у них».

Но ей тотчас стало стыдно, и она проворно побежала вверх. <...>

Она взглянула на Базарова <...> и остановилась у двери, до того поразило ее это воспаленное и в то же время мертвенное лицо с устремленными на нее мутными глазами. Она просто испугалась каким-то холодным и томительным испугом; мысль, что она не то бы почувствовала, если бы точно его любила — мгновенно сверкнула у ней в голове.

120. Рассказ И. Бунина «Убийца» написан от третьего лица, не содержит (кроме отрезка, принадлежащего «певучему голосу») характерологических языковых черт. Можно ли тем не менее считать это повествование «чисто авторским», не содержащим никаких признаков образа рассказчика? Если такие признаки есть, то в чем они выражаются? Как связана композиция рассказа с соотношением в нем образа автора и образа рассказчика?

Убийца

Дом с мезонином в Замоскворечье. Деревянный. Чистые стекла, окрашен хорошей синеватой краской. Перед ним толпа и большой автомобиль, казенный. В растворенные двери подъезда виден на лестнице вверх коврик, серый, с красной дорожкой. И вся толпа смотрит туда с восхищением, слышен певучий голос:

— Да, милые, убила! Вдова молодая, богатого купеческого роду... Любила его, говорят, до страсти. А он только на ее достаток льстился, гулял с кем попало. Вот она и пригласила его к себе на прощанье, угощала, вином поила, все повторяла: «Дай мне на тебя наглядеться!» А потом и всадила ему, хмельному, нож в душу...

Открылось окно в мезонине, чья-то рука в белой перчатке дала знак автомобилю. Машина зашумела, народ раздался. И вот она показалась — сперва стройные ноги, потом полы собольей накидки, а потом и вся, во всем своем наряде — плавно, точно к венцу, в церковь, стала спускаться вниз по ступенькам. Бела и до-

родна, черные глаза и черные брови, голова открыта, причесана гладко, с прямым пробором, в ушах качаются, блещут длинные серьги. Лицо спокойно, ясно, на губах ласковая улыбка — ко всему народу... Вошла в машину, села, за ней вошли власти, человек в ловкой шинели строго и недовольно глянул на любопытных; хлопнула дверца, машина сразу взяла с места...

И все, глядя вслед, с восхищением:

— И-их, покатили, помчали!

121. В отрывке из «Любавиных» В. Шукшина говорится о замысле одного из героев написать роман. Предполагается, что роман будет написан от первого лица. Как при этом трактуются отношения между «я» и автором? В чем выражается нетождественность образа автора и образа «я»?

Приехав в Сибирь, учитель Юрий Александрович решил писать книгу. С ходу. А что? И пусть в редакции журнала или издательства попробуют отнестись к ней неуважительно. Называться она будет «Даешь Сибирь!» или «Дорогу осилит идущий (Записки учителя)». Начнется книга с того, как героя — «я» — провозжают в Сибирь. Потом размышления в купе, на верхней полке... А за окном поля и поля. Велика ты, матушка-Русь! Дорожные знакомства. Перевалили Урал... Когда проезжали столб «Европа — Азия», крики «ура», смех, шутки. А кто-то плачет (как потом выяснилось, девушка-десятиклассница, сбежавшая из дома в Сибирь: ей, видите ли, страшно стало). Опять дорожные знакомства — скуластые сибиряки, ужасно темные и добрые. Тоска и размышления на верхней полке интеллектуального, чуточку оппозиционного «я». Дальше — деревня, школа... Первые уроки. Класс — хулиган на хулигане хулиганом погоняет. «Я» волнуется, срывает пару уроков. Размышления дома, «у бабки Акулины». Бабка Акулина, это дитя природы, «глаголет истину». (Привести дословно несколько темных ее выражений и настаивать в редакции — не убирать их.) Потом рассказывать знакомым, как отстаивалось каждое слово в повести. Вместе со всем этим — письма далеких друзей, письма далеким друзьям... «Я» держится с завидной стойкостью, зовет далеких друзей в Сибирь, попрекает их ваннами

и теплыми уборными, дерзит. С двумя-тремя расходится совсем. Дела в школе налаживаются. (Класс-то был не такой уж плохой.) И так далее.

122. Сравните характеристики Печорина в романе «Княгиня Лиговская» и в «Герое нашего времени» («Бэла» и «Максим Максимыч»). Каково в этих характеристиках соотношение «образ автора — образ рассказчика»? Как проявляются образы рассказчиков в характеристиках Печорина? Выражаются ли языковыми средствами различия между образами рассказчиков и их «иерархия»? Укажите языковые средства, характеризующие образы рассказчиков.

Княгиня Лиговская

Теперь, когда он снял шинель, закиданную снегом, и вошел в свой кабинет, мы свободно можем пойти за ним и описать его наружность — к несчастью, вовсе не привлекательную; он был небольшого роста, широк в плечах и вообще нескладен; казался сильно-го сложения, неспособного к чувствительности и раздражению; походка его была несколько осторожна для кавалериста, жесты его были отрывисты, хотя часто они выказывали лень и беззаботное равнодушие, которое теперь в моде и в духе века, — если это не плеоназм. — Но сквозь эту холодную кору прорывалась часто настоящая природа человека; видно было, что он следовал не всеобщей моде, а сжимал свои чувства и мысли из недоверчивости или из гордости. Звучки его голоса были то густы, то резки, смотря по влиянию текущей минуты; когда он хотел говорить приятно, то начинал запинаться, и вдруг оканчивал едкой шуткой, чтоб скрыть собственное смущение, — и в свете утверждали, что язык его зол и опасен... ибо свет не терпит в кругу своем ничего сильного, потрясающего, ничего, что бы могло обличить характер и волю: — свету нужны французские водевили и русская покорность чуждому мнению. Лицо его, смуглое, неправильное, но полное выразительности, было бы любопытно для Лафатера и его последователей: они прочли бы на нем глубокие следы прошедшего и чудные обещания будущности... толпа же говорила, что в его улыбке, в его странно блестящих глазах есть что-то...

В заключение портрета скажу, что он назывался Григорий Александрович Печорин, а между родными просто Жорж, на французский лад, и что притом ему было 23 года, — и что у родителей его было 3 тысячи душ в Саратовской, Воронежской и Калужской губернии, — последнее я прибавляю, чтоб немного скрасить его наружность во мнении строгих читателей!

Михаил Юрьевич
Лермонтов
(1814—1841)
Автопортрет. 1837 г.

Бэла

— Вот (он набил трубку, затянулся и начал рассказывать), — вот извольте видеть, я тогда стоял в крепости за Тереком с ротой — этому скоро пять лет. Раз, осенью, пришел транспорт с провиантом; в транспорте был офицер, молодой человек лет двадцати пяти. Он явился ко мне в полной форме и объявил, что ему велено остаться у меня в крепости. Он был такой тоненький, беленький, на нем мундир был такой новенький, что я тотчас догадался, что он на Кавказе у нас недавно. «Вы, верно, — спросил я его, — переведены сюда из России?» — «Точно так, господин штабс-капитан», — отвечал он. Я взял его за руку и сказал: «Очень рад, очень рад. Вам будет немножко скучно, ну да мы с вами будем жить по-приятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максим Максимыч, и пожалуйста — к чему эта полная форма? приходите ко мне всегда в фуражке». Ему отвели квартиру, и он поселился в крепости.

— А как его звали? — спросил я Максима Максимыча.

— Его звали... Григорьем Александровичем Печориным. Славный был малый, смею вас уверить; только немножко странен. Ведь, например, в дождик, в холод, целый день на охоте, все иззябнут, устанут, — а ему ничего. А другой раз сидит у себя в комнате, ветер пахнет, уверяет, что простудился; ставнем стукнет, он вздрогнет и побледнеет; а при мне ходил на

кабана один на один; бывало, по целым часам слова не добьешься, зато уж иногда как начнет рассказывать, так животики надорвешь со смеха... Да-с, с большими был странностями, и, должно быть, богатый человек: сколько у него было разных дорогих вещей!..

<...> Вот раз уговаривает меня Печорин ехать с ним на кабана; я долго отнекивался: ну, что мне был за диковинка кабан! Однако ж утащил-таки он меня с собою. Мы взяли человек пять солдат и уехали рано утром. До десяти часов шныряли по камышам и по лесу, — нет зверя. «Эй, не воротиться ли? — говорил я, — к чему упрямиться? Уж, видно, такой задался несчастный день!» Только Григорий Александрович, несмотря на зной и усталость, не хотел воротиться без добычи; таков уж был человек: что задумает, подавай; видно в детстве был маменькой избалован...

Максим Максимыч

<...> На другой день утром я проснулся рано; но Максим Максимыч предупредил меня. Я нашел его у ворот сидящего на скамейке. «Мне надо сходить к коменданту, — сказал он, — так пожалуйста, если Печорин придет, пришлите за мной...»

Я обещался. <...>

Не прошло десяти минут, как на конце площади показался тот, которого мы ожидали. <...>

Теперь я должен нарисовать его портрет.

Он был среднего роста; стройный, тонкий стан его и широкие плечи доказывали крепкое сложение, способное переносить все трудности кочевой жизни и перемены климатов, не побежденное ни развратом столичной жизни, ни бурями душевными; пыльный бархатный сертучок его, застегнутый только на две нижние пуговицы, позволял разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного человека; его запачканные перчатки казались нарочно сшитыми по его маленькой аристократической руке, и когда он снял одну перчатку, то я был удивлен удобой его бледных пальцев. Его походка была небрежна и ленива, но я заметил, что он не размахивал руками, — верный признак некоторой скрытности характера. Впрочем, это мои собственные замечания, основанные на моих же наблюдениях, и я вовсе не хо-

чу вас заставить веровать в них слепо. Когда он опустился на скамью, то прямой стан его согнулся, как будто у него в спине не было ни одной косточки; положение всего его тела изобразило какую-то нервическую слабость; он сидел, как сидит бальзакова 30-летняя кокетка на своих пуховых креслах после утомительного бала. С первого взгляда на лицо его я бы не дал ему более двадцати трех лет, хотя после я готов был дать ему тридцать. В его улыбке было что-то детское. Его кожа имела какую-то женскую нежность; белокурые волосы, вьющиеся от природы, так живописно обрисовывали его бледный, благородный лоб, на котором, только по долгом наблюдении, можно было заметить следы морщин, пересекавших одна другую и, вероятно, обозначавшихся гораздо явственнее в минуты гнева или душевного беспокойства. Несмотря на светлый цвет его волос, усы и брови были черные, — признак породы в человеке, так, как черная грива и черный хвост у белой лошади; чтоб закончить портрет, я скажу, что у него был немного вздернутый нос, зубы ослепительной белизны и карие глаза; о глазах я должен сказать еще несколько слов.

Во-первых, они не смеялись, когда он смеялся! Вам не случалось замечать такой странности у некоторых людей?.. Это признак или злого нрава, или глубокой постоянной грусти. Из-за полуопущенных ресниц они сияли каким-то фосфорическим блеском, если можно так выразиться. То не было отражение жара душевного или играющего воображения: то был блеск, подобный блеску гладкой стали, ослепительный, но холодный; взгляд его, непродолжительный, но пронизательный и тяжелый, оставлял по себе неприятное впечатление нескромного вопроса и мог бы казаться дерзким, если б не был столь равнодушно спокоен.

123. С характеристиками, данными Максимом Максимычем и путешествующим по Кавказу офицером (см. тексты в упр. 123), сравните самохарактеристики Печорина. Какие стороны образа Печорина и какими языковыми средствами раскрываются в характеристиках рассказчиков, а какие — в его самохарактеристиках? Как проявляется организующая роль образа автора в характеристиках и самохарактеристиках Печорина?

<...> Вот об этом-то я и стал ему говорить. «Послушайте, Максим Максимыч,— отвечал он,— у меня несчастный характер; воспитание ли меня сделало таким, Бог ли так меня создал, не знаю; знаю только то, что если я причиною несчастья других, то и сам не менее несчастлив; разумеется, это им плохое утешение — только дело в том, что это так. В первой моей молодости, с той минуты, когда я вышел из опеки родных, я стал наслаждаться бешено всеми удовольствиями, которые можно достать за деньги, и, разумеется, удовольствия эти мне опротивели. Потом пустился я в большой свет, и скоро общество мне также надоело; влюблялся в светских красавиц и был любим,— но их любовь только раздражала мое воображение и самолюбие, а сердце осталось пусто... Я стал читать, учиться — науки также надоели; я видел, что ни слава, ни счастье от них не зависят нисколько, потому что самые счастливые люди — невежды, а слава — удача, и чтоб добиться ее, надо только быть ловким. Тогда мне стало скучно... Вскоре перевели меня на Кавказ: это самое счастливое время моей жизни. Я надеялся, что скука не живет под чеченскими пулями — напрасно: через месяц я так привык к их жужжанию и к близости смерти, что, право, обращал больше внимания на комаров,— и мне стало скучнее прежнего, потому что я потерял почти последнюю надежду. Когда я увидел Бэлу в своем доме, когда в первый раз, держа ее на коленях, целовал ее черные локоны, я, глупец, подумал, что она ангел, посланный мне сострадательной судьбою... Я опять ошибся: любовь дикарки немногим лучше любви знатной барыни; невежество и просто-сердечие одной так же надоедают, как и кокетство другой; если вы хотите, я ее еще люблю, я ей благодарен за несколько минут довольно сладких, я за нее отдаю жизнь, только мне с нею скучно... Глупец я или злодей, не знаю; но то верно, что я также очень достоин сожаления, может быть больше, нежели она: во мне душа испорчена светом, воображение беспокойное, сердце ненасытное; мне все мало: к печали я так же легко привыкаю, как к наслаждению, и жизнь моя становится пустее день ото дня; мне осталось одно средство: путешествовать. <...>»

— Да! такова была моя участь с самого детства. Все читали на моем лице признаки дурных свойств, которых не было; но их предполагали — и они родились. Я был скромн — меня обвиняли в лукавстве: я стал скрытен. Я глубоко чувствовал добро и зло; никто меня не ласкал, все оскорбляли: я стал злопамятен; я был угрюм,— другие дети веселы и болтливы; я чувствовал себя выше их,— меня ставили ниже. Я сделался завистлив. Я был готов любить весь мир,— меня никто не понял: и я выучился ненавидеть. Моя бесцветная молодость протекла в борьбе с собой и светом; лучшие мои чувства, боясь насмешки, я хоронил в глубине сердца; они там и умерли. Я говорил правду — мне не верили: я начал обманывать; узнав хорошо свет и пружины общества, я стал искусен в науке жизни и видел, как другие без искусства счастливы, пользуясь даром теми выгодами, которых я так неутомимо добивался. И тогда в груди моей родилось отчаянье,— не то отчаянье, которое лечат дулом пистолета, но холодное, бессильное отчаянье, прикрытое любезностью и добродушной улыбкой. Я сделался нравственным калекой: одна половина души моей не существовала, она высохла, испарилась, умерла, я ее отрезал и бросил,— тогда как другая шевелилась и жила к услугам каждого, и этого никто не заметил, потому что никто не знал о существовании погибшей ее половины; но вы теперь во мне разбудили воспоминание о ней — и я вам прочел ее эпитафию. Многим все вообще эпитафии кажутся смешными, но мне нет, особенно когда вспомню о том, что под ними покоится.

124. Определите композиционные типы произведений, отрывки из которых приводятся ниже, по соотношению «образ автора — образ рассказчика».

1

Дети подземелья

Моя мать умерла, когда мне было шесть лет. Отец, весь отдавшись своему горю, как будто совсем забыл о моем существовании. Порой он ласкал мою малень-

кую сестру Соню и по-своему заботился о ней, потому что в ней были черты матери. Я же рос, как дикое деревцо в поле, — никто не окружал меня особенною заботливостью, но никто и не стеснял моей свободы. <...>

Вообще все меня звали бродягой, негодным мальчишкой и так часто укоряли в разных дурных наклонностях, что я, наконец, и сам проникся этим убеждением. Отец также поверил этому и делал иногда попытки заняться моим воспитанием, но попытки эти всегда кончались неудачей. При виде строгого и угрюмого лица, на котором лежала суровая печать неизлечимого горя, я робел и замыкался в себя. <...>

И мало-помалу пропасть, нас разделявшая, становилась все шире и глубже. Он все более убеждался, что я — дурной, испорченный мальчишка, с черствым, эгоистическим сердцем, и сознание, что он *должен*, но *не может* заняться мною, *должен* любить меня, но не находит этой любви в своем сердце, еще увеличивало его нерасположение. И я это чувствовал. Порой, спрятавшись в кустах, я наблюдал за ним; я видел, как он шагал по аллеям, все ускоряя походку, и глухо стонал от нестерпимой душевной муки. Тогда мое сердце загоралось жалостью и сочувствием. Один раз, когда, сжав руками голову, он присел на скамейку и зарыдал, я не вытерпел и выбежал из кустов на дорожку, повинувшись неопределенному побуждению, толкавшему меня к этому человеку. Но, услышав мои шаги, он сурово взглянул на меня и осадил холодным вопросом:

— Что нужно?

Мне ничего не было нужно. Я быстро отвернулся, стыдясь своего порыва, боясь, чтоб отец не прочел его в моем смущенном лице. Убежав в чащу сада, я упал лицом в траву и горько заплакал от досады и боли.

С шести лет я испытывал уже ужас одиночества.

(В. Короленко)

2

Сивцев Вражек

В беспредельности вселенной, в солнечной системе, на Земле, в России, в Москве, в угловом доме Сивцева Вражка, в своем кабинете сидел в кресле

ученый-орнитолог Иван Александрович. Свет лампы, ограниченный абажуром, падал на книгу, задевая уголок чернильницы, календарь и стопку бумаги. Ученый же видел только ту часть страницы, где изображена была в красках голова кукушки.

Не ученые мысли бродили в его голове, а простая житейская о том, сколько лет ему осталось жить. Унесла его эта мысль в глубь леса, где кукует кукушка, и сколько прокукует — столько и жить осталось. Таково народное поверие, и не глупее оно всякого другого предсказания. Ошибается кукушка, как ошибаются и врачи. И ни один врач не может предсказать, когда человека задавит трамвай.

Широколицый, руссейший, седобородый профессор умирать не хотел, а смерти не боялся только потому, что в юности и в старости был мужчиной и умницей. Он был известен в ученом мире и свою науку любил по-особенному; была красота в его науке: окраска перьев, пение, природа, рождение весны, прощание с летом. Поэзия была в его науке. Каждую птицу он знал, и за это знание свое — любил. И умирать профессор орнитологии не хотел; еще и еще хотел жить. Но сколько же лет жизни обещает ему бессемейная, беспечная птица кукушка?

Кукушка прокуковала три раза. Профессор улыбнулся; суеверным он не был и к своим часам привык. Книгу закрыл, заложив бумажкой. Зевнул — хороший признак. На старости лет страдал он бессонницей. Встал, поясницу помял пальцами, опять зевнул — и, потушив лампу, вышел в спальню.

(М. Осоргин)

3

Аниса

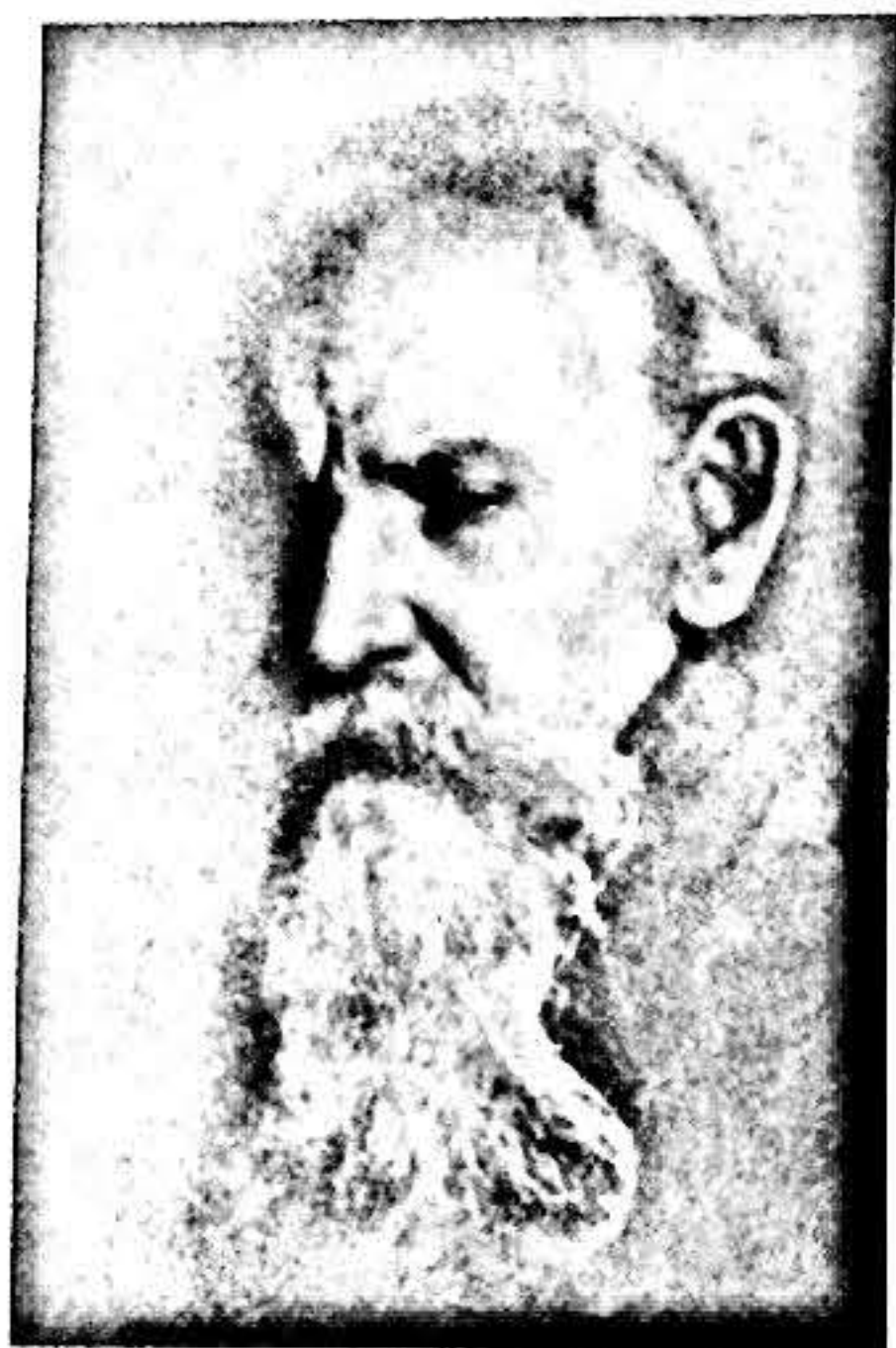
Сошили нашему путешественнику тройку хорошу шевиотову, рубах крахмалили, подорожников напекли. Спровಾದили.

Когда в море выбежали, на волю, на ветер да на простор, радость Саньке припала. Будто новый сделался.

Капитан дразнит:

— Порато весел, Саня! Обратно ужо плакать будешь.

Борис Викторович
Шергин
(1893—1973)

И в Норвеге все веселит, он тут сам себе барин. Бритой да модной сходил с визитом к консулу, дале отправился в город. На угоре норвецка керке, и там орган играт, было воскресенье. Санька зашел да и перекрестился. И кряду на него некотора прекрасна дама глаза приворотила. Народ сидят, в книжки нос улепили, а эта на парня зарится. И Санька на ей зглянул, и сердце у него остановилось. Така она, как ку ему надо. У ей все тако, как он жалат. А дума думу побиват:

— Я эту особу где-то видал?!
Ейно лицо мне знакомо...

Народ из керки завыходили. Санька сзади этой барыни ступат. Она оглянулась, говорит:

— Думаю, не русской ли вы?

— Русской. И вы по говори-то русска?

...И вдруг его как ударило:

— Аниса!! Я вас знаю! Вы Аниса!

Норвежана на них запоглядывали. Санька застыдился и отстал. Однако досмотрел, что дом, куда она дошла, с магазином. Вернулся на шкуну, пал на койку, костюма не сложил. Капитан подивился:

— Саня, здоров ли?

— Болен. Влюбился.

(Б. Шергин)

4

Митина любовь

У меня годов до двадцати пяти к дамам настоящего раденья не было.

Конечно, при гостях пронзительность глаз делаешь, а... все не мои. Притом холостой да мастер корабельный, дак сваты налетают, как вороны на утенка:

— погоди, Митька! Роешься в девках, как в сору, одна некрасива, друга нехороша, а кривороты камбала и достанется.

— Скажите, как напужали!

262

— Небось напужаешься! над экими, как ты, капи-донами вымышляют колдуны-ти. В гости тебя зазовут, в чаю, в кофею чего надо споят, страшну квазимоду и возьмешь, молекулу.

А я живу, какого-то счастья жду, судьбы какой-то. А дни, как гуси, пролетают.

...Позапрошлая наступила зима, выпали снега глубоки, ударили морозы новогодни. Три дня отпуска, три билета в соломбальский театр. Соломбала — города Архангельска пригород. От нашей Корабельщины три часа ходу.

У вдовы, у Смывалихи, остановился. Вечером в театре жарко, людно. В антракт огляделся: рядом особа сидит молодая. Сроду не видал такого взора! Не взгляд — тихая заря поздновечерняя. Больше во весь вечер не посмел в ейну сторону пошевелиться.

Другой день ушел в гости к вечеру.

Народушку в театре — как тараканов на печи.

— Ишь лорд какой расселся, член парламента! Расшеперил лапы-то!

Ейно место охраняю... Идет. Голову гордо несет, щеки, уши пылают. Стыдится. Честного поведения, значит. Привстал ей. Мило улыбнулась.

(Б. Шергин)

5

Свадьба

А познакомился Володя Завитушкин со своей невестой в трамвае. Дней за пять до брака. Сидит он в трамвае и вдруг видит, — перед ним этакая барышня вырисовывается. Такая ничего себе барышня, аккуратненькая. В зимнем пальто.

И стоит эта самая барышня в зимнем своем пальто перед Володькой и за ремешок рукой держится, чтоб пассажиры ее не опрокинули. А другой рукой пакет к груди прижимает. А в трамвае, конечно, дав-ка. Пихаются. Стоять, прямо скажем, нехорошо.

Вот Володька ее и пожалел.

— Присаживайтесь, говорит, ко мне на одно колесо, все легче ехать.

— Да нет, говорит, мерси.

— Ну, так, говорит, давайте тогда пакет. Кладите

263

мне на колени, не стесняйтесь. Все легче будет стоять.

Нет, видит, и пакета не отдает. Или пугается, чтоб не упер. Или еще что.

Глянул на нее Володя Завитушкин еще раз и прямо обалдел. «Господи, думает, какие миловидные барышни в трамваях ездют».

Едут так они две остановки. Три. Четыре. Наконец видит Завитушкин, — барышня к выходу тискается. Тоже и Володька встал. Тут у выхода, значит, у них знакомство и состоялось.

(М. Зощенко)

6

Царские сапоги

В этом году в Зимнем дворце разное царское барахлишко продавалось. Музейный фонд, что ли, этим торговал... Я не знаю кто.

Я с Катериной Федоровной Коленкоровой ходил туда. Ей самовар нужен был на десять персон.

Самовара, между прочим, там не оказалось. Или царь пил из чайника, или ему носили из кухни в каком-нибудь граненом стакане, я не знаю, только самовары в продажу не поступили.

Зато других вещей было множество. И вещи действительно все очень великолепные. Разные царские портьеры, бордюры, разные рюмочки, плевательницы, сорочки и другие разные царские штучки. Ну прямо глаза разбегаются, не знаешь, за что схватиться и какую вещь приобрести.

Тогда Катерина Федоровна на свободные деньги купила, вместо самовара, четыре сорочки из тончайшего мадаполама. Очень роскошные. Царские.

Я же вдруг увидел в описи сапоги. Русское голенище, восемнадцать целковых.

Я сразу спросил у артельщика, который торговал:

— Какие это сапоги, любезный приятель?

Он говорит:

— Обыкновенно какие — царские.

— А какая, говорю, мне гарантия, что это царские? Может, говорю, какой-нибудь капельдинер трепал, а вы их вместо царских выдаете. Это, говорю, нехорошо, неприлично.

— Тут кругом все имущество царской фамилии. Мы, говорит, дерьмом не торгуем.

— Покажи, говорю, товар.

Поглядел я сапоги. Очень мне ужасно понравились. И размер подходящий. И такие они не широкие, узенькие, опрятные. Тут носок, тут каблук. Ну прямо цельные сапоги. И вообще мало ношенные. Может, только три дня царь их носил. Подметка еще не облупилась.

(М. Зощенко)

7

Последний черт

Дед ходил за дикой малиной на Глухое озеро и вернулся с перекошенным от страха лицом. Он долго кричал по деревне, что на озере завелись черти. В доказательство дед показывал порванные штаны: черт якобы клюнул деда в ногу, порвал рядно и набил на колене большую ссадину.

Деду никто не верил. Даже сердитые старухи шамкали, что у чертей отродясь не было клювов, что черти на озерах не водятся и, наконец, что после революции чертей вообще нет и быть не может — большевики извели их до последнего корня. <...>

Деду не верили еще и потому, что он был чужак и неудачник. Звали деда «Десять процентов». Кличка эта была для нас непонятна.

— За то меня так кличут, милок, — объяснил однажды дед, — что во мне всего десять процентов прежней силы осталось. Свинья меня задрала. Ну и была ж свинья — прямо лев! Как выйдет на улицу, хрюкнет — кругом пусто! Бабы хватают ребят, кидают в избу. Мужики выходят во двор не иначе как с вилами, а которые робкие, те и вовсе не выходят. Прямо турецкая война! Крепко дралась та свинья!

Ну слухай, что дальше было. Залезла та свинья ко мне в избу, сопит, зыркает на меня злым глазом. Я ее, конечно, ткнул костылем. «Иди, мол, милая, к лешему, ну тебя!» Тут оно и поднялось! Тут она на меня и кинулась! Сшибла меня с ног; я лежу, кричу в голос, а она меня рвет, она меня терзает! Васька Жуков кричит: «Давай пожарную машину, будем ее

водой отгонять, потому ныне убивать свиней запрещено!» Народ толчется, голосит, а она меня рвет, она меня терзает! Насилу мужики меня цепями от нее отбили. В больнице я лежал. Доктор прямо удивился. «От тебя, говорит, Митрий, по медицинской видимости, осталось не более как десять процентов». Теперь так и перебиваюсь на эти проценты. Вот она какая, жизнь наша, милок! А свинью ту убили разрывной пулей: иная ее не брала!

(К. Паустовский)

8

Родственница

В катафалке, который я все время называю автобусом, неожиданно оказалось трое пассажиров. Третьей была бабка-лифтерша. Пока я ходил давать указания шоферу, потому что твердо решил, что не останусь на поминки, а махну сразу на работу, пока Федя подсаживал в сверкающий лимузин моложавую тещу, пахнущую «Мажи нуар» («Черная магия»), и ее приятельницу, пахнущую «Ша нуар» («Черная кошка»), — каждая по-своему отстаивала свою индивидуальность, — тихая лифтерша вскарабкалась в пахнущий дезинфекцией автобус и села у закрытого гроба по-други, сложив на коленях руки, как старая Парка.

Автобус тронулся. Ни один путь так не долог, как путь на кладбище. Тут познаешь и бесконечность городских пространств, и истинную медлительность времени. Но самое удивительное, что ты никак не можешь сосредоточиться на первопричине горестной поездки. Сколько раз вот так же, провожая близких на кладбище, я ловил себя на том, что сознание не в состоянии фиксировать только одно. Ты держишь перед собой в уме лицо усопшего, перебираешь его добрые дела и весь известный его жизненный путь, ты думаешь о жизненном пороге, который каждый из нас когда-нибудь переступит, но постепенно все мысли сворачиваешь на себя, на свое жизненное и духовное устройство, на тот быт, который остался после усопшего, и иногда ловишь себя на совсем подлых мыслях: «Как же теперь наследники будут делить книги? Кто останется жить в квартире?» И это дале-

ко не самое мерзкое, что приходит в голову, и ты, отряхиваясь, как птица от дождя, снова пытаешься погрузиться в пристойные, подходящие случаю раздумья.

Мы сидели с Федей друг против друга, немного наклонясь, чтобы при необходимости придержать на неровностях дорог гроб. Впереди, через весь автобус, очень независимо, обгоняя по пути машины, тормозя на перекрестках и вообще без рефлексий по поводу особенностей груза, сидела заячья шапка, с прямой спиной и массой сдерживаемой энергии.

(С. Есин)

125. В приводимых ниже текстах определите соотношение языка рассказчика и языка персонажей.

Тупейный художник

* * *

Моего младшего брата нянчила высокая, сухая, но очень стройная старушка, которую звали Любовь Онисимовна. Она была из прежних актрис бывшего орловского театра графа Каменского. <...>

Она нас водила гулять на кладбище к Троице, садилась здесь всегда на одну простую могилку с старым крестом и нередко что-нибудь мне рассказывала. <...>

Вот один из таких ее рассказов о тупейшике Аркадии, чувствительном и смелом молодом человеке, который был очень близок ее сердцу.

* * *

<...> Деревенский же брат графа был еще некрасивее городского. <...>

Приезжает он в Орел, позвал к себе городских цирюльников и говорит:

— Кто из вас может сделать меня наподобие брата моего графа Каменского, тому я два золотых даю, а на того, кто обрежет, вот два пистолета на стол кладу. Хорошо сделаешь — бери золото и уходи, а если обрежешь один прыщик или на волосок бакенбарды не так проведешь, — то сейчас убью.

А все это пугал, потому что пистолеты были с пустым выстрелом.

В Орле тогда городских цирюльников мало было, да и те больше по баням только с тазиками ходили — рожки да пиявки ставить, а ни вкуса, ни фантазии не имели. Они сами это понимали и все отказались «преображать» Каменского. «Бог с тобою, — думают, — и с твоим золотом».

— Мы, — говорят, — этого не можем, что вам угодно, потому что мы за такую особу и притронуться недостойны, да у нас и бритов таких нет, потому что у нас бритвы простые, русские, а на ваше лицо нужно бритвы аглицкие. Это один графский Аркадий может.

Граф велел выгнать городских цирюльников по шествиям, а они и рады, что на волю вырвались, а сам приезжает к старшему брату и говорит:

— Так и так, брат, я к тебе с большой моей просьбой: отпусти мне перед вечером твоего Аркашку, чтобы он меня как следует в хорошее положение привел. Я давно не брился, а здешние цирюльники не умеют.

Граф отвечает брату:

— Здешние цирюльники, разумеется, гадость. Я даже не знал, что они здесь и есть, потому что у меня и собак свои стригут. А что до твоей просьбы, то ты просишь у меня невозможности, потому что я клятву дал, что Аркашка, пока я жив, никого, кроме меня, убирать не будет. Как ты думаешь — разве я могу мое же слово перед моим рабом переменить?

Тот говорит:

— А почему нет: ты постановил, ты и отменишь.

А граф-хозяин отвечает, что для него этакое суждение даже странно.

— После того, — говорит, — если я сам так поступать начну, то что же я от людей могу требовать? Аркашке сказано, что я так положил, и все это знают, и за то ему содержание всех лучше, а если он когда дерзнет и до кого-нибудь, кроме меня, с своим искусством тронется, — я его запорю и в солдаты отдам.

Брат и говорит:

— Что-нибудь одно: или запорешь, или в солдаты отдашь, а водвою вместе это не сделаешь.

— Хорошо, — говорит граф, — пусть по-твоему: не запорю до смерти, то до полусмерти, а потом сдам.

— И это, — говорит, — последнее твое слово, брат?

— Да, последнее.

— И в этом только все дело?

— Да, в этом.

— Ну, в таком разе и прекрасно, а то я думал, что тебе твой брат дешевле крепостного холопа. Так ты слова своего и не меняй, а пришли Аркашку ко мне моего пуделя остричь. А там уже мое дело, что он сделает.

* * *

— Постучали мы в дом и взошли в сени. Отворил сам священник, старый, приземковатый, одного зуба в переднем строю нет, и жена у него старушка старенькая — огонь вздула. Мы им оба в ноги кинулись.

«Спасите, дайте обогреться и спрячьте до вечера».

Батюшка спрашивает:

«А что вы, светы мои, со сносом или просто беглые?»

Аркадий говорит:

«Ничего мы ни у кого не унесли, а бежим от лютости графа Каменского и хотим уйти в турецкий Хрущук, где уже немало наших людей живет. И нас не найдут, а с нами есть свои деньги, и мы вам дадим за одну ночь переночевать золотой червонец и перевенчаться три червонца. Перевенчать, если можете, а если нет, то мы там, в Хрущук, окрутимся».

Тот говорит:

«Нет, отчего же не могу? я могу. Что там еще в Хрущук везть. Давай за все вместе пять золотых, — я вас здесь окручу».

И Аркадий подал ему пять золотых, а я вынула из ушей камариновые серьги и отдала матушке.

Священник взял и сказал:

«Ох, светы мои, все бы это ничего — не таких, мне случалось, кручивал, но нехорошо, что вы графские. Хотя я и поп, а мне его лютости страшно. Ну, да уж пускай, что Бог даст, то и будет, — прибавьте еще лобанчик хоть обрезанный и прячьтесь».

Аркадий дал ему шестой червонец, полный, а он тогда своей попадьей говорит:

«Что же ты, старуха, стоишь? Дай беглянке хоть свою юбчонку да шушунчик какой-нибудь, а то на нее смотреть стыдно, — она вся как голая».

* * *

И как въехал в это время в ворота навозник Филипп, я и говорю ему:

«Филюшка, батюшка! не слыхал ли, про что это люди идут да так любопытно разговаривают?»

А он отвечает:

«Это,— говорит,— они идут смотреть, как в Пушкарской слободе постоянный дворник ночью сонного офицера зарезал. Совсем,— говорит,— горло перехватил и пятьсот рублей денег с него снял. Поймали его, весь в крови,— говорят,— и деньги при нем».

И как он мне это выговорил, я тут же бряк с ног долой...

(Н. Лесков)

Олеся

* * *

Было серенькое теплое утро. Уже несколько раз принимался идти крупный, короткий, благодатный дождь, после которого на глазах растет молодая трава и вытягиваются новые побеги. После дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостным сверканием облитую дождем молодую, еще нежную зелень сиреней, сплошь наполнявших мой палисадник; громче становился задорный крик воробьев на рыхлых огородных грядках; сильнее благоухали клейкие коричневые почки тополя. Я сидел у стола и чертил план лесной дачи, когда в комнату вошел Ярмола.

— Есть врядник,— проговорил он мрачно. <...>

Урядник сам правил лошадью, занимая своим чудовищным телом, облеченным в серую шинель щегольского офицерского сукна, оба сиденья.

— Мое почтение, Евпсихий Африканович! — крикнул я, высовываясь из окошка.

— А-а, мое почтение-с! Как здоровьице? — отозвался он любезным, раскатистым начальническим барионом.

Он сдержал мерина и, прикоснувшись выпрямленной ладонью к козырьку, с тяжеловесной грацией наклонил вперед туловище.

— Зайдите на минуточку. У меня к вам делишко одно есть.

Урядник широко развел руками и затряс головой.

— Не могу-с! При исполнении служебных обязанностей. Еду в Волошу на мертвое тело — утопленник-с.

Но я уже знал слабые стороны Евпсихия Африкановича и потому сказал с деланным равнодушием:

— Жаль, жаль... А я из экономии графа Ворцеля добыл пару таких бутылочек...

— Не могу-с. Долг службы...

— Мне буфетчик по знакомству продал. Он их в погребе, как детей родных, воспитывал... Зашли бы... А я вашему коньку овса прикажу дать.

— Ведь вот вы какой, право,— с упреком сказал урядник.— Разве не знаете, что служба прежде всего?.. А они с чем, эти бутылки-то? Сливянка?

* * *

В моей комнате я застал конторщика соседнего имения — Никиту Назарыча Мищенку. Он был в сером пиджачке с огромными рыжими клетками, в узких брючках василькового цвета и в огненно-красном галстуке, с припомаженным пробором посередине головы, весь благоухающий персидской сиренью. Увидев меня, он вскочил со стула и принялся расшаркиваться, не кланяясь, а как-то ломаясь в поясице, с улыбкой, обнажавшей бледные десны обеих челюстей.

— Имею честь кланяться,— любезно тараторил Никита Назарыч.— Очень приятно увидеться... А я уж тут жду вас с самой обедни. Давно я вас видел, даже соскучился за вами. Что это вы к нам никогда не заглянете? Наши степаньские барышни даже смеются с вас.

И вдруг, подхваченный внезапным воспоминанием, он разразился неудержимым хохотом.

— Вот, я вам скажу, потеха-то была сегодня! — воскликнул он, давась и прыская.— Ха-ха-ха-ха... Я даже боки рвал со смеху!..

* * *

Я с изумлением поднял голову. Неясное предчувствие вдруг медленно сжало мое сердце.

— Последние дни, Олеся? Почему — последние? Зачем же нам расставаться?

Олеся закрыла глаза и несколько секунд молчала.

— Надо нам проститься с тобой, Ванечка,— заговорила она решительно.— Вот как только чуть-чуть поправляюсь, сейчас же мы с бабушкой и уедем отсюда. Нельзя нам здесь оставаться больше...

Александр
Иванович
Куприн
(1870—1938)

— Ты боишься чего-нибудь?
— Нет, мой дорогой, ничего я не боюсь, если понадобится. Только зачем же людей в грех вводить? Ты, может быть, не знаешь... Ведь я там... в Переброде... погрозила со зла да со стыда... А теперь чуть что случится, сейчас на нас скажут: скот ли начнет падать, или хата у кого загорится,— все мы будем виноваты. Бабушка,— обратилась она к Мануйлихе, возвышая голос,— правду ведь я говорю?

— Чего ты говорила-то, внученька? Не расслышала я, признаться! — прошамкала старуха,

подходя поближе и приставляя к уху ладонь.

— Я говорю, что теперь, какая бы беда в Переброде ни случилась, все на нас с тобой свалят.

— Ох, правда, правда, Олеся,— все на нас, горемычных, свалят... Не жить нам на белом свете, изведут нас с тобой, совсем изведут, проклятики... А тогда, как меня из села выгнали... Что ж? Разве не так же было? Погрозила я... тоже вот с досады... одной дурище полосатой, а у нее — хват — ребенок помер. То есть ни сном ни духом тут моей вины не было, а ведь меня чуть не убили, оканные... Камнями стали шибать... Я бегу от них, да только тебя, малолетку, все оберегаю... Ну, думаю, пусть уж мне попадет, а за что же дитю-то неповинную обижать?.. Одно слово — варвары, висельники поганые!

* * *

Над моей кроватью стоял Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу и нетерпеливое ожидание: должно быть, он уже давно дожидался здесь моего пробуждения.

— Паныч,— сказал он своим тихим голосом, в котором слышалось беспокойство.— Паныч, треба вам отсюда уезжать...

Я свесил ноги с кровати и с изумлением поглядел на Ярмолу.

— Уезжать? Куда уезжать? Зачем? Ты, верно, с ума сошел?

Павел Петрович Кирсанов.
Иллюстрация художника П. М. Боклевского
к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети». 1870-е гг.

10 Горшков

Павел Петрович Кирсанов.
Иллюстрация художника К. И. Рудакова
к роману И. С. Тургенева «Отцы и дети». 1946—1947 гг.

Крымский пейзаж.
Акварель художника-поэта М. А. Волошина. 1925 г.

Свидание.
Иллюстрация художников Кукрыниксов
к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой». 1945—1946 гг.

Приезд Анны Сергеевны в Москву.
Иллюстрация художников Кукрыниксов
к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой». 1945—1946 гг.

Осень.
Картина художника И. И. Шишкина. 1892 г.

Купчиха.
Картина художника Б. М. Кустодиева. 1915 г.

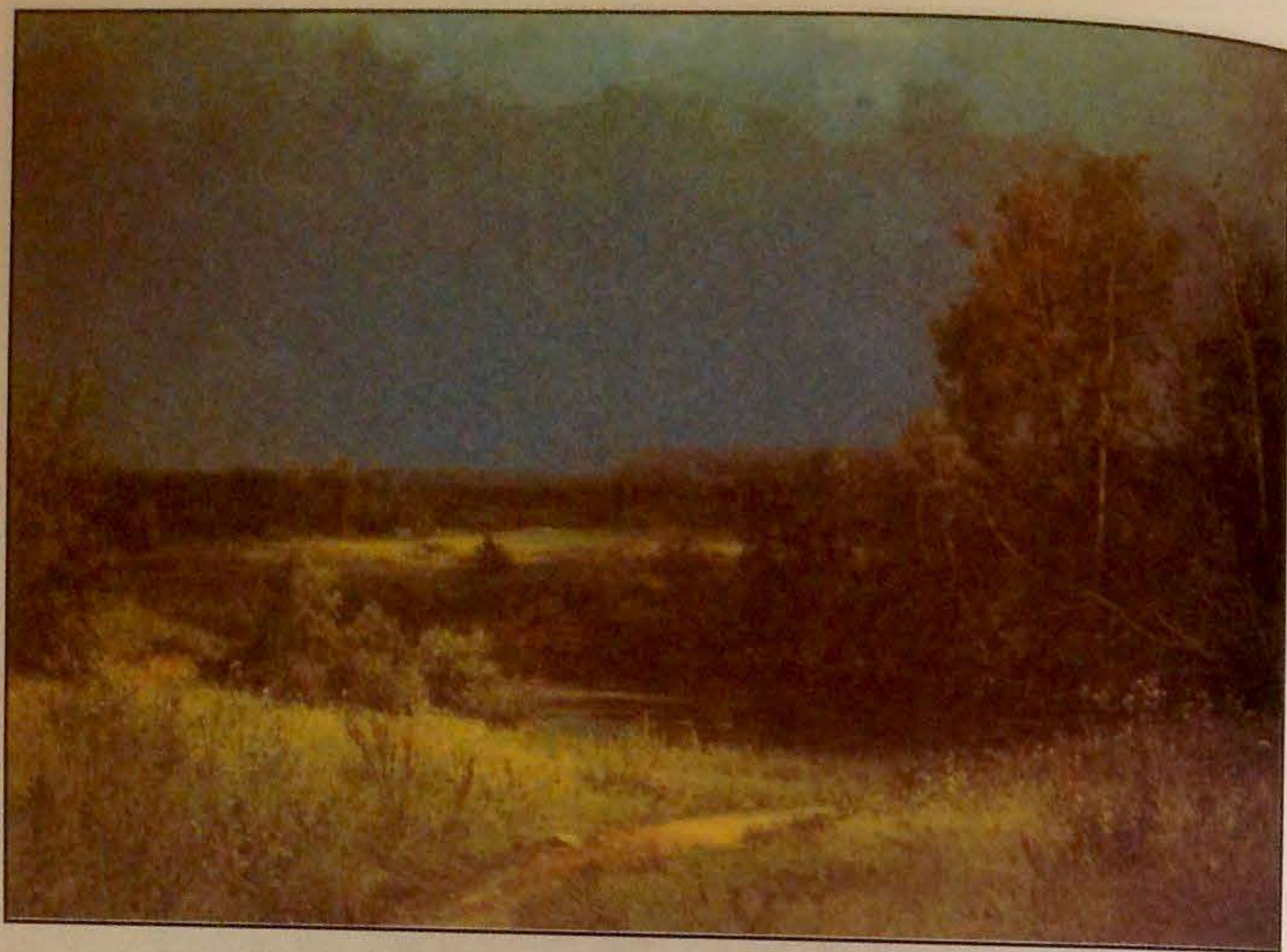

Иллюстрация художников А. Ковалева и Г. Буреева
к сказу П. П. Бажова «Серебряное копытце». 1979 г.

Перед грозой.
Этюд художника Ф. А. Васильева. 1867—1869 гг.

Перед грозой.
Картина художника И. И. Шишкина. 1884 г.

Суд Пугачева.
Иллюстрация (левая сторона) художника С. В. Герасимова
к повести Пушкина «Капитанская дочка». 1950 г.

Суд Пугачева.
Иллюстрация (правая сторона) художника С. В. Герасимова
к повести Пушкина «Капитанская дочка». 1950 г.

— Ничего я с ума не сходил, — огрызнулся Ярмола. — Вы не чули, что вчерашний град наробил? У половины села жито, как ногами, потоптано. У кривого Максима, у Козла, у Мута, у Прокопчуков, у Гордия Олефира... наслала-таки шкodu ведьмака чертова... чтоб ей сгинуть!

Мне вдруг, в одно мгновение, вспомнился весь вчерашний день, угроза, произнесенная около церкви Олесея, и ее опасения.

— Теперь вся громада бунтуется, — продолжал Ярмола. — С утра все опять перепились и орут... И про вас, паньчу, кричат недоброе... А вы знаете, яка у нас громада?.. Если они ведьмакам що зробят, то так и треба, то справедливое дело, а вам, паньчу, я скажу одно — утекайте скорейше.

(А. Куприн)

126. Вспомните в картину Б. Кустодиева «Купчиха» (см. цветную вклейку). Можно ли говорить о сходстве героини рассказа И. Бунина «Убийца» (см. текст в упр. 120) с образом, созданным Б. Кустодиевым? Внимательно сопоставьте детали (подробности) в словесном описании и живописном изображении, отметьте, что совпадает, что не совпадает. Не забудьте и об «общем впечатлении», которое оставляют бунинская «вдова молодая, богатого купеческого рода» и кустодиевская «Купчиха».

Видоизменения авторского повествования

127. В предлагаемых ниже отрывках из прозаических художественных произведений выявите случаи субъективации авторского повествования. Определите приемы субъективации, укажите признаки, на основании которых вы определяете тот или иной прием.

1

Черт, перелетев через шлахбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы. Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырех сторон; до-

мы росли и будто подымались из земли, на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, униженными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, досягая головою труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные, огненные очи и глядели. Господ, в крытых сукном шубах, он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдет по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стеклами, те, когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, еще и больше».

(Н. Гоголь. Ночь перед Рождеством)

2

Стало слышно, как под ногами шедшего шуршала трава и потрескивал бурьян, но за светом костра никого не было видно. Наконец раздались шаги вблизи, кто-то кашлянул; мигавший свет точно расступился, с глаз спала завеса, и подводчики вдруг увидели перед собой человека. <...>

В руках он держал что-то большое, белое и на первый взгляд странное, а из-за его плеча выглядывало дуло ружья, тоже длинное.

Попав из потемок в световой круг, он остановился как вкопанный и с полминуты глядел на подводчиков так, как будто хотел сказать: «Поглядите, какая у меня улыбка!» Потом он шагнул к костру, улыбнулся еще светлее и сказал:

— Хлеб да соль, братцы!

— Милости просим! — ответил за всех Пантелей. Незнакомец положил около костра то, что держал в руках — это была убитая дрохва, — и еще раз поздоровался.

(А. Чехов. Степь)

3

Вдруг над самой головой его со страшным, оглушительным треском разломалось небо; он нагнулся и притаил дыхание, ожидая, когда на его затылок и спину посыпятся обломки. <...>

«Трах! тах! тах! — понеслось над его головой, упало под воз и разорвалось. — Ррра!»

Глаза опять нечаянно открылись, и Егорушка увидел новую опасность: за возом шли три громадных великана с длинными пиками. Молния блеснула на остриях их пик и очень явственно осветила их фигуры.

То были люди громадных размеров, с закрытыми лицами, поникшими головами и с тяжелой поступью. Они казались печальными и унылыми, погруженными в раздумье. Быть может, шли они за обозом не для того, чтобы причинить вред, но все-таки в их близости было что-то ужасное. <...>

Егорушка открыл глаза. Внизу около воза стояли Пантелей, треугольник-Емельян и великаны. Последние были теперь много ниже ростом и, когда взглянул в них Егорушка, оказались обыкновенными мужиками, державшими на плечах не пики, а железные вилы. В промежутке между Пантелеем и треугольником светилося окно невысокой избы. Значит, обоз стоял в деревне.

(А. Чехов. Степь)

4

Складками подтянули снизу оба паруса, ветер теперь упирал в них меньше, бот выпрямился. Цыбин оглянулся на ёлу: она шла ровно, спокойно, она так же, как Цыбин, знала, что все будет хорошо.

Ветер сейчас ударил только один раз и где-то сзади присел, затих, паруса повисли. Но кругом, сколько видно глазу, всюду мчались по черной воде белые гребешки. Торопясь, наскакивая друг на дружку, они неслись, как перепуганное, почуявшее опасность стадо. Быстро, лихорадочно стучал в тишине мотор. Над крышкой опять высунулось круглое лицо Клауса. Он поглядел в небо, что-то по-норвежски сказал брату, Олафу. <...>

Очень близко от себя Цыбин увидел Олафа, лицо у мальчика было совсем белое. Он пальцем показывал куда-то через плечо Цыбина, губы его шевелились, но слов не было. Цыбин оглянулся. Море под ними как будто провалилось, осело, и другое море катилось на них высокой, как дом, стеной, с черной верхушки сплевывалась белая пена.

(Е. Замятин. Ёла)

Евгений Иванович
Замятин
(1884—1937)

Юрий Николаевич
Тынянов
(1894—1943)

5

Он [Николай I] прекрасно знал город как стратегический пункт. С того времени, когда в городе случились неприятные беспорядки при его восшествии, он привык по-разному относиться к частям города. Так, например, не любил Гороховой улицы, не ездил по Екатерингофскому проспекту и всегда подозревал Петербургскую часть. Прекрасно зная план своей столицы, он, однако, выезжая, испытывал иногда чувство удивления, как улицы в их грубом пригородном начертании, усеянные постороннею толпою и зрителями, мало походили на план. Любил поэтому знакомые места — Миллионную, правильный Невский проспект, бранное, упорядоченное Марсово поле.

С Васильевским островом мирился за его немецкий и забавный вид — там жили большею частью булочники и аптекари. Он помнил водевиль на театре Александрины, этого, как его... Каратыгина, где очень смешно выводился немец, певший о квартальном надзирателе:

И по плечу потрепетал.

Он тогда сказал Каратыгину: очень неплохо.

— Недурные водевили сейчас даются на театре. Глаз да глаз.

А до таможни проездиться по Невскому проспекту. Прошедшие два офицера женируются и не довольно ловки.

Фрунт, поклоны. Вольно, вольно, господа.
Ах, какая! — в рюмочку, и должна быть розовая...
Ого!

Превосходный мороз. Мой климат хорош. Движение на Невском проспекте далеко, далеко зашло. В Берлине Linden — шире? Нет, не шире. Фридрих — решительный дурак, жаль его.

Поклоны; чья лошадь? Жидимировского?

Вывески стали писать слишком свободно. Что это значит: «Le dernier cri de Paris. Modes». Глупо! Сказать!

Кажется, литератор... Соллогуб... На маскараде у Елены Павловны? Куда бы его деть? На службу, на службу, господа!

У Гостиного двора неприличное оживление, и даже забываются. Опомнились наконец. А этот так и не кланяется. Статский и мерзавец. Кто? Поклоны, поклоны; вольно, господа.

(Ю. Тынянов. Малолетний Витушишников)

6

Помывшись, Настена вернулась домой, прибрала при лампе перед зеркалом волосы и сказала старикам, что пойдет посидеть к Надьке, с которой будто бы ходила в баню. К Надьке Настена и правда заскочила, но ненадолго и без всякого дела, лишь бы показаться на глаза. Она торопилась обратно в баню. Тихонько, по-воровски, подкралась к двери, опасаясь, что опоздала, и прислушалась, нет ли кого внутри, потом осторожно вошла. Баня еще не выстыла, и, чтобы не взопресть, Настена пристроилась на порожке. Если кто и появится, она успеет подняться и посторониться, а пока оставалось только ждать.

Из деревни доносились последние слабые голоса, лай собак, затем все стихло. На Ангаре изредка с тугим бегущим звоном покалывало лед, да вздыхала, остывая, баня. Настена сидела в полной темноте, едва различая окошко, и чувствовала себя в оцепенении маленькой несчастной зверюшкой. Что бы человеку здесь среди ночи делать? Она попыталась о чем-нибудь думать, что-нибудь вспомнить и не смогла: то, что просто было среди людей, здесь оказалось невозможным.

Позже, когда от двери стало сильно поддувать, она перешла на лавку.

Видно, она все-таки задремала, потому что не слышала шагов. Дверь вдруг открылась, и что-то, задевая ее, шебурша, полезло в баню. Настена вскочила.

— Господи! Кто это, кто? — крикнула она, обмирая от страха.

Большая черная фигура на мгновение застыла у двери, потом кинулась к Настене.

— Молчи, Настена. Это я. Молчи.

В деревне взнялись и затихли собаки.

(В. Распутин. Живи и помни)

7

Дослушал песню Кузьма, и защемило у него сердце: захотелось, чтобы дядя Вася был живой. Чтобы и он послушал дивную песню. И... взглянуть бы ему в глаза... Хоть раз, один-единственный раз. Понял бы дядя Вася, что в общем-то трудно Кузьме живется, слишком необъятный у него путь на земле и слишком нравятся ему люди. Порой трудно глаза поднять на человека, — потому что человек до боли хороший. Много, очень много надо сделать для этих людей, а он пока ничего не сделал. И не знает, как сделать. Иногда ему даже казалось, что с подлыми жить легче. Их ненавидеть можно — это проще. А с хорошими — трудно, стыдно как-то. Дядя Вася... он понял бы. Он много понимал. Со школой — это он правильно задумал. За это можно смотреть в глаза хорошим людям. А паразиты убили его... змеи подколодные.

(В. Шукшин. Любавины)

8

<...> Молодой парняга, заплетаясь ногами, прошел мимо Родионцева, всего лишь в шаге. Качнуло налево, затем направо — правый кач одолел, и качающийся малый отплыл куда-то в темноту.

Впрочем, едва глаза во тьме пригляделись, Родионцев вновь его видит: проделав с десятков шагов, пьяный и добродушный молодой человек в хорошем костюме, выкрикнув: «Зызы-вездочка-а-а!» — упал, то есть, правильнее сказать, рухнул и однако же не лег, а каким-то образом уселся на земле, мотнув растрепанной беловолосой головой.

Улица тиха. Ночь. Деревья стоят редко, одинокие и разлапистые. Родионцев идет своей дорогой и ловит себя на том, что завидует этому юнцу, который сел у стены дома, вытянув длинные ноги прямо на асфальте, — сказать точнее, он завидует его молодости. Заснул малый — и все тут дела. Ничего не боится. Родионцев даже слышал, как он сопел.

Но вот в прогале перекрестка — а его, перекресток, уже и искал глазами уходящий Родионцев — мелькает машина, сначала легковая с зеленым глазком, но таксист тут же и развернулся, как бы испугавшись тьмы, умчал, а взамен, тьмы и ночи не испугавшись, въезжает машина поболее легковой, со специальным кузовом. В таких ли машинах забирают (собирают) в вытрезвитель или не в таких, в темноте угадать трудно, умеренный по части пьянства Родионцев не все знает, однако у него хватает ума, как у всякого пожилого человека, догадаться: да, сейчас заберут. Неужели?.. Отошедшего уже сравнительно далеко, его охватывает вдруг интерес, род любопытства.

Родионцев оглядывается: тот и не шевельнулся — сидит, как сидел, на асфальте, спиной к стене дома. Издали этот пьяненький и сидящий юнец похож на полураскрытый перочинный ножик (сравнение из ночных), светлая голова свешена на грудь — в порядке мальчик, ничего не скажешь. Родионцев, и сам пьяненький, хихикает и топчется на перекрестке, как вдруг охватывает страх: а если заберут и его? Руки, ноги немеют, сдвинуться он не может, и только стучит лихорадочная мысль: нет, нет, нет, к сидящему тому он отношения не имеет, мало ли кого и зачем он здесь на перекрестке ждет. <...>

Женщина засмеялась, мягким спокойным голосом она говорит: не оправдывайтесь, чудак вы, ей-богу!

— Нет. П-послушайте... М-меня л-любили, а теперь н-не любят.

— Ну и прекрасно, — говорит женщина. — Теперь вы сами по себе.

— Чт-то?

— Теперь сами по себе. Свободны.

— Д-да?

— Да.

Родионцев улыбается: свободен от свиты, это же замечательная мысль! Это же очень умно!.. Он начи-

нает что-то восторженно бубнить, но такси, вдруг возникнув, подъезжает и увозит эту добрую, веселую женщину. Конечно, она как-то слишком быстро уехала, могла бы спросить, не по пути ли, и даже подвезти его, Родионцева, хотя бы до более освещенных улиц, тоже могла. Но нельзя требовать от одного человека слишком много. Доброта не должна быть слишком большой нагрузкой. Нет, какая же это была добрая и замечательная женщина и какие же добрые и замечательные были ее слова.

(В. Маканин. Человек свиты)

128. Определите виды стилизации (то есть какие стили явились предметом стилизации в каждом случае) в стихотворных произведениях и отрывках из художественной прозы. Укажите признаки, на основании которых вы относите стилизацию к тому или иному виду.

1

Что не конский топ, не людская молвь,
Не труба трубача с поля слышится,
А погодушка свищет, гудит,
Свищет, гудит, заливаётся.
Зазывает меня, Стеньку Разина,
Погулять по морю, по синему:
«Молодец удалой, ты разбойник лихой,
Ты разбойник лихой, ты разгульный буян,
Ты садись на ладьи свои скорые,
Распусти паруса полотняные,
Побеги по морю, по синему.
Пригоню тебе три кораблика:
На первом корабле красно золото,
На втором корабле чисто серебро,
На третьем корабле душа-девица».

(А. Пушкин)

2

Кто на снегах возрастил Феокритовы нежные розы?
В веке железном, скажи, кто золотой угадал?
Кто славянин молодой, грек духом, а родом германец?
Вот загадка моя: хитрый Эдип, разреши!

(А. Пушкин)

3

Отцы пустынноики и жены непорочны,
Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
Сложили множество божественных молитв;
Но ни одна из них меня не умиляет,
Как та, которую священник повторяет
Во дни печальные Великого поста;
Всех чаще мне она приходит на уста
И падшего крепит неведомою силой:
Владыко дней моих! дух праздности унылой,
Любоначалия, змеи сокрытой сей,
И празднословия не дай душе моей.
Но дай мне зреть мои, о Боже, прегрешенья,
Да брат мой от меня не примет осужденья,
И дух смирения, терпения, любви
И целомудрия мне в сердце оживи.

(А. Пушкин)

4

Не напрасно мы читали богословов
и у риториков учились мы недаром,
мы знаем значение каждого слова
и все можем толковать седмиобразно.
Могу найти четыре добродетели в твоём теле
и семь грехов, конечно;
и охотно возьму себе блаженства;
но из всех слов одно неизменно:
когда смотрю в твои серые очи
и говорю: «Люблю» — всякий ритор
поймет только «люблю» — и ничего больше.

(М. Кузмин)

5

Я молодой, я бедный юноша,
Я Бога боюсь,
Я пойду да во пустыню
Богу помолюся.
Молодое мое тело
Постом утрудити,
Мои глазоньки пресветлы
Слезам затмити.

И срублю я во пустыне
Себе тесну келью,
Стану жить я во пустыне
С дивными зверями.

.....
Не попомню сладких брашен,
Одежд многоцветных,
Не взыщу я питей пьяных,
Друзей прелюбезных.
Дерева вы, деревочки,
Мои братцы милы,
А береза белоножка —
Дорога сестрица.
О прекрасная пустыня,
Мати всеблагая,
Приими свое ты чадо
В свои сладки недра!

(М. Кузмин)

6

Выступил Долгорукий:

— Государь! Ведомо было покойному боярину Пафнутию, что, взяв от него с Разбойного — вот он тут, Иван Петрович Квашнин, — отпустил бунтовщика на волю, бунтовщик же оный много трудов стоил боярину Киврину, и считал боярин долгом бороться Русию от подобных злодеев. Сие и пришел поведать тебе, великий государь, перед смертью старец и мне о том доводил. Печалуясь, сказывал покойный, что недугование его пошло от той заботы великой. И я, государь, с конным дозором стрельцов по тому делу ночь изъездил, а разбойник, атаман соляного бунта, великий государь, утек, не пытан, не опрошен, все по воле боярина Ивана Петровича...

— Так ли, боярин?

— Оно так и не так, государь! А чтоб было все ведомо тебе и не во гнев, государь, то молвлю — беру на себя вину. Разю, есаула зимовой донской станицы, отпустили без суда, государь, ибо иман он был в Разбойной боярином Кивриным незаконно...

Квашнин переглянулся с Морозовым.

Морозов сказал:

— Есаула Разю, великий государь, спустил не Иван Петрович, а я!

— Ты, Иваныч?

— Я, государь! А потому спустил его, что на Дону по нем могло статься смятение. Что Разя был в солейном бунте атаманом, то оное не доказано и ложно... Не судили в ту пору, не имали, нынче пойман без суда, и отписку решил покойный дать тебе, великий государь, по сему делу после пытошных речей и опроса. Где то и когда видано? Что он был в поимке оного бунтовщика на Дону и многое отписал по скорости ложно — всех казаков не можно честь бунтовщиками. Теперь и прежь того, при твоём родителе, государь, донцы и черкасы служили верно, верных выборных посылали в Москву, а что молодняк бунтует у них, так матерые казаки умеют ему укорота дать... Вот пошто спустил я Разю, вот пошто стою за него: незаконно и не доказано, что он вор.

(А. Чапыгин. Разин Степан)

7

Я — вождь земных царей и царь, Ассаргадон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Едва я принял власть, на нас восстал Сидон.
Сидон я ниспроверг и камни бросил в море.

Египту речь моя звучала, как закон,
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг свой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!

Кто превзойдет меня? кто будет равен мне?
Деянья всех людей — как тень в безумном сне,
Мечта о подвигах — как детская забава.

Я исчерпал до дна тебя, земная слава!
И вот стою один, величьем упоен,
Я вождь земных царей и царь — Ассаргадон.

(В. Брюсов)

Алексей Павлович
Чапыгин
(1870—1937)

Войска прошли через Москву в Преображенское. Вскорости туда приказано было съезжаться боярам для сидения. На большой Думе, где, противно всем обычаям, присутствовали иноземцы, генералы, адмиралы и инженеры, Петр мужественным голосом сказал боярам:

— Понеже фортуна скрозь нас бежит, которая никогда так близко на юг не бывала: блажен, кто хватает ее за волосы. Посему приговорите, бояре: разоренный и выжженный Азов благоустроить вновь и населить войском немалым, да неподалеку оттуда, где заложена мною крепость Таганрог, сию крепость благоустроить и населить же... И еще потребно, — аще нам способнее морем воевать, нежели сухим путем, — построить морской караван в сорок али более того судов... Корабли делать со всей готовностью, с пушками и мелким ружьем, как быть им на войне. И делать их так: патриарху и монастырям с восьми тысяч крестьянских дворов — корабль. Боярам и всем чинам служилым с десяти тысяч крестьянских дворов — корабль. Гостям и гостиной сотне, черным сотням и слободам сделать двенадцать больших кораблей. И посему боярам, и духовным, и служилым людям, и торговым составить кумпанства, сиречь товарищества, и быть всех кумпанств тридцать пять...

Бояре так и приговорили, хоть у многих глаза повывезли и шубы вспотели. Кумпанства велено составить к декабрю под страхом отписки вотчин, поместий и дворов на государя. Каждому кумпанству, кроме русских плотников и пильщиков, держать на свой счет иноземных мастеров, переводчиков, кузнецов добрых, одного резчика, и одного столяра, и одного живописца, и лекаря с аптекой.

(А. Н. Толстой. Петр I)

129. Рассмотрите отрывки из двух записанных Б. Шергиным сказов — «Пинежский Пушкин» и «Пушкин архангелогородский». Происхождение первого сказа таково: зимой 1934/35 г. Шергин читал и рассказывал о Пушкине в квартире пинежанки С. И. Черной. Затем Черная и ее гости, особенно А. В. Щеголева (сумская поморка), отразили слышанное, своеобразно воспринятое

и понятное, в собственных ярких пересказах, репликах, афоризмах. Они и послужили Б. Шергину материалом для компоновки «Пинежского Пушкина». А основой для «Пушкина архангелогородского» послужили рассказы жительницы Архангельска М. Э. Генрихсен, отец которой, аптекарь Эдуард Генрихсен, в молодости часто встречался с Пушкиным.

Вспомните, что в употреблении языка выделяются три стороны (что сообщается, кто сообщает, кому сообщается), соотношение которых является одним из важных факторов, влияющих на словесную организацию текста (см. § 134 учебника «Русская словесность»). Какие из этих трех сторон наиболее сближаются, а какие наиболее различаются в двух сказах о Пушкине? И соответственно какие черты языкового выражения сближают, а какие различают пинежский и архангелогородский сказы?

Пинежский Пушкин

Царь-то хоть бравой, как сунут кол, как палка прям, а плоть-та обленилась — дак все нова надо. Царь, а вот что проделывал!

Он Пушкина женочку прилюбовал на гулянках. Самому ей доступать неприлично, приезжего кавалера и нанял. Ему от дела тысячу посулил. Чуть Дантест через порог, царь навстречу бежит:

— Наташу видел ли? Давно ли видел? В гости-то сулилась ли?

<...> Укладываются с Дантестом:

— Женку мы его урвали, теперь надо самого убить. А не убить, дак от него быть убитым. Кто его, смутьяна, хлопнет, тот у меня первым генералом будет.

Этот кавалер побродяга был всемирна, бесстрашна. Всю жизнь с пистолетами промышлял.

Пушкин этот заговор знал, высказал Дантесту при народе:

— Мне с тобой говорить не с кем... Бесчестно мне о тебе рук марать, да уж негде деться, выходи на прямой бой...

Тут была беда месяца января в двадцать девятой день. Белы снеги кровию знаменуются. Не в городе, не в поле: в пусте месте четыре человека приходили, четыре ружья приносили. Учинился дым с огнем на обе стороны. Где Пушкин — тут огнем одено, где Дан-

тест — тут как дым. Царски полаты затряслися, царь с вельможами, по ямам сидя, выглянуть не смеют.

Кавалер-от был стрелять горазд, пустил пулю не в очередь, отшиб звезду от месяца, убил соловья в саду. Упал наш Олександрюшко, за елочку захватился:

— Рости, рости, елочка, без верха; живи, живи, Россиюшка, без меня!

Ударила Пушкину пуля под сердце, прошла меж крыл. Пал на белы снеги, честным лицом о сыру землю. Пал, да и не встал. Который стоял выше всех, тот склонился ниже всех...

Кровь-то рекой протекла кругом града. Не могли семь ден из реки воду пить.

...Он выкушал смертную чашу, зачал с белым светом расставаться:

— Прости, красное солнце; прости, мать сыра земля и все на тебе живущие. Я в мире сем положен был как знамя на стреляние, летели на меня стрелы от всех сторон. Мне в миру было место не по чину. Я неволей пил горьку смертную чашу...

Жене сказал:

— Я устал, дак рад спокою-то. В день моего покоя не плачь.

<...> Где в Пушкина стреляли, теперь там пусто место безугодно; ничего не растет, только ветер свистит.

Пушкин поминал:

— Буду сказывать, дак вы забудете. Я в книгу свой ум спишу.

Он многих людей в грамоту завел. В каждом доме Пушкин сердце всем веселит речью своей и письмом.

Егово письмо как вешна вода. Его стихам нет конца. Сотворена река, она все течет — как Пушкин. Землю он посетил да напоил. Что на свете есть, у него все поется.

Пушкин с ласковым словом приходил. Он как летний ветер, хоть и бухат, да теплой...

Сын дню, дитя свету, Пушкин малыми днями велико море перешел. Ему уж не будет перемены.

Пушкин архангелогородский

Вот на этаким балу, у государя императора во дворце, не где-нибудь в кузнечевском... «Новом Свете» (дом свиданий в старом Архангельске), Пуш-

кин вошел в буфет без оповедания, а Дантес поит Натали из покала неучтивым образом.

Я Ольге Эрастовне (артистке О. Э. Озаровской, известной собирательнице северного фольклора) эти папенькины воспоминания передавала, она утверждает, что Натали с Дантесом Николай Первый в своих целях сводил: «Пушай, — говорит, — дураки друг друга ухлопают, мне красotka достанется».

Я прежде в это не вникала, но Ольга Эрастовна представила неопровержимые доказательства.

По всему видать, что Пушкин знал, что Дантес не более как подставна фигура из дворца, иначе бы он его давно на дуэль вызвал. Но уж тут — забыты все соображения:

— Несчастливая, уйдем! Сей дом — вертеп разврата! Не медли долее в сих ужасных стенах!.. — Вот его подлинные слова. Кричит в горести сердца; кругом придворные лица и чины.

Сей страх недолго продолжался, за ним последовал другой, ужаснее сего. Пушкин стал с Дантесом ополчаться на поединок, при этом Нева и дворцы одеваются тьмою. Поэт высказал друзьям:

— Всему решение приближается! Завтра он пошлет меня к Харону в гости.

...Стрелялся смело и небоязненно и поражен был смертоносною пулею. До исхода прекрасной своей души был в памяти.

— Сколько поплачут обо мне в хижинах, а во дворце рады моему концу.

...Да, умер в цветущих годах. Говорят, матери поэта предсказали еще до рождения его: проживет недолго и будет торжествовать в веках.

Папенька всегда говорил:

— Пушкин привел отечественную литературу в такое состояние, что она приобрела удивление целого света. Будущие после нас люди могут умнее быть, науки выше теперешнего состояния могут вознестись, но в поэтах выше Пушкина не будет.

С папенькой мы не спорили, но нет сомнения, что и в новейшие времена такие же великие сочинители быть могут, да и подлинно есть, каковые в прежние времена бывали.

130. С записями устных сказов, сделанными Б. Шергиным, сравните «литературные сказы», отрывки из которых приводятся ниже. Проследите, какими языковыми средствами реализуется «установка на чужую речь», в чем проявляется «двуголосость», «скрепление двух голосов» (автора и рассказчика) в каждом из отрывков, какой из «голосов» и как выдвигается на первый план. Охарактеризуйте образы рассказчиков, созданные в каждом из сказов языковыми средствами. Обязательно ли «голос» рассказчика в сказе должен быть устным?

1

В обители, в иночестве, отрешенная от мира и от своей воли ради духовного своего восприемника, Анна, нареченная при постриге Аглаей, пробыла тридцать три месяца. На исходе же тридцать третьего — преставилась.

Как жила она там, как спасалась, о том, за давностью времени, в полноте никому не ведомо. Но все же кое-что в народной памяти осталось. Шли однажды бабы-богомолки из разных и дальних краев в тот лесной край, где родилась Анна. Встретился им у речки, через которую им нужно было переправиться, привычный скиталец по святым местам. <...>

— Пребывание ее было, ох, недолгое! — сказал он. — Жалко, говорите, такой красоты и младости? Нам-то, глупым, понятно, жалко. Да, видно, отец Родион хорошо знал, что делает. Он ведь и со всеми таков бывал — и ласков, и кроток, и радостен, и настойчив до беспощадности, с Аглаей же особенно. <...> Но я вам гораздо больше скажу: за великое ее смирение, за неглядение на мир земной, за молчание и непосильное трудничество он совершил неслыханное: на исходе третьего года ее подвига он посхимил ее, а потом, по молитве и святому размышлению, призвал ее к себе в единый страшный час — и повелел кончину принять. Да, так прямо и молвил ей: «Счастье мое, приспела твоя пора! Останься во моей памяти столь же прекрасною, как стоишь ты в сей час передо мной: отойди ко Господу!» И что ж вы думаете? Через сутки она и преставилась. Слегла, запылала огнем — и кончилась. <...> А все же, бабочки, есть как-то каверзный, бесий слух, что умирать ей не хотелось, ох, как еще не хотелось-то! Отходя в такой младости

и в такой красоте, со всеми, говорят, в слезах она прощалась, всем говорила громко: «Простите меня!» Напоследок же закрыла глаза и раздельно молвила: «И тебе, мати-земля, согрешила есмь душой и телом — простишь ли меня?» А слова те страшные: припадая челом ко земле, их читали в покаянной молитве по Древней Руси за вечерней под Троицу, под языческий русальный день.

(И. Бунин. Аглая)

2

Даренка и думает:

«Не козел ли тот вчерашний прибежал?»

И до того ей захотелось поглядеть, что и страх не держит. Отворила дверку, глядит, а козел — тут, вовсе близко. Правую переднюю ножку поднял — вот топнет, а на ней серебряное копытце блестит, и рожки у козла о пяти ветках. Даренка не знает, что ей делать, да и манит его, как домашнего:

— Ме-ка! Ме-ка!

Козел на это как рассмеялся. Повернулся и побежал.

Пришла Даренушка в балаган, рассказывает Муренке:

— Поглядела я на Серебряное копытце. И рожки видела, и копытце видела. Не видела только, как тот козлик ножкой дорогие камни выбивает. Другой раз, видно, покажет.

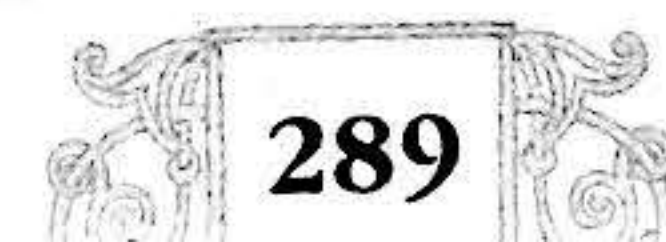
Муренка знай свою песенку поет:

— Пр-правильно говоришь. Пр-правильно.

Третий день прошел, а все Коковани нет. Вовсе затуманилась Даренка. Слезки запokaпывали. Хотела с Муренкой поговорить, а ее нет. Тут вовсе испугалась Даренушка, из балагана выбежала кошку искать.

Ночь месячная, светлая, далеко видно. Глядит Даренка — кошка близко на покосном ложе сидит, а перед ней козел. Стоит, ножку поднял, а на ней серебряное копытце блестит.

Муренка головой покачивает, и козел тоже. Будто разговаривают. Потом стали по покосным ложкам бегать. Бежит-бежит козел, остановится и давай копытцем бить. Муренка подбежит, козел дальше отскочит и опять копытцем бьет. Долго они так-то по покосным ложкам бегали. Не видно их стало. Потом опять к самому балагану воротились.

Тут вспрыгнул козел на крышу и давай по ней серебряным копытцем бить. Как искры, из-под ножек — камешки посыпались. Красные, голубые, зеленые, бирюзовые — всякие.

К этой поре как раз Кокованя и вернулся. Узнать своего балагана не может. Весь он как ворох дорожных камней стал. Так и горит-переливается разными огнями. Наверху козел стоит — и все бьет да бьет серебряным копытцем, а камни сыплются да сыплются. Вдруг Муренка скок туда же. Встала рядом с козлом, громко мяукнула, и ни Муренки, ни Серебряного копытца не стало.

(П. Бажов. Серебряное копытце)

3

Штрафников было двенадцать человек. Их собрали с разных каунасских лагерей и вот теперь отправляли в Латвию. В вагоне расселись кто как мог. Места было достаточно. Коренастый курносый парень, роясь в карманах штанов в надежде «найти хоть одну махорчинку», как он сам пояснил, рассказывал, не особенно обращая внимания на то, слушают его или нет:

— Завел он всех в лес — а ить нас батальон полный! — и говорит: «Сымай шинели!» Ладно, сняли. Он опять говорит: «Примыкай штыки!» Примкнули. «Неожиданным ударом, — говорит, — отбить Петровскую!» Ну, и пошли мы, значит. К деревне этой по лошине ить надо было, а ветер — спасу нима, ноябрь потому был... Хрицы, знать, спали ишшо, не рассвело как надоть, и не видали нас. Эх, как закричали все «ура» — аш земля загудела — и пошли!.. Винтовка у меня об десяти патрон была, штык ишшо на ей такой, как ножик, каким свиней режут. Да-а. И вот аказия какая! Спят, черти, они в подштанниках! У нас ба, к примеру, за спанье в подштанниках на передовой —

Константин
Дмитриевич
Воробьев
(1919–1975)

трибунал! а им — хоть ба хны!.. Я себе тоже бегу и «ура» кричу, потому не боязно и все кричат, и вижу: из машины, што стояла под поветью хаты, выпрыгнул хворменно одетый, при хвурашке, и то туда, то суда обкружится, а не бегит. Оробел вконец, знать, дурак... Я эта к ему, а он бултых на коленки! <...> Дай, думаю, загляну в автанабил, потому интересна. Полез. Гляжу — кулечки, коробочки какие-то... Разорвал одну — баночки такие зелененькие посыпались, номер на их стоит, как на нашем питаке. Да-а... Перервал пополам — цыгареты! Э, думаю, стоп! Ну, понятна, взял только шесть штук баночек, потому трахвейное все одно што казенное. И все.

(К. Воробьев. Это мы, Господи!..)

4

<...> Но вот уж то, что гибло в безымянном озере бессчетное количество народу и животных, — это такой ясный и неоспоримый факт, такая верная историческая и статистическая справка, что от нее довольно трудно отмахнуться...

И зимой тонули, и летом, и весной, и осенью.

Известно, что крутили в этом озере воду таинственные водовороты.

Таинственность их заключалась прежде всего в том, что никак не держались водовороты на месте: сегодня здесь крутит, завтра там, а послезавтра вообще черт его знает где.

И угадать даже не пытались. Портки кинут в высокие травы и ну купаться, а потом портки кто-нибудь чужой уж в дом приносит и до порога еще шапку снимает. И родные плачут-заливаются.

А если у рыбака (а их раньше много водилось на озере) лодка крепкую течь дает, то тоже — пиши пропало. К берегу гребет он, ан — не гребется, чудесно и не гребется. В лодке воды все прибывает. Глядишь, а челн уж и на дно пошел. Рыба пойманная, которая живая — вся на глубину хвостом виляет, а которая дохлая — та кверху пузом, а рыбачок вроде бы к берегу саженками наяривает, а тут опять же круговерт водяная в силу вступает, и гибнет человеке беспощадно и до конца.

А к осени все больше утки губили. Особенно собак. Охотник хлоп со ствола. Утка на воду хляп. Собака

за ней хлюп. И ни утки, ни собаки. Один охотник изумленный в скрадке на плотике чумает, и дым у него со стволов сизыми кольцами выходит.

<...> Ясно, что такое озеро быстро стало немило невзвидовцам, и они постепенно вообще перестали с ним дело иметь, а когда из села уехали все вольные рыбаки, кто в Улан-Удэ, а кто еще и подальше, на Чукотку, то и вовсе об этом естественном водоеме люди стали начисто забывать, и тут-то вот и наступил затяжной период дискретности поколений.

А тем временем озеро, скрытое от глаз и мыслей людских завесой нелюбопытства, стало мелеть, хиреть и постепенно окончательно испарилось, как испаряется постепенно весь Мировой океан.

<...> И если разобраться в том факте, что озеро никогда никого не отпускало и высохло в конце концов, то, ведь если разобраться по уму, там должны были оказаться на высохшем дне всякие кости, угли, неизвестные отложения и, может быть, даже небольшое месторождение какого-нибудь полезного ископаемого, связанное с костными остатками.

Нету. Был я там. <...>

И решил я эту темную историю записать, потому что рассказываю я ее, рассказываю людям, а народ-то сейчас такой пошел: возьмет кто-нибудь да и опубликует всю озерную трагедию в газетах и журналах и, самое главное, получит еще причитающийся явно мне гонорар, если, конечно, на нашей одной шестой планеты или даже на остальных пяти шестых еще выдают деньги за подобные небылицы, хотя, как я это специально подчеркиваю, вся вышеизложенная история являет собой чистую правду до последней буквы, а вовсе не ложь.

(Е. Попов. Было озеро)

131. Рассмотрите пародии из знаменитого сборника литературных пародий «Парнас дыбом», который вышел впервые в 1925 г. с подзаголовком «Про: козлов, собак и Веверлеев». Этот сборник вошел в историю отечественной пародии и в последние десять лет неоднократно был переиздан. Ниже приведено несколько пародий из цикла «Козлы» (на тему песенки «Жил-был у бабушки серенький козлик...»). Определите, какие типичные черты стиля, языковые особенности или характерные выражения из отдель-

ных произведений пародируемых авторов утрированно воспроизводят пародисты. Чем пародия отличается от стилизации?

И. А. Крылов

У старой женщины, бездетной и убогой,
Жил козлик серенькой, и сей четвероногой
В большом фаворе у старушки был.
Спал на пуху, ел сытно, пил допьяна,
Вставал за полдень, а ложился рано:

Ну, словом, жил

И не тужил.

Чего же более? Но вот беда —
Мы жизнью недовольны никогда:
Под сению дерев на вольной воле
Запала мысль козлу прогулку совершить,
И, не раздумывая доле,
В соседний лес козел спешит.
Он только в лес — а волк из лесу шаст!
В глазах огонь, раскрыл грозящу пасть —
И от всего козла осталось немножко:
Лишь шерсти клоч, рога да ножки.

Сей басни смысл не трудно угадать:
Не бегай в лес, коль дома благодать.

Козьма Прутков

Некая старуха к серому козлику любовью воспылала и от одного Козлова присутствия весьма большое удовольствие получала.

Реченный же козлик, по природе своей весьма легковострен будучи и по младости лет к прыжкам на вольном воздухе склонность имея, в лес от старухиных прелестей умчался. А как известно, в лесу волки серые обитая и духу козьего не вынося, козлику тому внезапную смерть учинили. Старухе же ножки козлиные и рожки козлиные же в презент оставили.

Алексей Ремизов

Смрад от козла пошел.

Пахкий, жеглый смрад. Заегозила старуха: «Ух, хорошо. Люблю».

А козел бычится, копытом в брюхо: «Уйду я от

тебя, наядила ты мне. В лесу шишки сосновые, дух земный, ярый».

Убег,

копытами зацыкал, аж искры пых, пых.

А в лесу волк сипит, хорхает, хрюкает, жутко, жумно, инда сердце козлятье жахкает.

Заскрыжил волк зубом; лязгавый скрип, как ржа на железе.

Хрякнул,

хрипнул,

мордой в брюхо козлятье вхлюпнулся, — кровь тошная, плевкая, липкая.

Гонит старуха, рыдом ревет, рожки да ножки козлятьи собирает,

тонкие, неумные...

Владимир Маяковский

Скрипела старуха,

телега словно,

кха,

кхо,

кхе,

кхи.

Великолепно мною уловлены
старухины все грехи.

Дряной старухиной

хаты возле

разрушенный

был

хлев.

Маленький, миленький серенький козлик
валялся там на земле.

Вздумалось козлику в лес погуляти —
какое же дело мне.

Но я, старуха,

аккумулятор

загубленных козбих дней.

А мне, козлы, те, кого обидели,

всего роднее и ближе.

Видели,

как собака бьющую руку лижет?

Напали на козлика серые волки,
душу кровью облив.

Встала дыбом

испуганным, колким

седая щетина земли.

Остались бабушке рожки да ножки.

Теперь ей козе какой?

В алтаре

альтами

звезды

крошки

со свя-ты-ми у-по-кой!

Марина Цветаева

Вчера лишь нежила козла, —

Слиянье черного и белого,

А нынче я уж не мила —

«Мой козлик, что тебе я сделала?»

Вчера еще в ногах лежал,

Взаимно на него глядела я,

А нынче в лес он убежал —

«Мой козлик, что тебе я сделала?»

И серым волком в злом бору

Похищенное, похищенное,

Ты, счастье мое, ни тпру,

Ни ну — сожратое, сожрѐнное.

И только ножки да рога,

Вот — ножки да рога успела я

Прибрать от зверского врага —

«Мой козлик, что тебе я сделала?»

Как жить теперь — в сухом огне?

Как в степь уйти заледенелую?

Вот что ты, козлик, сделал мне!

«Мой козлик, что тебе я сделала?»

132. Сопоставьте сказ Бажова «Серебряное копытце» (см. задание 130 и иллюстрацию к нему художников А. В. Ковалева и Г. К. Буреева (см. цветную вклейку)). Каких персонажей, какие сцены, какие подробности сказа изобразили иллюстраторы? Насколько соответствует стилизованная, выполненная в условно-сказочной манере иллюстрация содержанию, композиции и особенностям языкового выражения сказа Бажова?

би, и натюкала на корову. Почти одна же, потому что от девчонки на двенадцатом году пользы немного, сгребла, стаскала в копны, а сметать под запал, из уважения и удивления к Вериному упрямству, помог после общей работы народ. И хоть после метки выставила баба угощение, ясно было, что не ради него колхозом навалились на Верино сенцо люди, а ради нее, решившейся наперекор всему и в укор всем им не попуститься коровой, отстоять свое право на собственное, непокупное молоко для ребятишек.

4

Катерина, примирившаяся с потерей своей избы, не могла простить Петрухе того, что он жжет чужие. Весь день после разговора с Клавкой она ахала со стыдом и страхом:

— Ой, какой страм! Ой, страм какой! Он че, сам-дели последнюю голову потерял?! Как он после того в глаза людям хочет смотреть?! Как он по земле ходить хочет? О-ё-ёй!

Днем Дарья, и сама возмущаясь Петрухой, поддакивала:

— Нашел все ж таки по себе работенку. А то никак не мог сыскать. Ну дак: жегчи — не строить. Соломки подложи, спичку чиркнул, от той же спички ишо папирёсу запалил, и грейся — куды тебе с добром! Подволошна — деревня большая, версты на три, однако что, растянулась... Там ему работенки хватит.

Но Катерина не успокаивалась, и вечером, когда улеглись, Дарья на ее причитанья сказала:

— Че ты расстоналась? Че ты себя так маешь? Не знала ты, ли че ли, какой он есть, твой Петруха? Али только он один у тебя такой? Мы с тобой на мельницу ходили, ты рази не видала сколь их там было? Скажи им: хлеб убрать, али избы жегчи — кто на поле-то останется? Заладила: страм, страм... Не он, дак другой бы сжег. Свято место пусто не бывает — прости, Господи!

134. Рассмотрите несколько примеров, в которых содержатся замечания, определяющие способ, манеру словесного выражения. Придумайте собственные примеры с этими замечаниями.

Благодаря исключительности своего положения, своей фактической независимости, Хорь говорил со мной о многом, чего из другого рычагом не выворотить, как выражаются мужики, жерновом не вымелеть. (И. Тургенев)

Выражаясь высоким штилем, вижу, что мое земное турне окончено. (А. Куприн)

<...> Видом невзрачный, отрепанный, даже, просто сказать, чудной. (И. Бунин)

Когда Сергей Леонидович, то бишь директор «Технопроекта», совершает визит-наезд или, скажем визит-наскок (тут разница), он едет не просто так, а, как говорили в старину, обуреваемый чувствами. (В. Маканин)

Витя узнал, что такое любовь Риты, или, говоря языком грамматического разбора предложения, то, чем она может быть выражена. (В. Крупин)

135. Вспомните или придумайте другие возможные замечания (вводные словосочетания, вводные предложения), определяющие особенности словесного выражения, и составьте примеры, которые содержали бы эти замечания. Проследите, чтобы способ выражения, стиль ваших примеров соответствовал данной в замечаниях характеристике.

136. Сопоставьте словарную статью «Гроза» из энциклопедического словаря и описание грозы из повести Чехова «Степь». Какие характерные черты грозы, указанные в энциклопедии, отражены и в художественном изображении? Какими словесными средствами они выражены в том и другом текстах? В чем главное отличие словесной организации научного и художественного текста?

Из энциклопедического словаря

Гроза — атмосферное явление, вызываемое бурной конденсацией водяного пара и сопровождаемое электрическими разрядами (молниями). Образование грозы связано с развитием сильных вертикальных токов воздуха (конвекции) и мощных кучево-дождевых (грозовых) облаков и сопровождается внезапными и обильными осадками (дождь, град, крупа, гораздо реже снег).

Конвекция развивается вследствие: сильного нагревания воздуха у земной поверхности, особенно при слабых ветрах; натекания холодного воздуха на потенциально более теплый слой; подтекания холодного воздуха под более теплый и влажный воздух в связи с подъемом последнего. <...>

Первым признаком приближения грозы служит появление мощных кучево-дождевых облаков. Ветер усиливается и сначала дует в сторону, откуда надвигается гроза, затем направление ветра постепенно меняется, например, с юго-запада на запад и далее на север, т. е. по часовой стрелке. Барометр медленно падает, затем делает характерный скачок вверх («грозовой нос»). <...>

До сих пор еще нет окончательной схемы образования грозы, в частности, не выяснен полностью вопрос о происхождении грозового электричества. В атмосфере возможен ряд процессов, приводящих к электризации капель воды и кристаллов льда и к разделению образующихся разноименных зарядов. <...>

Одновременно с накоплением объемных зарядов в облаке возникает электрическая индукция между различными уровнями в облаках и между нижней границей облаков и земной поверхностью.

В результате создается рост градиента электрического потенциала, оканчивающийся, при достаточной его величине, разрядом — молнией.

Степь

Между далью и правым горизонтом мигнула молния и так ярко, что осветила часть степи и место, где ясное небо граничило с чернотой. Страшная туча надвигалась не спеша, сплошной массой; на ее краю висели большие черные лохмотья; точно такие же лохмотья, давя друг друга, громоздились на правом и на левом горизонте. Этот оборванный, разлохмаченный вид тучи придавал ей какое-то пьяное, озорническое выражение. Явственно и не глухо проворчал гром. Егорушка перекрестился и стал быстро надевать пальто. <...>

Вдруг рванул ветер и с такой силой, что едва не выхватил у Егорушки узелок и рогожу; встрепенув-

шись, рогожа рванулась во все стороны и захлопала по тюку и по лицу Егорушки. Ветер со свистом понесся по степи, беспорядочно закружился и поднял с травой такой шум, что из-за него не было слышно ни грома, ни скрипа колес. Он дул с черной тучи, неся с собой облака пыли и запах дождя и мокрой земли. Лунный свет затуманился, стал как будто грязнее, звезды еще больше нахмурились, и видно было, как по краю дороги спешили куда-то назад облака пыли и их тени. Теперь, по всей вероятности, вихри, кружась и увлекая с земли пыль, сухую траву и перья, поднимались под самое небо, вероятно, около самой черной тучи летали перекасти-поле, и как, должно быть, им было страшно! Но сквозь пыль, залеplявшую глаза, не было видно ничего, кроме блеска молний.

<...> Загремел сердито гром, покотился по небу справа налево, потом назад и замер около передних подвод.

— Свят, свят, свят, господь Саваоф, — прошептал Егорушка крестясь, — исполнь небо и земля славы твоя...

Чернота на небе раскрыла рот и дыхнула белым огнем; тотчас же опять загремел гром; едва он умолк, как молния блеснула так широко, что Егорушка сквозь щели рогожи увидел вдруг свою большую дорогу до самой дали, всех подводчиков и даже Кирюхину жилетку. Черные лохмотья слева уже поднимались кверху, и одно из них, грубое, неуклюжее, похожее на лапу с пальцами, тянулось к луне. Егорушка решил закрыть крепко глаза, не обращать внимания и ждать, когда все кончится.

Дождь почему-то долго не начинался. Егорушка в надежде, что туча, быть может, уходит мимо, выглянул из рогожи. Было страшно темно. Егорушка не увидел ни Пантелея, ни тюка, ни себя; покосился он туда, где была недавно луна, но там чернела такая же тьма, как и на возу. А молнии в потемках казались белее и ослепительнее, так что глазам было больно.

— Пантелей! — позвал Егорушка.

Ответа не последовало. Но вот наконец ветер в последний раз рванул рогожу и убежал куда-то. Послышался ровный, спокойный шум. Большая холодная капля упала на колено Егорушки, другая поползла по руке. Он заметил, что колени его не прикрыты, и хо-

тел было поправить рогожу, но в это время что-то посыпалось и застучало по дороге, потом по оглоблям, по тюку. Это был дождь. Он и рогожа как будто поняли друг друга, заговорили о чем-то быстро, весело и препротивно, как две сороки.

<...> Небо уже не гремело, не грохотало, а издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки.

«Тррах! тах, тах! тах!» — явственно отчеканивал гром, катился по небу, спотыкался и где-нибудь у передних возов или далеко сзади сваливался со злобным, отрывистым — «трра!...».

(А. Чехов)

137. Внимательно рассмотрите репродукции этюда «Перед грозой», исполненного Ф. А. Васильевым в 1867—1869 гг., и картины И. И. Шишкина «Перед грозой», написанной в 1884 г. (см. цветную вклейку). Какие черты научного словесного описания грозы можно найти в воспроизводимых произведениях художников? Что связывает эти произведения живописи с художественным словесным изображением и что отсутствует в научной характеристике грозы?

138. Определите, какова роль в создании образности приведенных ниже текстов «металогических» и «автологических» словесных средств.

1

Вчера я приехал в Пятигорск, нанял квартиру на краю города, на самом высоком месте, у подошвы Машука: во время грозы облака будут спускаться до моей кровли. Нынче в 5 часов утра, когда я открыл окно, моя комната наполнилась запахом цветов, растущих в скромном палисаднике. Ветки цветущих черешен смотрят мне в окна, и ветер иногда усыпает мой письменный стол их белыми лепестками. Вид с трех сторон у меня чудесный. На запад пятиглавый Бешту синее, как «последняя туча рассеянной бури»; на север поднимается Машук, как мохнатая персидская шапка, и закрывает всю эту часть небосклона. На восток смотреть веселее: внизу передо мною песчистый, чистенький, новенький городок; шумят целебные ключи, шумит разноязычная толпа, — а там, даль-

ше амфитеатром громоздятся горы все синее и туманнее, а на краю горизонта тянется серебряная цепь снеговых вершин, начинаясь Казбеком и оканчиваясь двуглавым Эльборусом. — Весело жить в такой земле! Какое-то отрадное чувство разлито во всех моих жилах. Воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка; солнце ярко, небо синее, — чего бы, кажется, больше? — зачем тут страсти, желания, сожаления?

(М. Лермонтов. Княжна Мери)

2

Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волошки; желтый дрок выскакивал вверх своею пирамидальною верхушкою; белая кашка зонтикообразными шапками пестрела на поверхности; занесенный бог знает откуда колос пшеницы наливался в гуще. Под тонкими их корнями шныряли куропатки, вытянув свои шеи. Воздух был наполнен тысячею разных птичьих свистов. В небе неподвижно стояли ястребы, распластав свои крылья и неподвижно устремив глаза свои в траву. Крик двигавшейся в стороне тучи диких гусей отдавался бог знает в каком дальнем озере. Из травы подымалась мерными взмахами чайка и роскошно купалась в синих волнах воздуха. Вон она пропала в вышине и только мелькает одною черною точкою. Вон она перевернулась крылами и блеснула перед солнцем. Черт вас возьми, степи, как вы хороши!

(Н. Гоголь. Тарас Бульба)

3

Месяц зеркальный плывет по лазурной пустыне,
Травы степные унизаны влагой вечерней,
Речи отрывистей, сердце опять суеверней,
Длинные тени вдали потонули в ложбине.

В этой ночи, как в желаниях, все беспредельно,
Крылья растут у каких-то воздушных стремлений,
Взял бы тебя и помчался бы так же бесцельно,
Свет унося, покидая неверные тени.

Можно ли, друг мой, томиться в тяжелой кручине?
Как не забыть, хоть на время, язвительных терний?
Травы степные сверкают росой вечерней,
Месяц зеркальный бежит по лазурной пустыне.

(А. Фет)

4

Въехав в кусты, Хаджи-Мурат и его нукеры слезли с лошадей и, стреножив их, пустили кормиться, сами же поели взятого с собой хлеба и сыра. Молодой месяц, светивший сначала, зашел за горы, и ночь была темная. Соловьев в Нухе было особенно много. Два было и в этих кустах. Пока Хаджи-Мурат с своими людьми шумел, въезжая в кусты, соловьи замолкли. Но когда затихли люди, они опять защелкали перекликаясь. Хаджи-Мурат, прислушиваясь к звукам ночи, невольно слушал их.

И их свист напомнил ему ту песню о Гамзате, которую он слушал нынче ночью, когда выходил за водой. Он всякую минуту теперь мог быть в том же положении, в котором был Гамзат. Ему подумалось, что это так и будет, и ему вдруг стало серьезно на душе. Он разостлал бурку и совершил намаз. И едва только окончил его, как послышались приближающиеся к кустам звуки. Это были звуки большого количества лошадиных ног, шлепавших по трясине. Быстроглазый Хан-Магома, выбежав на один край кустов, высмотрел в темноте черные тени конных и пеших, приближавшихся к кустам. Ханефи увидал такую же толпу с другой стороны. Это был Карганов, уездный воинский начальник, с своими милиционерами.

«Что ж, будем биться, как Гамзат», — подумал Хаджи-Мурат.

(Л. Толстой. Хаджи-Мурат)

5

Как земледел над грудой веских зерен,
Отобранных к осеннему посеву,
Склоняется, обеими руками
Зачерпывая их, и весит в горсти,
Чуя
Их дух, их теплоту и волю к жизни,

И крестит их, —

так я, склоняясь над Русью,
Крещу ее — от лба до поясницы,
От правого до левого плеча
И, наклонясь, коленопреклоненно
Целую средоточье всех путей —
Москву.

(М. Волошин. Посев)

6

А вокруг дома, в усадьбе, все полно осенней прелести. В розовом саду квохчут сытые дрозды, стоит блаженная тишина, тепло, кротость, медленно падают легкие листья. На дворе сладко дремлют борзые. На желтом соломенном скате крыши сидят, хохлятся против солнца белоснежные голуби. Над людской избой буднично и спокойно тянется к бледно-голубому небу серый дымок, из ее раскрытых окон приятно пахнет кухонным чадом, слышны голоса и смех праздных работников, своим куреньем и бездельем раздражающих кухарку, обремененную большой и сложной стряпней на завтра.

(И. Бунин. К роду отцов своих)

7

В лакированном доме житейские грозы протекали бесшумно; тем не менее грозы житейские протекали здесь губительно: событиями не гремели они; не блистали в сердца очистительно стрелами молний; но из хриплого горла струей ядовитых флюидов вырывали воздух они; и крутились в сознании обитателей мозговые какие-то игры, как густые пары в герметически закупоренных котлах.

(А. Белый. Петербург)

8

Он лодку оттолкнул. На сером небе
Заметил я неясную фигуру.
Высокий, плоский берег только тучи
Давал мне видеть да пучки травы.
Его лицо наклонено ко мне...
Я пристально старался угадать,
Не тот ли он, о ком мне говорили.
Глаза смотрели смело и легко,

Прелестный рот, упрямый подбородок,
И ожидание далеких странствий,
Друзей, завоеваний и побед...

(М. Кузмин)

9

Край ты мой заброшенный,
Край ты мой — пустырь,
Сенокос некошенный,
Лес да монастырь.

Избы забоченились,
А и всех-то пять.
Крыши их запенились
В заревую гать.

(С. Есенин)

Покраснела рябина,
Посинела вода.
Месяц, всадник унылый,
Уронил повода.

Снова выплыл из рои
Синим лебедем мрак.
Чудотворные мощи
Он принес на крылах.

(С. Есенин)

10

Одинокая капля дождя отвесно упала в воду.
От нее пошли тонкие круги. Потом сразу вокруг нас
зашевелилась, зашептала трава, вся вода покрылась
маленькими кругами, и слабый, но внятный звон по-
плыл над омутом. Шел тихий теплый дождь.

Далеко в разрывах мягких туч светило широкими
лучами солнце, и степь дымилась и блестела. Силь-
нее запахи травы, хлеба и земля. Из-за бугра потя-
нуло парным молоком, — там паслось стадо.

— Гляньте, — сказал мне Федя, — так это же стек-
лянная трава!

Ворсистые стебли топтуна были сплошь покрыты
каплями дождя. И все это маленькое растение так
сверкало у наших ног, будто оно было действительно
сделано из хрусталя.

Спрятаться от дождя было негде, и мы сидели, на-
кинув на головы Федин ватник.

— Доброе лето! — серьезно сказал Федя.

Эти слова он, должно быть, слышал от кого-нибудь
из деревенских стариков. Лето было действительно
полно неуловимой доброты — и в легком шуме дож-
дей, и в запахе зреющей пшеницы — предвестнике
урожая.

(К. Паустовский. Воронежское лето)

11

Солнце низкое садится.
Вот оно в затон впилося
И оттуда длинной спицей
Протыкает даль насквозь.

И минуты две оттуда
В выбоины на дворе
Льются волны изумруда,
Как в волшебном фонаре.

.....

Парк преданьями состарен.
Здесь стоял Наполеон,
И славянофил Самарин
Послужил и погребен.

Здесь потомок декабриста,
Правнук русских героинь,
Бил ворон из монтекристо
И одолевал латынь.

Если только хватит силы,
Он, как дед, энтузиаст,
Прадеда-славянофила
Пересмотрит и издаст.

(Б. Пастернак. Старый парк)

139. Имея в виду известное высказывание Н. Гоголя
«Можно писать о яблоне с золотыми яблоками, но не
о грушах на вербе», проанализируйте строение «металогич-
ческих» образов в примерах.

1. Осознать космос культуры, в котором, как ядро,
плавает слово, — это и есть наука чтения.

2. Разгребая взглядом *пыль*, угнетающую *истину*,
мы узнаем их *силу*. (Местоимение *их* относится
к трем выделенным существительным.)

3. Мне приходилось видеть, как исторический
факт мотается на качелях субъективной логики, воз-
носясь на метафизические вершины и обрушиваясь
в бездонные пропасти объективного незнания.

4. Факт, взятый вне исторического контекста, превращается в мертвую игрушку ученых. Ибо факт — ядро эпохи, он живет в космосе обстоятельств своего времени, как земной шар в оболочке атмосферы.

5. Золотятся за штакетным забором шляпки подсолнухов, вздыбливаются зеленым извержением кусты сирени.

6. Его творческие и нравственные ориентиры были смещены беспощадным временем, порвавшим тонкие ризы культуры цепями варварства, сковавшими поэта.

7. Спазматическое косноязычие костенело остывающей лавой, пока недра вулкана согревались простым мычанием совести.

140. Рассмотрите средства создания образности в одной из «затесей» В. Астафьева и в одном из стихотворений А. Твардовского.

Хрустальный звон

Вышел утром на берег реки, а по ней звон, тонкий-тонкий, еле уловимый.

Не сразу понял, в чем дело: река уходила в зиму высокая, прибрежные кусты затоплены, ночью ударил заморозок — вода «подсохла», — и на всех веточках, побегах тальников и на затопленной осоке настало по ледышке. Висели они колокольцами над водой, струями шевелило тальники, льдинки позванивали едва внятно, а когда занимался ветерок, звон густел, угрюмая, бурная, все лето недовольно гудевшая река начинала искрить из конца в конец, открываясь добрым материнским ликом.

В тихом, отходящем звуке, в легком свечении пустынной, всеми забытой реки чудилась вроде бы даже покаянная виноватость — была вот все лето злая, мутная, неласковая, затопила птичьи гнезда, не оделила добычей рыбаков, не одарила радостью купальщиков, распугала с берега детей, отпускников...

Поздняя осень, чуть греющее позднее солнце, но сколько от него светлого свету! И чуть слышный хрустальный звон кругом, россыпь искрящихся колокольчиков над берегами — голос грустного предзимья по всему поднебесному миру.

* * *

Чуть зацветет иван-чай, —
С этого самого цвета —
Раннее лето, прощай,
Здравствуй, полдневное лето.

Липа в ночной полумгле
Светит густой позолотой,
Дышит — как будто в дупле
Скрыты горячие соты.

От перестоя трава
Никнет в сухом оперенье.
Как жестяная, мертва
Темная зелень сирени.

Где-то уже позади
День равноденствие славит.
И не впервые дожди
В теплой листве шепелявят.

Не пропускай, отмечай
Снова и снова на свете
Легкую эту печаль,
Убыли-прибыли эти.

Все их приветствуй с утра
Или под вечер с устатку...
Здравствуй, любая пора,
И проходи по порядку.

ТЕКСТЫ ДЛЯ ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

В. Распутин

Наташа

Недавно я лежал в больнице в большом чужом городе, где мне сделали операцию, по моим ощущениям, довольно неприятную, которая прошла, однако, удачно и обошлась благополучно. Но не о том речь... Там, в больнице, я снова встретил Наташу.

«Снова встретил» — это так и не так. То, о чем я хочу рассказать, есть странное соединение сна, может быть, даже не одного сна, с реальностью, которая придала этой истории законченный, хоть и не вполне разгаданный, оставшийся, пожалуй, еще более таинственным, смысл. Но все разгадать нельзя, да и не надо: разгаданное скоро становится ненужным и умирает; погубив таким образом немало самого замечательного в своем мире и нисколько этим не обогатившись, мы снова с детской непосредственностью и необремененностью потянулись к предчувствиям и ко всему тому, что к ним близко.

Я увидел Наташу, кажется, на третий день моей больничной жизни. Почему не утром, когда медсестры заступают на дежурство, и не в течение долгого и однообразного дня, как удалось мне за весь этот день не столкнуться с Наташей и дотянуть до вечера, не знаю, тут что-то было особое. Как обычно, перед отбоем дежурный врач обходил больных, его сопровождала по своему блоку медсестра. Я уже лежал в постели, читал, когда они вошли: плотный, с густым голосом, излишне энергичного вида мужчина на исходе молодости, которую он старательно оберегал, и совсем еще

молоденькая девушка, рослая и пухлая, но в пухлости своей какая-то вся аккуратная, без излишеств, и заманчивая, словно бы так с самого начала и задуманная, с широким, мягким, цветущим добротой лицом, встретив которое даже где-нибудь в Австралии или Новой Зеландии можно без опаски заговаривать по-русски. Это и была Наташа. Войдя и увидев меня, она вдруг покраснела и смутилась. Я заметил это, а она заметила, что я заметил, и смутилась еще пуще. Отвечая на обычные вопросы врача о самочувствии, я наблюдал потихоньку за пытающейся скрыться за его спиной и никак не помещающейся за ней девушкой и узнавал ее все больше и больше. Не было никаких сомнений, что я прежде встречал ее, сталкивался не в уличной сутолоке, когда раз мелькнувшее лицо может надолго зацепиться в памяти, а в общении, вовсе не случайном и не пустяковом для меня, которое должно было выйти из привычного порядка вещей. Но что это такое было, как ни напрягал я память, все же не вспомнил. Уходя, Наташа не выдержала и в дверях, пропустив вперед врача, оглянулась с робкой и обнадеживающей улыбкой, словно подтверждая, что да, я не ошибся и это она и есть.

Все последующие дни превратились для меня в мучения. Я вспоминал и не мог вспомнить, и чем старательнее перебирал я все, что случилось со мной в последние годы, тем большую чувствовал безнадежность. Где-то это было не там, что-то не оттуда. Наташа, казалось, ждала, тайком посматривая на меня с терпением и укором, но только поднимал я на нее глаза, ищущие вольную или невольную подсказку, она тотчас убирала свои и смущалась. Эта способность смущаться и краснеть, нынче почти изжитая в девушках, настолько была в ней приятна и естественна и так к ней шла, ко всему ее крупному лицу и крупной фигуре, что после первого удивления Наташу и представить нельзя было иной и наблюдать за ней доставляло удовольствие, словно сама душа затеплялась в тебе счастливым ответным смущением. Многие больные лечились здесь годами, в болезни своей были особенно несчастны, потому что ее нельзя скрыть и она в самом прямом смысле торчит на виду; постоянному человеку, не знающему, что это такое, она представляется ужасным уродством, перед которым

не всякий сумеет сдержаться, и это отношение со стороны, это ощущение себя как невольного пугала, которому то ли повезет, то ли нет снова когда-нибудь стать здоровым и, как говорят, лицеприятным, сказывалось, конечно, на больных, работать с ними было непросто. Но перед робостью Наташи робели почему-то все. Ни разу я не слышал, чтобы кто-нибудь, даже самый отчаявшийся, взялся при ней грубить или капризничать, это показалось бы не только неприличным, но значило бы, что силы больного кончились и надо срочно, если позволяет болезнь, выписывать его, дать пожить и отдохнуть среди родных, а потом вызывать снова. Так уж само собой принялось, что молчаливая, стеснительная и безответная Наташа, которой и в голову не пришло бы жаловаться, стала и для больных, и для врачей больше чем просто медсестра, исправно и с душой исполняющая свои обязанности. Как бы это назвать?.. Пожалуй, на нее смотрели как на человека немножко не от мира сего, на одну из тех, без странностей, причуд и наивных глаз которых мы, люди мира сего, давно свихнулись бы в своем могучем поживательстве и пожинательстве, давно свернули бы себе шею, если бы нас не останавливало их робкое непонимание.

Наташа дежурила на неделе дважды, но не через равное количество дней, а по какому-то своему, логическому графику и появлялась всегда возле своего столика в коридоре тихо и незаметно: только что не было — и тут, неслышно двигается, что-то сверяет по бумагам в своем хозяйстве, открывает сейф с лекарствами, идет к больным в палаты. Всякий раз, увидев ее, я вздрагивал — так близко было до того, чтобы вспомнить: я делал уже порывистое движение к Наташе и замечал, что и она с готовностью поднимала навстречу мне лицо; все во мне замирало перед озабоченностью, и я, казалось, уже вспоминал, но из-за спешки, из-за горячности или из-за чего-то еще не мог удержать воспоминания. Лицо Наташи, обиженно опускаясь, вспыхивало, я неловко здоровался и отходил. Снова и снова все было напрасно.

Дошло до того, что мы стали избегать друг друга — и я без крайней нужды не обращался к ней, и она заходила в палату все реже. Но в нашем закутке, или блоке на шесть палат, совсем не встречаться бы-

ло нельзя, а назначения врачей приходилось исполнять и ей, и мне. Наташа в таких случаях торопилась сделать свое дело и уйти, я же чувствовал себя вконец виноватым: она ведь могла считать, что я прекрасно все помню, но из какой-то своей корысти не хочу открываться, а спрашивать ее, что это было, что я не в состоянии вспомнить, тоже казалось мне неприличным — могло ведь ничего и не быть, я мог все это навывдумывать из болезненной фантазии, от одного лишь любопытного внимания.

Исподтишка я продолжал наблюдать за ней.

Задумавшись, она порой подолгу смотрела в окно в коридоре, куда-то поверх улицы и домов, и до того ей приятно было что-то там видеть, что лицо ее озябло уже не краской смущения, а волнением только ей одной лишь доступного чувства. Затем я снова замечал ее взгляд на себе — то пытливый и проницательный, вызывающий тревогу, то отсутствующий, с потерянной мыслью, то быстрый, настороженно-лукавый...

В последнюю неделю Наташа дежурила почему-то часто — возможно, подменяла кого-нибудь из заболевших подруг. И ничего удивительного, что ей же выпало везти меня на операцию. Сестра из операционной, направляя каталку со мной, шла впереди. Наташа подталкивала ее сзади. Укрытый простыней, я видел перед собой только ее большие, казавшиеся мне огромными глаза на опущенном лице, она избегала смотреть на меня и все-таки с испугом взглядывала и крупно, словно крестясь, принималась моргать. В это утро мне было не до воспоминаний. По яркому электрическому свету я догадался, что меня ввели в операционную. Наташа осталась в дверях и, придерживая их, смотрела из коридора, как меня подкатывают к столу и помогают перебираться на него. Устроившись как надо, я повернул голову к дверям — Наташа продолжала смотреть на меня, но под моим взглядом закрыла двери.

Все, я остался один среди этих людей, никого из которых с закрытыми лицами нельзя было узнать. И даже голоса их, как подкрученные, звучали с одиозным металлическим настроением. Я пытался прислушиваться к ним, но ничего не понимал, они говорили на незнакомом языке.

Минут через десять, не зная себя совершенно, я уже спал.

...Так трудно было потом проснуться. Иногда я почти приходил в себя, чтобы почувствовать, что я есть, почувствовать в себе озноб и глухую боль, и снова впадал в тяжелое, тупое забытие. До меня доносились женские голоса, я различал и один голос, и второй, требовавшие, чтобы я не спал, но я не мог не спать, это было выше моих сил. Все было выше моих сил, мне по силам было только спать — даже и не спать, а находиться в удушливом беспамятстве, из которого, я все-таки дышал этим сознанием, должен когда-нибудь открыться выход.

И он постепенно приоткрывался во мне: я чувствовал уже, как берут мою руку, чтобы проверить пульс, как ставят градусник и делают уколы. Помню свое ощущение: я пытаюсь подняться из глубокого, закачанного угаром шахтного колодца, неведь как очутившегося на моем пути, я тороплюсь, чтобы не задохнуться в нем, но так медленно всплываю... дышать уже нечем. Оказалось, что я был обложен грелками. Я заворочался со стоном, меня каким-то образом поняли, и грелки были убраны. Стало легче. В темном тумане начали появляться обрывочные и бессвязные видения, настолько бессвязные и далекие одно от другого, точно они слетались ко мне от разных людей, а может быть, и не только от людей. Одно из них я почему-то никак не хотел отпускать, оно было чем-то мне приятно и о чем-то напоминало; я очень расстроился, когда оно все-таки исчезло.

Наконец я открыл глаза и увидел, что лежу лицом к просторному, во всю стену, окну. Там, за окном, был еще день — единственное, что я отметил, и снова забылся. Но теперь я владел собой и не позволял себе опускаться во сне глубоко. Я слышал, когда ко мне подходили и отходили, слышал голоса женщин, разговаривавших между собой и отвечавших кому-то на вопросы обо мне. Потом кто-то надолго остановился надо мной и стал ждать, когда я очнусь.

Это была Наташа. В сумерках ее фигура показалась мне выше и легче, точно парила в воздухе. Я сразу пришел в полную память. Обрадованным и слабым голосом, едва слыша себя, я с усилием проговорил:

— Наташа, я вспомнил, вспомнил... мы летали...

Она с волнением закивала мне, прикоснулась легкой и мягкой рукой к моему горячему лбу и отошла так быстро, что мне показалось, что она убежала.

* * *

То, что я вспомнил, жило во мне давно, и не знаю, откуда взялось. Вероятней всего, привиделось что-то во сне, но не в полной картине, а полная картина составила затем, когда я думал об этом вольными представлениями, как и всегда, с заботой достраивающими в нас все неоконченное. Не думать же об этом было нельзя, мы невольно придаем значение и ищем вещей смысл в подобных видениях, тем более что здесь было в чем его и искать.

И почему я сразу не догадался, что это она и есть, та девушка из сна? Совпадение настолько полное, и так часто это лицо стояло у меня перед глазами в плоти и крови, что я обязан был узнать его тут же, без промедления. А встретил — и растерялся, две недели мучился воспоминанием, которое находилось рядом. Оттого, вероятно, и растерялся, оттого и мучился, что рядом, — всему, что близко, мы и не привыкли доверять. Теперь, встревоженная этим досадным препятствием, вся картина ожила передо мной еще ярче и явственней, и я все меньше склонен верить, что она произошла из сна. Краски, запахи, ощущения — нет, многое во сне является совсем по-другому.

Я и сейчас, как наяву, вижу большую поляну на горе (она, эта поляна, существует, и видеть ее не составляет труда), полную цветов — жарков, колокольчиков, белых и сиреневых ромашек. Я сижу среди них на земле в каком-то тревожном и восторженном ожидании, которое наполняет меня все больше и больше, так что я начинаю в нетерпении оглядываться и что-то искать. Прямо передо мной Байкал, широким и стремительным выносом уходящий вдаль и там подымающийся в небо, слева Ангара, внизу, под горой, мой домишко, из которого я был позван сюда неведомой повелительной силой. Солнце, небо чистое и глубокое, с Байкала тянет ровным влажным ветерком, вода внизу сияет пышущей голубизной — я продолжаю всматриваться вокруг с пристальным, предчувствующим что-то вниманием, беспокойство мое нарастает, я жду чего-то и сам не знаю, что это может быть,

но жду в полной и ясной уверенности, что от этого изменится вся моя жизнь.

И вот позади меня слышится мягкий шелест травы, я оборачиваюсь и вижу приближающуюся с улыбкой девушку. Она в простеньком, плотно облегающем ее летнем платье и босиком, светлые волосы свободно распущены по плечам — если бы не босые ноги, в ней нет ничего необычного. Но тогда я принял босые ноги как само собой разумеющееся и только уже после, разбирая и обдумывая каждую подробность, споткнулся: почему босые? что это значит?

Она приближается, и я вскакиваю ей навстречу. Не может быть сомнений: это ее я и жду. Меня только удивляет немного, что она оказалась рослей и полней, чем я мог предполагать, хотя за минуту до того я ничего не мог предполагать. Чувствуя мое смущение, она улыбается. От улыбки ее широкое, с крупными чертами лицо озаряется светом удивительного согласия с собой и кажется на редкость красивым.

С ее появлением все вокруг незаметно меняется, точно перестраивается для какого-то действия. Поляна превращается в вытянутое к Ангаре поле, густо усеянное все теми же цветами, которые, как расчесанные с пробором волосы, с одной стороны поля наклонены к Байкалу, с другой — к горе. Мы стоим посредине. Солнце, только что державшееся над головой, упало близко к закату, и теплый свет его идет низко над землей. Байкал еще больше вычистило, выяснило, и еще заметней стала его дальняя вознесенность к небу.

Я смотрю на все это без удивления, будто так и должно быть. Но в душе моей возрастает тревога, мне страшно, что я чего-то не смогу и кого-то подведу, а если не смогу и подведу, то меня уже не станет. Но, странно, мне чудится, что меня не станет таким, как я есть, если даже я смогу и не подведу. И вместе с жалостью к себе меня охватывает гордость.

— Готов? — спрашивает девушка.

— Не знаю. Я не сумею.

— Как же не сумеешь, если ты уже умеешь, — говорит она озабоченно. — Если бы ты не умел, я бы не велела тебе прийти сюда.

— А это ты велела мне прийти? — Я не сомневаюсь, что это так, и спрашиваю, лишь бы оттянуть время.

— Пошли! — Она берет меня за руку и ставит у края поля лицом к Ангаре, так что солнечный свет бьет нам в спину. — Бежим! Ну, бежим, бежим!

Я чувствую, что бегу рядом с ней, бегу все быстрее и легче; она отпускает мою руку и остается где-то позади, но я слышу ее голос, требующий, чтобы я бежал еще быстрее. Я несусь огромными скачками, мне кажется, что я продолжаю бежать, когда замечаю проплывающую внизу четырехскатную железную крышу дома, в котором живет мой товарищ. Я что-то кричу то ли ему, то ли всем, кто остался на земле, и прибавляю ходу. Ноги мои вытягиваются, руки выдвигаются вперед, солнечный свет сильным порывом подхватывает меня и возносит высоко вверх. Рядом с собой я обнаруживаю девушку, она улыбкой пытается успокоить мое волнение, но даже и ей это не под силу. Восторг распирает меня, вот-вот, кажется, оборвется от него сердце, и я двигаюсь неровно, подныривающими толчками, мне уже мало того, что я лечу, и хочется чего-то большего, окончательного, хочется, повернув к солнцу, от которого я ощущаю сладостную тягу, рвануться к нему и никогда не остановиться, но девушка настороже, она рукой показывает мне, куда править. Мы проплываем над Ангарой, делаем и круг, и второй над ее истоком и уходим далеко от берегов в Байкал. Я постепенно успокаиваюсь, восторг мой, отбушевав, становится мало-помалу разумным, и теперь я в состоянии со вниманием всматриваться и вслушиваться в творящуюся вокруг меня жизнь.

Мы парим на той пограничной высоте, докуда достает нагретый за день, настоявшийся воздух, на котором можно лежать, почти не шевелясь. Он то приливно приподымается, волнуясь от закатного солнца, то опускается, и мы качаемся на нем, как на утомленной, затухающей волне, из далекого далека дошедшей до берега и теперь играющей возле него. Небо остывает, и я хорошо вижу в нем обозначившиеся теньями тропинки, тальными провисшими путками ведущие в разные стороны. Они пусты, но по легким вдавленностям заметно, что по ним ходили, и меня ничуть не удивляет, что они, точно от дыхания, покачиваются и светятся местами смутным, прерывистым мерцанием.

Солнце склоняется все ниже и ниже, и могучая торжественная музыка заката достигает такого согласия, что кажется тишиной. И в этой тишине громко и тяжело звучит шорох, с каким пускающийся воздух задевает о гладь воды. И еще — вон там, на берегу, в том лесу на сопке пискнула, я слышу, раскольничьим голоском, не в лад общей музыке, пичужка, пискнула и осеклась, с испугом оглядываясь, что с ней будет. Я вижу и слышу все и чувствую себя способным постичь главную, все объединяющую и все разрешающую тайну, в которой от начала и до конца сошлась жизнь... вот-вот она осенит меня, и в познании горького ее груза я ступлю на ближнюю тропинку...

И вдруг, оборачиваясь ко мне, девушка говорит: — Пора.

И показывает на берег.

— Нет, нет, — волнуюсь я. — Еще. Я не хочу.

— Солнце заходит. Пора, — терпеливо и радостно, со сдерживаемым торжеством в голосе настаивает она.

И я понимаю: пора. Мы медленно плывем к берегу. Земля уже в сплошной синей тени, звуки, потеряв музыку, сливаются в одно глухое гудение. Мы приземляемся на ту же самую поляну, и я, пробуя ноги, делаю первые шаги, которые огромной тяжестью отдаются во всем теле. Девушка с усталой и беспокойной улыбкой наблюдает за мной.

— А дальше? — спрашиваю я.

— Что дальше? — Она делает вид, что не понимает.

— Если дальше ничего не будет, то зачем это было? Я хочу еще. Я дальше хочу. Там оставалось совсем немного.

Помолчав, она говорит:

— Я буду приходить.

На этот раз она говорит без улыбки, и я замечая, что без солнца черты ее лица резко обострились и напряглись, а фигура выглядит угловатой и неловкой. Она и сама, очевидно, знает, как изменилась, и робкой рукой прикоснувшись ко мне, сделав последнюю попытку улыбнуться, начинает уходить.

Я смотрю ей вслед и такую чувствую в себе и в ней тревогу, загадочным выбором соединившую нас, но относящуюся ко всему, ко всему вокруг, такую я чувствую тоску и печаль, словно только теперь, полетав и посмотрев с высоты на землю, я узнал наконец

истинную меру и тревоги, и печали, и тоски. Она уходит, и быстро сгущающиеся сумерки скрывают ее.

Но она сказала: я буду приходить.

* * *

Через два дня из послеоперационной меня перевели обратно в свою палату. Ковыляя по коридору в сопровождении медсестры, я еще издали выглядывал: вдруг сегодня опять Наташа. Нет, ее не было, дежурила милая, но другая девушка, которая и приняла меня с рук на руки, уложила в постель и сообщила, сколько раз и в какие часы мне назначено давать лекарства и делать уколы. Я смиренно слушал и представлял, как мы с Наташей встретимся, когда она придет, и о чем станем говорить. Все-таки нам предстояла необычная встреча.

Я ждал и день, и два, и три — Наташа не появлялась. Конечно, у нее могли скопиться отгулы за внеочередные дежурства, она могла заболеть, много чего могло быть, но я уже чувствовал, что все это не то. Когда, наконец решившись, я спросил о ней, мне ответили, что Наташа уволилась и уехала из этого города.

Оказалось, она работала в больнице недолго.

Е. Попов

Дома пусто

Мать моя осталась тогда одна в нашем родном городке, который разросся за счет притока заводов из Европы во время последней мировой войны.

А я поехал в Алдан с целью заработать много денег, чтоб потом мы тихо зажили с матерью в собственном домике на окраине городка и жили там так, пока не умерла бы сначала она, а потом и я.

Существовал без шума. Если по первому времени работа была для меня тяжела, то потом я пообвыкся и тяжести ее не замечал. Я канавы рыл в геологической партии, со взрывом. Сначала бурку бурил, потом грунт взрывал, потом кайлом да лопатой углублял, расширял, чистил — забуришься, взорвешь, углубишь, расширишь, почистишь — и готово дело.

Но это только так кажется легко, как я написал на бумаге, а на самом деле, как многие говорили, зверская эта работа, и многие с нее уходили, потому

что — физическое изнеможение каждый день, невзирая на хорошую оплату.

...Я заканчивал школу-десятилетку, а жили мы все в том же коммунальном доме, в котором и осталась после одна моя мать, без меня.

Я-то уж знал, что из меня получится что-нибудь такое, эдакое, отличное от всего того, что меня окружало, а окружало меня одиночество матери, люди маленького нашего городка, который разросся за счет притока заводов из Европы во время последней мировой войны, отсутствие блистательной родни и книги Паустовского по вечерам, когда верхний свет убран, а в центре светового овала настольной лампы милые сердцу страницы и у мальчика ком в горле от неземной нежности.

Ходил по городу, камушки в реку бросал и знал, что все будет не здесь и все будет другое, а когда, где и как, даже и не задумывался и не знал, и никто в целом свете, в том числе и Паустовский, никто ничего не мог мне подсказать.

Ну и вот. Школа... Вечер выпускной. Бал. Я задыхался. Угостили, плясал чарльстон, который я плясать не умею и никогда, по-видимому, не научусь. Выбегал на лестницу, раздувал ноздри, выкинул даже в окно последние свои школьные стихи — листочек из тетрадки в клеточку. «Лети, лети! Это письмо в жизнь, а я скоро прибуду сам, я скоро буду, я скоро прибуду следом за письмом своим, я буду умен и важен, я буду на коне, на белом коне, в гриву которого вплетены красные ленточки...» Противно мне это вспоминать.

И потом как-то все не так, не туда: в институт поступил, поучился, заболел, отстал, плюнул, хотя, если разобраться, зачем мне было в инженеры? Поотирался и по различным мелкоинтеллигентным должностям — лаборант, чертежник, коллектор, техник, и все при разных институтах. Надеялся я таким путем, через институты, хотя бы заочный факультет кончить, что ли?

Пока к такому выводу не пришел, к которому все, кто не вылез, не прорвался, рано или поздно приходят, к простому такому выводу, что не будет толку.

А понял я это, когда как-то за полночь центральной улицей домой пробирался. А навстречу мне поток белозубой молодежи. Лет по семнадцати. Гитары они имели и играли звонко, а к нижней губе сигаретка приклеилась, а как одному играть надоест, так он

гитару по воздуху приятелю своему перебрасывает, и приятель ровно с того места мелодию продолжает, на котором первый закончил.

Серость моя и незаметность на фоне этого парада новых форм были столь очевидны, что я даже и ночь бессонную проводить не стал, а напротив — хорошенько выспался и на следующий день хорошенько выспался, и уж через недельку примерно объявил матери, как мы с ней дальше будем жить: что будут деньги и будет домик, свой, домик с двойным одиночеством, и что для этого всего мне нужно немного, но крепко поработать.

Мать моя книжек довольно много прочитала, пока окончательно не разболелась. И хотя книжки в то время, когда она не болела, продавались все больше сейчас неизвестные — без приключений, людских слабостей и всемирного негодяйства, она тоже не хотела видеть меня советским мещанином в собственном домике на окраине, тоже ей нужно было от меня чего-нибудь «эдакого», «такого», ну, в общем, чуть выше, чем папа с мамой жили, поинтересней и чтоб как-нибудь не так.

Ну а уж тогда, когда я на заработки поехал, а она осталась одна в нашем городке, она во мнениях не то чтобы переменялась, а просто, по-моему, их уже не имела, желая, чтобы все стало как-нибудь лучше и потише.

Мой поезд уходил вечером, и весь день я угощался и угощал, прощаясь со своими друзьями, которых осталось у меня там не так уж много. И это хорошо, что я о своих друзьях сейчас вспомнил, потому что я люблю своих друзей. Но они — дома, а я — уезжаю, и о чем я буду говорить с ними, когда вернусь? Разверну свиток трагикомических ситуаций геологического типа: про патроны, взрывы, медведей и пресечение незаконных поступков чинами милиции — все те байки, которые рассказывает, вернувшись с Севера, молодой человек моих лет.

Угощался. Угощал. Потом с матерью прощался, крест-накрест целовался, а друзья в коридор вышли покурить — не мешать, а мама все в кровати лежала, болела, а тут встала и на тяжелых ногах вышла на крыльцо, когда я был уже около ворот, и слабо что-то кричала, а я не выдержал и вернулся от ворот на-

зад, когда она уже просто плакала, — волос с проседью, «ну как? ну почему так?». И я еще раз поцеловал, крепко, в лоб, и тут почувствовали мои губы, что кожа у нее дряблая и больная — от болезней, от одинокой комнаты, от жизни, в которой есть место не для всех живых...

Вот и рассказал я вам основные положения моей жизни до того момента, когда мать моя осталась там, а я жил на Алдане, тихо жил, пообвыкся, — копейку гнал, короче.

Канавы колупал со страшной силой на пару с Федей Александровым — новосибирским бичом. По вечерам дулся в «тысячу», в «кинга», читал случайную литературу, например: «У самой границы», «Тайна белого пятна», «Дон Кихот», «Юность» № 4 и № 5 за 1965 год, разговаривал с Федей насчет мировых проблем — в общем, тихо жил и ни о чем не думал.

Почти все деньги пересылал матери — крупно, оставляя себе лишь на жратву, слабую выпивку и некоторую одежду.

Так вот и жил. Покажется рубль на дне канавном, кайлом его цепляешь да лопатой, а рубль — он то покажется, то исчезнет, а ты, как пес, ковыряешься: все кайлишь да лопатишь, взрываешь да чистишь.

И вот как-то раз обрыдла мне вся хреновина эта, и решил я выбратся в поселок, в цивилизацию, где можно и пива выпить, и кино поглядеть, и в бане помыться, и на почту сходить. Набрал я от начальника денег и прибыл в поселок на казенной машине, утром.

А в поселке тихо. Там кто работает, так тот на работе. Кто пьет, так тот опохмеляется, и пошел я в столовую, где съел яичницу из настоящих яиц, поел, запил и отправился на почту, чтобы оформить очередной перевод домой.

А там сидят уже Даша и Вера — две местные «чухихи с печи», листают журнал мод «Рига — 66», и известный мужик, которого всего аж трясет с похмелья, и перед ним лежит большой исписанный лист бумаги с различными закорючками, которые являются собой нечто вроде росписи фамилии И. Иванов.

И объяснил мне мужик, заметив, что я очень сочувственно на него смотрю, что он самый и есть Иванов Иван и что «анадысь» он пришел и все заработанные деньги «поклал на аккредитив», а сам был

«очень выпимши» и поэтому расписался непонятной закорючкой, которую сегодня он никак повторить не может — уж больно замысловата она, а повторить обязательно нужно — иначе денег «ни грамма» ему не дадут, согласно инструкции, хотя он и есть натуральный Иванов Иван и деньгам своим полный хозяин.

Но меня уже не интересовал мужик Иванов, потому что у меня были свои дела, своя жизнь и свой расклад. Мне перевод оформлять надо было, чтоб потом дом покупать на окраине нашего городка, который разросся за счет притока заводов из Европы во время последней мировой войны.

И во время то, когда я заполнял бланк на отправление, пришла мне на ум одна хорошая идея, которую я немедленно стал выполнять. Дай-ка, я думаю, навыписываю-ка я хорошую кучу журналов и газет самого разного толку, а подписку оформлю на мамашу. На целый год, а то лучше и на два. И ей напишу, чтоб она литературу до странички сохранила. Не подшивала, конечно, — зачем? — а просто так, хранила бы, и все.

А я потом приеду, на диванчик заберусь в нашем домике на окраине, заберусь после легкого рабочего дня на той работе, которую я себе выберу, на которую я устроюсь, чтоб меня в тунеядцы не зачислили, заберусь и буду почитывать да покуривать. Ловко? А? А мать в это время будет смотреть телевизор и мне расскажет все, что там происходит, а если что-нибудь будет очень уж такое интересное, так я и сам встану взглянуть, а ужин нам по заказу из домашней кухни принесут, в трех судках.

— На два года, — говорю, — хочется подписаться.

— Только на год, — говорят, — можно.

— А на два нельзя, — говорю, — сразу?

— Нельзя, — говорят.

— А почему? — говорю.

— А мы не знаем, — говорят.

— Ну и ладно тогда, — говорю, — действуйте.

И заказал, так сказать, все ихнее меню.

А потом, покинув почту, я посетил и кино, где мне очень не понравился французский фильм «Бебер-путешественник» — про одного отвратительного балованного французского ребенка, которого нужно было драть ремнем, а все с ним только и знали, что носились и нянчились. Ну ладно. К вечеру я был погру-

жен в казенную машину и доставлен к месту работы, чтоб опять взрывать, кайлить, чистить.

И вот на следующий день утром сел я перекурить и вижу, что идет Коля Старостин, бич, тот самый, что на гулянках всегда засыпает. Другие шебуются кто, покоя не знают, а он уже спит в это время — знай храпы выдает. Идет, шатаясь, Коля Старостин, бич, стоит жалобно так вот: «Ой-ой-ой».

И стали мы с ним беседы вести, и рассказал Старостин ужасную историю, как он шел домой с собственных именин, которые он справлял не у себя дома, а у буровиков, шел и заснул под крестами, что так и спал он нынче под крестами, которые поставлены в память о погибших топографах в устье ручья, на тропинке, заснул, потому что всегда Старостин на гулянках спит, а пробуждение его было ужасным — звезды небесные, кресты под головой, три штуки, кругом ни души и филин еще ухает вдобавок...

А я на него смотрю, и в глазах у меня темнеет. Со страху, что ли, от предчувствия ли, черт его знает от чего.

И действительно — подает мне Старостин телеграмму, где черным по белому написано, что мать моя совсем плохая и чтоб я немедленно тут же ехал, как можно скорее.

— ...сплю, и все тут, — сообщает Коля. — Ты меня скоро не увидишь. Я скоро где-нибудь замерзну.

...а я вот сейчас расчет возьму и приеду домой, а дома пусто, а я пойду на кладбище, а сейчас — осень, а там ни скамеечки нет, ни оградки, ни кустика, нехорошо, ветер там на кладбище, вороны над церковью кружат, а у меня больше никого нет и никого не будет, а кто же будет со мной газеты и журналы читать? Все, все исчезло начисто, нету — никого, ничего нету, никого, ничего, и не будет. Никогда.

Забросил лопату.

— Я с тобой, Коля.

— На фига?

— Мать у меня при смерти.

— Помирает?

— Помирает.

— Моя тоже без меня померла. И я помру, и ты помрешь. Эх, Алдан ты мой, Алдан, ха-арошая страна! — запел и закривлялся бич.

— А может, успею? — сказал я.

— Может, и успеешь, — ответил бич.

М. Шарапова

Идущие на солнце

Саулис, нахлестываясь хвостом от злых вечерних слепней, сыто щипал траву. Мне, лежащей на земле, конь казался черной аппликацией на фоне заката.

Пробуждались цикады.

Мы начали путь еще утром. Солнце едва потрогло стойла охристостью, а потом поднялось бледное, прозрачное.

Я тщательно выдраила лошадиный круп скребницей.

— Зачем? — вдруг бурчанье Ольховикова. — Так веди.

На Фому уздечку накиннул, в манеж повел. Все хочет сальто завертеть на крупе: как бывало в молодости. В субботу худо-бедно получилось, но два дня уже ни в какую. Шестьдесят три ему.

Во дворе цирка пнула в шину ольховиковский «фольксваген»: «У, нар-р-родный артист!»

На проходной отпирающий ворота старик Рудольфич презрительно ухмыльнулся:

— На сервелат...

И вслед восхищенно вздохнул:

— Экая махина... красавец!

«Еще бы! — возмущенно подумала я. — Игреновый тракенен».

Саулис потянулся к газону. Дернула за корду:

— Не здесь, Саулюк, за городом почище.

И смутилась: «Будто теперь не все равно».

Свернули за цирк, к пустырю. Брили по пустынно-му проулку. Я — понуро, он — радостно: стояние в деннике да асфальтовый клочок циркового двора ввергают в вечный оглум.

Саулис давно уже не выступал. Застарелый брокдаун сухожилий задних ног и сплек правого плеча, да и копытные наминки. Плюс возраст. По зубам ему было лет пятнадцать: поверхности верхних зацепов напрочь скруглились. Запустили болезни до меня, но и я не особо опытная лошадица. Все больше по советам других конников действую или по ветеринарным лечебникам ориентируюсь.

Спустились в овраг. Ручей по низине, питающий сочную растительность. Цирк на горе.

— Отдыхай, мальчик.

Ручей ему до путовых суставов. Попил и задремал прямо в воде. Не стала будить. Привязала корду к коряге.

Солнце совсем взошло, греет почти по-дневному.

Камешки в воде перебираю руками. Выложила по дну темными на светлых: САУЛИС. Течения практически нет. Интересно, лет через десять, например, будем здесь гастролировать, сохранится ли имя? Я уже и забуду небось, кто таков был этот Саулис. Припомнится какая-то негодная к работе лошадь, но жалко не будет. Рыжуля вот пал в Ворошиловграде зимой, как убивалась, думала, вечность убиваться буду, а нынче спокойно вспоминаю и ничего особенного. Так и Саулис забудется... Нет. Рыжик умер сам, а тут — я сопровождаю лично на бойню. Сопровождаю? Веду. Отказалась сперва, и вчера его Мишка-берейтор было снарядил, но Саулис почувствовал словно недоброе, такой норов проявил, что Мишка струсил. Ольховиков напал на меня: «Отведешь ты, или уволю!» А куда я от своих остальных, от любимчика каракового тяжеловоза Грозного? Но сильнее Саулиса пожалела. Я не любила его. Кусачий от болячек, нервный чересчур. Не любила, но ведь он-то меня любил. Подумала, раз уж приговорили, пусть это как-то легче для него минет.

И вот мы здесь. Саулис дремлет: губу отвесил, ушами слегка прядет — чего-то снится. Может, как мчался карьером по писте манежа, а Ольховиков жонглировал горящими обоюдосторонне факелами, стоя на его крупе?

Они с ним похожи: Саулис и Ольга. Оба — цирковые ветераны, капризные от стариковской немощи, сердитость изображают, но... никто их всерьез не учитывает, хотя Ольховиков не только руководитель нашего прославленного аттракциона «Русская тройка», но и всей труппы.

Внезапно Саулис проснулся. Наверное, цапнул слепень. Свистнула, повернул глаз.

— Идем, Саулюк. Солнце уже в зените.

Направились ложбиной. Она сгладилась и вывела на шоссе. Я не знала, где бойня, но берейтор сказал: «Там, где заходит солнце».

Солнце всегда ложилось на эту трассу, далеко у горизонта. Цирк стоял на возвышенности и с заднего двора виделась эта длинная, сияющая вечерами ало лента с пылающим небом.

Шли вдоль шоссе. Медленно. Часто останавливались. Саулис то жевал траву, то впадал в задумчивость.

По кочкам на велосипеде подъехал чумазый пацан, вороноволосый.

— Цыганенок? — улыбнулась. Он залихватски сплюнул, кивнул.

— А где табор?

Расхохотался. Достал окурок, умело прикурил:

— В поселке живем, среди людей.

— А-а,— и неожиданно для себя сказала: — А то бы вон лошадь вам могла отдать.

— Почему? — деловито прищурился на конягу.

— Даром.

— Мы не воры, тетя. Цену говори.

— Бесплатно. Вот документы,— хлопнула себя по плоской полевой сумке на боку.— На мясокомбинат следуем.

Недоверчиво заулыбался, развернул велосипед, погнал прочь, обернулся:

— Чеколдыкнутая!

Похлопала Саулиса:

— Даже цыганам ты не надобен.

Побрели дальше. Саулису голову, что ли, напекло, задремывал он все чаще. Зной. Панаму я ему забыла взять. Укрылись в тени ветел, остыть. С горечью подумалось: «Как будто с больной головой помирать нельзя».

Неподалеку бензозаправка. Я сумрачно смотрела на разнообразие прибывающих-убывающих транспортных средств. Саулис спал, иногда очухивался и грыз мощный ствол ветлы. «Цирк вымрет,— внезапно решила я.— Лошадей сожрем, будут машины выступать». Чмокнула:

— Идем!

Теперь нельзя останавливаться. Часа три, вероятно, а цирковой купол все еще брезжится позади.

Шли быстро, но уже опять влачимся. Я сама будто впала в оглум: голову уронила, спотыкаюсь. Мечтания всякие несуразные... Идти бы вот так и идти всю жизнь до смерти и однажды упасть. Глупости.

Саулис ожил, напротив. Мне кажется, он забыл уже гнусность цирка, постылую жизнь в нем, за несколько часов полей забыл, неба и солнца. Я удивилась перемене: тусклая шерсть заблестела, узловатые уродливые ноги построились — он будто в молодого жеребца превращался час за часом.

Жар спал, солнце накренилось, но свет стоял полетному долго.

Натолкнулись на болотистую заводь.

— Давай купнемся, — и завела его по брюхо, камышиной мыть начала. Отлично выдраила, хоть выпускай на арену.

Трель звоночка. Цыганенок прежний гонит на велике, а далеко за ним устало бежит цыган лет сорока.

— Вот, — задышался мальчишка. У цыгана рубаха мокрая от пота, никак не отдышится:

— Чего... отдаешь... лошадку?!

— Ну! Берите.

— Честно?!

— С бумагами отдаю. Цирковые мы.

Цыган подошел несмело к Саулису, обнял бережно за шею, внюхиваясь трепетно в шкуру:

— Сто лет лошадки не гладил... Радость моя.

Саулис притих, только ноздри волнуются.

Я полезла за документами:

— Что за цыган без коня.

— Спасибо. — У цыгана слезы.

— Чего там, — довольна я, но вдруг сердце екнуло и заколотилось в особенном предчувствии: издалека увидела катящий «фольксваген» — серебристый. Это Ольховиков! Затормозил и кричит из окна:

— Что! Еще тут! Опоздала!

Будто бы сердито, но едва сдерживая счастье:

— Давай обратно!

Сигналит требовательно, разворачивается, ждет. И я, будто и не произошло только что никакого дарения, взяла из рук цыгана корду и обратно запихала бумаги:

— Алле, Саулюк, домой, мальчик.

И бодро поравнялась с автомобилем. Ольховиков рулил возле. Его распирало, не выдержал:

— Сальтанул я, и так запросто, легко... Может, еще восстановлю номер. Саулиса вот немного подлечить... Да садись ты на него верхом, чего плететесь-то?!

— Некованный он ведь. Да вы не ждите нас, мы потихоньку.

Ольховиков надал газу и быстро скрылся вдаль.

Всего-то метров двадцать прошли, а я погрузилась. Завтра опять не сальтанет, и все равно придется вести вновь. Ну не завтра, так через три дня или в следующем городе... но скорее всего именно завтра. Я оглянулась резко. Цыган стоял посреди поля в умирающем солнце. Мальчишка катал кругами рядом. Я взмахнула рукой:

— Эй, чавела, завтра приходи! Обязательно, слышишь?!

Саулис повернул голову назад и призывно заржал.

* * *

Его уже давно никто не помнит. Нет не только его, но и Ольховикова, развалился аттракцион «Русская тройка», переродилась система «Союзгосцирка», рухнула монолитная советская эпоха, за ней другая, неузнаваемо изменилась жизнь, но я почему-то пишу сегодня о нем, Саулисе, — ничем не выдающейся лошади прежних времен.

С. Толкачёв

Пришелец

Взгляд матери, Прасковьи Ивановны, скользил по влажной глади аэропорта. На посадку величественно и грозно шел «Антей», искаженное отражение которого трепетало в зеркале моросившего дождя. Многотонная птица парила в нескольких метрах от земли, подвешенная на невидимых нитях. Взлетная полоса не принимала стальную громаду, начиненную грудой непостижимым образом переплетенных топливных магистралей, электрических проводов, стальных конструкций и турбин.

Ветер завывал, разрывая полы старенького пальто Прасковьи Ивановны. Стоявшие поодаль офицеры держали фуражки за козырьки, словно отдавая честь стальному призраку, снижавшемуся над аэродромом. Кругом разливался серо-молочный свет. «Ну садись же, садись!» Прасковья Ивановна мысленно пыталась надавить на упрямое металлическое существо наверху, но оно упорно не желало касаться колесами шасси блестящего после дождя бетона.

Наконец неуловимое касание небесного и земного произошло — машина смешно запрыгала на неровностях земной поверхности, и по всему было видно, как неуютно ей на земле.

Прасковья Ивановна мысленно перекрестилась и боковым зрением увидела, как оживленно зашевелились встречавшие самолет офицеры. Они вдруг разом все заговорили между собой, одобрительно кивая фуражками, очевидно, считая посадку самолета своей личной заслугой. Только в движениях военных было что-то механическое, и хотя шла ужасная, кровопролитная война, эти движения показались Прасковье Ивановне пострашнее войны и предстоящего свидания с сыном. Ей захотелось подойти к офицерам и сказать тихо, упрямо: «Прекратите! Прекратите двигаться, как куклы. Будьте людьми: ведь там, на борту самолета, живое существо, которое требует сейчас самого большого внимания на свете». Прасковья Ивановна понимала, что такие нелепые мысли приходят к ней от страха, от невозможности примириться с той простой мыслью, что сын ее, прослуживший два года в армии, провоевавший на передовой кавказской войны, отсидевший в плену у чеченцев, сейчас почти свободен и через несколько минут она увидит его.

Сзади мягко прошуршал микроавтобус, из которого вышли двое ярко одетых людей — один в малиновое, другой в фиолетовое. Они хранили странное молчание, а один из них торжественно держал под мышкой телекамеру. Люди многозначительно переглянулись, увидев Прасковью Ивановну, но ничего не сказали. Молчание, казалось, давалось им с большим трудом, и в нем таилось оправдание: «Мы профессионалы и до поры до времени не вылезаем. Нам прекрасно известно, когда пускать запись».

«Антей» мощно подрулил к стоянке, и тут откуда ни возмись появились три глухо урчавших, закамуфлированных грузовика. Раздался пронзительный механический визг, и брюхо самолета стало медленно раскрываться, обнажая пустоту и мрак, царивший внутри. Прасковья Ивановна смотрела на все с беззащитным непониманием, даже протестом, мысленно отвергая все происходившие с самолетом механические превращения и судорожные движения. Больше всего ее пугала мысль о том, что и ее приезд сюда, в аэро-

порт, и звонок военкома из района, и радостные поздравления соседей — все это специально организовано, чтобы в очередной раз обмануть ее ожидания. Она легко смирялась с этими обманами, считая, что жизни невозможно и смешно сопротивляться; все происходящее — и горе, и радость она принимала со смирением, в котором было больше усталости, чем веры. Неполные шесть десятков лет жизни помогали примириться с беспощадной истиной, заставлявшей смотреть на надежду как на хрупкую перепонку, отделяющую человека от будущего, в котором правят беспросветное отчаяние и смерть. Но она еще и еще раз вглядывалась в иссушенные горем и ожиданием колодцы своей души, пытаясь найти там источники сил.

Солдаты выгружали из самолета металлические ящики. Вернее, вначале из брюха самолета неуверенно выглядывали края этих ящиков, они одно мгновение сами собой плыли по воздуху, а потом уже прицепом за ними следовала шестерка сгорбившихся от чудовищной тяжести, тонких человеческих фигур. Иногда один из солдат выпрямлялся, и тогда казалось, что цинковые ловушки сделаны из картона.

Прасковья Ивановна напряженно вглядывалась в лица ребят — все казались ей на одно лицо. Их беззащитные головы в серых шапках, уязвимые и немного нелепые, были приделаны к непомерно удлиненным телам и покачивались в едином ритме с колебаниями переносимых ящиков. Все это не вязалось со светлым ощущением радости от предстоящей встречи с сыном, которую Прасковья Ивановна испытала в первые часы после звонка из военкомата: «Ваш сын нашелся. Встречайте в аэропорту Вороново десятого числа».

«Какой он вернется? — тысячу раз думала она. — Родной ли, чужой? Что у него внутри? Как я смогу его поддержать?» Вопросы ранили и без того истрадавшееся материнское сердце. А еще возникал вопрос любви. Хватит ли ее материнской любви, чтобы помочь ему жить дальше?

Потом накатывала спасительная волна теплой ясности: «А может быть, зря все эти волнения? Может быть, он такой же, как до армии, — веселый, балагур, фантазер, слишком прямой и бесстрашный, чтобы не опасаться за его будущее». Память Прасковьи Ивановны упорно подсовывала ей смеющегося паренька с

удочками для рыбалки, запахом запретного для мальчишки баловства с сигаретами и мечтами о космических путешествиях...

Солдаты, морщась от тяжести, сгибались, как тростинки. Прасковья Ивановна тоже напрягалась: ей хотелось защитить молодые тела, готовые лопнуть, как туго натянутый лук, направленный в бесконечность. Но именно эта спасительная уязвимость не давала движущимся в зеленой форме существам слиться с молчанием, навсегда захлопнутым в металлических ящиках.

«Ну быстрее же, быстрее», — мысленно подгоняла ребят Прасковья Ивановна. Ей все казалось, что операция по изъятию гробов из чрева самолета проходит по высшему указанию в специально замедленном темпе, с тем чтобы лишний раз потрясти мир скрытой от человеческих глаз чудовищной волей, которая диктовала простые, но жестокие истины, согласно которым все в этом мире — и быстрота, с которой сгорали юные жизни, и медлительность, агонией обхватывавшая жалкую плоть, — все должно было мучить человека.

Она оглянулась на сухой щелчок, который прозвучал как выстрел в спину. Оператор серьезно, сосредоточенно снимал на пленку всю сцену с выгруженной гробов. Почти прижавшийся к нему корреспондент в яркой малиновой куртке, не сводя взгляда с солдат, колдовски нашептывал в микрофон. «Глаза... — некстати подумала Прасковья Ивановна, глядя на шептавшего. — Почему у него такие странные глаза? Хотя какое мне дело до его глаз?» Она поняла, что глаз не было видно из-за бликов на стеклах позолоченных очков.

На мгновение Прасковье Ивановне показалось, что корреспондент смотрит на все происходящее с осуждением. Его вроде не совсем устраивало то, как разворачивались события на площадке перед самолетом: дай ему волю, и он, наверное, переставил бы все шахматные фигуры, перемешав все — белое и черное в одну кучу. «Господи, — подумала она. — Какая нечеловеческая работа!» Потом Прасковья Ивановна поймала случайно блеснувший в просвете оптических мерцаний, не по-юношески пронизывающий, любопытный взгляд корреспондента, который метался по ее фигуре, будто пытаясь найти слабое место и ударить.

«Тоже совсем мальчишки», — с некоторым сожалением подумала она, но материнское чувство к молодым парням в ярком гражданском почти заглушил недоуменный вопрос, вставший из глубины сознания в виде привидения, в которых она всю жизнь не верила: «Почему они здесь, в этих ослепительных куртках, золотых очках, а мой сын еще там?»

Вдруг на фоне черного провала, раной зиявшего в брюхе самолета, показался силуэт человека, который осторожно, сиюсь вырваться из плена тьмы, выбирался наружу. Вещмешок за плечами болтался простреленным футбольным мячом, а форма висела на нем слишком свободно, напоминая взятый напрокат маскарадный костюм. Зябко поеживаясь и мучительно щурясь, солдат вышел из металлической утробы на яркий, ослепительный свет, который изливался непонятно откуда: над аэропортом все еще летели неумытые облака, а дождик то и дело по-детски капризно прыскал в лицо.

«Не узнал, — подумала Прасковья Ивановна. — Точно, не узнал, а то бы сразу подбежал и обнял. В детстве он был ласковым и веселым...» Но потом ее зазнобило от беспокойства: она вдруг поняла, что не совсем уверена, что выходивший из самолета молодой, как казалось ей поначалу, человек — ее сын. Человеческая фигура начала двигаться и приближаться по-старчески неуверенно, полуосознанно, не зная еще, по какому пути пойти, — то ли к матери, то ли к офицерам для рапорта, то ли к телекамере. Это какой-то слепой — пронеслось у нее в голове, и она на мгновение успокоилась, потому что твердо знала, что военком не соврал, когда на ее вопрос твердо и уверенно доложил: «Состояние здоровья удовлетворительное». Потом тревога опять оскалила зубы и сочно чавкнула в сердце: парень внимательно посмотрел на Прасковью Ивановну, как смотрят на близких людей, сиюсь вспомнить степень родства.

«Он устал, он безумно расстроен, он обязательно придет в себя», — шептал внутренний голос. Эту молитву Прасковья Ивановна повторяла многократно, и слова эхом отражались от огромного доброго существа, но постепенно теряли смысл и начинали погружаться в упругую глубину, которая отдалялась от Прасковьи Ивановны в неизвестном направлении.

Успокоительные слова затихали в разомкнуто молчащем каменном пространстве, и это лишь подчеркивало их оторванность от прерывистого пульса изнывавшего сердца: «Слышишь, ты обязательно сделаешь все, чтобы Сережа пришел в себя. Ты сделаешь все, что сможешь». Потом Прасковья Ивановна с удивлением осознала, что голос принадлежит именно ей, скромной сельской учительнице Петровой Прасковье Ивановне, но сознание улавливало гигантское расстояние, которое росло с каждой секундой между нею и затихавшим вдали голосом, и не было никакой возможности остановить рассеивание этой спасительной молитвы. «Ты не имеешь права оставлять его, никогда, теперь никогда», — звучал почти шепот совсем из другой галактики. Но Прасковье Ивановне хотелось крикнуть над стынувшей рекой пространства: «Не смей! Я не собираюсь оставлять своего сына!»

Тут она осеклась, потому что увидела направленный прямо на нее объектив телекамеры. Внимательный взгляд серого ока окидывал ее бесстрастно, изучающе. Взгляд явно принадлежал неземному существу, прибывшему из неведомых космических глубин, чтобы накопить сведения о механике человеческой жизни. Изящная электронная коробка, властно придавившая плечо оператора, своим невидимым лучом способна была добраться до самых укромных уголков человеческого нутра. Кибернетический мозг чужака анализировал поступающую информацию, но делалось это слишком умно, слишком трезво, чтобы из всей массы данных выделить простые вещи. Объектив четко впитывал детали дрожавшей от напряжения и тревоги женской фигуры, но боль воспринималась им в виде смещения светлых и темных пятен, мерцавших на неустойчивой поверхности пленки.

Прасковья Ивановна сцепила в замок кисти рук, чтобы они против воли не разомкнулись крыльями и не унесли ее прочь от промокшего осеннего настоящего к синему, солнечному прошлому, в котором рыжеватый мальчишка, сидевший по вечерам с книжкой у окна, вопросительно вглядывался в извивы звездной дорожки, мечтая о пришельцах, которые рано или поздно должны заметить серебристую слезу в черном космосе.

Фигура в зеленой форме шагала навстречу Прасковье Ивановне, но ей казалось, что молодой человек

никогда не приблизится настолько, чтобы она могла узнать его лицо. Очертания солдата расплывались перед глазами — то ли подступали слезы, то ли дождь застилал ей взор, превращая шагавшего в столбик пыли — знак первой капли дождя, падавшей в деревенскую знойную пыль. Зелено-огненный извив, который только обозначал возможное возвращение сына, сливался в клубок с извивами других цветов, за которыми, вероятно, скрывались фигуры непонятно кому козырявших офицеров и ярких телевизионщиков, — все это перемешивалось с холодным, цинковым мерцанием и пыталось унести куда-то вниз, в преисподнюю.

Прасковье Ивановне казалось, что к ней медленно, мерно цокая подковками по мокрому бетону, приближается существо из другого мира, которое она должна была теперь заново узнать и полюбить. Звяканье подковок раздавалось в полной тишине: ветер утих сразу после остановки самолетных турбин, мертвое молчание которых подчинило себе все невольные движения воздуха и сделало все другие звуки в замкнутом пространстве аэропорта почти невозможными. Но тишина все же не была полной: настойчиво жужжала кинокамера, силясь расцепить звенья надежды, приковавшей взгляд женщины с бледным лицом и почти седыми, истонченными волосами к движению родного зеленого пятна, приближавшегося к ней со стороны самолета. Пленка — тонкая смазка между светом и тьмой — скользила по краю дождя, нависшего над аэропортом полупрозрачной сферой, еле пропускавшей дневной свет.

Прасковья Ивановна уже не слышала, как жужжание камеры прекратилось и разряженные в малиновое и фиолетовое стали сматывать аппаратуру. Ее внимание уплывало, не в состоянии уловить досадливые слова, которые один шептал другому: «Света мало — картинка будет серой».

Прасковья Ивановна с недоумением прислушивалась к мерному цоканью подковок по земле, которое совпадало со стуком ее сердца, и это продолжалось так долго, что закрадывалось подозрение: а может быть, никаких подковок и нет в реальности, но есть сердце, которое бьется слабо, но гулко, каплями спадая со свода подземной пещеры в темную чистоту подземного озера?

Яркий свет, как спасение, блеснул перед ее глазами, и необычайная легкость наполнила грудь. Руки разомкнулись, и Прасковья Ивановна с удивительной ясностью увидела аэропорт, на краю которого стояло огромное пернатое, а возле него копошились, похожие на верных и трудолюбивых муравьев, солдаты под присмотром группы неподвижных, козырявших кому-то офицеров. От самолета к сморщенному грибку служебного здания, окруженного непроходимой слякотью, отползало насекомое, хитро шевеля усиками передающих телевизионных антенн. Оно двигалось по направлению к обреченно одиноким рощицам голых деревьев и пугающим оскалам диких оврагов, уходивших от аэропорта концентрическими кругами. Казалось, что траектория движения микроавтобуса должна пересечься с мерцавшей в тихой, печальной дали излучиной замершей реки, но возможных свидетелей этого пересечения не было и быть не могло в этой потаенной глуши.

Все детали происходящего становились все более четкими, отдельные ее части изгибались и делали глазам больно своей резкостью и правдоподобием. Бетонная плоскость аэропорта выпукло набрякла, и Прасковья Ивановна наблюдала гримасы распадавшегося на ее глазах мира уже сверху, удивляясь новой, не знакомой ей доселе стороне жизни, которая в точности повторяла реальность, но была все-таки слишком рельефна и осязаема для того, чтобы являться правдой. Она еще раз напряглась, чтобы присмотреться к фигуре молодого солдата, который шагал в своем мешковатом облачении, отдаляясь от самолета, но в этот момент сияние стало разгораться и прыснуло вдруг огненной трещиной, разорвавшей воздух аэропорта на две неравные части.

Со все более нараставшей легкостью Прасковья Ивановна успела понять, что в лопнувшей земной коре блестит струя света, освещающая деревенскую дорожку, окруженную ржаным полем, а по дороге, выворачивая наизнанку лодыжки, бежит с удочкой наперевес рыжий мальчишка. Прасковья Ивановна почти не удивилась, не заметив внизу, у подножия трещины, себя. Непривычная радость и надежда захлестывали ее душу, которая таяла от яркости слепящей картинке, смешиваясь с дыханием работавших внизу

людей. Все это странно, играючи колыхалось перед ее исстрадавшимся взором, заставляя рассудок бессильно смириться перед необъятностью открывавшейся тайны. Но в самый последний момент, когда человеческая душа перестает чувствовать, становится немой к странностям мира и просто отдается течению огненной реки времени, в ее создании вспыхнул спасительный вопрос: «Но если все это неправда, Господи, то почему так больно, почему?..»

А. Иванов

На другой стороне дороги

Рассказ

Вот и выпал первый снег, и жутко подумать, что через каких-то полтора месяца настанет самый большой календарный праздник, на мачтах городского освещения вспыхнут неоновые снежинки, а я опять побегу искать новогоднюю елку. Хотя и осталось еще немного времени, однако начинаешь оглядываться назад, собирая в памяти все события, которые произошли с тобою за год.

В общем-то ничего особенно не случилось. Главное, чтобы плохого не становилось больше, чем хорошего, не нарушалось равновесие, за которым мы так заботливо следим, точно в голове каждого есть какая-то бухгалтерская книга, где он сводит дебет с кредитом за подотчетный период.

После недолгого размышления я говорю себе: «Все нормально. В общем, все было хорошо». И вдруг я точно касаюсь оголенных проводов. Что это? Из глубины памяти подымается еще одно событие, забытое мною сразу по прошествии. Его и событием-то не назовешь, столь оно незначительно. Однако через минуту я уже меряю комнату шагами, роюсь в ящиках письменного стола в поисках какой-нибудь завалящей сигареты, хоть и бросил курить. Мне непонятно, неуютно, тяжело.

Видится мне обыкновенный серый день в начале марта, промозглого и скучного, реденький мокрый снег, какое-то пригородное шоссе... Я с кем-то иду... Передо мною три мокрые ссутулившиеся спины. Ноги ломит от долгой ходьбы. Мы идем навстречу дви-

жению по краю дороги, потому что по тропинке вдоль шоссе идти никак невозможно: там подтаявшие сугробы, лужи и грязь по колено. Идем довольно быстро: еще есть силы и какая-то цель. Больше не вспомню. И это всё? Не может быть. Должно было что-то произойти, что-то важное.

Я комкаю рубашку на груди и чувствую себя в какой-то ловушке, рыбой в садке. Я в закоулке памяти, из которого нет выхода.

Существуют естественные законы времени: новый день не может начаться без того, чтобы не кончился старый — одно событие сменяется другим. Этот механизм прост, как песочные часы, тем не менее и он подчас дает сбой: какое-то событие в твоей жизни не хочет завершаться, но вот на него уже нагромождается другое, а потом еще одно и так далее, — однако ты, не ведая того, остался в том, которое не завершилось. Тебя ничего не тревожит: тебе кажется, что жизнь идет как всегда — ты не подозреваешь, что все еще пленник того дня, который продолжается где-то. И лишь просыпаясь в холодном поту и с рукой у тоскующего сердца, ты чувствуешь странное — что доживаешь во сне что-то из прошлого.

Я усиленно начинаю вспоминать тот день и опять не вижу ничего из ряда вон выходящего. Но что же тогда так обожгло? Мне нужно разобраться, иначе не успокоюсь. Все по порядку.

...Это был один из многих неудачных тех дней, я искал по городу работу. Помню, пришел по объявлению в какой-то подвал с одним лишь вопросом: о какой работе идет речь? Здесь собралась целая толпа народа, и все хотели знать то же. Никто не удивился, когда нам объявили, что если мы хотим зарабатывать настоящие деньги, то не обязательно знать, что за работа. Логично? Тогда освободись от ложного стыда! Скоро сам все увидишь и научишься на месте. Поверь в себя, и ты будешь зарабатывать.

Большинство, не поверившее в себя, молча разошлось, по-деловому, на ходу вычеркивая из своих потрепанных газет адрес этого дома. Оставшихся же разбили на кучки и подкрепили к ним «наставника».

Сначала была железная дорога, затем промышленный подмосковный город. Нас всего четверо во главе с сорокалетним мужчиной очень маленького роста и

с симферопольским акцентом. В его руках две большие сумки. Мы наблюдаем, как он ходит по учреждениям и сбывает дешевый мелкий товар: наборы иголок с позолоченными ушками, искусственные розы с зажигающимися бутонами, китайские электробритвы, складные фены и многое другое.

Рядом со мной, покашливая, бредет пятидесятилетняя бывшая актриса, чуть впереди, почему-то в легких летних туфлях, парнишка лет двадцати со справкой об освобождении из заключения. Напрягаю память и вижу: он в кожаной кепке и куртке, с них стекают ручейки воды — и тут же чувствую боль в глазах — это дунуло мокрым снегом. Слышу, как парень надоедливо чиркает и чиркает зажигалкой в кармане.

— Актер, — говорит актриса, горько усмехнувшись, — человек подневольный. Во всем зависимый от режиссера... Карьера? Да что карьера... Я поздно приехала в Москву, да еще и дочь родила. В паре фильмов снялась, на третьем плане, больше ничего. Еще, правда, сама выпустила один детский радиоспектакль...

Закрываю глаза и вижу: мы все бредем и бредем. У актрисы заляпанные грязью сапоги (иногда все-таки приходится идти по обочине), наверняка худые, и ноги давно мокрые. Еще перед глазами почему-то кружится двухрублевая монета. Не могу вспомнить, к чему бы это? Немая монета.

— У нас с вами, в общем-то, похожие профессии, — деловито говорит симферополец, обращаясь к актрисе, — вы готовите роль, а я свой спич. Видели, как я на дровяном складе со сторожами разговаривал? Подходишь к человеку и сразу начинай прессинг, главное, не давай ему опомниться, выложи перед ним весь товар, убеди его, что он ему нужен, он его уже купил и — клади деньги в карман. Подумайте только, за каких-то пять минут я заработал шестьдесят тысяч. У вас получится. Должно получиться.

Парень со справкой зевнул и зачиркал зажигалкой, а актриса еще горше усмехнулась:

— Черт возьми, как хочется иногда просто взять в руки обыкновенную швабру и драить, драить... тоже ведь работа.

После этих слов она оглядела нас всех с улыбкой бессилия. Никто ничего не сказал. Так мы шли еще

какое-то время, внимательно смотря себе под ноги и спрятав руки в карманы. Вдруг освободившийся ни с того ни с сего начал рассказывать историю о том, как нелепо он сел. Причем сразу начал с такой интонации, точно отвечал на вопрос, и казалось, что исповедуется он уже не в первый раз. Рассказывал почему-то смеясь, скалясь во все стороны, будто речь шла о каком-то веселом шепутном празднике, на котором он ох как показал себя, правда (с кем не бывает?), малость перестарался. Однако рассказ получился коротким и несодержательным. Короче, устроился он охранником в магазин радиоаппаратуры, работал, работал, да потом сам же свой магазин и ограбил.

Думаю, всем хотелось после этого пожать плечами, да из вежливости воздержались. Парень же, не прочтя на наших лицах никакого одобрения, вдруг сник и через минуту сказал:

— Глупо, конечно.

Наконец, мы добрались до какого-то придорожного кафе в облезлых порыжелых елках, какие часто можно встретить у постов ГАИ. Автостоянка была заставлена фургонами и рефрижераторами. У автомойки с единственным насосом прохаживался, зевая, мойщик в резиновых сапогах.

— Вот тоже хлебное место,— сказал наш командир, останавливаясь и с облегчением ставя сумки у ног,— здесь дальнбойщики перекантовываются. Тепе-ерь...— он осмотрел наш небольшой отряд и подозвал меня.— Ты пойдешь со мной. Постажируешься.

В тесном помещении сидели два дальнбойщика, ели пельмени и, помню, спорили о том, как лучше замачивать шашлык: в прокисших помидорах с луком или же в пиве. Тут-то наш симферопольский командир и встрял ловко в разговор, блеснув кулинарными познаниями, особенно в украинской кухне. И как только ничего не подозревавшие шофера расслабились, внимательно слушая, он в мгновение ока выложил на стол позолоченные ложечки и вилочки, затем набор иголок, походный фен, роза не хотела зажигаться, но тоже была со всею виртуозностью пущена в ход. Пошел спич.

Мне стало скучно, я повернулся к зеркалу и оглядел себя: весь мокрый, кончик носа покрасневший, под глазами синяки, и еще ужасно, оказывается, не-

брит, на лице написано: «Так и знал, что мне опять не повезет с работой».

Когда мы покинули ошалевших и ограбленных шоферюг и, стараясь идти не спеша, с достоинством, вышли из кафе, к нам подошел парень со справкой и сказал:

— Я тут подумал... в общем, пойду я. Эта работа не для меня.

— Да и мне не по душе,— поддержала актриса.

— Как же так? Почему? — удивился симфероплец.— Вот смотрите, я же еще заработал деньги за каких-то десять минут! — И он стал тыкать в нас свернутыми в трубочку деньгами.

— Я тоже, пожалуй, пойду,— сказал я.

— Ну хоть кто-нибудь останьтесь! — отчаянно воскликнул наш наставник.

Мы промолчали. Он развел руками, повернулся и ушел, даже не простившись: сутулые плечи, градинки дробью стучат по куртке из искусственной кожи. Мы не стали смотреть ему вслед и не задавались вопросом, куда он мог идти? Хотя было бы интересно знать: ведь он направился по дороге, которая шла через бескрайнее картофельное поле, ни одного дома в пределах видимости, ни одного поворота. Куда он нес свои иголки, никто из нас уже никогда не узнает.

На станции выяснилось, что у бывшей актрисы нет денег на обратную дорогу, она собиралась ехать зайцем и нервно курила... Все! Вспомнил, откуда эта двухрублевая монета. Ведь я купил ей билет. Еще я только что вспомнил, что на ней был довольно потрепанный головной убор в виде котелка с круто заломленными полями. Освободившись и вовсе не беспокоился ни о каком билете, опять доставал свою справку и хвалился, что с ней он может ездить сколько хочешь и куда угодно, поскольку по закону считается лицом, добирающимся до места проживания по отбытии срока. Он даже развернул справку и показал нам ее издалека: обычная потрепанная бумажка с расплывшейся печатью.

Мы вернулись в город, сели на поезд в метро. Парень со справкой все не хотел с нами расставаться, на каждой станции спрашивал: «Вы еще не выходите?» Мы устали отвечать ему: «Нет, нам еще далеко». Он

говорил: «В общем-то мне еще не скоро делать пересадку». Мы недоуменно молчали. Когда, наконец, он все-таки решил выходить, то так долго отпускал наши руки, что еле успел выскочить из вагона, когда закрывались двери.

С актрисой мы доехали до станции «Кунцевская» и, попрощавшись, сели в разные автобусы. Вот и все. Остается добавить только, что я тогда сильно устал, очень хотел домой, и мне было не до чего.

И вот только сейчас я чувствую, что мы слишком уж легко расстались.

Странная штука память. Почему мне все-таки так болезненно вспомнился тот совсем безболезненный, обычный пасмурный мартовский день? Ничего не случилось, я не совершил никакого подвига, не встретил ни одной красивой женщины, даже и работу не нашел. Ничем не примечательный день. Наверное, все это блажь. Просто расшатались нервы. Нужно поскорее обо всем забыть. Тот день давно уже прожит, и хватит об этом.

Я подхожу к окну и смотрю, как люди идут по первому снегу. Боже мой, всего полтора месяца, всего каких-то полтора месяца, и откроется елочный базар вон у того дома. С чисто практической целью я пытаюсь вспомнить, как я готовился к Новому году: чем запасался? Что закупал? Однако опять возвращаюсь мыслями в тот день, он не выходит у меня из головы. На сей раз мне вспомнился эпизод совсем маленький, быть может, самый ничтожный. У меня по дороге кончились сигареты, я попросил подождать и побежал через улицу к табачному киоску. Очередь показалась мне бесконечной, хотя стоять пришлось всего минуты две. И вот я спешу обратно, а те трое, такие разные, стоят на другой стороне дороги, ждут и улыбаются мне...

М. Лежнева

Не путайте династий!

Решила я на работу устроиться, не на ту, конечно, где я сейчас маюсь — рыб из компьютера на бумагу перевожу, — на другую. Дозвонилась, договорилась. А вообще, я художница, чтоб вы знали. Ну, как всегда, подрабатывать приходится, вот решила в издательстве по-

работать. «Терра» — чем не издательство? Иллюстрации все же ближе к искусству, чем календари.

По знакомству я получила телефонную аудиенцию у самой Антуанетты Петровны, назовем ее для пущей важности — Три Точки. Так вот и так, рассказываю ей. Полиграф закончила, работу ищу, есть несколько набросков к «Альтисту Данилову» Орлова, к сказкам Пушкина, некоторым романам Тургенева. Она кивает, там, я даже по трубке чувствую, что кивает, и изрекает: «Вас я, Наденька, конечно, совсем не знаю, но раз вы поддержкой Коленьки заручились, точнее, Коленькиного папы, привозите ваши работы показать. Скажем... скажем, в субботу».

«Спасибо!!! Ой, в субботу? В субботу я не могу. Я на дачу еду. Мне надо на дачу ехать, маме грядки прополоть (дело весной было)».

«Ну так в понедельник утром в издательство приходите».

«Не могу, с дачи в понедельник электрички почти не ходят, я только во второй половине дня выберусь оттуда. У меня дача далеко, знаете, аж за Загорском, то есть Сергиевым Посадом...»

«Понятно, понятно, — говорит, — что ж, в другой раз».

И что-то показалось мне, будто я ей не очень понравилась. Ну да ладно, думаю. А вечером Николай звонит и вместо приветствия:

— Ты что, с ума сошла? Три Точки с тобой встречи назначает, а ты отказываешься. Не на свидание идешь!

Я как-то и не готова была к таким обвинениям:

— Да ты чего ругаешься, что ж я могу поделаться, что надо на даче грядки копать?

— Тебе, я не понял, что важнее: грядки или творчество?

— Творчество, конечно.

— Тогда звони немедленно в «Терру» и...

— Я правда, Коля, не могу. Ты не вздыхай. Ты знаешь, давай я с ней в метро в пятницу встречусь.

— В метро, с Тремя Точками? Ты что, смеешься? Меня отец в порошок сотрет! Он, конечно, крутой босс, но и Антуанетта не просто так, главный редактор все ж таки.

— Извини, извини. Ни в коем случае. Это я предложила не подумав...

— Ладно, устрою я тебе встречу в метро. Но...
— Может быть, все же не стоит?!
— Стоит-стоит... только знаешь, что я тебя попрошу: не надевай эту свою ультразеленую кофточку декольте. Антуанетта любит скромно и со вкусом. Ладно? Не обижаешься? Целую, люблю.

Я со вздохом положила трубку. «Скромно и со вкусом,— размышляла я.— Как ты еще меня плохо знаешь, Коля! Господи, что же я надену? Что? Кофту с декольте нельзя — и очень хорошо; где бы я сейчас Наташку искала, она сама ее не снимает и мне даст всегда со скрипом. Что ж, пороюсь в шкафу, может, что-нибудь найдется?!»

В шесть часов я должна была стоять посреди станции «Новокузнецкая» с папкой этюдов под мышкой, что я и выполнила в точности. Одета я была великолепно: новый вязаный белейший свитер с горлом, правда, чуть с пятнами от краски, от апельсина, от какой-то еды, но отмывать их уже было некогда; длинная черная бархатная юбка, собирающая на себя все, что попадает на пути, словно пылесос; и берет на голову, чтобы подчеркнуть свою принадлежность к нашему брату художнику.

Опозданиями я не страдаю, а вот она, видимо, хронически больна, потому что уж двадцать минут стою, тридцать уже — никого. Необязательный человек эта Три Точки. Расстроилась я так, знаете. Очень расстроилась. Все-таки творчество важнее грядок. Не понравилась я ей,— решила я и вместо дачи домой поехала. Приезжаю, первым делом за телефон, Коле жаловаться. А он на меня на бедную как набросится:

— Где ты была? Мы с Тремя Точками тебя полтора часа прождали...

— Где, где! Там была, стояла час. Расстроилась, ушла. Может, мы как-нибудь не встретились?

— Как не встретились? Она в конце станции на лавке сидела, а я туда-сюда бегал. Тебя — ни в середине, ни в конце, ни в начале, ни с какой стороны! Ты соображаешь, в какое ты меня положение ставишь?

— Коля, я там была! Стояла! Ждала! Нервничала! Я думала, она забыла...

— Ах, как это я вас там не заметил. Скажи лучше, что проспала. А то еще придумаешь что-нибудь, вро-

де Кузнецкий мост еще не раскопали и нам негде встречаться, подождем, пока выроют!

— При чем здесь Кузнецкий мост?

— Надя, мы вчера договорились встретиться на станции «Кузнецкий мост» в Московском метрополитене ровно в шесть часов.

— Как же «Кузнецкий мост», Коля, когда «Новокузнецкая». — И голос мой дрогнул. Я не выдержала.

— Надь, ты что?.. Не плачь... Ну, не плачь, пожалуйста. Не огорчайся ты так. Уломаю Три Точки и сам за руку тебя приведу к ней. Не плачь. Я сейчас к тебе приеду.

— Нет,— выговорила я,— я сама теперь к ней не пойду. Приезжай, ладно?

В понедельник я робко набирала номер издательства. Сердце колотилось, руки потели, голос отказывался выговаривать слова. Антуанетта Петровна со строгой снисходительностью сообщила, что все-таки согласна посмотреть мои этюды. Мы договаривались о дне и часе.

— О, как вам будет удобно,— расстилалась я,— не беспокойтесь, теперь-то я точно ничего не перепутаю. Может быть, во вторник, ЕЛИЗАВЕТА Петровна?

— Не путайте династий,— процедила Антуанетта и повесила трубку, в этот раз, видимо, навсегда.

Домашних своих я попросила сказать Коле, что меня нет, что я уехала из Москвы.

Так я и не устроилась в «Терру».

В. Солоухин

Камешки на ладони

* * *

В Японии группу туристов привезли на место, с которого открывался прекрасный вид на гору Фудзи-яма, и сказали, что автобус придет через два часа.

— Что же здесь делать два часа? — возмутились туристы.— Существует же программа.

— Да,— вежливо ответили японцы.— По программе с 9 до 11 часов запланировано любование.

* * *

Принято на могильных плитах соединять короткой черточкой две даты: родился — умер. Чаще всего в

этом заключается непреложная, хотя и зловещая справедливость.

Но есть люди, для которых такой порядок вещей как бы не правомочен. Люди эти живут, хотя погребены. Так и хочется, чтобы на их могилах стояла одна только дата — дата рождения, а черточка соединяла бы эту дату просто со временем, просто с миром.

* * *

Я бы никогда не спрашивал про стихи — о чем они?

Я бы скорее спрашивал — что в них?

* * *

Природа прекрасна. Но все же нетрудно заметить, что лучшие картины, изображающие природу, обязательно имеют какую-нибудь черту человеческой деятельности: прясло, мостик, тропинку, церковный крестик.

* * *

Пролетел самолет. Какой? Один говорит — «биплан», второй — По-2, третий — «кукурузник», четвертый — «двукрылый». А тетя Маша Пономарева говорит: «Да вот с городьбой-то...»

Дело в том, что процесс тут односторонний. Тетя Маша, приобретя грамотность и некоторую культуру, может говорить По-2 и даже «биплан». Но тот, кто уже говорит «биплан», никогда не скажет про самолет, что он «с городьбой». Грустно, что все тети Маши научатся в конечном счете говорить «биплан».

* * *

Нельзя к цветку в виде дополнения подвесить шуруп. Нельзя к нитке жемчуга на женской шее присоединить в виде подвесок канцелярские скрепки. Нельзя к слову «дворец» присоединить слово «бракосочетаний».

Объяснить, почему этого нельзя делать, тоже нельзя. Дело сводится к языковому слуху, ко вкусу, к чувству языка, а в конечном счете к уровню культуры.

* * *

Говорят: часто уезжая из Москвы, уединяясь среди природы, малолюдья, можно многое прозевать, например новинку кино, премьеру спектакля, вернисаж,

интересное застолье, важное совещание, раков в писательском ресторане...

Но самая большая потеря — прозевать мысль. В Москве прозевать как раз легче всего. В одинокой аллее Карачаровского парка, если уж она мелькнет, ее ни в коем случае не прозеваешь.

* * *

Всякий перевод с другого языка есть литературное донорство. Но почему перевод стихов более донорство, чем перевод прозы?

Дело в том, что слова сплавляются в стихотворную речь при более высокой температуре, нежели в прозаическую фразу. Значит, для того чтобы переводить стихи, нужно до более высокой температуры разогреть свои рабочие горны.

* * *

Бунин и Куприн, уехавшие за границу, не принадлежали, однако, к писателям, для которых годилась и гидропоника. Им нужна была почва, земля, притом родная земля.

Когда растение выдернуто из почвы, остаются на корешках комочки материнской земли. Эти-то комочки и питали, пока могли, творчество Бунина и Куприна. Но растения были сильные, жадные до земли и влаги, им требовались не комочки, а весь черноземный пласт. Они хирели и гибли.

* * *

В приключениях барона Мюнхгаузена участвует бегун, который, чтобы не бегать очень быстро, привязывает к ногам пудовые гири.

Я мечтал написать венок сонетов и написал его. Закончив эту работу, я почувствовал себя как мюнхгаузенский бегун, снявший гири с ног. Легкость-то какая! Рифмуй как хочешь, строчки чередуй как хочешь, а хочешь, вообще не рифмуй и не чередуй. Но зато вдруг растерянность: не знаешь, куда бежать.

* * *

Каждый человек с его индивидуальной судьбой, словно камешек на морском берегу. Двух одинаковых не найдешь. И хотя все вместе они есть масса,

галька, и для каких-нибудь строительных нужд можно черпать ковшем экскаватора, исчисляя на тонны, все же каждый камешек про себя знает, что он есть отдельный, самостоятельный камешек, что он сам по себе: этот в розовых прожилках, тот прозрачен, этот, хоть и сер, но уникален сквозной дырочкой в нем, этот черен, как агат. А ведь бывает и вправду агат.

* * *

Литературная книжная речь должна быть литературной и книжной в отличие от разговорной речи. Возьмите прозу Лермонтова и Пушкина, Гоголя и Тургенева, Толстого и Чехова — она чиста, строга, хрустальна, я бы даже сказал, изящна. Притом что никто из них не чурался разговорного словечка, диалекта, архаизма, просторечия... Такое слово, употребленное с толком, всегда украсит книжную речь писателя. Нарочитость же в литературе, как и во всяком деле, остается нарочитостью.

Можно представить себе человека с цветком в петлице, но выглядел бы нелепо человек, сплошь утыкавший свой костюм цветами.

* * *

В английском парламенте один оратор устроил остальным членам парламента своеобразную остроумную ловушку. Обсуждался вопрос о молодежи. Оратор огласил с трибуны четыре высказывания разных людей о молодежи. Вот они, эти высказывания:

1. Наша молодежь любит роскошь, она дурно воспитана, она насмехается над начальством и несколько не уважает стариков. Наши нынешние дети стали тиранами, они не встают, когда в комнату входит пожилой человек, перечат своим родителям. Попросту говоря, они очень плохие.

2. Я утратил всякие надежды относительно будущего нашей страны, если сегодняшняя молодежь завтра возьмет в свои руки бразды правления, ибо эта молодежь невыносима, невыдержанна, просто ужасна.

3. Наш мир достиг критической стадии. Дети больше не слушаются своих родителей. Видимо, конец мира уже не очень далек.

4. Эта молодежь растленна до глубины души. Молодые люди злокозненны и нерадивы. Они никогда не будут походить на молодежь былых времен. Молодое поколение сегодняшнего дня не сумеет сохранить нашу культуру.

Все эти изречения о молодежи, о грозящей гибели культуры, о безнадежном будущем были встречены в парламенте аплодисментами. Тогда оратор раскрыл карты. Оказывается, первое изречение принадлежит Сократу (470—399 год до нашей эры), второе — Гесиоду (720 год до нашей эры), третье — египетскому жрецу (2000 лет до нашей эры), а четвертое найдено в глиняном горшке в развалинах Вавилона, а возраст горшка — 3000 лет.

Получилось в парламенте очень эффектно и даже смешно. Однако все эти культуры и правда погибли. И горшок найден, увы, среди развалин Вавилона, а не в процветающем городе.

* * *

Литературная книжная речь должна быть литературной и книжной в отличие от разговорной, каким бывает вечернее, праздничное платье в отличие от повседневной рабочей одежды.

Конечно, вовсе не значит, что, сняв рабочую куртку, я должен нарядиться в павлиньи перья. Но все же моя выходная одежда должна быть более продуманной, строгой, стильной, а главное, более чистой, нежели та, в которой я только что копал землю, собирал грибы, косил траву, дежурил у нефтяной скважины.

М. Светлов

* * *

Никому не причиняя зла,
Жил и жил я в середине века,
И ко мне доверчивость пришла —
Первая подруга человека.

Сколько натерпелся я потерь,
Сколько намолчались мои губы!
Вот и горе постучалось в дверь,
Я его как можно приголубил.

В вечность проплывет мое лицо,
Ни на что, ни на кого не глядя,
И ребенок выйдет на крыльцо,
Улыбнется: — До свиданья, дядя!

* * *

Окно выходит в белые деревья.
Профессор долго смотрит на деревья.
Он очень долго смотрит на деревья
и очень долго мел крошит в руке.
Ведь это просто —

Забыл —
подумать —
правила деления.

Мы все сидим сегодня по-другому
И слушаем и смотрим по-другому,
да и нельзя сейчас не по-другому,
и нам подсказка в этом не нужна.
Ушла жена профессора из дому.
Не знаем мы,

В костюме и немодном и не новом, — как и всегда, немодном и не новом, да, как всегда, немодном и не новом, спускается профессор в гардероб.

Где же этот номер?

что среди них его не разглядишь.

* * *

не с теми ходит где-то

и тоже понимает это,
и наш раздор необъясним,
и оба мучаемся с ним.
Со мною вот что происходит:
совсем не та ко мне приходит,
мне руки на плечи кладет
и у другой меня крадет.
А той —

скажите, бога ради,
кому на плечи руки класть?
Та,

у которой я украден,
в отместку тоже станет красть.
Не сразу этим же ответит,
а будет жить с собой в борьбе
и неосознанно наметит
кого-то дальнего себе.
О, сколько

нервных
и недужных,
ненужных связей,
дружб ненужных!
Во мне уже осатаненность!
О, кто-нибудь,
приди,
нарушь
чужих людей соединенность
и разобщенность
близких душ!

Е. Рейн

Монастырь

...Как Волги вал белоголовый
Доходит целый к берегам!

Н. Языков

За станцией «Сокольники», где магазин мясной
И кладбище раскольников, был монастырь мужской.
Руина и твердыня, развалина, гнилье —
В двадцатые пустили строенье под жилье.
Такую коммуналку теперь уж не сыскать.
Зачем я переехал, не стану объяснять.

.....

Шел коридор верстою, и сорок человек,
Как улицей Тверскою, ходили целый день.
Там жили инвалиды, ночные сторожа,
И было от пол-литра так близко до ножа.
И все-таки при этом, когда она могла,
С участием и приветом там наша жизнь текла.
Там зазывали в гости, делились рублем,
Там были сплетни, козни, как в обществе любом.
Но было состраданье, не холили обид...
Направо жил Адамов, хитрющий инвалид.
Стучал он рано утром мне в стенку костылем,
Входил, обрубком шарил под письменным столом,
Где я держал посуду кефира и вина,—
Бутылку на анализ просил он у меня.
И я давал бутылки и мелочь иногда,
И уходил Адамов. А рядом занята
Рассортировкой семги, надкушенных котлет,
Закусок и ватрушек в неполных двадцать лет
Официантка Зоя, мать темных близнецов.
За нею жил расстрига Георгий Одинцов.
Служил он в гардеробе издательства Гослит
И был в литературе изрядно знаменит.
Он Шолохова видел, он Пастернака знал,
Он с Нобелевских премий на водку получал,
Он Юрию Олеше галоши подавал,
Но я-то знал: он тайно крестил и отпевал.
Но дело не в соседях, типаж тут ни при чем,—
Кто эту жизнь отведал, тот знает что — почем.
Почем бутылка водки и чистенький галюн.
А то, что люди волки, сказал латинский лгун.
Они не волки. Что же? Я не пойму, Бог весть.
Но я бы мог такие свидетельства привести,
Что обломал бы зубы и лучший богослов.
И все-таки спасибо за все, за хлеб и кров
Тому, кто назначает нам пайку и судьбу,
Тому, кто обучает бесстыдству и стыду,
Кто учит нас терпению и душу каменит,
Кто учит просто пенью и пенью аонид,
Тому, кто посылает нам дом или развал
И дальше посылает белоголовый вал.

«...И в дальний путь
на долгие года...»

Через одну личность сред-
них лет вы получите большую
радость. Совершайте начатое
дело. В трудный час вам по-
могут.

Из гадательного билета

Мне морская свинка нагадала
Ровно тридцать лет тому назад
Где-то у Обводного канала,
Где вокзал и где районный сад.
Там по воскресеньям барахолка
Составляла тесные ряды,
В тех рядах я разбирал подолгу
Модернистов ветхие труды.
Мне там попадались: Северянин,
«Аполлон», «Весы», «Гиперборей»...
И томился вечер у окраин
Петроградской юности моей.
Торговали книгами, играли
В карты и крутили патефон,
Там-то мне как раз и нагадали
Долгий путь под гулкий перезвон
Довоенных джазиков гавайских,
Медленного «Танго соловья»...
Белой ночью и в потемках майских
На дорогу эту вышел я.
«Совершайте начатое дело,
Кто-то вам поможет в трудный час».
И печально свинка поглядела,
Рафинад поймала, изловчась.
Видно, что-то знала эта свинка,
Только не хотела рассказать...
И вопила старая пластинка,
Что пора бы руки нам пожать.
Это пел неугомонный Козин,
И гремел разболтанный трамвай.
Помню я, как, весел и серьезен,
Веял кумачами Первомай.
Помню я, что навсегда приметил
Эту свинку и ее совет.

Никогда никто мне не ответил,
Угадала свинка или нет.
Кто помог мне в бедный, пылкий, трудный,
В три десятилетия долгий час?
Может быть, от свинки безрассудной
Вся моя удача началась?
Белой ночью, сумрачною ранью
Дешево купили вы меня,
И лежит билетик ваш — гаданье
В книге Михаила Кузмина.

Ю. Кузнецов

Распутье

Поманила молодость и скрылась.
Ночь прозрачна, дума тяжела.
И звезда на запад покатилась,
Даль через дорогу перешла.

Не шумите, редкие деревья,
Ни на этом свете, ни на том.
Не горите, млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

Через дом прошла разрыв-дорога,
Купол неба треснул до земли.
На распутье я не вижу Бога.
Славу или пыль метет вдали?

Что хочу от сущего пространства?
Что стою среди его теснин?
Все равно на свете не остаться.
Я пришел и уйду — один.

Прошумели редкие деревья
И на этом свете, и на том.
Догорели млечные кочевья
И мосты — между добром и злом.

12 июня 1977

Ложные святыни

Вокруг индустриальные пустыни,
Ловушки быта расставляет век.
Легко ты принял ложные святыни,

Рассеянный и гордый человек.
От двух из них заходит ум за разум.
Вот ты стоишь у Вечного огня,
Как перс-язычник пред горящим газом
Стоял когда-то, голову склоня.
Гляди, чего на свете не бывает!
Огонь потух: подвел газопровод.
Сухой снежок горелку замечает,
И по домам расходится народ.
Увы, ничто не вечно под луной,
И твой огонь не вечный — и земной...

А вот другой обман перед глазами,
С почетным караулом и цветами.
Могила Неизвестного солдата —
К нему приходят люди на поклон.
Его покой велик и место свято.
Но почему он имени лишен?
Кому он неизвестен? Близким людям?
Сиротам? Овдовевшим матерям?
О Боге все говорить не будем,
Он знает всех и вся по именам.
Тут сатана, его расчет холодный:
Заставить нас по нашей простоте
Стирать черты из памяти народной
И кланяться безликой пустоте.

18 января 1988

* * *

Шел старик по глухой стороне
И за ветер держался.
— Где ты был? — На гражданской войне,
Перед Богом сражался.
— А поведай, на чьей стороне
Ты сражался-держался?
— Я не помню, — ответил он мне. —
Но геройски сражался.

1991

Последний человек

Он возвращался с собственных поминок
В туман и снег, без шапки и пальто,
И бормотал: — Повсюду глум и рынок.

Я проиграл со смертью поединок.
Да, я ничто, но русское ничто.

Глухие услышали человека,
Слепые увидали человека,
Бредущего без шапки и пальто.
Немые закричали: — Эй, калека!
А что такое русское ничто?

— Все продано, — он бормотал
с презрением, —

Не только моя шапка и пальто.
Я уйду. С моим исчезновеньем
Мир рухнет в ад и станет привиденьем —
Вот что такое русское ничто.

Глухие человека не слышали,
Слепые человека не видали,
Немые человека замолчали,
Зато все остальные закричали:
— Так что ж ты медлишь, русское ничто?!
20 декабря 1994

А. Замостьянов

Двадцатый век

Смутный мир раскачивался бурно.
Старый мир на карточке поблек.
Костью в горле Екатеринбург
Поперхнулся распроклятый век.
От слюнявых, от губных касаний
Древний образ бесом опален.
Русская поэзия Кассандрой
Молча уходила во полон.
Выросли идеи, как волчата,
Колыбель чудовищу мала.
Восемнадцатый!
Девятнадцатый!
Двадцатый! —
Заварилась красная смола.
В воздухе прокуренном и спертом
Кажется, что ты давно погиб,
Кажется искусством или спортом
Смерти гимнастический изгиб.
От священных птиц летели перья.

Ликом вниз — в булыжники слезой.
Эра зверя, черного безверья,
Чертова эпоха — кайнозой!
Пепелище черного столетья —
Желтый дом в коричневом дыму.
Пепелище черного столетья,
Жгучие огарки подниму.
Только толпы, только клика, свора —
Современный нынешний герой.
Старый хищник, ты как будто снова
Подавился косточкой гнилой!

1994

В. Степанцов

Бухгалтер Иванов

Луны ущербный лик встает из-за холмов,
в лесу продрогший фавн играет на сопелке.
Упившийся в дугу бухгалтер Иванов
бредет сквозь лес к своей летающей тарелке.

Он не бухгалтер, нет, он чужезвездный гость,
застрявший навсегда среди российских весей,
он космолет разбил, и здесь ему пришлось
всерьез овладевать нужнейшей из профессий.

В колхозе «Путь зари» нет мужика важней,
в колхозе у него участок и домина,
машина «Жигули», курятник, шесть свиней,
жена-ветеринар и прочая скотина.

Чего еще желать? Казалось бы, живи,
работай, веселись, культурно развивайся,
читай «Декамерон», смотри цветной TV,
а то в облдрамтеатр на выходной смотайся.

Но нет, грызет тоска инопланетный ум,
обилие скота не радует, не греет,
искусство и TV не возбуждают дум...
Бухгалтер Иванов пьет водку и звереет.

Как волк голодный, он в полночный небосвод
вперяет иногда тоскливые гляделки
и, принявши стакан, потом другой, идет
к запрятанной в лесу летающей тарелке.

Укрытые от глаз ветвями и землей,
останки корабля покоятся в овраге,
куда упал со звезд когда-то наш герой,
сломав хребет своей космической коняге.

И плачет Иванов, и воет, и рычит,
пиная сапогом проклятую планету.
И, глядя на него, Вселенная молчит,
лишь одинокий фавн играет тихо где-то.

Л. Скворцов

О Тугодуме и языке газет, в котором чего только нет

Язык не обращайтесь в склад
Слов иностранных и цитат.
Кто в языке не патриот,
Пусть нашу басенку прочтет
И кое-что на ум возьмет:
В ней поучительный сюжет
Для авторов иных газет.
Однажды некий Тугодум
Раскрыл газету наобум
И ничего понять не мог,
Читая вдоль и поперек:
«Коррупция», «номенклатура»,
«Импичмент», «бартер», «синекура»,
«Консенсус» и «приоритет»,
«Маркетинг», «спонсор», «паритет»,
«Консолидация» и «брифинг»
И даже — «эксклюзивный митинг»!
Закрыв газету Тугодум,
Исполненный глубоких дум
(Ведь мелкою не может дума
Быть в голове у Тугодума!)
И мы, без спешки и без шума,
Пройдем по мыслям Тугодума:
«Неужто бедный наш язык
Так к иностранщине привык,
Чтобы не смог найти замен
Для «имиджей» и «ноумен»,
Для «мэнеджера», «паблисити».
Ну, словом, для чего хотите.

Всю лексику чужую эту
 Никак нельзя пускать в газету:
 Ее никто читать не сможет
 И с гневом в сторону отложит!»...
 Тут с Тугодумом я согласен,
 Хоть мыслей путь его — опасен:
 Ведь если пренебречь газетой,
 Как разобраться в жизни этой? —
 Как нам узнать, поутру встав,
 Кто нынче прав, а кто — не прав?
 Кого в политике клюют?
 Какой сегодня курс валют?
 Какая предстоит погода?
 И что теперь диктует мода?
 Как от куренья излечиться
 Или куда пойти учиться?
 На что нам проливает свет
 «Астрологический совет»?
 (Его без скромности без ложной
 Дают в газете молодежной.)
 И все ж газету мы, ей-ей,
 Хотим читать без словарей,
 Не превращая речь отцов
 В копилку иностранных слов!

Оставим басню без морали,
 Поскольку все мы вам сказали
 (И на примерах показали).
 Кто ж в языке не патриот,
 Того и басня не проймет!

1990

А. Тиматков

* * *

С каждым днем выпадало все больше росы,
 У меня отросли борода и усы,
 И частенько на них, как слюна у собак,
 Налипали песок, молоко и табак.
 Не раскрыв ни одной из захваченных книг,
 Я хотел завести наконец-то дневник,
 Чтоб укрепнуть и в нем пообжиться к зиме,
 И раскладывал длинные строки в уме.
 В отдалении тихо плескалась река,

Тяжело извивалась, ломалась строка,
 А потом по утрам холодать начало,
 И добавить, пожалуй, нельзя ничего.

* * *

Фонарь глядит продолговатым глазом:
 Ночь, улица, аптеки не видать,
 Бродячий пес просеменил, как тать,
 Калачиком свернулся под КАМАЗом.

И — дребезжа от ужаса простого,
 Товарный поезд с криком дикаря
 Несется за спиной у фонаря
 Куда-то прочь от Рождества Христова.

О. Нечаева

* * *

а ещё расскажи что бывают различные звери
 в основном за решёткой где их не погладишь рукою
 не прижмёшься щекой к нерасчёсанной шерсти ведь
 когти

наготове и острые вот и живут за решёткой

а крылатые знают летать и летают по небу
 и летят высоко а вот мы не умеем не можем
 разве только мы станем как дым впрочем это

возможно

ничего невозможного нет но не надо о грустном

а ещё есть такие какие живут в океане
 шевелят плавниками не думают помнить о солнце
 но плывут в глубине раскрывая великие тайны
 а по суше не ходят на суше им скучно и смертно

их великое множество я имена не припомню
 им понятнее речи простой человеческий выстрел
 всё летят и бегут и плывут и о нас позабудут
 может мы не нужны может быть только очень
 обидно

вот и твой невермор прилетел постучаться в окошко

Бабочка-книга

Словно первая бабочка мая,
Принесенная к людям в жилье,
На ладони твоей оживая,
Затрепещет вдруг сердце мое.

И, еще не поняв, что такое,
Пробуждаясь от смертного сна,
Я увижу лицо молодое,
Я почувствую: в мире весна.

Значит, край замогильный нам тесен.
Все стремится из мрака на свет.
Я воскресну в огне моих песен,
Только так воскресает поэт.

Эту жизнь до последнего мига,
Эту повесть любви и скорбей,
Знак бессмертия — бабочка-книга
Распахнет на ладони твоей.

Из Царского в Павловск

Из Царского в Павловск пешком я ходил
Дорогой теней из безвестных могил,
Путем поколений, что стали окрест
Безмолвной, древесной душой этих мест.
И в теплой листве, что текла без конца,
Я вдруг узнавал дорогие сердца:
Как будто разбужены мыслью моей,
Они с удивленных слетали ветвей...

Э. Балашов

Владелец сада

Когда вздыхают о короне:
Мол, должен царь сидеть на троне,
Когда торгующий мудрец,
Незыблемость провозгласивший,

Спешит за мздою во дворец,
Когда прозревшему слепец
Дорогу кажет, пса спросивши,
Когда себе в угодую царь,
Чтоб дни свои продлить без счета,
Не обновляет календарь —
Скорее открывай ворота!
Там мальчик маленький стоит.
Впустить его — твоя забота.
Ему, отдав и дом, и сад,
Служи, не требуя наград.
Как на вершок он подрастет,
Глубоко в землю трон уйдет,
Мудрец, торгующий живым,
Очнется псом сторожевым,
Недвижимости верный царь,
Остановивший календарь,
(Воистину, найдешь — что ищешь!)
Жить переедет на кладбище...

— Но как узнаю я его,
Владельца сада моего?
— Не ты, а он тебя найдет.
Тебя в твоём он сердце ждёт!

Н. Мирошниченко

Первое октября

«Октябрь уж наступил!» Какая нега
В его словах! Какой горячий пыл
В любой строке! За полчаса до снега
Октябрь уж наступил.

И канет в Лету тысячное лето.
И мы опять подумаем: он был
Таким ребенком и таким поэтом,
Что каждый год споткнуться нам на этом:
«Октябрь уж наступил».

Предисловие	3
Введение, или Что такое словесность	5
Материал словесности	18
Русский язык и разновидности его употребления	—
Стилистические возможности языковых средств	60
Формы и качества словесного выражения	80
Средства художественной изобразительности	98
Русское стихосложение	134
Произведение словесности	163
Понятие о тексте	—
Возможность различного словесного выражения одной темы	191
Композиция словесного произведения	227
Образ автора и образ рассказчика в словесном произведении	251
Видоизменения авторского повествования	273
Эстетическая функция языка в произведениях художественной словесности	296
Тексты для лингвостилистического анализа	310
<i>В. Распутин. Наташа</i>	—
<i>Е. Попов. Дома пусто</i>	319
<i>М. Шарапова. Идущие на солнце</i>	325
<i>С. Толкачев. Пришелец</i>	329
<i>А. Иванов. На другой стороне дороги</i>	337
<i>М. Лежнева. Не путайте династий!</i>	342
<i>В. Солоухин. Камешки на ладони</i>	345
<i>М. Светлов. «Никому не причиняя зла...»</i>	349
<i>Е. Евтушенко. «Окно выходит в белые деревья...»</i>	350
«Со мною вот что происходит...»	351

<i>Е. Рейн. Монастырь</i>	352
«...И в дальний путь на долгие года...»	354
<i>Ю. Кузнецов. Распутье</i>	355
Ложные святыни	—
«Шел старик по глухой стороне...»	356
Последний человек	—
<i>А. Замостьянов. Двадцатый век</i>	357
<i>В. Степанцов. Бухгалтер Иванов</i>	358
<i>Л. Скворцов. О Тугодуме и языке газет, в котором чего только нет</i>	359
<i>А. Тиматков. «С каждым днем выпадало все больше росы...»</i>	360
«Фонарь глядит продолговатым глазом...»	361
<i>О. Нечаева. «а еще расскажи что бывают различные звери...»</i>	—
<i>М. Лаврентьев. Бабочка-книга</i>	362
Из Царского в Павловск	—
<i>Э. Балашов. Владелец сада</i>	—
<i>Н. Мирошниченко. Первое октября</i>	363

Учебное издание

Горшков Александр Иванович

**Русская
словесность**

10—11 классы

**СБОРНИК ЗАДАЧ И УПРАЖНЕНИЙ
К УЧЕБНИКУ «РУССКАЯ СЛОВЕСНОСТЬ»**

Зав. редакцией *В. Л. СКЛЯРОВА*

Редактор *Л. М. РЫБЧЕНКОВА*

Художественный редактор *А. П. ПРИСЕКИНА*

Художники *А. С. ПОБЕДИНСКИЙ, А. С. ЮДКИН*

Технический редактор *Е. Н. ЗЕЛЯНИНА*

Корректоры *Н. В. БУРДИНА, О. А. ИЛЬИНСКАЯ,*

И. Н. ПАНКОВА, Г. Н. СМЕРНОВА

Налоговая льгота — Общероссийский классификатор продукции ОК 005-93—953000. Изд. лиц. Серия ИД № 05824 от 12.09.01. Сдано в набор 24.03.05. Подписано в печать 20.07.06. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура Петербург. Печать офсетная. Уч-изд. л. 17,4+0,79 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 14567.

Открытое акционерное общество «Издательство «Провещение». 127521, Москва, 3-й проезд Марьиной рощи, 41.

Отпечатано в ОАО «Саратовский полиграфический комбинат». 410004, г. Саратов, ул. Чернышевского, 59.

Рекомендуемая литература

Словари. Справочная литература

I

Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка.— М., 1998.

Аристова Т. С., Ковшова М. С. Словарь образных выражений русского языка.— М., 1995.

Ахманова О. С. Словарь омонимов русского языка.— М., 1986.

Баш Л. М. Словарь новых иностранных слов.— М., 1995.

Бельчиков Ю. А., Панюшева М. С. Словарь паронимов современного русского языка.— М., 1994.

Большой толковый словарь русского языка/Гл. ред. С. А. Кузнецов.— СПб., 1998.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. (Любое издание.)

Жуков В. П., Жуков А. В. Школьный фразеологический словарь русского языка.— М., 2006.

Квятковский А. П. Школьный поэтический словарь.— М., 1998.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов (с переводом этимологии и толкованием).— М., 1995.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов.— М., 1998.

Лапатухин М. С. и др. Школьный толковый словарь русского языка.— М., 1999.

Лекант П. А., Леденева В. В. Школьный орфоэпический словарь русского языка.— М., 2006.

Львов М. Р. Школьный словарь антонимов русского языка.— М., 2004.

Макаров В. И. Словарь лексических трудностей художественной литературы.— М., 1993.

Никонов В. А. Словарь русских фамилий.— М., 1993.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка.— М., 1994.

Рогожникова Р. П., Карская Т. С. Школьный словарь устаревших слов русского языка.— М., 2005.

Семенюк А. А., Матюшина М. А. Школьный толковый словарь русского языка.— М., 2006.

Сомов В. П. Словарь редких и забытых слов.— М., 1996.

Тихонов А. Н. и др. Словарь русских личных имен.— М., 1995.

Фелицына В. П., Мокиенко В. М. Русские фразеологизмы: Лингвострановедческий словарь.— М., 1990.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка.— М., 1997.

Школьный словарь иностранных слов/Под ред. В. В. Иванова.— М., 2005.

II

Ашукин Н. С., Ашукина М. Г. Крылатые слова. Литературные цитаты. Образные выражения.— М., 1998.

Ашукин Н. С. и др. Словарь к пьесам А. Н. Островского.— М., 1993.

Большой путеводитель по Библии.— М., 1993.

Гвоздарев Ю. А. Язык есть исповедь народа.— М., 1993.

Голуб И. Б., Розенталь Д. Э. Секреты хорошей речи.— М., 1993.

Голуб И. Б. Основы культуры речи. 8—9 классы.— М., 2005.

Горшков А. И. Русская словесность. 10—11 классы.— М., 2005.

Даль В. И. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сб.: В 2 т.— СПб., 1997.

Зимин В. П., Спирин А. С. Пословицы и поговорки русского народа: Объяснительный словарь.— М., 1996.

Мокиенко В. М. Загадки русской фразеологии.— М., 1990.

Мурашов А. А., Русецкий В. Ф. Культура русской речи. 10—11 классы.— М., 2005.

Николук Н. Библейское слово в нашей речи: Словарь-справочник.— СПб., 1998.

Русский язык: Энциклопедия/Гл. ред. Ю. Н. Караулов.— 2-е изд.— М., 1997.

Скворцов Л. И. Культура русской речи: Словарь-справочник.— М., 1995.

Скворцов Л. И. Экология слова, или Поговорим о культуре русской речи.— М., 1996.

Солганик Г. Я. От слова к тексту.— М., 1993.

Солганик Г. Я. Стилистика текста.— М., 1997.

Энциклопедический словарь юного филолога/Сост. М. В. Панов.— М., 1989.

Энциклопедия для детей.— Т. 10: Языкознание. Русский язык.— М., 1998.

Броцкий